

*Материалы
международной конференции:
«Демографическое образование
в 21 веке в странах СНГ, Балтии и
Восточной Европы»*

Претъи Валентеевские чтения

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА
Экономический факультет
Центр по изучению проблем народонаселения
Министерство труда и социального развития РФ

*Материалы
международной конференции:
«Демографическое образование
в 21 веке в странах СНГ, Балтии и
Восточной Европы»*

(18–20 сентября 2002 г., Москва, Россия)

*посвященной 80-летию со дня рождения профессора
Д.М. Валентея и 35-летию со дня основания кафедры
народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова*

**Москва
МАКС Пресс
2002**

ББК 60.7
Н 49

Материалы международной конференции «Демографическое образование в 21 веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы». М.: Экономический факультет МГУ, МАКС Пресс, 2002. — 308 с.

Настоящий сборник содержит доклады и тезисы профессоров, преподавателей и научных сотрудников, принявших участие в работе международной конференции «Демографическое образование в 21 веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы». Представленные материалы отражают современный уровень демографического образования и научных исследований в области народонаселения как в России, СНГ, так и других странах мира. Эти материалы будут полезны как для улучшения самого демографического образования, так и для эффективного решения демографических проблем в этих странах.

Публикуемые в сборнике материалы представлены в авторской редакции, и соответственно авторы несут ответственность за их достоверность.

Издание данных материалов осуществлено при финансовой поддержке Фонда ООН в области народонаселения.

ISBN 5–317–00529–9

© Коллектив авторов, 2002

Предисловие

Демографический кризис (значительное снижение рождаемости, резкий рост смертности и — как результат — естественная убыль населения, превышающая в последние годы 940 тысяч человек, уменьшение миграционного прироста до 70 тысяч в 2001 г., кризис института семьи — впервые в России в начале 2002 г. разводимость в стране в целом превысила брачность, ухудшение качества населения, сопровождаемое ростом табакокурения, алкоголизма, включая пивной алкоголизм, наркомании, распространение СПИДа и др.), переживаемый в настоящее время Россией, как и некоторыми другими странами СНГ и Восточной Европы, во многом обусловлен «демографической неграмотностью» нашего общества (включая рядовых граждан и, что особенно плохо, руководителей различных ведомств, министерств и регионов). В этих условиях роль демографического образования — начиная со средней школы и заканчивая различными курсами и семинарами для руководящего звена — приобретает чрезвычайно важное значение.

Вместе с тем неоднозначное понимание среди самих ученых и преподавателей современной демографической ситуации в России и соответственно причин и факторов ее обуславливающих лишь усугубляет положение в этой области. Все более остро ощущается нехватка квалифицированных кадров (собственно демографов, экономистов-демографов, демографов-социологов, журналистов и политологов, и др.), знающих основы демографии, понимающих закономерности демографических процессов, способных вести педагогическую деятельность, проводить грамотную демографическую экспертизу при решении различных экономических, политических, социальных, национальных и др. задач, как государственного (федерального) ранга, так и на уровне регионов, области, города. И это, собственно, закономерно, поскольку в огромной России, имеющей сотни вузов и тысячи школ, существует одна единственная кафедра народонаселения на экономическом факультете МГУ, которая вот уже 35 лет готовит демографов и экономистов-демографов. Нет подобных кафедр (институтов) и в других странах СНГ (заметим, что в б. СССР по существу только в МГУ и частично в МЭСИ велась подготовка демографов, в настоящее время остался только МГУ, где к кафедре народонаселения на экономическом факультете прибавилась кафедра социологии семьи на социологическом факультете).

Отсюда значимость проблемы — кто и как преподает те или иные демографические курсы, которые в настоящее время читаются в экономических, социологических, географических и др. вузах и факультетах. На наш взгляд, неграмотное преподавание демографических дисциплин может принести больше вреда, чем отсутствие этого преподавания!

Этим обусловлена и главная цель данной конференции — собрать из ведущих вузов всех регионов России, стран СНГ, Балтии и Восточной Европы, преподавателей и молодых исследователей, занимающихся в той или иной степени проблемами народонаселения, а также пригласить видных профессоров из-за рубежа с тем, чтобы ознакомиться с мировым опытом и главное выработать общие подходы к преподаванию демографических дисциплин, найти эффективные формы, используя, в частности, современные компьютерные возможности для дистанционного обучения, улучшения демографического образования на всех его уровнях и во всем его многообразии. Особое внимание при этом уделяется обсуждению вопросов междисциплинарного, комплексного подхода к изучению проблем народонаселения и их преподавания у экономистов и журналистов, социологов и историков, географов и биологов, актуариев и математиков и др., среди школьников и студентов, аспирантов и молодых ученых, государственных служащих и руководителей различных министерств и ведомств. Материалы конференции, представленные в данном сборнике, убедительно показывают необходимость междисциплинарного подхода к изучению проблем народонаселения.

Насколько наше общество в XXI веке будет демографически грамотным, настолько эффективно будут решаться экономические, социальные, политические, этнические и др. проблемы.

Впервые в современной России проводится подобная образовательная конференция на столь высоком представительном уровне и это лучшая дань памяти профессору Д.И. Валентею, создавшего в одном из ведущих вузов страны уникальную школу по подготовке высококвалифицированных специалистов в области рождаемости, смертности, миграции, семейно-брачных отношений, демографического прогнозирования, политики народонаселения, сформировавшего по сути систему демографического образования в стране (курсы ООН по демографии, спец. отделение по демографии для руководителей различных ведомств, в том числе отдельный поток для Министерства обороны, и др.), которая к сожалению после распада СССР также была разрушена. Думается, что воссоздание этой системы, возможно, на уровне стран СНГ — это веление времени.

Третьи Валентеевские чтения проходят в рамках подготовки к празднованию 250-летия основания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Финансовая помощь в проведении конференции была оказана ЮНФПА, Министерством труда и социального развития РФ и Институтом комплексных стратегических исследований.

В.А. Ионцев

СЕКЦИЯ 1

РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Архангельский В.Н., Москва

ИЗУЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: МЕСТО В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ И ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Демографические процессы, в значительной степени, определяются демографическим поведением населения. Уровень рождаемости, а, следовательно, во многом, и режим воспроизводства населения, является результатом репродуктивного поведения, а брачность и разводимость — матримониального. Самосохранительное поведение существенно влияет на уровень смертности. Следовательно, анализ этих демографических процессов, характера их детерминации, прогнозирование невозможны без комплексного углубленного изучения всех трех видов демографического поведения: репродуктивного, матримониального и самосохранительного. Несомненно, что и эффективность демографической политики, направленной на оптимизацию демографических процессов, будет во многом зависеть от адекватности осознания детерминации демографического поведения.

При исследовании проблем народонаселения в современной России важно выявлять и объяснять характер демографического поведения и механизмов его детерминации в изменяющихся социально-экономических и социо-культурных условиях.

Наряду с анализом влияния на демографическое поведение таких детерминант, как социально-демографические характеристики населения, условия жизнедеятельности, ценностные ориентации, экономическое поведение, религиозность, несомненный интерес представляет изучение взаимосвязи между самими видами демографического поведения: репродуктивным, матримониальным и самосохранительным.

Можно предположить существенное влияние матримониального поведения на репродуктивное. С одной стороны, отказ от вступления в брак или, по крайней мере, регистрация фактических супружеских отношений может быть вызван нежеланием создавать стабильную семью с долгосрочной, тем более, пожизненной перспективой. В этом случае, партнеры, скорее всего, не будут связывать себя детьми, по крайней мере, несколькими, ограничившись в лучшем случае одним ребенком. С другой стороны, поведение, которое может при-

вести к расторжению брака, тем более, провоцирующее его, также будет влиять на ограничение супругами числа детей в семье в связи с неуверенностью их в сохранении своего союза.

Вероятно, связь двух этих видов поведения имеет и обратную направленность — репродуктивное поведение влияет на матримониальное. Желание иметь относительно большее число детей, скорее всего, связано с ориентацией на устойчивость брачных отношений и поведение, максимально способствующее предотвращению распада брака.

Самосохранительное поведение и его результат — состояние здоровья — вероятно, оказывает определенное влияние на репродуктивное поведение. При этом речь идет не только о репродуктивном здоровье, но и о том, что характер самосохранительного поведения, состояние здоровья вообще может детерминировать такой мотив ограничения числа детей, как опасение затруднительности, невозможности вырастить, воспитать их, обеспечить всем необходимым из-за уже существующего плохого состояния здоровья или предположения, что оно может в обозримом будущем стать таковым в связи с неудовлетворительным самосохранительным поведением.

Еще более вероятным представляется влияние репродуктивных ориентаций на само-сохранительное поведение. Ориентация на рождение и воспитание относительно большего числа детей часто может стимулировать более активное самосохранительное поведение с целью дольше прожить и сохранить хорошее здоровье, чтобы вырастить детей, иметь возможность помогать им даже тогда, когда они станут взрослыми. Однако, с другой стороны, забота о большем числе детей, стремление обеспечить при этом достойное качество жизни семьи может приводить к серьезным нарушениям режима труда и отдыха и, как следствие, негативно влиять на состояние здоровья.

Плохое состояние здоровья может накладывать ограничения на возможности человека вступить в брак, делать его менее привлекательным брачным партнером. Противоположный результат может достигаться за счет хорошего здоровья и активного позитивного самосохранительного поведения. Состояние здоровья и характер самосохранительного поведения супругов может, видимо, тем или иным образом влиять на супружеские отношения и, значит, на стабильность брака.

С другой стороны, успешность брака, удовлетворенность супружескими отношениями, видимо, благотворно влияет на состояние здоровья, стимулирует самосохранительное поведение.

Репродуктивное поведение представляет собой систему действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения в браке или вне брака¹.

¹ Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 384.

Снижение рождаемости в России в 90-е гг. XX в. может быть связано как с ухудшением для значительной части семей возможностей реализации сохраняющейся, как идеальной, двухдетной модели семьи, так и с постепенным переходом к преимущественно однодетной модели семьи. Скорее всего, в той или иной степени имело место и то, и другое. Однако и для определения перспективных гипотез рождаемости при демографическом прогнозировании, и для разработки демографической политики важно определить, какая из двух детерминант динамики рождаемости в последнее десятилетие в нашей стране была преобладающей.

В первом случае при переходе к более молодым поколениям когортные различия и дифференциация между различными социально-демографическими группами в репродуктивных ориентациях и линиях репродуктивного поведения должны сглаживаться, а имевшее место сокращение числа рожденных детей было, во многом, должно было быть вызвано откладыванием их рождения; при этом однодетные и, тем более, бездетные супруги должны испытывать состояние неудовлетворения из-за нереализованной потребности в двух детях, стремясь реализовать отложенные рождения. Во втором случае когортные различия и дифференциация в репродуктивных ориентациях и линиях репродуктивного поведения должны сохраняться и, возможно, даже нарастать; сокращение числа рожденных детей должно быть связано не с откладыванием вторых рождений (при этом, скорее всего, могло иметь место откладывание рождения первенцев), а с отказом от них; у однодетных супругов в этом случае полностью реализована потребность в одном ребенке и они не собираются иметь большего числа детей ни при каких условиях.

Определение путей воздействия теми или иными методами демографической политики на репродуктивное поведение, а, следовательно, на рождаемость и режим воспроизводства населения, предполагает выявление факторов как способствующих рождению большего числа детей в семьях, так и препятствующих этому. Стимулирование рождаемости будет заключаться в формировании, поддержке и развитии действия позитивно влияющих факторов и способствовании устранению или, по крайней мере, смягчению действия негативно влияющих факторов. При этом предполагается, что репродуктивный выбор определяется, в первую очередь, принимаемыми нормами детности, потребностью в детях, а, следовательно, всей системой ценностных ориентаций, с которой они неразрывно связаны. Условия жизнедеятельности, внося в них определенные коррективы, влияют на репродуктивные установки только в пределах норм детности, потребности в детях. Сравнение реакции респондентов на различные возможные меры стимулирования рождаемости может быть одним из подходов к предположительной оценке их эффективности.

В современных условиях возможно повышение значимости, с точки зрения влияния на репродуктивное поведение, таких факторов, как экономическое поведение семьи, семейная собственность, наследование (в т.ч. бизнеса). При этом можно предположить, что эти факторы влияют не только на условия реализации имеющейся потребности в детях, но и, главным образом, на ценностные ориентации.

Вероятно, существенно отличается репродуктивное поведение семей воцерковленных, живущих религиозной жизнью.

Исходя из сказанного выше, в качестве основных задач исследования репродуктивного поведения в настоящее время в России можно определить следующие:

- выявление когортных различий в репродуктивных ориентациях, предпочтительных и фактических линиях репродуктивного поведения;
- разграничение откладывания и отказа от рождения первенца, второго и последующих детей, определение соотношения масштабов того и другого явления;
- определение примерной доли реализованных рождений среди отложенных в 90-е гг., в т.ч. по очередности ребенка, срокам и причинам откладывания, возрасту матери;
- выявление когортных различий в степени планируемости времени рождения детей;
- выяснение степени распространенности и дифференциации мотивов откладывания и отказа от рождения детей, в т.ч. для первенцев и последующих рождений;
- изучение представлений респондентов о возможных условиях рождения у них большего числа детей;
- выяснение степени распространенности тех или иных мотивов рождения вторых и последующих детей;
- анализ относительного влияния ценностных ориентаций и условий жизнедеятельности на мотивацию рождения, откладывания и отказа от рождения детей и представления о возможных условиях рождения большего числа детей;
- выявление дифференциации репродуктивных ориентаций в зависимости от социальной мобильности и экономического поведения;
- выяснение влияния совместной экономической деятельности членов семьи на репродуктивные ориентации;
- выяснение влияния образовательной активности и ориентации на профессиональный рост на репродуктивное поведение;
- анализ влияния реального и потенциального наследства, в т.ч. наследования бизнеса, на репродуктивные ориентации;
- выявление влияния характера социализации и детности родительской семьи на репродуктивные ориентации;

- оценка связи между отношением к браку и его регистрации, с одной стороны, и репродуктивными ориентациями, с другой;
- оценка влияния стабильности брака на репродуктивное поведение;
- анализ влияния степени адаптированности, уверенности в себе и завтрашнем дне, тревожности на репродуктивное поведение;
- оценка роли состояния здоровья и самосохранительного поведения в мотивации репродуктивного поведения;
- анализ зависимости репродуктивных ориентаций, предпочтительных и фактических линий репродуктивного поведения от религиозности;
- выявление различий между семьями с одинаковыми условиями жизнедеятельности, отказывающимися и не отказывающимися от рождения детей той или иной очередности;
- выявление различий в репродуктивном поведении между семьями с одинаковыми ценностными ориентациями, но разными условиями жизнедеятельности;
- характеристика общественного мнения по отношению к семьям с разным числом детей;
- оценка связи информированности о демографической ситуации и отношения к ней и ее возможным последствиям с репродуктивными ориентациями и отношением к семьям с разным числом детей;
- выяснение мнения респондентов о возможности коррекции их репродуктивного поведения при реализации различных мер демографической и семейной политики;
- выяснение возможной реакции респондентов на реализацию пропагандистской составляющей демографической политики;
- оценка респондентами детей как помехи в удовлетворении значимых потребностей;
- выяснение характера формирования семейных планов в отношении рождения детей при различии репродуктивных ориентаций супругов;
- выяснение использования и оценки различных способов предупреждения беременности.

Матримониальное поведение представляет собой систему действий и отношений, опосредующих вступление в брак или отказ от него, сохранение брака или его расторжение.

Влияние матримониального поведения в части, связанной с вступлением в брак, на демографическую ситуацию, воспроизводство населения проявляется, прежде всего, через отношение к вступлению в брак и его регистрации, через возраст вступления в брак, а также через вероятность вступления в повторный брак в активном репродуктивном возрасте. Отказ от вступления в брак способствует сокращению

числа супружеских пар, что, при прочих равных условиях, ведет к снижению рождаемости, так как показатели деторождения вне брака в среднем ниже, чем в браке. То же, в известной степени, относится к регистрации брака. Отказ от нее, вероятно, сопряжен с желанием воздержаться от рождения детей или, по крайней мере, ограничиться одним ребенком. Возраст вступления в брак во многом определяет возраст матери при рождении первенца и, следовательно, сдвиг кривой возрастных коэффициентов влево или вправо, смещение ее пика к более молодым или к, относительно, более старшим возрастам.

Потери в деторождении из-за прерывания первого брака в активном репродуктивном возрасте по причине развода или овдовения могли бы быть компенсированы вступлением в новый брак. Однако показатели повторной брачности (по крайней мере, если говорить о зарегистрированных браках) невысоки.

Кроме того, что развод в части семей непосредственно ограничивает деторождение из-за прекращения супружеских отношений, потенциальная его допустимость супругами (или одним из них) может вынуждать их принять решение о рождении меньшего числа детей, чем то, которое они захотели бы иметь, будучи уверенными в стабильности своего брака. Увеличение численности разведенных, расширяя рынок потенциальных брачных партнеров, в свою очередь, тем самым может провоцировать новые разводы, облегчая принятие решения о расторжении брака в случае наличия тех или иных проблем в нем. Наконец, развод часто служит сильным стрессогенным фактором для бывших супругов (или, по крайней мере, для одного из них), их ближайших родственников и, особенно, детей, что, в свою очередь, сказывается на их здоровье и самосохранительном поведении.

Нестабильность браков зависит от поведения супругов, условий их жизнедеятельности. Однако, главным фактором, на наш взгляд, здесь является то, что брак не удовлетворяет (или не полностью удовлетворяет) те потребности человека, которые в его представлении он должен удовлетворять. Это ведет к неудовлетворенности браком и его нестабильности. В то же время такая ситуация может не приводить к разводу, если супруги пытаются как-то изменить свою жизнь, свой брак. Потенциальная допустимость для себя развода порой ведет к нежеланию что-либо предпринимать для сохранения брака, а неумение строить супружеские взаимоотношения обуславливает негативные проявления в них. Наложение действия второй причины на первую («супружеские отношения не складываются, так не очень-то и хотелось, можно развестись») в сочетании с неудовлетворенностью браком (в т.ч. из-за неумения и нежелания строить взаимоотношения в браке) детерминирует развод.

Можно предположить, что материальные трудности, которые имели место в последнее десятилетие в значительной части семей,

дополнительно укрепляют сплоченные семьи, заставляя их еще больше сплотиться для преодоления этих трудностей, и разваливают разобщенные, нестабильные браки, создавая в них дополнительные конфликтные ситуации.

Укреплению браков, повышению их стабильности вероятно способствует наличие у супругов совместных жизненных целей, в т.ч. и, возможно, в первую очередь, экономических (например, стремление к приращению семейной собственности), совместной экономической деятельности.

Скорее всего, матримониальное поведение имеет свою специфику у воцерковленных людей, живущих религиозной жизнью.

Среди основных задач исследования матримониального поведения в современной России можно выделить следующие:

- выявление когортных и социально-демографических различий в отношении к вступлению в брак и его регистрации, в т.ч. для первых и повторных браков;
- анализ влияния ценностных ориентаций и условий жизнедеятельности на желание вступить в брак;
- анализ влияния репродуктивных ориентаций на отношение к вступлению в брак и его регистрации;
- анализ зависимости отношения к вступлению в брак и его регистрации от религиозности;
- выяснение степени распространенности тех или иных мотивов вступления в брак и потребностей, удовлетворение которых люди связывают с браком, в т.ч. для первых и повторных браков;
- изучение критериев выбора брачного партнера, в т.ч. в зависимости от мотивов вступления в брак (для первых и повторных браков);
- анализ представлений об оптимальном возрасте вступления в брак и необходимости достижения к нему тех или иных статусных характеристик;
- выяснение влияния состояния здоровья и самосохранительного поведения на самооценку шансов на брачном рынке;
- оценка сложности вступления в повторный брак и значимости факторов, ее определяющих;
- выяснение отношения к службе знакомств;
- оценка территориальных границ поиска брачного партнера;
- оценка стабильности существующих браков;
- оценка факторов нестабильности брака, сравнительная оценка влияния неудовлетворенности тех или иных потребностей в браке на его нестабильность;
- анализ влияния репродуктивных ориентаций и детности семьи на стабильность брака, на поведение, предохраняющее от развода или, наоборот, провоцирующее его;

- анализ влияния супружеских отношений на стабильность брака;
- выявление различий между теми супружескими парами, которые преодолели трудности спланировав, и теми, наличие трудностей в которых, их разваливает;
- выявление когортных и социально-демографических различий в отношении к разводу, анализ мнений о причинах, удерживающих от развода при неудовлетворенности браком;
- анализ влияния ценностных ориентаций на отношение к разводу, мнения о причинах, удерживающих от развода при неудовлетворенности браком;
- анализ влияния наличия общесемейного бизнеса, существенной совместной собственности супругов на супружеские отношения, стабильность брака и отношение к разводу;
- анализ зависимости отношения к разводу, мнений о причинах, удерживающих от развода при неудовлетворенности браком, оценки стабильности брака и супружеских отношений от религиозности;
- анализ влияния состояния здоровья и самосохранительного поведения супругов на их взаимоотношения и стабильность брака;
- типологизация нестабильных браков по критерию возможности предотвращения их распада.

Самосохранительное поведение представляет собой систему действий и отношений человека, опосредующих сохранение или отказ от сохранения своего здоровья и жизни.

Самосохранительное поведение является одним из важнейших факторов, определяющих уровень смертности, ее структуру по причинам, продолжительность жизни.

В нашей стране особый интерес представляют гендерные различия в самосохранительном поведении, с которыми, видимо, во многом связана очень большая разница в средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни женщин и мужчин. Они определяются, главным образом, различиями в ценностных ориентациях и спецификой выполнения своих поло-ролевых функций. Эти различия являются базовыми по отношению к другим детерминантам гендерных различий в самосохранительном поведении.

Трансформация условий жизнедеятельности, необходимость и возможность изменения своего поведения в разных ее сферах, видимо, предопределяют определенные перемены в самосохранительном поведении. В первую очередь, это относится к экономическому поведению. С одной стороны, деловой успех все больше зависит от состояния здоровья, что заставляет больше заботиться о нем. С другой стороны, необходимость материального обеспечения себя и своей семьи зачастую вынуждает очень много работать, недопустимо на-

рушая режим труда и отдыха, что, безусловно, негативно влияет на состояние здоровья. Усиление потребности в активном позитивном самосохранительном поведении часто вступает в противоречие с ухудшением возможностей ее реализации.

Самосохранительное поведение во многом связано с самооценкой риска того или иного заболевания, которая влияет на степень реальной включенности человека в заботу о своем здоровье.

К числу основных задач изучения самосохранительного поведения в нашей стране можно отнести следующие:

- выявление когортных, гендерных и других социально-демографических различий в отношении к своему здоровью и изменении его значимости;
- выяснение степени распространенности тех или иных мотивов отношения к своему здоровью и их когортных, гендерных и других социально-демографических различий;
- оценка условий жизни (доход, жилье и др.) с точки зрения возможностей реализации мотивов сохранения здоровья;
- оценка доступности медицинской помощи с точки зрения возможностей реализации мотивов сохранения здоровья;
- оценка влияния детности семьи и репродуктивных ориентаций на отношение к здоровью и самосохранительное поведение;
- ранжировка факторов, обуславливающих отношение к своему здоровью и его динамику;
- выявление дифференциации в представлениях респондентов о самосохранительном поведении;
- анализ влияния ценностных ориентаций и условий жизнедеятельности на самосохранительное поведение;
- выявление влияния специфики выполнения поло-ролевых функций на гендерные различия в самосохранительном поведении;
- анализ влияния экономического поведения на самосохранительное поведение;
- анализ взаимосвязи экологического и самосохранительного поведения;
- выявление влияния удовлетворенности браком и семейной жизнью вообще на самосохранительное поведение;
- оценка влияния степени адаптированности к условиям жизнедеятельности, тревожности, удовлетворенности жизнью на состояние здоровья и самосохранительное поведение;
- анализ зависимости самосохранительного поведения от религиозности;
- типологизация респондентов по степени потенциальной и реальной включенности в заботу о своем здоровье;
- анализ влияния самооценки риска того или иного заболевания на самосохранительное поведение;

- выявление когортных и социально-демографических различий в предпочтительной продолжительности жизни, мотивации этого предпочтения и его влияния на самосохранительное поведение.

Разработка и реализация демографической политики непременно потребует углубленных исследований, в т.ч. демографического поведения, как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Это, в свою очередь, предполагает увеличение масштабов и повышение уровня подготовки демографических кадров.

Механизмы демографического поведения и перечисленные выше задачи исследования его детерминации определяют необходимость проведения их специалистами, обладающими знаниями из различных научных дисциплин. К их числу, кроме собственно демографии, относятся социология, экономика, статистика, психология, культурология, социальная гигиена, этнография, религиоведение, математика и др.

Отсюда, на наш взгляд, следует, что наряду с преподаванием демографии студентам различных специальностей, необходимо в учебные планы подготовки самих демографов включать широкий спектр научных дисциплин, необходимых им для комплексного углубленного исследования демографических процессов вообще и демографического поведения в частности.

В этой связи представляется, что совершенно правы те специалисты в области демографического образования, которые считают, что необходимо создание **демографических факультетов**, по крайней мере, в крупнейших университетах России и, в первую очередь, в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Именно такой подход к подготовке специалистов-демографов позволит получить им знания из различных научных дисциплин, тогда как обучение на каком-либо ином факультете (экономическом, социологическом, статистическом), давая им углубленные и, безусловно, важные для них знания, соответственно, по различным отраслям экономики, социологии, статистики, зачастую исключает возможность изучения иных, необходимых для них, но далеких от специфики факультетов научных дисциплин. Чем раньше будут созданы демографические факультеты, тем меньше времени будет упущено в решении актуальнейших и сложнейших демографических проблем нашей страны.

Бахметова Г.Ш., Иванкова Л.В., Москва

К ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

1. Одна из наиболее прогрессивных идей профессора Д. И. Валентя, памяти которого посвящена настоящая Конференция, заключалась в создании на экономическом факультете МГУ

им. М. В. Ломоносова крупного научно-исследовательского и учебного Центра проблем народонаселения. В задачи этого Центра должно было входить проведение научных исследований в области демографии и смежных с ней дисциплин, а также преподавательская и просветительная деятельность.

Следует констатировать, что идея создания Центра в своем общем виде была воплощена в жизнь, однако задачи Центра полностью не реализовались, и это касается, прежде всего, просветительной деятельности Центра. Одной из первопричин, на наш взгляд, является недостаток демократичности в организации высшего образования в России вообще и демографического образования в частности.

Развитие демократичности демографического образования становится особенно важным в условиях современной демографической ситуации в стране, которую можно охарактеризовать как критическую. Никакие, даже самые прогрессивные меры в области социально-демографической политики, не будут иметь успеха, если само население ничего не знает о критичности демографической ситуации.

2. Основные параметры современной демографической ситуации в России — это рост смертности и старение населения.

За период с 1988 по 1998 гг. резко сократилась средняя продолжительность жизни при рождении: для мужчин на 3,60 года, для женщин немногим больше одного года. В 1998 г. разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин при рождении составил величину никогда ранее не регистрировавшуюся — 12,2 года в пользу женщин.

Особенно остро развились демографические последствия кризисной ситуации в стране за период с 1991 по 1994 гг. когда рост смертности и падение рождаемости были наиболее сильными.

Резкие изменения в динамике рождаемости и смертности повлекли за собой столь же резкие и существенные изменения в динамике возрастно-половой структуры населения. Быстрыми темпами растет доля лиц пожилого и преклонного возраста в общей численности населения страны (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения в бывшем СССР и России *

	1959 г. СССР	1979 г. СССР	1989 г. СССР	1998 г. Россия	1999 г. Россия
Мужчины	6,2	8,5	10,1	13,0	13,3
Женщины	11,2	18,5	19,9	22,0	22,3

* Рассчитано нами: Демографический ежегодник России. Статистический сборник. М., Госкомстат России, с. 33.

Как свидетельствуют данные, приведенные в табл.1, уровень старения женского населения России быстро достиг внушительных па-

раметров и составил величину, которой сможет достичь Франция (одна из самых «старых» в демографическом отношении стран мира) только к 2050 году. Показатель старения для мужчин в России ниже, чем для женщин, но мужчины «стареют» значительно быстрее женщин.

Произошедшие сдвиги в возрастной структуре имеют важные социальные и экономические последствия, связанные с необходимостью реорганизации пенсионного и в целом социального обеспечения «стареющего» населения. Кроме этого процесс старения ставит перед обществом острую проблему взаимоотношений между поколениями. Эти взаимоотношения могут также носить кризисный характер, учитывая кризисное состояние Российской экономики и отсутствие должного внимания к необходимости разработки и внедрения принципиально новой, демократичной системы социальных мер.

3. Для того, чтобы перестроить систему демографического образования на демократические «рельсы», необходимо разработать концепцию демографического образования. На наш взгляд, эта концепция должна включать четыре принципиальные задачи:

Во-первых, для студентов, получающих Университетский диплом, уровень демографического образования должен соответствовать запросам практики с тем, чтобы выпускники могли работать в социальных службах, занимающихся решением социально-демографических проблем. Следует максимально приблизить содержание образовательных курсов к нуждам и запросам практического их приложения. В данном случае необходимо сочетание общего (глобального) и более углубленного (специфического) подхода к изучению предмета.

Во-вторых, для тех, кто уже занят практической работой, но не обладает необходимым уровнем знаний в области демографии либо нуждается в их обновлении, необходимо организовывать перманентные демографические курсы или стажировки, которые могут быть тематическими, а также более или менее долгосрочными. Например, стажировка по проблемам социальной и демографической политики может быть организована в течение одной недели; стажировка «Проблемы и методы демографического прогнозирования» — в течение одного месяца и т.д. В данном случае специалисты, работающие в комиссиях, министерствах, ведомствах могут получить новейшую информацию о методах демографического анализа, прогнозирования, развития отдельных проблем таких как, например, старение населения, смертность, миграция.

В-третьих, следует создать особую программу подготовки научных кадров в области проблем народонаселения. До настоящего времени научные кадры подготавливаются, главным образом,

в аспирантуре и докторантуре. Что касается аспирантуры, то существует строгая программа обучения, определены экзамены и сроки защиты кандидатской диссертации. Ничего этого нет на следующем этапе, в докторантуре. На этой, весьма важной стадии обучения не существует ни программ специальных курсов, ни экзаменов, ни даже строгих сроков защиты докторской диссертации. Нет даже научного руководителя для докторанта.

Следует логически объединить эти два этапа подготовки научных специалистов, создав сквозную программу их обучения, создать специальную комиссию, контролирующую выполнение этой учебной программы и уровень подготавливаемых диссертаций.

В-четвертых, широкие слои населения должны иметь общее представление о демографической обстановке в стране, понимать значение проблем народонаселения и их последствий. Следует констатировать, что в большинстве случаев люди и не подозревают о наличии таких проблем как социальные и экономические последствия старения населения, высокая смертность (даже для лиц трудоспособного возраста) и многие другие. Следует еще раз обсудить вопрос об организации специального курса популярной демографии для школьников, лекций по проблемам народонаселения для широких слоев населения.

4. Демократизация демографического образования подразумевает, что оно станет доступно каждому человеку независимо от его социальной, национальной, политической или возрастной принадлежности. К сожалению, изменения в сторону демократизации не так просто провести, так как это связано с необходимостью изменения существующей достаточно жесткой кадровой структуры учебных заведений, отсутствия традиций и опыта коллективного, а значит демократического управления развитием образования в России вообще и в МГУ, в частности.

Перестройка системы демографического образования, создание цельной, сквозной его системы требует особых программ, особых методов преподавания, особых учебных пособий и, конечно, кадров. Только крупный и хорошо экипированный Научно-образовательный демографический Центр может справиться с подобной задачей. В качестве его базовой модели может служить Центр проблем народонаселения, однако требуются определенные изменения в его структуре, организации работы. В частности, необходимо реализовать еще одну весьма плодотворную идею профессора Д. И. Валентя о том, что научные изыскания и учебный процесс должны быть неразрывно связаны между собой. Как известно, по такому принципу работают все ведущие научно-учебные демографические центры в странах Западной Европы.

Белых Т.В., Белгород

К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИИ

Нынешняя социально-демографическая ситуация в Российской Федерации может быть охарактеризована как кризисная. Очевидно, что переживаемый Россией демографический кризис является небывалым по разрушительной силе и далеко идущим по своим последствиям, при этом он охватывает все основные демографические процессы: рождаемость, смертность, миграцию и пр.

Беспорно, безвыходных ситуаций не существует. И какие бы пессимистические, драматические, пугающе безнадежные и даже трагические перспективы демографического будущего России не воображали отечественные и западные ученые и политики, нам представляется возможным изменение той демографической ситуации, в которой волей необдуманных решений и естественным ходом исторического развития оказалась Россия. Возможно, залогом разрешения существующих проблем может и должно стать глубокое и всестороннее осмысление нынешнего состояния России во всех сферах жизнедеятельности.

Помимо традиционного экономического, политического, социологического, культурологического, демографического и пр. анализа важно осознание необходимости комплексного, междисциплинарного подхода к рассмотрению существующей ситуации. Бытующие сегодня точки зрения ученых различных направлений относительно положения Российской Федерации зачастую страдают узостью подхода, фокусированностью на отдельных проблемах. И, наверное, поэтому принимаемые управленческие решения на самых различных уровнях, начиная с муниципального и заканчивая федеральным, напоминают шараханье из стороны в сторону, латание дыр. Такая ситуация складывается из-за того, что не все <ответственные> работники, от чьих решений зависит настоящее и будущее отдельной области, региона, всей страны, знают и понимают важность учета демографических процессов.

Долгое время различные демографические данные о численности населения страны, количестве рождений и смертей, о миграционных потоках оставались тайною за семью печатями. Некоторые результаты переписей населения были недоступны даже управленческим кадрам. Кроме этого, с распадом СССР произошли существенные изменения в текущем учете населения как в методологическом, так и в методическом, организационно-техническом отношении. Это усугублено нарушением периодичности проведения переписей населения. Ответить на вопрос: «Какова численность населения Российской Федерации?» не представляется возможным,

ибо плановая перепись населения 1999 года перенесена, с большими трудностями, на октябрь 2002 года. Количественный, половозрастной, этнический, семейным и пр. состав населения самостоятельной, независимой России остается дискуссионным. Данные последней переписи населения 1989 года и микропереписи 1994 года вряд ли могут пригодными для анализа сегодняшней ситуации в нашей стране. Все это с насущной необходимостью поднимает проблему важности изучения демографических процессов. Нам представляется целесообразным обязательное изучение демографии, прежде всего студентами гуманитарных, управленческих специальностей. Отсутствие возможности включения демографии как отдельной дисциплины в цикл гуманитарных и социально-экономических дисциплин учебного плана, может быть исправлено за счет, во-первых, изучения демографии как дисциплины цикла общепрофессиональных дисциплин; во-вторых, демография может изучаться как элективный курс, и, наконец, отдельные вопросы демографической науки могут и должны быть включены как отдельные темы при изучении таких дисциплин, как «Социология», «Политология», «Антропология», «Экономическая теория» и др. Все это позволит будущим специалистам, например, в области управления, социальной работы, психологии и пр.:

1. Накопить необходимый объем знание основных понятий, положений, теорий демографической науки;
2. Осознать необходимость знаний демографических явлений и процессов;
3. Вооружиться методологическими, методическими приемами демографического исследования;
4. Сформировать навыки демографической рефлексии как одного из способов научного познания (<видения>) общественной жизни;
5. Выработать ответственное отношение к вопросам брачности, детности, здорового образа жизни, в том числе и в своей собственной жизни. Вместе с тем, преподавание демографии должно способствовать гуманизации и гуманитаризации образования. Должно помочь будущим специалистам с высшим управленческим образованием в их практической работе в условиях рыночных отношений.

Кроме этого, планируемое широкое привлечение студенчества при проведении переписи населения в октябре 2002 года должно способствовать возникновению молодого поколения интереса к проблемам протекания демографических процессов, важности их осознания и исследования для анализа состояния общества. Студенты-

переписчики смогут на практике закрепить полученные на лекционных и семинарских занятиях теоретические знания по демографии, социологии, экономической теории и прочим гуманитарным и общественным дисциплинам, а так же накопить неповторимый жизненный опыт.

Бондаренко О.И., Саратов

РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА УРОВНЕ РЕГИОНА

Несомненно, миграция населения имеет ряд социальных, экономических, демографических последствий, которые могут носить как положительный, так и негативный характер. Данное положение подтверждается самим определением данного понятия, при котором миграцию населения можно представить как территориальное передвижение людей по различным причинам через границы тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного изменения места жительства, имеющее существенные социальные, демографические и экономические последствия. Поэтому, в целях минимизации негативных явлений и усиления позитивных, необходимо оказание на миграционное движение определенного воздействия. Любое воздействие подразумевает управленческое влияние, способное изменить параметры исследуемого объекта. Однако, рассматривая особенности миграции населения, было выявлено, что не всеми параметрами миграции можно управлять. В частности, не всегда возможно выявить причины, побудившие людей совершить переселения, а тем более влиять на них. И, если массовые организованные миграции еще возможно упорядочить, то в случае вынужденных стихийных перемещений приходится только приспосабливаться к существующим фактам.

В этой связи целесообразно говорить не об управлении миграционными перемещениями, а об их регулировании. Так как именно последнее предполагает возможность упорядочения наблюдаемых событий без воздействия на причины их возникновения.

Графически изобразив процесс миграции, можно выделить его регулируемые области, рис. 1.

В этой связи становится актуальным изучение регулирования миграционного движения. Но пока проблемы регулирования миграции населения в научной литературе отражены крайне слабо. Практически отсутствует понятийный аппарат, рассматривающий данную категорию.

Рисунок 1

Регулируемые области процесса миграции населения

Философский аспект понятия «регулирование» состоит в обобщении и отражении сущности процесса упорядочения в сложных системах природы и общества¹. А сущность процессов регулирования в отдельных системах и подсистемах отражается в таких понятиях, как «социальное регулирование», «государственное регулирование», «экономическое регулирование», саморегулирование.

Регулирование охватывает все те объекты и процессы в обществе, состояние которых имеет значимость для его существования и развития как социальной системы, для жизнедеятельности людей. По своей сущности оно регулирует противоречивое взаимодействие между индивидами, группами и общими интересами для их совместной реализации. Регулирование представляет собой регуляцию социальных отношений, определяющих положение и роль людей в обществе, направленность их интересов, деятельности, ее содержание и интенсивность². Оно воздействует на общественные отношения, и прежде всего на отношения, складывающиеся по поводу вещей, средств производства, обеспечивая согласование многообразных интересов (территориальных, национальных), организует социальное действие, достижение намеченных целей, общих результатов.

С нашей точки зрения, регулирование миграционных процессов — это сознательное воздействие людей на миграционные процессы и их отдельные элементы на основе познания объективных закономерностей и тенденций развития для обеспечения оптимального распределения миграционных ресурсов при согласовании интересов настоящего и будущего.

¹ Социальное управление / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994, С. 287.

² Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 458.

Регулирование основывается на системном знании о закономерностях, принципах, функциях, формах и методах миграционного движения населения, характеризуется высокой степенью сложности и социальной значимости.

При анализе современного состояния воздействия на миграционное движение на примере Саратовской области мы столкнулись с отсутствием комплексного подхода к данному вопросу. Все научные исследования миграционного движения, проводимые в регионе, касаются лишь отдельных видов миграции населения. В них не отражено даже какого-либо взаимодействия между различными видами миграционного движения. Не было обнаружено и работ, связанных с изучением современного состояния регулирования миграции населения в области.

Поэтому для исследования современного состояния регулирования миграции населения в Саратовской области автором был разработан механизм регулирования миграционных процессов, который был представлен в виде матрицы, объединяющей составляющие системы воздействия на миграционные потоки и виды миграции населения, являющиеся объектом регулирования, а также проведен экспертный опрос. В качестве респондентов выступали руководители общественных и государственных организаций, занимающихся вопросами миграции населения, руководители переселенческих организаций, ученые, изучающие миграцию населения. Для определения экспертов использовалась стратифицированная выборка. По этому методу выборка составила 50 человек.

Графически матрицу регулирования миграции населения можно представить следующим образом:

Составляющие системы воздействия	Объект регулирования							
	трудовая миграция		экологическая миграция		вынужденная миграция		этническая миграция	
	внутренняя	внешняя	внутренняя	внешняя	внутренняя	внешняя	внутренняя	внешняя
Научная								
Правовая								
Организационная								
Информационная								
Финансовая								

В качестве объекта регулирования выбраны наиболее универсальные виды миграции населения.

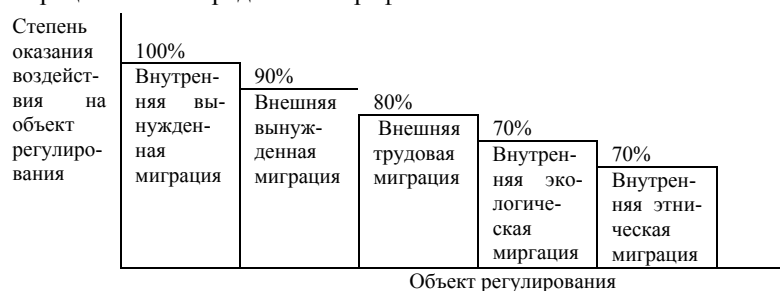
Затемненные квадраты матрицы отражают современное состояние регулирующего воздействия каждой составляющей на тот или иной вид миграции населения. Более темный тон означает действительно принимаемые меры по оказанию воздействия на перемещение, более слабый - декларируемые, либо осуществляемые от случая

к случаю мероприятия.

Проанализировав заполненность квадратов матрицы регулирования миграционного движения, можно увидеть, что в наибольшей степени оказывается воздействие на внутреннюю вынужденную миграцию. На нее влияет каждый блок рассматриваемой матрицы. причем, применяемые методы достаточно проработаны и периодически совершенствуются. Это обусловлено актуальностью проблем вынужденных перемещений. Много внимания уделяется и внешней вынужденной миграции. Единственный блок, который заштрихован более светлым цветом, — финансовый. Это объясняется чуть меньшей актуальностью для субъектов регулирования миграционных процессов проблем внешней вынужденной миграции. Еще одним объектом регулирования, на который оказывают влияние все составляющие системы воздействия, является внешняя трудовая миграция. Он достаточно активно исследуется в последнее время, однако, методы, применяемые информационным и финансовым блоками, пока не достаточно разработаны. Одинаковая степень регулирования наблюдается по отношению к внутренним экологической и этнической миграциям. Что свидетельствует об одинаковом внимании к ним со стороны субъектов регулирования миграционного движения. Наиболее развитыми элементами системы воздействия являются научная и правовая составляющие матрицы. Методы остальных блоков применяются эпизодически по мере возникновения острой необходимости.

Как видно из матрицы, абсолютно не регулируются такие виды миграционного движения, как внутренняя трудовая миграция, внешние экологические перемещения, внешние этнические миграционные потоки. Хотя они являются не менее актуальными видами миграций населения, чем все, рассмотренные выше.

Степень оказания воздействия на наиболее универсальные виды миграций можно представить графически:

На остальные объекты регулирования целенаправленного воздействия не оказывается.

В связи с этим экспертам был задан вопрос: «Эффективно ли решается проблема миграции населения на территории Саратовской

области?» 90 % респондентов ответило «нет», 10 % — совсем не решаются. То есть всеми экспертами отмечено неудовлетворительное состояние решения проблем миграции населения на территории региона.

Отметим, что в современных условиях наблюдается отсутствие какой-либо продуманной миграционной политики. Сформировавшаяся в начале 1990-х гг. государственная система регулирования и управления миграциями основана на ведомственном и административном подходе. Отдельно решаются проблемы переселения различных категорий мигрантов — северян, демобилизованных военнослужащих, российских немцев и других этнических групп, лиц, пострадавших от экологических катастроф и стихийных бедствий. Такой подход весьма неэффективен, так как приводит к распылению сил и средств без достижения ощутимых результатов.

В ходе проведенного научного исследования было выявлено, что в Саратовской области слабо разработано регулирование миграционного движения. Об этом свидетельствует отсутствие собственных нормативных актов, регулирующих миграционные перемещения, недостаточные научные разработки в области воздействия на миграционные перемещения, ведомственный подход к решению проблем миграции населения, а также низкое качество статистической информации, касающейся миграционных потоков.

Регулирование процессов миграции населения на территории Саратовской области осуществляется стихийно и эпизодически. Не прописан механизм осуществления целенаправленного воздействия на перемещения населения. Думается, что совершенствование регулирующего влияния должно осуществляться по пути:

- 1) признания необходимости комплексного регулирования миграции населения, то есть всех видов миграционных перемещений в совокупности;
- 2) доработки законодательной базы, касающейся миграционных потоков;
- 3) укрепления научной базы регулирования миграционных потоков (прежде всего принятия Концепции государственной миграционной политики);
- 4) упорядочения деятельности органов, занимающихся вопросами миграции населения в регионе;
- 5) развития адаптационных программ для прибывающего населения;
- 6) создания миграционной компьютерной базы данных, охватывающей все сферы миграционных перемещений.

Таким образом, для осуществления комплексного регулирования миграционных перемещений на территории региона необходимо применить механизм, включающий модифицированные научную, организационную, финансовую и информационную составляющие.

Исходя из складывающейся демографической ситуации, как в России, так и на территории Саратовской области, главным направлением миграционной политики должно быть не ограничение миграции и другие охранительные мероприятия, а обеспечение интеграции мигрантов в российский социум и воспитание толерантности к переселенцам.

Проблемы, вызванные массовой миграцией, настолько масштабны и многообразны, что требуют для своего разрешения специальных целенаправленных скоординированных усилий большинства государственных и общественных институтов.

Герасимова И.А., Москва

РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ¹

Целью социально-экономического развития государства является создание условий для всестороннего развития личности, удовлетворения его базовых потребностей (в еде, одежде, жилище) и потребностей более высокого уровня — в сохранении здоровья, повышении уровня образования и квалификации, досуге и отдыхе, приобщении к духовным и культурным ценностям.

Очевидно, что возможности удовлетворения потребностей индивида определяются уровнем его доходов, для населения в целом — его распределением по величине среднедушевого денежного дохода, долей расходов на товары первой необходимости и обязательные платежи.

Исследование логической последовательности социально-экономических явлений и процессов, относящихся к области благосостояния: «формирование доходов населения» — «их распределение и перераспределение» — «социальная защита и социальная поддержка неимущих слоев населения» убедительно показывают, что демографическая структура населения является одними из важнейших факторов, определяющих феномен неравенства и бедности, характерный для современного российского общества. В развитие этого тезиса приведем несколько примеров.

С начала девяностых годов двадцатого столетия коэффициент демографической нагрузки на 1000 человек трудоспособного возраста в среднем по России уменьшился с 759 до 663. Эта тенденция наблюдается во всех без исключения субъектах РФ. При прочих равных условиях было бы естественно ожидать увеличения среднедушевого денежного дохода, однако реальные денежные доходы населения в 2000 г. составили лишь 49.3 % от уровня 1991 г.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 01–02–00070а.

Актуальным становится тесно взаимосвязанное изучение эволюции возрастно-половой структуры населения и его распределения по источникам средств существования.

До начала 90-х годов прошлого века социально-экономическая категория населения «безработные» не находила отражения в официальных статистических публикациях. Сегодня этот контингент насчитывает 7 млн. чел. Среди них представлены все возрастные группы населения — и моложе 20 лет, и старше 60, и находящихся в наиболее активном трудоспособном возрасте — 30–49 лет, как правило, имеющих несовершеннолетних детей. (Напомним, что по классификации МОТ к безработным относятся лица, активно ищущие работу и готовые приступить к ней немедленно.) Разработка социально-экономической политики в области занятости населения невозможна без изучения демографического состава безработных и предъявляемого ими спроса на рабочие места. Эта проблема приобретает особую остроту в российских условиях, где гарантированное минимальное пособие по безработице ничтожно по сравнению с величиной прожиточного минимума.

Около 90% населения проживает в семьях. Уровень удовлетворения потребностей каждого из членов семьи определяется уровнем благосостояния семьи/домохозяйства в целом. Это обусловлено самой природой семьи, перераспределяющей свой совокупный доход между членами семьи на основе сложившихся в ней критериев полезности и справедливости. Статистические данные свидетельствуют о значительной дифференциации доли бедных среди семей разного демографического типа: она максимальна среди неполных семей с несовершеннолетними детьми, и минимальна среди одиночек. Просматривается причинно-следственная связь между экономическим положением населения и падением рождаемости, неблагоприятными тенденциями в процессах формирования семьи. Поход к населению не только как совокупности индивидов, но и как совокупности семей актуализирует задачу изучения их демографического состава, соотношения в них лиц разного пола и возраста, их экономической активности, источников и величины денежного дохода.

К сожалению, с момента проведения всесоюзной переписи населения 1989 г. исследователи и практические работники остаются без надежного источника данных о составе семей в России. Этот пробел частично возмещают итоги бюджетных обследований, проводимых ежеквартально Госкомстатом России, но они публикуются в сгруппированном виде и не имеют широкого распространения. Что же касается научных исследований, то для них необходимы первичные данные.

За последнее десятилетие значительно изменилась структура денежных доходов населения: в два раза снизилась доля оплаты труда, значительно выросли (в среднем) денежные доходы от собственности, от предпринимательской деятельности, «другие доходы», в том

числе и скрытые. Анализ социально-демографического состава получателей этих видов доходов позволил бы более глубоко изучить феномен гипертрофированного разрыва в уровне благосостояния отдельных групп населения и семей, провоцирующего социальную напряженность в обществе. Хорошо известны трудности, с которыми встречаются исследователи, ставящие задачу выяснить «истинные» источники и уровень доходов, однако полезным ресурсом статистической информации могут служить первичные и доступные с помощью Internet данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (The Russian Longitudinal Monitoring Survey — RLMS). Первый этап этого обследования относится к 1992 г., последний — к весне 2002 г.

Перечень демографических аспектов, исследование которых необходимо для углубленного исследования проблем благосостояния, и более широко — социально-экономического положения населения — может быть продолжен. В их числе — изменение демографического состава семей в процессе жизненного цикла, региональные особенности демографической структуры и воспроизводства населения в субъектах РФ. Статистическая информация о численности и социально-демографической структуре, об уровне благосостояния населения необходима при формировании социальных статей расхода в бюджетах всех уровней — федеральном, региональном, муниципальном.

В период динамичных изменений как в экономической, так и в социальной сферах общества, утратившего прежние, но не сформулировавшего новые устойчивые критерии оценки своей деятельности, достоверные и постоянно обновляемые знания о демографической структуре общества необходимы как в научной, так и в практической деятельности. Еще более тесной становится связь между процессами накопления демографических знаний и их использованием. Одновременно возникают и новые задачи в формировании программ обучения как демографов, так и специалистов смежных областей обществоведения.

Будущие демографы, наряду с освоением современных методов и технологий получения демографических знаний, должны приобретать фундаментальные представления о применении этих знаний в выработке критериев и методов управления общественным развитием.

Экономисты, социологи, социальные работники нового поколения, менеджеры в социальной сфере должны опираться на прочный фундамент знаний о демографической структуре общества, о процессах его воспроизводства, об их влиянии на формирование приоритетных направлений социально-экономической политики.

Опыт преподавания курса «Социальная политика» (8-й семестр) в Государственном университете гуманитарных наук (ГУГН) полно-

стью подтверждает этот тезис. Без опоры на демографические знания все рассуждения о социальной политике в целом или ее отдельных аспектах приобретают схоластический характер.

Литература

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2001 г. Официальное издание. М.: Госкомстат России, 2001.
2. Социальная политика. М.: Экзамен, 2002.
3. Социальная статистика. М.: Финансы и статистика, 2001.
4. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2000 год. М.: Права человека, 2001.
5. Герасимова И.А., Коваленко А.П. Статистический анализ среднедушевого денежного дохода в регионах России. Период 1995–1999 годов / Препринт №WP/2001/128. М., ЦЭМИ РАН, 2001 (рус).

Григоричев К.В., Барнаул

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В 1990-Е ГОДЫ

Алтайский край с начала 1990-х гг. стал одним из приграничных регионов России и демографическая ситуация здесь является одним из важных факторов безопасности страны.

По переписи 1989 г. численность постоянного населения в Алтайском крае достигла 2630,6 тыс. чел., увеличившись за предыдущие 10 лет почти на 5% (124,5 тыс. чел.). Более 58% всего населения составляли горожане. В возрастной структуре более 26% составляла молодежь, младше трудоспособного возраста. В то же время, население края перешагнуло порог демографической старости, имея в своем составе около 19% лиц, старше трудоспособного возраста.

С углублением социально-экономического кризиса в начале 1990-х гг. значительные изменения происходят и в основных составляющих воспроизводства населения края. Быстрое снижение уровня рождаемости на фоне роста смертности привело к формированию процесса депопуляции. Если в 1989 г. естественный прирост населения в Алтайском крае составил 3,7‰, то уже в 1992 г. этот показатель был равен — 1,4‰. Снижение коэффициента естественного прироста продолжалось до 1995 г., когда его значение упало до -6‰.

В основе данного явления лежало, прежде всего, снижение рождаемости. С 1989 г. по 1996 г. общий коэффициент рождаемости в крае снизился с 14,4‰ до 8,4‰, при этом суммарный коэффициент рождаемости снизился с 1,879 в 1990 г. до 1,164 в 1997 г. Снижение значений суммарного коэффициента рождаемости происходило на фоне достаточно благоприятной возрастной структуры, в которой доля женщин в возрасте 20–24 и 25–29 лет, на которые приходились наиболее высокие коэффициенты рождаемости (соответственно

175,3 и 92,9 в 1990 г. и 107 и 55,6 в 1995 г.), практически не изменилась. Таким образом, в первой половине 1990-х гг. в Алтайском крае устанавливается отчетливая тенденция перехода к однодетной семье, в которой ребенок, рожденный матерью в возрасте 20–29 лет, оставался единственным, а рождение второго и последующих детей откладывалось на неопределенное время.

Падение уровня рождаемости в крае происходило на фоне продолжающегося с конца 1960-х гг. роста смертности. С 1989 г. по 1994 г. общий коэффициент смертности в крае вырос с 10,7 до 15,1‰. При этом наиболее значительным повышением было среди трудоспособного населения, где коэффициент смертности за 1990–1995 гг. вырос в 1,5 раз. При этом среди старших трудоспособных возрастов (40–44 и 45–49 лет) этот показатель вырос еще более заметно (соответственно, 162‰ и 196‰). Заметно вырос и уровень младенческой смертности: с 15‰ в 1989 г. до 20,8‰ в 1994 г., достигнув уровня 1960-х гг.

Таким образом, всего за 5 лет Алтайский край из региона с положительным естественным приростом перешел в категорию регионов, подверженных депопуляции. Изменения в естественном движении населения привели к негативным сдвигам в половозрастной структуре. Удельный вес населения моложе трудоспособного возраста снизился с 26% в 1990 г. до 24% в 1995 г., а старше трудоспособного возрос с 19% до 20%. При этом доля детей в возрасте до 5 лет сократилась с 8% до 5%, что вело к постепенному формированию регрессивной половозрастной структуры населения.

Единственным фактором, сдерживавшим негативные тенденции развития населения края, являлся мощный миграционный приток, начавшийся с начала 1990-х гг. (до этого край стабильно являлся регионом-донором, теряя ежегодно от 5 до 40 тыс. чел.). Изменение сальдо миграции в крае произошло в 1990 г., когда миграционный прирост составил более 9 тыс. чел.

В основе этого процесса лежал положительный баланс миграционных связей с государствами ближнего зарубежья, прежде всего, с Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Сальдо миграции с этими странами в 1990 г. составило соответственно 3,5 тыс., 1,4 тыс. и 1,3 тыс. чел., тогда как в обмене с регионами России Алтайский край потерял около 1,8 тыс. чел. На протяжении последующих лет приток мигрантов из этих стран продолжал нарастать, достигнув пика в 1994 г., когда прирост населения за счет них составил 33,4 тыс. чел. При этом главной составляющей оставался поток мигрантов из Казахстана, откуда только за 1994 г. прибыло более 28 тыс. чел. (прирост составил около 24,5 тыс.).

Таким образом, миграция населения из Казахстана стала важнейшим положительным фактором в динамике населения Алтайского края. В ее структуре более 80% составляют младшие и трудоспособные возрасты, что сдерживает негативные процессы в половозрастной структуре. Кроме того, более 60% мигрантов из данного потока предпочитают обосновываться в сельской местности, что также в некоторой степени компенсирует постоянный отток сельского населения в крае.

С середины 1990-х гг. в естественном воспроизводстве населения Алтайского края намечаются положительные сдвиги. Общий коэффициент рождаемости за 1996-2000 гг. вырос с 8,4 до 9,3‰, а суммарный коэффициент — с 1,179 до 1,244. При этом заметно увеличилась рождаемость среди женщин старших возрастов. Если в возрастной группе 20–24 лет коэффициент рождаемости снизился со 107 в 1995 г. до 103,1‰ в 2000 г., то в группе 30–34 лет, на которую преимущественно приходится рождение второго ребенка, он вырос с 22‰ в 1995 г. до 28,5‰ в 1999 г. и 32,5‰ в 2000 г. Данный процесс, на наш взгляд, с одной стороны, отражает некоторую стабилизацию демографической ситуации в крае, связанную с повышением жизненного уровня, а с другой — является одним из следствий благоприятной возрастной структуры миграционного потока в край, в котором более 75% составляют молодежь и лица трудоспособного возраста.

Положительные тенденции отмечаются и в динамике смертности в крае. Общий коэффициент смертности несколько снизился (с 14,7‰ в 1995 г. до 13,7‰ в 1999), уменьшился коэффициент детской смертности (с 20,8‰ в 1995 г. до 15,2‰ в 2000 г.). Благоприятные изменения особенно заметны в старших трудоспособных возрастах, где коэффициент смертности снизился в 1,3–1,5 раз. В структуре смертности по основным классам причин ведущее место занимают смерти от болезней сердечно-сосудистой системы (697,3‰), а второе место, в отличие от соседних регионов, смерти от новообразований (211,7‰), на которые приходится более 64% всех смертей.

Тем не менее, несмотря на некоторые позитивные тенденции в естественном движении населения, общая динамика его численности во второй половине 1990-х гг. заметно ухудшилась. Прирост населения в крае с 1995 г. устойчиво становится отрицательным, увеличившись с - 7,1 тыс. чел. за 1995 г. до - 11 тыс. чел. за 2000 г. Главным фактором данного процесса явилось постепенное сокращение миграционного притока из стран СНГ и, прежде всего, Казахстана. Если за 1995 г. в край из стран СНГ прибыло 25,9 тыс. чел., в том числе из Казахстана более 18 тыс., то за 2000 г. — чуть более 13,3 тыс., в том числе из Казахстана 10,3 тыс. чел. В условиях сохранения отрицательных естественного прироста и миграционных свя-

зей с регионами России, это и привело к сокращению численности населения края.

Сокращение миграционного притока из Казахстана заметно сказалось на углублении негативных тенденций в динамике половозрастной структуры населения. Доля населения в возрасте моложе трудоспособного за 1995–2000 гг. сократилась с 24% до 20%, при сохранении удельного веса пожилых людей 20%. Особенно заметно снизилась доля детей в возрасте до 10 лет: с 8% в 1995 г. до 5% в 2000 г. Таким образом, формирование регрессивной возрастной структуры населения края на протяжении второй половины 1990-х годов происходит возрастающими темпами. В отдельных сельских районах края доля пожилых людей достигает 26–28% при доле детей в возрасте до 15 лет менее 8%.

Важно заметить, что приток переселенцев из Казахстана остается основным позитивным фактором в общей динамике населения. Его доля в совокупном притоке мигрантов выросла за 1995–2000 гг. с 70% до 77%, в миграционном приросте с 70% до 79%, что в значительной мере сдерживает негативное развитие демографической ситуации в крае. Однако потенциал данного миграционного потока в значительной мере исчерпывается. По данным Национального агентства по статистике РК, отток населения за пределы республики с 1997 г. постоянно сокращается. Вместе с тем, принятые поправки к закону РФ «О гражданстве», становятся еще одним фактором, сдерживающим приток мигрантов в край. В связи с этим, в ближайшие годы положительное воздействие миграции на демографическую ситуацию вероятнее всего станет минимальным. Следствием чего станет резкое нарастание негативных тенденций в развитии демографической ситуации в крае. Усиление депопуляционных процессов в приграничном регионе, в условиях ухудшения возрастной структуры населения и повышения демографического давления со стороны КНР, станет серьезным негативным фактором в формировании национальной безопасности России.

Завгородняя А.В., Миэринь Л.А., Санкт-Петербург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕЛОВЫХ ИГР В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА В ОБЛАСТИ ДЕМОГРАФИИ

В рамках спецкурса «Концепции человеческого развития», который в течении трех лет читается студентам первого курса общеэкономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, была разработана и проведена деловая игра «ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО».

Целями игры было обобщение знаний и развитие представлений о ключевых проблемах человеческого развития и определения роли и места молодежи в становлении информационного общества.

Методологической основой игры явилось развитие студентами базовых положений человеческого развития в разрезе 10 направлений: философского, религиозного, культурологического, медико-биологического, этническо-демографического, обще-гуманистического, концептуально-экономического, управленческого, производственного и потребительского. В процессе изучения курса студентами готовились эссе по ключевым проблемам и перспективам развития человека в контексте указанных направлений. Это позволило сформировать теоретическую базу, развить навыки системного анализа и подготовить информационную канву для проблемной дискуссии, положенной в основу игры.

Работа студентов была организована в малых группах, сформированных по указанным направлениям. В рамках домашнего задания каждой группе было предложено:

- провести анализ межпоколенных различий и выделить характерные черты поколения родителей и поколения современной молодежи;
- сформировать портрет человека будущего по прогнозным оценкам человеческого развития в рамках каждого направления;
- дать сравнительный анализ менталитетов по западной и восточной модели;
- предложить комплекс мероприятий по решению демографических проблем в России.

Игра представляла собой имитацию парламентских слушаний по проблемам формирования бюджета России на основе программ развития человека с позиций двух групп институтов: института власти и общественности.

Результатом игры явилось формирование модели развития России с учетом самоопределения поколения (табл. 1) на основе выбранных ценностных ориентаций (табл. 2) и программ их реализации.

Самостоятельным результатом обсуждения программ, предложенных студентами, можно считать выявленные проблемы и противоречия развития современного поколения, в контексте прогнозных оценок развития общества. Ниже приводятся примеры проблем, сформулированных студентами, для обоснования ключевых ценностей, требующих правовой и общественной поддержки.

1. Быстрая обучаемость и потенциальная способность к интеллектуальному труду на фоне потери навыков и интереса к физическому труду.
2. Рост коммуникабельности и адаптивности при росте циничности и прагматичности в отношениях.

3. Ускорение темпов обучения, владение большим объемом информации при уменьшении кругозора.
4. Отсутствие образа национального героя на фоне субкультурной «всеядности».
5. Рост доступа к информации «без границ» на фоне сужения пространства жизнеобитания: «стол-компьютер».
6. Мало трудолюбия при большей свободе слова и мысли.
7. Более демократичное поколение при потере уважения к своей Родине, американизации культуры, потере национальной идеи.
8. Свобода и свободолюбие, самостоятельность и предприимчивость при стирании грани чувствительности к добру и злу, рост эгоизма и прагматичности в отношении к любви и дружбе.

Важнейшим противоречием, четко обозначившимся при обсуждении студентами комплекса мероприятий по программам человеческого развития, оказалось доминирование семьи в ряду ценностей человека будущего при ориентации современного поколения в решении демографических проблем на западную модель.

На наш взгляд, данная информация является основой для обсуждения проблем реформирования содержания образования и методов обучения в направлении усиления его гуманистической и культурологической компонент.

Зайцев В.М., Рязань

РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В постиндустриальном обществе основным фактором устойчивого развития становятся величина и качество человеческого капитала, под которым подразумевается знание, здоровье и мобильность личности. В связи с этим увеличение вложений государства и бизнеса в человека является главным направлением в повышении эффективности экономики и росте жизненного уровня населения.

Российские ученые считают, что одним из главных приоритетов как социально-экономической, так и демографической политики государства должно стать развитие человеческого потенциала, под которым понимается рост доходов населения, продолжительность жизни, грамотность среди взрослого населения и уровень доступности образования. В широком смысле в эти понятия включаются все аспекты развития личности человека — от состояния здоровья до степени его экономической и политической свободы.

Следует подчеркнуть, что успешное осуществление рыночных реформ должно постоянно подпитываться такими результатами человеческого развития, как рост знаний и умений работников, повышение образовательного уровня. Инвестиции в образование дают человеку возможность расширить кругозор, решают проблемы самореализации, способствуют материальному благополучию и здоровому образу жизни. На базе образования повышается экономическая производительность человека, а вместе с этим общенациональный запас человеческого капитала влияет на темпы экономического развития страны.

Важнейшей стратегической задачей России, вытекающей из ее геополитического положения, является поддержание и упрочение статуса великой державы. Ее решение не может быть легким, как по причинам демографического характера, так и с учетом положения в экономике страны. Сегодня экономические возможности России не превышают трети от потенциала СССР, а ее доля в мировом производстве составляет около 5% против 20%, приходившихся на Советский Союз.

С учетом данных факторов и тенденций остро встал вопрос о необходимости осуществления эффективной демографической политики, как структурного компонента социально-экономического развития государства. Поэтому 15 февраля 2001 г. на заседании Совета Министров Российской Федерации была рассмотрена демографическая ситуация в стране и принята концепция демографической политики, которая направлена на обеспечение национальной безопасно-

сти государства. Она характеризуется совокупностью таких внутренних факторов, как размеры территории, наличие природных ресурсов, численность населения, уровень образования и т.д. Перед обществом актуальна задача повышения демографического образования (школа, ВУЗы, система переподготовки).

Автор присоединяется к мнению ученых-демографов, которые считают, что выход России из демографического кризиса и ее поступательное развитие возможно только при комплексном подходе к решению проблем повышения рождаемости, увеличения продолжительности жизни, привлечения мигрантов, в подходе к человеческой жизни, как самой главной ценности государства.

В одном из выступлений Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что для нормального социально-экономического развития страны необходимо население в 500 млн. человек. В настоящее же время число россиян составляет 145,5 млн. и ежегодно уменьшается почти на миллион. Еще великий русский ученый М. В. Ломоносов в середине XVII в. писал, что «величество, могущество и богатство» России заключается в собственно миллионах россиян, «а не в обширности, тщетной без обитателей».

Следует отметить, что его выводы актуальны и в настоящее время. Только с 1992 г. по 2000 г. в России население сократилось почти на 6,7 млн. человек, а с учетом эмиграции в страны дальнего зарубежья — на 7,6 млн. человек. По прогнозам ООН к середине XXI века численность россиян уменьшится на шестую часть и составит чуть более 121 млн. человек, а оценка Госкомстата России еще пессимистичнее — в 2050 г. на российских просторах будут проживать около 94 млн. человек. Особенно быстро вымирает титульная нация страны — русские, так продолжительность жизни упала до самого низкого за послевоенный период уровня 65 лет. Русские мужчины не доживают до 58 лет, а женщины живут на 14 лет дольше. Это — 134 место в мире по продолжительности жизни у мужчин и 100 место — у женщин. К тому же за последнее десятилетие в ходе экономических и политических реформ резко упал жизненный уровень населения, усилились процессы депопуляции и налицо демографическая слабость российских народов и в первую очередь русского.

Не стала исключением в этом плане и Рязанская область. Показатель естественной убыли населения по данным на 2001 год является одним из самых высоких среди регионов — 12,7 человек на 1000 населения, против 6,4 в целом по стране. В области, начиная с 1988 г., наблюдается постоянное снижение числа новорожденных. Уровень рождаемости в 2,7 раза ниже черты простого воспроизводства населения.

Сохранение высокого уровня смертности — наиболее тревожное явление в демографическом развитии области. Его показатель за последние десять лет увеличился с 14,0 до 20,0 умерших на 1000 населения и стал одним из самых высоких в России. В области каждый шестой житель старше 60 лет, что составляет 16,6% от общего числа населения. По показателям ООН население считается старым при 7% показателе. Средний возраст рязанца составляет 40,1 года. Это 88 место из 89 среди регионов России.

Одним из приоритетных и перспективных направлений решения социально-демографических проблем в регионе автор считает повышение уровня демографического образования. В настоящее время в Рязанском государственном педагогическом университете им. С.А. Есенина изучению демографических проблем уделяется значительное внимание. Так, на отделении «Социология» изучается обязательный курс по демографии, а студенты-экономисты в качестве предмета по выбору осваивают проблемы «Экономической демографии».

Цель изучения курса «Демография» состоит в том, чтобы ознакомить студентов отделения социологии с основными понятиями, показателями и методами анализа демографических процессов. Основные задачи изучения дисциплины заключаются в том, чтобы научить студентов анализировать тенденции и факторы демографических процессов в регионе, стране и в мире. Они должны понимать демографические проблемы России, оценивать их остроту и вероятные перспективы, а также возможные социальные последствия. В данном курсе первостепенное внимание уделено методам анализа статистических показателей и демографической информации.

В обществе все процессы взаимосвязаны, в том числе и демографические. Они развиваются под воздействием других социальных процессов, но в свою очередь оказывают на них существенное влияние. Выявление тенденций численности народов, демографического положения в регионах России в т.ч. Рязанской области, позволяет проанализировать факторы естественного воспроизводства населения.

Серьезное внимание при изучении дисциплины уделено рассмотрению демографических процессов, так как они у народов, стран и регионов существенно различаются по показателям рождаемости и смертности. Поэтому студенты на всех видах занятий изучают различные аспекты социальной, экономической и культурной жизни, которые оказывают влияние на процессы естественного воспроизводства.

Изучение курса демографии в рамках специальности «Социология» позволит сформировать у студентов профессиональные и общечеловеческие качества на основе получения интегральных знаний, будет способствовать повышению уровня демографической образованности.

Цель изучения «Экономической демографии» — ознакомить студентов очного и заочного отделений с экономическими факторами воспроизводства населения. В данном курсе рассматривается вся совокупность экономических условий жизни общества, их влияние на темпы роста населения, уровень рождаемости и смертности, брачности, на формирование и устойчивость семьи.

Демографическое поведение населения в определенной степени зависит от общего уровня экономического развития страны и от соотношения в ее экономике различных отраслей (промышленности, сельского хозяйства и др.). Выявление тенденций численности народов, демографического положения в регионах России в т.ч. Рязанской области, позволяет проанализировать факторы естественного воспроизводства населения, а также определить перспективы и пути их экономического развития.

Одной из актуальных проблем экономической демографии стал анализ миграций населения: выявление структуры миграционных потоков, определение миграционных сальдо для страны, регионов; как миграция влияет на динамику состава населения, характер расселения и экономическое развитие. При изучении специального курса рассматриваются проблемы становления рыночной экономики, российский рынок труда и трудовые ресурсы, демографический потенциал проводимых реформ и особенности российского экономического менталитета.

Изучение данных дисциплин в определенной степени позволит сформировать у студентов профессиональные навыки, а также повысить качество человеческого капитала в демографическом аспекте. Студентам Рязанского Университета предстоит на практике применить свои теоретические знания в ходе Всероссийской переписи населения.

Зверева Н.В., Москва

ЭКОНОМИКА СЕМЬИ В ПРЕПОДАВАНИИ ДЕМОГРАФИИ

Название доклада на первый взгляд кажется парадоксальным: экономика семьи — это часть предмета экономической науки, и она должна преподаваться в системе преподавания экономических наук. В преподавании же демографии речь должна идти о демографии семьи, а не об экономике. Разберемся с этим вопросом подробнее.

В важнейшей для демографии семьи работе «Семья — объект демографии» А.Г. Волков отмечал, что семья является объектом исследования многих наук — социологии, экономики, правоведения, этнографии, психологии, педагогики, демографии. В соответствии со спецификой своего предмета каждая их наук выделяет особые стороны функционирования и развития семьи. Экономическая наука исследует семью как потребительскую и производственную ячейку.

«В демографии — науке о закономерностях воспроизводства населения — семья является объектом изучения как первичная ячейка воспроизводства новых поколений» (1, С. 11). В человеческом обществе отношения по воспроизводству населения реализуются в исторически сменяющихся социальных институтах, важнейшим из которых является семья.

В демографическом изучении семьи А.Г. Волков выделяет три основных стороны. Первая — это демографическое поведение, социально — демографические отношения на уровне семьи. Вторая — влияние состава и типа семьи, числа семей и соответственно брачности и разводимости на уровне рождаемости и смертности. Третья — изучение самого процесса образования и развития семей как самостоятельный демографический феномен и как результат совокупного влияния на него демографических процессов.

Видимо именно второй и третий аспекты демографического изучения семьи выступают предметом формальной демографии как демографической теории. А вот условия, потребности, способы их реализации, все, что мы называем поведением, социально-демографическими отношениями в семье не могут не включать в себя ее экономические аспекты — экономические условия, потребности, их иерархию и способы реализации, что в эконометрике проявляется в виде соотношения разнообразных кривых безразличия и бюджетных ограничений.

В демографических исследованиях и преподавании семьи достаточно четко проявляется факт междисциплинарного характера самой демографии, что еще в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века подчеркивал основатель нашей кафедры, лаборатории и специализации студентов Д.И. Валентей. В практике преподавания демографии ее междисциплинарный характер проявляется не только в наличии, объеме и содержании спецкурсов, относящихся к разным наукам — экономике, истории, социологии, формальной демографии, но и в преподавании демографии на разных факультетах, не только экономических. Междисциплинарный характер демографии, необходимость усиления ее теоретической части и в связи с этим — развития демографического осмысления экономических, политических, нравственных, исторических, психологических отношений, взаимодействия социальных институтов, классов и групп, этносов, культурных норм, традиций и т.д., признается не только у нас, но и во всем мире. Большую роль в этом признании сыграла деятельность нашего коллеги, а для многих из нас и учителя — Д.И. Валентя.

Переход от анализа соотношений между числами, от формальной демографии как демографической теории к социально-экономическому объяснению закономерностей демографических процессов,

акцентирование первого аспекта в теоретической демографии ставит семью в демографической теории на первый план. А.Г. Волков в цитированной уже работе отмечал: «Население вообще лишь по традиции рассматривается как совокупность индивидов, не различающихся ничем, кроме возраста и пола. На самом же деле люди живут семьями, а население представляет собой не столько совокупность людей, сколько совокупность семей, обладающих определенной структурой, изменяющихся по определенным закономерностям, хотя и тесно связанным с демографическими процессами, но им не тождественным» (1, С. 13). Однако, этот переход, связанный с междисциплинарным характером демографии и обусловленной им необходимостью укрепления объединяющего ее в единую науку теоретического ядра, ничуть не уменьшает значения формальной (математической) демографии. Указывая на междисциплинарный характер демографии, Г. Вунш отмечал, что именно математические методы выступают ее «междисциплинарной общей валютой» (2, С. 4). Таким образом, с развитием междисциплинарного подхода в демографии все большую роль в ней в качестве объединяющего начала играют теоретическая демография и формальная (математическая) демография, отражающие содержательное и соответственно формальное единство и взаимодействие демографических процессов. В обоих этих разделах демографии экономические исследования, особенно экономика семьи, играют важнейшую роль как в анализе экономических отношений, так и при формировании базы данных (система социальных счетов, бюджетные исследования и т.д.), использовании эконометрических методов.

Г. Беккер, будучи Президентом американской ассоциации экономистов, ставил одной из важнейших для них задач экономическое изучение семьи. Он обращал внимание на теоретические и прогностические возможности такого изучения при объяснении закономерностей демографического перехода и взаимодействия населения и экономических циклов разной длительности, рассматривая семью как важнейшее звено такой взаимосвязи.

В энциклопедическом словаре «Народонаселение» семья определяется как «основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью» (3, С. 430). Это определение изначально включает чисто демографические, экономические и многообразные социальные аспекты.

На многих международных конференциях, в т.ч. по народонаселению в 1994 г. в Каире и в 1997 г. в Пекине, отмечалась необходимость расширения круга вопросов, получаемых из переписей населения, для получения «точных, надежных, своевременных, культурно адекватных и международно сопоставимых данных и информации,

относящихся к широкому кругу вопросов» (5, С. 241). В их число включаются характеристики домохозяйства (семьи) и жилищные условия. Это такие вопросы, как состав и структура семьи (домохозяйства), благосостояние семьи, распределение домашних обязанностей, включая воспитание детей, права наследования, уровень бытового насилия, модель общения между мужчинами и женщинами, доступ к чистой воде и санитарии, дискриминация в семье, земля и другая собственность. Если данная информация не может быть получена из переписей населения, ее необходимо получать из других источников, таких как специальные крупномасштабные обследования (бюджетов, микропереписей и т.д.), из данных текущей статистики.

Программа действий Всемирной конференции по народонаселению подчеркивает тот факт, что «семья является основным элементом общества», который «имеет право на всестороннюю защиту и поддержку». Далее в документе отмечается, что быстрые демографические и социально-экономические изменения повлияли на состав и структуру семьи по всему миру (5, С. 248). Любые меры, которые должны быть предприняты для поддержки семьи и ее членов наряду с различными мерами в области развития потребуют адекватной информации о динамике характеристик и структуре семьи. В этой связи понятно, почему семья или домохозяйство использовались как единицы учета в переписях и обследованиях во многих странах мира.

В экономической теории (политической экономии) до второй половины 1980-х гг. семье и домохозяйству в нашей стране не уделялось практически никакого внимания, хотя за пределами экономического исследования они выступали как предпосылки, обуславливая в некоторой степени воспроизводство трудовых ресурсов и потребление. Однако, они выступали именно как «предпосылки» и выводились за пределы собственно политэкономического исследования.

Некоторое изменение отношения политэкономии к семье в нашей стране произошло со второй половины 1980-х гг., что нашло отражение в вышедших тогда в большом количестве новых учебниках по политэкономии. Так, в ряде учебников для высших учебных заведений, вышедших в конце 1980-х гг., небольшое внимание уделялось формированию семейных доходов как конечному итогу распределения фонда личного потребления при социализме. Формирование и использование семейных доходов объявлялось активнейшим рычагом развития социалистических отношений и экономического стимулирования производства.

Важность исследований семьи в политэкономии социализма объяснялась тем, что, если анализ производства и первичного распределения имел своим предметом человека как индивидуального работника, то при исследовании доходов и их использования основным объектом внимания является семья. Семья включалась в фазы рас-

предела и потребления продукта, но не выступала производящей ячейкой. К тому же, участие семьи в двух вышеназванных процессах фактически только провозглашалось, но не анализировалось с достаточной глубиной и полнотой даже для того времени.

Однако, нужно отметить что в нашей стране был накоплен большой опыт экономических исследований семьи и домохозяйства. Так, еще в конце позапрошлого, начале прошлого века большое внимание у нас уделялось бюджетным исследованиям, а также изучению крестьянского хозяйства (представителями организационно-производственного направления (А. Челинцевым, Н. Макаровым, А. Чайновым и др.)) как целостной системы, его внутренней структуры, условий его воспроизводства, включая и демографическое, степени обеспеченности семьи собственной рабочей силой, ее экономических связей с обществом. В 1920-е гг. большое внимание проблемам формирования бюджетов семей и их расходам уделялось в работах С. Струмилина, А. Стопани, Г. Поляка. Исключительно важное значение имели в это время работы С. Томилина, который одним из первых в начале 1920-х годов обратил внимание на важность изучения экономических проблем народонаселения и семьи, первым ввел термин «экономика народонаселения».

С 1960-х гг. это направление экономических исследований семьи было вновь подхвачено группой уральских ученых под руководством А. Пруденского, В. Патрушевым и т.д. В настоящее время большую и новаторскую работу в этом плане ведет ИСЭПН под руководством Н.М. Римашевской.

На семью, ее состав и структуру, согласно нашим представлениям в недавнем прошлом, оказывала влияние система социально-экономических факторов, к которым относились: усиление роста требований к качеству воспроизводства рабочей силы в условиях научно-технической революции, масштабы занятости женщин профессиональным трудом, степень экономической самостоятельности молодежи и женщин, характер и общественное значение функций самой семьи как социально-экономической ячейки общества, структура потребностей членов семьи и ее влияние на потребность в детях, обеспеченность жильем, развитие сферы услуг и детских дошкольных учреждений, бюджет семьи, система пенсионного обеспечения, помощь государства, рост общественных фондов потребления, совершенствование их структуры и др. В целом речь шла о влиянии на семью ее социально-экономического положения. В анализе воздействия экономических факторов на семью, рождение и воспитание детей, здоровье ее членов промежуточным звеном выступали потребности, их объем и структура, деятельность по их удовлетворению.

В экономической теории за рубежом семья изучалась более полно, чем у нас. Термин домашнее хозяйство трактуется как хозяйственная единица, состоящая из одного или более лиц, объединяемых общим бюджетом и местом проживания, которая снабжает экономику ресурсами и использует полученные за них деньги для приобретения товаров и услуг, удовлетворяющих материальные потребности человека (4, С. 4).

Традиционно в развитых странах семья включается в разделы экономической теории, посвященные распределению доходов, потреблению (и в связи с ним — накоплению), формированию платежеспособного спроса, а также частично — в проблематику воспроизводства рабочей силы и занятости (особенно женщин и молодежи). Семья также включается в разделы, посвященные социально-экономической политике государства, связанной с социальным обеспечением нетрудоспособных, социальной поддержкой малообеспеченных или неполных семей, семей, где есть безработные, инвалиды или престарелые и т.д. Несмотря на более полное включение семейной проблематики в «западную» экономическую теорию, отношение экономической теории к семье и там, и у нас принципиально не различалось. Основные черты этой общей «метaparадигмы» состояли в том, что семья (также как население в целом и его развитие) рассматривалась как внешняя для экономики, экзогенная переменная, лишь модифицирующая систему экономических отношений в процессе производства относительно редких благ и услуг.

Недостаточное внимание в экономической теории к семье «теоретически обосновывалось» историческим изменением функций семьи. Отмирание посреднической роли семьи во взаимоотношениях (в т.ч. и экономических) индивида и общества «объясняло» и слабый интерес к семье в экономической теории. В господствовавшей метапарадигме экономической теории функционирование и развитие семьи и домохозяйства не являлось одной из важнейших сторон предмета исследования, охватывавшего пока лишь анализ воспроизводства материальных благ и услуг.

Основными всеобщими чертами трансформации экономических функций семьи называются следующие:

- отмирание производственной функции, в реализации которой участвовали все члены семьи;
- переход ряда хозяйственно-бытовых видов деятельности к внесемейным институтам;
- расширяющееся участие женщин (вслед за мужчинами) во внесемейном производстве;
- более поздняя и сокращающаяся экономическая отдача детей родителям и увеличение затрат на них со стороны семьи;

- увеличение количества времени, затрачиваемого людьми вне семьи;
- развитие систем социального обеспечения, общественного воспитания, образования, рекреации, заменяющее семью.

Важной современной характеристикой семьи является снижение непосредственной экономической ценности детей, связанной с сокращением участия детей в семейном труде (как в хозяйственно-бытовой деятельности, так и в семейном товарном производстве), снижение их значимости как экономической поддержки в старости. В нашей стране эта негативная тенденция ценности детей усиливалась практически полным отрицанием семейного бизнеса, вынужденной внесемейной ориентацией взрослых членов семьи, связанной как с работой (особенно женщин), так и воспитанием детей, с отдыхом, отсутствием стимулов руководства собственностью и передачи имущества по наследству. Таким образом, общее негативное влияние экономического развития на семью в нашей стране еще больше усиливалось.

В то же время семья занимает важное место в экономике современных развитых стран. Стабилизировалась функция производства материальных благ и услуг. Семья в рыночном хозяйстве является важнейшим фактором перераспределения доходов, следовательно, и формирования платежеспособного спроса, его субъектом. Заработная плата, доходы от предпринимательской деятельности, другие доходы перераспределяются на уровне семьи в соответствии с числом ее членов их социально-демографическими характеристиками, что в свою очередь, влияет на их потребление именно как членов семей. Семья является фактором дифференциации уровня жизни. Она потребляет не только товары и услуги, производимые частными и государственными предприятиями, но и различные «программы социальной поддержки». Она также выступает фактором аккумуляции доходов и инвестиций в производство.

При исследовании взаимосвязей семьи и экономики в переходных условиях внимание главным образом уделяется негативному влиянию переходных экономических процессов на семью – на резкое падение уровня жизни семей, особенно семей с детьми, неполных семей, усиление дифференциации доходов, относительно более высокий уровень бедности среди семей с детьми, ухудшение структуры потребления, рост безработицы, снижение рождаемости, рост смертности. Однако сложная экономическая ситуация может способствовать возрождению и усилению защитной или посреднической функции семьи как наиболее стабильной, полифункциональной, способной к адаптации социально-экономической ячейки общества. Снижение доходов основной массы населения вызвало резкое повышение экономической активности семей. Возникли вновь или стали более интенсивными такие экономические виды деятельности семей, как самозанятость членов се-

мей, семейное предпринимательство, предоставление в наем семейного имущества — машин, дач, квартир и т.д., оперирование ценными бумагами, семейная торговля излишками продукции, произведенными в домашнем хозяйстве, индивидуально-трудовая деятельность, аграрная деятельность (6, С. 20–21).

В переходных условиях растет роль семейного бизнеса в экономике, особенно в сельском хозяйстве. При оказании ему действенной экономической поддержки, со стороны государства семейный бизнес поможет ряду семей решать проблему получения дополнительных или даже основных доходов, создаст новые рабочие места, будет способствовать более полному удовлетворению потребностей членов семьи.

Возрастание роли семейного производства для внутреннего потребления членов семьи в наших условиях связано с тем, что снижение уровня жизни заставило многие семьи отказаться от дорогостоящей сферы услуг, перейти к почти полному самообслуживанию. Рост цен на услуги привел к отказу населения от пользования платными услугами и к увеличению объемов основных видов услуг, выполняемых в домашнем хозяйстве.

Зарубежные исследования, а также и наши, проводившиеся до революции, и в 1920-е и 1960-е гг. нашего века (в т.ч. расчеты «рационального потребительского бюджета» семей разного размера и состава) показывают, насколько велико значение фактора семейности для индивидуального потребления. Это связано и с расчетами прожиточного минимума для члена семьи и семей разного размера и состава, которые входят в экономическое обоснование мер, направлений семейной политики, выбора ее объекта, приоритетных групп и направлений. Такие виды деятельности домашних хозяйств, как сдача семейного имущества внаем, операции с ценными бумагами и вкладами в банках не только способствуют повышению уровня жизни населения, но и могут позволить при соответствующих условиях использовать их в качестве инвестиций в экономику.

До перехода семья не включалась в отношения занятости, государство как субъект производства и собственник вступало в отношения с атомизированными индивидами, а не членами семей и не семьями. Полная занятость женщин в общественном производстве (сверхзанятость, зачастую за счет здоровья их самих, детей, семейных интересов) была вынужденной. Результатом этого явилось постепенное разрушение семьи. В настоящее время семья может стать активным фактором выбора сферы, характера, типа и степени занятости ее членов, т.е. превратиться в промежуточное звено механизма занятости. Адаптация к изменяющимся условиям занятости может протекать через принятие семейных решений, изменение моделей занятости членов семьи (занятости в государственном, коллективном или частном секторе, самозанятости, организации семейного бизне-

са, графика занятости, возрастно-половой структуры на уровне семьи, оптимального соотношения занятости в семье и вне ее и т.д.).

Именно в силу своей полифункциональности семья может решать одновременно многие экономические задачи: обеспечение занятости, повышение уровня жизни и снижение уровня бедности, увеличения спроса на товары и услуги, накопление, семейный бизнес и тем самым — обеспечивать рост производства, воспроизводство человеческого капитала.

Самым важным фактором, обуславливающим возрастание значимости семьи в экономическом развитии, является усиление экономической актуальности воспроизводства человеческих ресурсов, или человеческого капитала в семье как его основной ячейке. В этой своей всеобщей экономической функции семья выступает средой экономического жизнеобеспечения ее членов, а производимые в ней продукты и услуги — его условиями, средствами, преходящими моментами воспроизводства человеческого капитала для экономики. В экономически развитых странах только около четверти календарного времени человек тратит на производственную деятельность вне семьи и более половины затрат связано с семьей (и примерно четверть активного времени затрачивается в семье). Однако именно внесемейной деятельности экономисты до сих пор уделяли основное внимание.

Основная заслуга теории человеческого капитала состоит в том, что внутрисемейное производство рассматривается в ней как важнейший вид общественного воспроизводства, производящий человеческий капитал. Теория человеческого капитала стремится включить в сферу экономики и экономически объяснить все процессы, происходящие в семье и ее место в обществе, рождение детей в семье, внутрисемейные отношения, дать им экономическую (в т.ч. и денежную) оценку. Таким образом, эта теория предпринимает активные попытки решить систему социально-демографических семейных проблем чисто экономическими способами, претендуя на статус общей теории в демографии, которая объявляется экономической (7, С. 20).

Основной наиболее общей причиной снижения рождаемости является та, что непосредственно потребность в детях испытывает семья, тогда как общество в целом имеет экономическую потребность в трудовых ресурсах. Следовательно, чем менее интегрированы семья с экономикой, а личность с семьей, тем больше потенциальная возможность обострения этого противоречия. Отражая реальные процессы, происходящие в настоящее время в обществе, теория человеческого капитала утверждает, что семья выступает внутренней подсистемой экономической системы, выполняющей функцию воспроизводства главной составной части капитала — человеческого капитала. Таким образом, эта теория, выступая как объяснительная

теория рождаемости, смертности и миграции через экономический механизм принятия решений на уровне семьи, делает своеобразную попытку интеграции экономических и чисто демографических исследований.

Имея в виду важнейшую экономическую функцию семьи в воспроизводстве человеческого капитала, необходимо способствовать не только развитию рыночных отношений в материальном производстве и обращении, но, прежде всего - реализации этой современной функции семьи, как важнейшей характеристики современного этапа развития рыночного хозяйства. В переходной экономике по сравнению с предшествующим периодом создаются возможности для роста экономической роли семьи, она постепенно может стать важнейшим агентом экономического развития, что может привести к возникновению новой для нашей страны модели взаимосвязей семьи и экономики. Отсюда следует, что решение основных актуальных социально-экономических проблем (бедности, доходов, уровня жизни, потребления, роста инвестиций в производство, занятости и т.д., а также демографических проблем рождаемости, брачности и разводимости) в настоящее время у нас невозможно вне ориентации на семью всей социально-экономической политики.

Целостная экономическая концепция функционирования и развития семьи, как основного звена взаимодействия экономических и демографических отношений, до сих пор не создана. В то же время необходимость включения в предмет экономической теории (политической экономии) новых проблем, связанных с воспроизводством населения и семьей, а в демографию — проблем экономики семьи, с начала 1960-х гг. обосновывалась и у нас (примерно в то же время, что и на западе, хотя аргументация в силу специфики подходов к экономической теории, несколько различалась). В частности, речь шла о том, что материальное производство нельзя сводить к производству материальных благ. Его следует рассматривать как производство материальной жизни людей (общества), в котором материальные блага производятся как средства существования людей. Подчеркивалась идея о необходимости разработки единой теории общественного производства непосредственной жизни, включающего два рода производства: средств к жизни и самих людей.

Эти идеи в экономической теории в нашей стране во многом были отголоском дискуссии, развернувшейся с начала 1960-х гг. среди философов и историков по поводу замечания Ф. Энгельса об определяющем историческом производстве и воспроизводстве непосредственной жизни. Важным было утверждение о том, что «продолжение рода» представляет собой сторону воспроизводства жизни общества, но это особый вид производства, который регулируется своими особыми

ми законами, имеет свои объективные и субъективные факторы, свою производственную ячейку — семью (В. Павленко, 8, С. 37.). Также отмечалась актуальность включения в теоретическую демографию (демологию) экономических проблем семьи, поскольку экономические отношения рассматривались как ядро, внутренний систематизирующий фактор семейных отношений, рождения и воспитания детей, сохранения здоровья и продолжительности жизни (Л. Чуйко, 9, С. 37). Однако, речь шла только об обосновании необходимости более широкого теоретико-экономического подхода к исследованию воспроизводства людей и семьи как его основной ячейки. Такое включение не могло быть простым «приращением» к уже существующему знанию, оно требовало переворота во всей тогдашней политической экономии. Использование же старых понятий, «работавших» лишь в определенной теоретической системе, вело к путанице, фактически помимо воли, приводило к смещению новых акцентов и подходов к традиционным.

Анализ закономерностей воспроизводства населения, разработка концепции воспроизводства населения в нашей стране, теоретических основ социально-демографической политики, демографическая экспертиза, обоснование вариантов демографических прогнозов как органической составной части социально-экономического прогнозирования, более тесная интеграция демографических переменных в устойчивое развитие — важнейшие вопросы, включаемые в преподавание демографии для студентов разных специальностей (разумеется, с различными их «весами» и акцентами). Их решение невозможно вне развития экономических исследований семьи.

Основными разделами курса экономики семьи и домохозяйства должны быть, по моему мнению, следующие:

- *Введение, общие вопросы.* В нем определяются задачи курса, обосновывается его важность для экономической и демографической науки, раскрываются основные источники данных и методы изучения. Определяются основные функции семьи и домохозяйства, их место в историческом развитии, их современное значение. Дается краткое описание существующих теорий в этой области. Особое внимание уделяется гендерным и возрастным аспектам. Подчеркивается необходимость комплексных исследований, в частности особая важность экономико-демографических исследований.

- *Демографо-экономическое изучение семьи и домохозяйства.* Здесь необходимо дать представление о системе демографических показателей, характеризующих семью и домохозяйство, о демографических процессах, влияющих на них (рождаемости, смертности, брачности, разводимости, миграции), а также о таких явлениях, как нуклеаризация семей и изменение их детности. Дается социально-

демографическая типология семей и домохозяйств, семейная структура населения. Представляются основные экономические концепции, объясняющие динамику рождаемости, смертности, брачности и разводимости, стабильности семьи и домохозяйства. Определяются проблемы и основные методы прогнозирования в связи с экономическим развитием.

- *Экономико-демографическое изучение семьи и домохозяйства.*
- *Семья и домохозяйство в экономическом измерении.* Определяется место семьи и домохозяйства в экономической системе и специфика экономического подхода к их изучению. Раскрываются экономические функции семьи и домохозяйства, ее роль в воспроизводстве человеческого капитала.
- *Экономическое положение семей и домохозяйств в России: история и современность.* Даются основные измерители экономического положения — прямые (доходы, имущество, расходы, потребление) и косвенные (здоровье и смертность, образование, экологическая ситуация), их динамика и региональные различия.
- *Домохозяйственные факторы дифференциации доходов и бедности.* Раскрывается степень влияния размера домохозяйства, его состава, числа детей, этапов жизненного цикла как причин дифференциации доходов и бедности. Даются социально-демографические характеристики бедных, а также длительности их бедности.
- *Внутридомохозяйственная (внутрисемейная) экономическая деятельность.* Определяются основные виды производственной деятельности в семье и домохозяйстве. Дается характеристика семейного бизнеса и его проблем. Анализируется возрастно-половое разделение труда, рабочего и свободного времени. Дается определение внутридомохозяйственного труда как экономически производительного труда, а также возможности его экономической оценки. Определяются размеры и направления движения благ и услуг в этом виде производства.
- *Семья и домохозяйство на разных этапах жизненного цикла.* Дается определение жизненного цикла семьи и домохозяйства, его этапов. Выделяются отдельные «линии» развития семьи: демографическая, экономическая, социальная, определяется их единство и взаимодействие. Дается анализ динамики экономического положения семьи (домохозяйства) на разных этапах жизненного цикла, и ее основные экономические проблемы.
- *Экономические основы семейной политики.* Семья (домохозяйство) определяется как основной объект социально-экономической политики. Выделяются социальные государственные гарантии, адресный подход и проблемы оценки его эффективности. Анализируются со-

отношение федерального и регионального уровней семейной политики, ее основные направления и меры.

Демографические, экономические и социальные процессы, происходящие в мире, специфика нашего демографического, социально-экономического развития, положения семьи, демографический кризис, необходимость проведения активной социально-демографической политики увеличивают значимость экономической семейной проблематики в решении всех этих вопросов. Попытки объяснения динамики рождаемости, смертности и миграции через систему отношений между людьми, (а не только через соотношение показателей) с необходимостью приводят к изучению семьи, ее внутренних и внешних взаимодействий, как основной ячейки, в которой рождаются и воспитываются дети, удовлетворяются потребности, а члены семьи развивают свои внутренние потенциальные возможности («человеческий капитал»), восстанавливают и укрепляют здоровье, принимают решения о смене места работы, переезде, расходах и потреблении и т.д.

Понятие «экономика семьи» можно рассматривать на двух уровнях. Первый: как отношения между членами семьи, семьей и экономикой, существующие в процессе производства семьей различных видов капитала, прежде всего — человеческого. Он анализируется целым комплексом наук, объединяющим началом которого может стать экономическая социология. Второй характеризует специфически экономический подход (а в его рамках — различные экономические теории) к анализу и объяснению всех семейных отношений, в т.ч. и демографических. Он отражает лишь один из возможных способов исследования и объяснения демографических отношений и символизирует расширение предмета экономической науки за ее традиционные рамки.

Развитие демографии как самостоятельной науки, ее обособление на основе междисциплинарного подхода, развитие в ней теоретической демографии и связанное с этим необходимое усиление ориентации исследований и преподавания демографии на семью и ее экономику Д.И. Валентей обосновывал еще в конце 1970-х гг. Видимо, в то время эти идеи были преждевременными, обгоняли уровень исследований того времени и не были в достаточной степени развиты, подкреплены специальными социально-экономическими исследованиями. Сейчас такое время наступило.

Литература

1. Волков А. Семья — объект демографии. М., 1986.
2. The State of Population Theory / ed. By D.Coleman and R. Schofield, 1986.
3. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1994.
4. Макконел К., Брю С. Экономика. Принципы, проблемы и политика. Реферат-дайджест. М., 1993.

5. Материалы встречи группы экспертов по инновационным методикам для переписей населения и крупномасштабных демографических обследований. Гаага, 22–26 апреля 1996 г.
6. Жеребин В. и Романов А. Экономика домашних хозяйств. М., 1998.
7. G.Becker in: Sociological Economics. SAGE Publ., London, 1979.
8. Народонаселение: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Н. Зверевой и В. Медкова. М., 1987.
9. Экономика демопрцесса. Киев, 1981.

Калабихина И.Е., Москва

**НЕКОТОРЫЕ ТЕЗИСЫ О РАЗВИТИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ О МАГИСТЕРСКИХ
ПРОГРАММАХ В РАМКАХ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «ДЕМОГРАФИЯ»
НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ**

Перспективы развития демографического образования с нашей точки зрения представлены тремя основными тезисами: тезисом о необходимости развития широкого подхода к предмету демографии, тезисом об институциональном оформлении этого развития и тезисом о внедрении новых методов преподавания.

Предмет демографии. До настоящего времени не утихает спор между «чистыми демографами» и демографами, придерживающимися широкого взгляда на развитие предмета демографии, об истинности той или иной точки зрения. «Чистую демографию» обвиняют в излишнем увлечении технической стороной вопроса, «комплексную демографию» в отсутствии тонких математических методов анализа. Аргументом в защиту широкого взгляда на предмет демографии является необходимость развивать междисциплинарный подход к анализу проблем населения, позволяющий усилить возможности интерпретации, реализовать комплексный подход и отталкиваться в анализе от проблем, а не от процессов. История развития нашего Центра по изучению проблем народонаселения и большинства европейских и американских институциональных объединений отражают тенденцию усиления междисциплинарного подхода.

Институционализация. Демографические центры, как правило, объединяют специалистов разных дисциплин, решивших посвятить себя изучению населения. Это — экономисты, социологи, историки, математики, географы и др. Демографические кафедры традиционно базируются на социологических, экономических или статистических факультетах (институтах), что определяет в какой-то мере и состав дисциплин специализации по демографии. Решением вопроса независимости исследований в области проблем населения и реализации принципа междисциплинарности в университетах служит образование Центров по изучению проблем населения, объединяющих иссле-

довательские и преподавательские задачи. По этой схеме развивался ЦНН МГУ. Аналогичная институциональная структура наблюдается, например, в Центре по изучению населения Пенсильванского университета (Филадельфия, США). Кафедра формально входит в состав социологического факультета, а указанный Центр является отдельной самостоятельной организацией в составе университета, включающей сотрудников кафедры, что позволяет привлекать к исследовательской и преподавательской работе специалистов разных дисциплин. Факультетский уровень представления демографических дисциплин в университетском образовании предполагает еще большие возможности развития широкого подхода к предмету демографии (например, Институт демографии Сорбонны (Париж-1), Институт демографии университета Лувен-ля-Нев).

Новые методы преподавания. Развитие современных методов университетского образования идет в направлении индивидуализации и активизации студентов в учебном процессе. Особенно хочется подчеркнуть перспективы дистанционных (дистантных) методов обучения. Создание базовых демографических курсов в дистанционном формате (заявка на создание подобного курса в рамках программы развития дистанционного образования на экономическом факультете МГУ уже существует) позволит решить проблему территориальной удаленности субъектов России в вопросах обмена опытом в демографическом образовании и проблему нехватки времени для получения дополнительного образования или повышения квалификации. Дистанционные курсы могут быть и продуктом обмена в международном масштабе. Активизации участия студентов в учебном процессе служит также внедрение кейс-методов, ролевых игр, использования фокус-групповых занятий. Следует остановиться также и на необходимости активнее включать в учебный процесс работу с реальными данными (например, на базе данных российской микропереписи 1994 года или международных баз данных с использованием современных статистических пакетов (например, SPSS) предлагать каждому студенту в рамках демографического курса написать работу по выбранной демографической проблеме).

Магистратура экономического факультета МГУ
Специальность «Экономическая и социальная политика»,
специализация «Демография»

Учебный план специализации «Демография» и программы курсов разработаны, в основном, в рамках проекта Европейского Союза по развитию и поддержке образования в России ТЕМПУС Т-JEP 10062-95 «Образование в области сбора и обработки данных о населении, анализа и прогноза демографического развития». Большинство курсов прошли экспертизу специалистов в области изучения народонаселе-

ния из демографических институтов университетов-партнеров: Париж-I-Пантеон-Сорбонна (Франция), Римский университет «Сапиенца» (Италия), Католический университет г. Лувен-ля-Нев (Бельгия). Программы подготовлены, в основном, преподавателями и ведущими научными сотрудниками Центра по изучению проблем народонаселения МГУ. План специализации рассчитан на 2 года и включает в себя набор курсов общим объемом около 480 часов, апробированных в 1998–2001 гг. Ниже предлагается список некоторых программ, неоднократно апробированных за последние годы:

- *Основы демографического анализа.* Автор программы: к.э.н. Н.М. Калмыкова;
- *Источники демографических данных и наблюдение в демографии.* Автор программы: к.э.н. Г.Е. Ананьева;
- *Математические модели в демографии.* Автор программы: к.э.н. М.Б. Денисенко;
- *Анализ неполных демографических данных и прикладной демографический анализ* Автор программы: к.э.н. В.Х. Эченикэ;
- *Современные проблемы рождаемости.* Автор программы: к.э.н. С.В. Захаров;
- *Проблемы заболеваемости и смертности.* Автор программы: к.э.н. Е.М. Андреев;
- *Пространственная подвижность населения.* Авторы программы: д.э.н., проф. В.М. Моисеенко, к.э.н. О.С. Чудиновских, Е.В. Донец;
- *Домохозяйство, семья и семейная политика.* Авторы программы: д.э.н., проф. Н.М. Римашевская, к.э.н. А.Г. Волков, д.э.н. Н.В. Зверева, к.э.н. В.В. Елизаров, к.э.н. И.Е. Калабихина;
- *Социально-экономические аспекты демографической динамики.* Автор программы: к.э.н. М.Б. Денисенко;
- *Демографическая политика.* Автор программы: к.э.н. В.В. Елизаров;
- *История изучения народонаселения и демографических концепций.* Авторы программы: д.э.н., проф. А.П. Судоплатов; д.и.н., проф. Д.К. Шелестов;
- *Мировые миграции населения и рынок труда.* Автор программы: д.э.н., проф. В.А. Ионцев;
- *Экономическая демография.* Автор программы: д.э.н., проф. А.А. Саградов;
- *Методы анализа в исторической демографии.* Автор программы: к.э.н. И.А. Троицкая;

КУРСЫ И ПРАКТИКУМЫ, АПРОБИРОВАННЫЕ В РАМКАХ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА:

- *Методология научных исследований в демографии: общая теория народонаселения.* Автор: д.э.н. Н.В. Зверева;

- *Миграция населения и демографическое развитие*. Автор: д.э.н., проф. В.А. Ионцев;
- *Практикум: гендерная экспертиза социально-демографических программ и исследовательских проектов* Автор: к.э.н. И.Е. Калабихина;
- *Практикум: качественные и количественные методы в социологических и демографических исследованиях* Автор: к.э.н. И.Е. Калабихина;

Более подробную информацию можно получить из каталога курсов магистерских программ МГУ или непосредственно у сотрудников ЦН.

На основе уже апробированных курсов могут быть подготовлены программы повышения квалификации специалистов по проблемам народонаселения (преподавателей, научных работников, сотрудников министерств и ведомств) продолжительностью от 2-х до 4-х недель с учебным планом, рассчитанным на 60–120 часов занятий, а также программы переподготовки специалистов с высшим образованием продолжительностью от 2 до 3-х месяцев с учебным планом, рассчитанным на 240–360 часов занятий.

Отв. за специализацию в магистратуре Ирина Евгеньевна Калабихина: Тел. (095) 939-2993; e-mail: kalabikhina@mail.econ.msu.ru; ikalabi@edunet.ru.

Зав. кафедрой народонаселения Ионцев Владимир Алексеевич: Тел. (095) 939-2928, e-mail: iontcev@mail.econ.msu.ru;

Руководитель Центра по изучению проблем народонаселения Елизаров Валерий Владимирович: Тел. (095) 939-2838, e-mail: elizarov@mail.econ.msu.ru.

MASTER PROGRAM «ECONOMIC AND SOCIAL POLICY»,
SPECIALIZATION: «DEMOGRAPHY»

Most of the Courses of this specialization were worked out in the framework of TEMPUS Project T_JEP 10062-95 «Education on Data Collection, Demographic Analysis and Demographic Prospect». There were the approbation of the courses by colleagues from universities-partners: Paris-I University (Sorbonne), France; Louven-la-Neuve Catholic University, Belgium; Rome University (Sapientca), Italy. The Program was mainly created by professors, docents and scientists of Center for Population Studies of MSU. The specialization covers two academic year (480 hours). These Courses were in education process of MSU in 1998-2001. The list of basic courses consists of COURSE' NAME, lector(s)/author(s).

- *Demographic analysis I*, Ph.D. N.M. Kalmykova;
- *Data collection, information and observation*, Ph.D. G.E. Ananyeva;
- *Demographic models*, Ph.D. M.B. Denissenko;
- *Incomplete data analysis*, Ph.D. V.H. Echenike;
- *Analysis of fertility*, Ph.D. S.V. Zakharov;

- *Analysis of morbidity and mortality*, Ph.D E.M. Andreev;
- *Population mobility*, Professor V.M. Moisseenko, Ph.D. O.S. Chudinovskikh;
- *Household, family and family policy*, Professor N.V. Zvereva, Ph.D. I.E. Kalabikhina;
- *Socio-economic factors of population dynamics*, Ph.D. M.B. Denissenko;
- *Population policy*, Ph.D. V.V. Elizarov;
- *Historical demography and demographic concepts*, Professor A.P. Sudoplatov;
- *World migrations and labor market*, Professor V.A. Iontsev;
- *Economic demography*, Professor A.A. Sagradov;
- *Methods of historical demography*, Ph.D. I.A. Troitskaya.

SCIENTIFIC SEMINAR (in the framework of specialization)

- *Population theory*, Professor N.V. Zvereva;
- *Migration and population development*, Professor V.A. Iontsev;
- *Practicum: gender expertise of social programs and projects*, Ph.D. I.E. Kalabikhina;
- *Practicum: qualitative and quantitative researches: data and methods*, Ph.D. I.E. Kalabikhina

More information could be got from Catalog of Master Programs (in Russian) or from CPS staff.

This Program could be transformed to the following education programs:

Higher Qualification Program:

Applicants: the specialist in population problems: teachers, researches, making-decision people from Ministries. Duration: 2–4 weeks. Hours: 60–120.

Second High Education Program:

Applicants: the people who has non-demographic high education and wants to be graduated in demography. Duration: 2–3 months. Hours: 240–360.

Responsible person on Master program,

Ph.D. I.E. Kalabikhina

Tel. (095) 939–2993;

e-mail: kalabikhina@mail.eocn.msu.ru; ikalabi@edunet.ru.

Chief of Population Department of MSU,

Professor V.A. Iontsev:

Tel. (095) 939–2928, e-mail: iontsev@mail.econ.msu.ru.

Director of Center for Population Studies of MSU,

Ph.D. V.V. Elizarov

Tel. (095) 939–2838, e-mail: elizarov@mail.econ.msu.ru.

Калмыкова Н.М., Москва

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО СЕМИНАРА В МАГИСТРАТУРЕ¹

Необходимость в научном семинаре для магистров не вызывает сомнений, но споры о формах проведения подобного семинара продолжается. Существует несколько точек зрения на организацию и проведение Научного семинара у магистров. У сторонников каждой из них найдутся свои аргументы в пользу своего варианта. Эти точки зрения мне видятся следующим образом:

1) Специально для магистров Научный семинар не организуют. Магистры участвуют в Научных кафедры наряду с преподавателями, научными сотрудниками, студентами и аспирантами. Это участие состоит в обсуждении представленных докладов и самостоятельных выступлениях (по собственным научным исследованиям или с реферированием книг либо статей).

2) Использование часов, отведенных программой для Научного семинара, для чтения курсов и спецкурсов (в укороченном варианте), для которых оказывается недостаточно времени в сетке часов. Представляется, что это наиболее неудачная форма организации семинара, так как не решается основная задача — подготовка магистров к самостоятельной научной работе.

3) Организация и проведение обследования, в котором участвуют все магистры данного года обучения. При этом предполагается, что наряду с теоретической подготовкой, студенты получают практические навыки разработки анкеты, проведения самого опроса, обработки результатов обследования с помощью соответствующего программного обеспечения и т.д. В таком виде научный семинар на протяжении многих лет проводился в Институте демографии Университета Париж-I-Пантеон-Сорбонна. Исторически в самом начале работы семинара студенты проводили микропереписи населения в сельских коммунах вокруг Парижа. Затем было решено, что больший интерес для студентов представляет изучение насущных общественно-значимых проблем. В частности, студенты проводили исследования по следующим темам: обследование лиц без определенного места жительства; сексуальность и предупреждение СПИДа в студенческой среде и группах риска; положение молодежи и вступление во взрослую жизнь в наименее экономически развитых районах Франции и др. А начале первого года обучения студенты прослушивают несколько лекций по методике проведения обследо-

¹ Тезисы написаны по результатам изучения опыта организации научного семинара в европейских демографических институтах в процессе реализации проекта ТЕМПУС по демографическому образованию (1995–1999 гг.)

ваний и составления анкет. При необходимости приглашаются специалисты в той проблематике, которая выбрана в качестве сюжета работы. Затем студентов разбивают на группы (не более 10 человек в каждой), распределяют обязанности в группе: координатор, ответственный за переговоры с внешними организациями, ответственный за разработку анкеты и пр. В разработке анкеты принимает участие вся группа. В течение первого года составляется анкета и проводится опрос. На втором году осуществляется анализ данных и готовится отчет. По итогам наиболее удачных исследований готовятся публикации (статьи или даже книги). В Институте демографии Лувенского католического университета также на протяжении многих лет использовалась подобная форма семинара: студенты разбивались на группы и выбирали темы научного исследования на весь год, которое затем и проводилось ими от начала до конца: от постановки проблемы до презентации финальных результатов. Постепенно преподаватели стали отдавать себе отчет в том, что разработка дополнительной темы наряду с магистерской работой требует слишком много затрат времени и сил.

4) Научный семинар как учебный курс, посвященный *методологии научных исследований* существует в Институте демографии Лувенского университета на протяжении последних десяти лет.

На семинар отводится 4 часа в неделю. На весь период работы семинара магистры по очереди выполняют обязанности председателя семинара и секретаря. **Председатель** отвечает за распределение времени между различными пунктами повестки дня. Он должен быть одновременно строгим и гибким. Он должен следить за тем, чтобы каждый получил возможность высказаться, но чтобы никто не злоупотреблял этой возможностью. В педагогическом плане эта роль готовит к ведению научных заседаний и конференций, приучает к временной дисциплине, учит руководству работой в группе. **Секретарь** должен по возможности подробно фиксировать происходящее чтобы затем подготовить протокол. В педагогическом плане эта роль учит выделять главные мысли в выступлениях, а также излагать в письменном виде, научным языком основные моменты заседания. **Протокол** не является исключительно административным документом. Это конспект того, что может пригодиться студентам в дальнейшем. Он должен быть аккуратно написан, распечатан и роздан участникам семинара за 2–3 дня до начала следующего заседания. Каждое заседание начинается с критики и утверждения протокола предыдущего заседания. В то же время Протокол является своего рода упражнением. В нем должны быть отражены в ясной и логичной форме следующие моменты: заголовок, подзаголовки (при необходимости), дата проведения семинара, список участников (присутствующих и отсутствующих), фамилии председателя и секретаря,

тема занятия и график работы, ход обсуждения каждого пункта, возможные выводы / заключения / решения, дата и порядок дня следующего заседания. Как правило, секретарь на следующем заседании становится президентом.

Студенты сами в определенных рамках выбирают, каким образом будет проходить семинар, и впоследствии должны следовать своему решению. На семинар студенты могут приглашать экспертов по интересующей их проблематике. С педагогической точки зрения они учатся таким образом написанию пригласительных писем, контактам со старшими коллегами.

Основные цели, которые решаются в ходе семинара:

- обучение слушателей методологии научных исследований;
- развитие навыков самостоятельных научных исследований, в том числе в малых группах;
- развитие навыков представления результатов научных исследований в устном и письменном виде.

Научный семинар должен способствовать оптимизации работы магистров над курсовыми и дипломными работами, повышению качества и уровня представляемых работ.

Приближительная тематика занятий может быть следующей:

1) Как правильно составить **библиографию**. Преподаватель готовит страничку с примерами и основными правилами цитирования (не все знают, что на парафраз, например, тоже нужна ссылка). Студентов призывают быть максимально строгими при использовании чужих мыслей и корректно делать сноски. В качестве домашнего задания преподаватель дает перечень видов публикаций (например, статья на русском и иностранном языках, рукопись, монография, доклад на конгрессе, тезисы и пр.), из которых студенты по правилам должны составить библиографию по теме своей магистерской работы.

2) Несколько занятий посвящено тому, **как** правильно и с пользой **читать** научные статьи и книги. В ходе обсуждения рождается схема для чтения статей. В качестве домашнего задания студентов просят по этой схеме проработать 3 статьи, из них 2 на иностранном языке. На последующих занятиях каждый представляет анализ одной из прочитанных статей. Остальные работы и сдаются в письменном виде преподавателю.

3) Несколько занятий посвящено **логике научного исследования**: Предлагаются студентами и обсуждаются этапы исследования: определение сферы интересов (области исследования); постановка вопроса исследования (включает определение пространственно-временного контекста, ключевых слов, понятий); разработка гипотез исследования; сбор и виды материалов/информации/данных; анализ

информации — оценка и критика данных; обоснование выбора методов анализа; результаты и их интерпретация; оценка полученных результатов и перспективы исследования. Каждый студент в соответствии с предложенной схемой должен представить свою магистерскую работу (или ее план, или отдельные разделы), которая затем обсуждается всеми его участниками.

4) Несколько занятий отводится на то, чтобы научить студентов докладывать результаты своей работы: как правильно построить выступление, в какой форме подавать материал, как использовать слайды и прочие наглядные материалы. В завершение семинара все студенты должны представить результаты своих научных исследований, сообразуясь с правилами выступления. В МГУ для анализа выступлений можно использовать, например, студенческие Ломоносовские чтения, обсуждая затем удачные и не вполне удачные моменты различных выступлений. Студенты сами путем размышлений и дискуссии должны выделить признаки хорошего выступления.

Роль преподавателей сводится к тому, чтобы аккуратно и незаметно направлять работу семинара, предлагая темы, выступая с необходимой информацией по теме заседания, делясь своим практическим опытом и участвуя в обсуждениях. Преподаватели никогда сами не ведут семинар. Они могут делать теоретические сообщения по отдельным пунктам повести, определяют тематику занятий, оценивают работу студентов. В то же время они должны требовать выполнения в срок всех заданий. Итоговая оценка складывается на основе выполнения заданий, работы в семинаре, выполнения роли Председателя и Секретаря.

В заключение надо сказать, что магистерская работа в Лувенском университете должна отвечать требованиям научной статьи, которая может быть опубликована ведущим рецензируемым журналом. Поэтому такой научный семинар готовит студентов к подготовке качественной научной работы.

Главный аргумент противников такого подхода к организации научного семинара состоит, что все изложенное - задача научного руководителя. Но, во-первых, не каждый научный руководитель в силу разных причин может систематически обсуждать со своими студентами проблемы методологии научной работы (помимо прочего это требует специальной подготовки, чтения соответствующей литературы). Во-вторых, в студенческой группе можно выходить за рамки индивидуальных форм научной работы, доступных именно малой группе. Несомненно, эта форма организации Научного семинара требует от преподавателей значительных усилий по его организации и проведению.

Формы проведения семинара: Семинар может проводиться в различных формах в зависимости от интересов преподавателей, ко-

торые его ведут. Тем не менее основное внимание должно уделяться самостоятельности студентов в организации и проведении семинара. Видимо, на 1-м году обучения больше внимания необходимо уделить методологии, на 2-м году можно разбить слушателей на группы в зависимости от числа участников и научных интересов, каждая группа выбирает/получает от преподавателя тему научного исследования, и проводит это исследование от начала до конца (от постановки проблемы до заключительного отчета). Параллельно идет обсуждение того, как продвигаются дипломные работы (на каждом семинаре можно слушать 1 выступление и затем его обсуждать).

На аудиторную работу следует отводить не более 4-х часов в неделю. Несомненно, акцент делается на внеаудиторную работу. Но поскольку в значительной мере работа в семинаре должна способствовать работе над курсовой либо дипломной работой, ее объем не будет представляться чрезмерно большим.

Литература

1. Усачева И.В. Самостоятельная работа студентов с книгой. М.: МГУ, 1990.
2. Beaud M. L'art de la thèse. Comment préparer et rédiger une thèse de doctorat, un mémoire de DEA ou de maîtrise ou toute autre travail universitaire, 1996.
3. Quivy R., van Campenhoudt L. Manuel de recherche en sciences sociales. Paris: Dunod, 1995.

Караханова Т.М., Москва

ЦЕННОСТЬ ЗАНЯТИЙ С ДЕТЬМИ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Социально-экономическая и политическая трансформация российского общества, происходившая в 1980–1990-е гг. предшествующего столетия сопровождалась трансформацией и брачно-семейных отношений, что отмечается почти всеми исследователями данных проблем. В связи с этим поведение женщины, являющейся субъектом брачно-семейных отношений, ее жизненные ориентации и нравственные установки во многом обуславливают процессы в сфере семьи и их направление и становятся на нынешнем переломном этапе жизни нашей страны одним из наиболее важных предметов исследования.

Ценностные ориентации, предпочтения и их изменения можно проследить, исследуя динамику использования фонда времени в повседневной жизни. Лучше всего они выявляются при анализе таких групп видов деятельности, которые не являются регламентированными, труд в домашнем хозяйстве, уход за детьми и их воспитание, посещение предприятий торговли и услуг, а также занятий в свободное время.

По данным исследований, проведенных с 1965 по 1998 гг. (с 1986 г. — сектором «Повседневная деятельность и бюджет време-

ни» ИС РАН на одной и той же выборочной совокупности населения Пскова) у городских работающих женщин произошло значительное сокращение продолжительности оплачиваемого труда и видов деятельности, связанных с ним, на 7,3 часа в неделю. В результате этого она составила всего 38,3 часа. Резерв времени, образовавшийся благодаря сузившемуся рабочему времени, мог бы быть направлен в ту сферу повседневной жизни работающих женщин, ценность которой для них по сравнению с другими областями жизнедеятельности наиболее высока, т.е. занятия с детьми, например (вербальные показатели респонденток указывали на занятия с детьми как на ценность номер один). Продолжительность их оставалась практически неизменной в течение 1965–1986 гг. при более напряженном бюджете времени. В действительности резервный «поток» ресурсов времени нашел применение в области удовлетворения физиологических потребностей и занятий в свободное время, в том числе и за счет не только не увеличения, но уменьшения затрат времени на уход за детьми и их воспитание.

Такое перераспределение ресурсов времени привело к тому, что общая трудовая нагрузка городской работающей женщины сократилась (с 1965 по 1998 гг.) на значительную величину, составившую 14,8 часа в неделю, и практически настолько же (14,6 часа) расширились их возможности для удовлетворения физиологических потребностей и видов деятельности в свободное время.

Показателями, уточняющими направления изменений в предпочтениях, являются средние затраты времени в расчете именно на участника — субъекта конкретных видов деятельности. Так, если средняя недельная продолжительность оплачиваемого труда и видов деятельности, связанных с ним, у женщин сократилась в 1986–1998 гг. довольно значительно — на 15,8%, то рабочий день респонденток, у которых были зафиксированы эти затраты, уменьшился на 7,9%. Домашний труд (все виды работ в доме и вне его, а также труд в саду, огороде) стал продолжительнее на 2,2 часа в неделю (13,8%). Выросли и затраты времени у его участников — на 8,3% (на 12 мин. В день).

Уход за детьми и их воспитание - вид деятельности, средняя продолжительность которого зависит от показателей детности семьи, однако не обуславливается им всецело. Это хорошо иллюстрирует и динамика затрат времени. С 1965 по 1986 гг. городские работающие женщины расходовали на эти цели почти одинаковую величину времени - сокращение составило лишь 1,8% (0,1 часа в неделю), хотя доля семей, имеющих детей до 18 лет уменьшилась в выборочной совокупности 1986 г. на 10,8 п.п. (56,9%). В период с 1986 по 1998 гг. произошло дальнейшее уменьшение в выборочной совокупности детности семей на 15,5 п.п. (41,2%), а время работающих

женщин, посвящаемое занятиям с детьми, в свою очередь, убавилось на 29,6 % (1,7 часа в неделю). Важно, что это происходит в условиях значительного снижения напряженности их бюджета времени. В 1920-х гг. при очень высокой напряженности бюджета времени у женщин-рабочих промышленности и строительства доля времени по уходу за детьми и их воспитанию составляла в общей трудовой нагрузке лишь 5,3%. В 1990-х гг. при более чем на 17 часов в неделю меньшей величине общей трудовой нагрузке, на эти цели расходовалось 5,8% ее величины. В 1930-х гг. экономия на затратах времени по уходу за детьми и их воспитанию вылилась в детскую беспризорность, в 1990-х гг. — мы столкнулись с тем же явлением.

Таким образом, на примере одной из важнейших сфер повседневной жизни, связанной с уходом за детьми и их воспитанием, отчетливо видно, как изменения в распределении фонда времени, дают представление о трансформации структуры жизненных ценностей, в данном случае постепенного снижения ценности занятий с детьми. До настоящего времени для городской работающей женщины возрастала ценность свободного времени, свободного от оплачиваемого труда и неоплачиваемого (домашнего), ухода за детьми и вообще занятий с ними. За последнюю треть XX века свободное время (а оно является альтернативой занятиям с детьми) расширило свои границы на 8,1 часа в неделю (целый рабочий день), т.е. возросло на 38,8% в том числе, с начала «перестройки» по 1998 г. на 12,8%. В фонде времени на данную группу занятий приходится теперь 15,6% его величины (работа и виды деятельности, связанные с ней — 22,8%).

Кольцова Г.В., Козлов А.А., Тамбов

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В ТАМБОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Современный этап развития общества характеризуется усиливающимися процессами гуманизации, повышением значимости человеческого капитала. Демографический фактор является одним из основных факторов общественного развития, наряду с экономическим и социальным. Обострение демографических проблем в России обусловило возрастающее внимание к демографическому образованию.

В Тамбовской области основы демографического образования даются только в государственном университете им. Г.Р. Державина студентам, изучающим географические и социологические науки.

На кафедре экономической и социальной географии более 20 лет читается учебный курс «География населения с основами демографии» и более 5 лет — спецкурс «География населения Тамбовской области», в котором значительное внимание уделяется демографиче-

ским процессам. Элементы демографических знаний даются и при изучении таких учебных курсов как «Экономическая и социальная география России», «Экономическая и социальная география мира», «Глобальные проблемы человечества». В этих курсах дается обзор всего комплекса демографических знаний, с акцентом на вопросы воспроизводства населения. Теоретические курсы разработаны с учетом новых подходов к проблемам естественного воспроизводства населения.

Так на кафедре экономической и социальной географии при рассмотрении данных вопросов, методологически мы продолжаем исходить из существования двух основных типов воспроизводства населения — 1-го и 2-го. Но этот подход не отражает динамики естественного движения населения, предполагает некую статичность, как бы заданность этой ситуации «свыше». Трудно объяснить причины огромных различий в величине естественного прироста в странах различных типов исходя только из современных причин экономического, социально-политического и психологического характера. Более целесообразным является рассмотрение демографических процессов, опираясь на концепцию демографического перехода. Подход к естественному воспроизводству населения как к исторической, изменяющейся во времени категории, помогает выявить и лучше понять его сущность и определенные закономерности.

При изучении соответствующих вопросов рассматриваются последовательно следующие друг за другом фазы демографического перехода. При этом, последовательность прохождения трех фаз, различные (с амплитудой в сто и более лет) сроки начала самого перехода в отдельных регионах мира, позволяют не только проследить, но и достаточно детально объяснить особенности естественного воспроизводства населения в данном месте и на данном этапе.

Так, европейский регион давно миновал эпоху демографического взрыва (1-й фазы демографического перехода), так как там, еще в конце XIX-го века, при сохраняющейся высокой рождаемости, были резко снижены показатели смертности. Снижение же там рождаемости и естественного прироста во 2-й и 3-й фазах можно объяснить действием всего комплекса постепенно изменяющихся исторических, социально-психологических и социально-экономических факторов. Детальное рассмотрение действия этих факторов, практически, представляет собой многосторонний «срез» всей жизни общества, для которого необходимы данные многих наук. А в значительной части развивающегося мира демографический взрыв объясняется, в целом, схожими причинами, теми, которые действовали в Европе более ста лет назад. Отсюда вытекает понимание объективного характера и демографической «зимы» и демографической «весны» в разных частях мира.

При рассмотрении данных вопросов в историческом аспекте (используя принцип историзма), мы обращаемся к гипотезе о возможной повторяемости демографических «кругооборотов» в истории человечества, начиная с древнейших времен. Исходя из этих гипотез и в период освоения человечеством навыков охоты на крупных зверей (плейстоцен), и в эпоху начального развития земледелия, и даже во время первых промышленных революций человечество также переживало демографические подъемы и спады. Подобная цикличность позволяет наметить определенные закономерности и связать демографические спады со снижением «емкости» среды обитания отдельных человеческих популяций, то есть с биосферными процессами.

Особенностью изучения основ демографии в рамках вышеназванных курсов является значительный объем лабораторно-практических занятий, на которых студенты анализируют статистические материалы, знакомятся с материалами переписей населения, выполняют графические и картографические работы. Представляется, что выработка подобных практических навыков необходима для формирования высококвалифицированного специалиста.

На кафедре экономической географии большое внимание уделяется научно-исследовательской деятельности преподавателей и студентов по вопросам географии населения и демографии. Ключевым направлением является изучение своего региона. При этом следует отметить определенную территориальную иерархию наших исследований. Так наряду с исследованиями демографических проблем ЦЧР, наиболее пристальное внимание, естественно, обращается на Тамбовскую область и отдельные ее административные единицы — от уровня низового административного района до отдельных населенных пунктов (своего рода областной мезо- и микроуровень исследований). Причем очень часто именно микроуровень дает наиболее интересные проблемы для изучения. Это выражается в существовании демографически вполне благополучных ареалов (часто в рамках одного населенного пункта) на территории области, которая переживает демографический коллапс. Исследование подобных феноменов представляется чрезвычайно важным, так как факторы обуславливающие такую ситуацию, вполне возможно, могут действовать и на обширных территориях, будь то миграции, социально-экономические условия, местные традиции, влияние религии или что-то другое.

В соответствии с этими направлениями и проблемами ведется научная работа студентов и преподавателей. Воплощено это, например, в тематике курсовых и дипломных работ, которые посвящены проблемам геодемографии, динамики численности населения, воспроизводства населения Тамбовской области и отдельных ее территорий. Кроме того, исследуются демографические аспекты занятости насе-

ления и рынка труда, миграционные процессы и т.п. Много работ посвящается характеристике расселения населения, его конфессионального и социального состава как в целом в области, так и ее отдельных административных районов, городов, сельских поселений.

Плодотворным является сотрудничество кафедры (преподавателей и студентов) с областным Комитетом статистики, Комитетом занятости населения, совместно с которыми проводились и проводятся исследования, нацеленные на выработку областной концепции демографического развития и конкретных шагов по ее воплощению в жизнь. Это позволяет преподавателям кафедры принимать участие в международных и региональных конференциях внося определенный вклад в решение проблем наиболее неблагополучных в демографическом плане регионов России. С целью популяризации знаний по населенческим проблемам преподаватели выступают с публичными лекциями непосредственно перед населением (чаще перед учительской аудиторией), а также на радио, публикуют статьи в местной печати. Это представляется чрезвычайно важным, так как осознание глубины демографических проблем, стоящих перед российским обществом широкими слоями населения может положительно повлиять не только на социальное (в т.ч. демографическое) поведение людей, но изменить отношение к мигрантам, снизить межнациональную напряженность.

Считаем, что исходя из важности и остроты имеющихся проблем, демографическое образование (пусть самое основное) должно стать всеобъемлющим, охватить как можно большие слои населения, не говоря уже о всех без исключения студентах вузов и старшекласниках. И особенно это касается руководящего звена, от директоров предприятий до руководителей областей (и выше), которые призваны оказывать влияние не только на сугубо экономические, но и социальные процессы в нашем обществе. Последние, как известно, в конечном итоге определяют и экономические успехи.

Кудрявцев А.А., Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДЕМОГРАФИИ СТУДЕНТАМ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИМСЯ В СТРАХОВАНИИ

Курс демографии для студентов, специализирующихся в страховании, должен выполнять не только функцию культурного и общепрофессионального развития будущих специалистов, но и обслуживать прикладные потребности, соответствующие набору квалификационных требований. Это требует внесения в программы обучения необходимых изменений, а также определенной смены акцентов и логики изложения материала.

Данная работа написана на основе двенадцатилетнего опыта автора в области преподавания некоторых аспектов демографии студентам, специализирующимся в страховании, а также на основе изучения мировой практики в этой сфере (прежде всего, европейских стран, США, Канады и Австралии).

В контексте страхования демографические аспекты встречаются, прежде всего, в страховании жизни. Поэтому студенты должны правильно понимать и адекватно измерять риски смертности (и соответственно, дожития), от которых проводится страхование. Отсюда следует, что разделы курса демографии, связанные со смертностью, должны быть существенно увеличены по сравнению с разделами, посвященными рождаемости, фертильности и другим аспектам.

Курс демографии следует построить таким образом, чтобы изложить как теоретические основы, так и практические особенности анализа смертности. В частности, студенты должны понимать специфику влияния на смертность социально-экономических факторов, представлять основные исторические тенденции изменения смертности и особенности их реализации в разных странах и группах населения (например, в связи с особенностями демографического перехода или с появлением СПИДа).

При этом особый упор в лекциях и, особенно, на семинарских занятиях должен быть сделан на таблицах смертности как на численных моделях смертности населения в целом и отдельных групп лиц. Специфика будущих страховых приложений требует, чтобы студенты хорошо овладели материалом, связанным как с агрегативными таблицами, наиболее часто используемыми в классических демографических исследованиях, так и с моделями выбытия по нескольким причинам (теорией конкурирующих рисков).

С точки зрения практических задач, с которыми столкнутся студенты после окончания вуза, чрезвычайно важно, чтобы они не только получили сведения о классификации таблиц смертности, их структуре и особенностях интерпретации содержащихся в них показателей, но и умели правильно оценивать последние на основе первичной демографической статистики. Это потребует уделить достаточно много времени обсуждению в лекциях и на практических занятиях технических методик по оценке показателей таблиц смертности и их последующему сглаживанию (выравниванию). В частности, следует обсудить как методы, базирующиеся на статистике населения в целом, так и методы, предполагающие наличие ограниченных статистических данных по небольшим совокупностям лиц, т.е. методы, характерные скорее для биометрических исследований (оценка Каплана–Мейера, модель Кокса и т.д.). Для адекватного практического использования методов оценки показателей таблиц смертности и их сглаживанию (выравниванию) студенты

должны получить четкое представление о достоинствах и недостатках указанных методов и предпочтительной сфере их применения.

Требования практического использования полученных знаний, среди прочего, означают, что в курсе демографии необходимо осветить особенности применения таблиц смертности в страховании, в т.ч. таблиц, построенных для совокупностей застрахованных, а также специфических таблиц (как, например, селекционных таблиц смертности). В ряде случаев для увязки с другими курсами полезно бывает обсудить основные подходы к использованию показателей таблиц смертности в актуарных расчетах и другие аспекты.

Другим важным элементом демографической теории, которая находит свое применение в практике страхования, является математическая демография. Соответствующие модели используются для прогнозирования численности и структуры населения для планирования схем социального страхования и пенсионных схем. Поэтому обсуждение особенностей математического моделирования движения населения, допущений используемых моделей и сферы их применимости также должно стать важной частью курса демографии для студентов, специализирующихся в области страхования.

Как уже подчеркивалось ранее, остальные разделы демографической науки и практики в меньшей степени связаны со спецификой страхования. В связи с этим требования к объему материала, который должен быть затронут в лекционном курсе, в определенной степени произвольны и будут определяться самим преподавателем на основе логики построения данного курса и объеме часов, выделенных на него в учебном плане.

Summary

A. Kudryavtsev

SPECIFIC FEATURES OF THE TEACHING OF THE DEMOGRAPHY FOR THE STUDENTS STUDYING INSURANCE

In the paper, some problems and specific features of the teaching of the demography for the students studying insurance are discussed. The requirements needed to be met are based on insurance practice. First of all, the attention must be paid on life tables. All aspects should be taught: life table constructions, estimation and graduation. Both the demographical method and product-limit estimators must be included in the lessons. Moreover, the special life tables used in insurance practice should be known by the students (say, select-and-ultimate tables, mortality tables for assured lives and annuitants etc.). Another aspect of demographical science which is important for the insurance practice is mathematical demography. It is used for the planning of social insurance schemes and pension funds. Other aspects of demography could be chosen by teacher at his/her discretion.

Куница М.Н., Брянск

ЛАНДШАФТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В документах ООН, Совета Европы, Международного географического конгресса (Сеул, 2000) главной задачей образования XXI века названа подготовка молодых людей с более высоким уровнем интеллектуального и духовного развития, способных обеспечить выживание человечества, устойчивое развитие цивилизации. Экологическая безопасность — одна из важнейших целей и основ устойчивого развития. Она определяется методологией и стратегией взаимодействия двух гиперсистем планеты: Человека, его демографических (ДС) и социальных (СС) систем и Природы, ее геосистем (ГС), их противоборством, конфликтом или содружеством, сотворчеством. Агрессивность и социальная значимость ГС резко нарастает — необходимо «введение» в сознание, мышление, материальный и духовный мир человека и общества постулата «Природа и Человек: единство жизни или смерти!» Формируются новые концепции развития образования, в частности ноосферного (опережающего) образования А. Урсула [9], ноосферно-экологическая Н. Моисеева [4], эквайронментального образования [5]. Познание сущности сложнейших социоприродных связей — отношений требует усилий всех наук и систем образования и воспитания (СОВ). Наиболее интегрировано, комплексно их, на наш взгляд, изучают географические науки.

Ландшафт как базис материальных и духовных основ жизнедеятельности человека, его демографических и социальных систем.

Собирательные *свойства ландшафтного комплекса* (ЛК), выявленные ландшафтоведами разных стран, могут быть представлены следующим образом.

ЛК (природные — ПТК и антропогенезированные — АПТК) — это целостные, пространственно-временные, открытые, полигенные, устойчиво-динамические, развивающиеся и адаптирующиеся сложноорганизованные системы. В их ареалах все компонентные и комплексные подсистемы потоками веществ, энергии, информации завязаны в единый «системный узел».

Человек — генетически обусловленная часть ЛК. ЛК — базовая основа жизни, всех видов деятельности населения. Он вмещает и концентрирует разные типы «окружающих сред», например, природную, квазиприродную, артеприродную, социальную среды [7]. В нем они взаимодействуют, «переплетаются» в единый ландшафтно-экологический базис. С точки зрения постнеклассической методологии ЛК — целостный, «человекоприродный комплекс» — самостоятельная реальность, «обладающая законами, несовпадающими с ландшафтно-

природными и социально-психологическими» [3, С. 8]. Гармонизация отношений человека с природой в ЛК — необходимое условие ликвидации конфликтных состояний и в природе, и в обществе.

Основные типы взаимодействий: генетические, психофизиологические, иммунологические (здоровье человека), экологические (безопасность), функциональные («жизнедеятельность»), расселенческие (территориальное распространение), эстетические (гармоничность связей и внешнего облика). Главными каналами прямого и опосредованного влияния ГС являются: экологический (биоэкологический - на процессы метаболизма человека, психоэкологический — на духовные и поведенческие процессы, социозэкологический — на жизнедеятельность населения) и производственный (на формирование типов деятельности людей, хозяйственных систем, экономическую и социальную структуру населения).

Магистральное направление взаимодействий: ЛК → его природно-ресурсный потенциал (ПРП) → его социально-экономические функции → природопользование, территориально-хозяйственные системы, социозэкосистемы → степень удовлетворения населения их функционированием → демографическая структура → расселение → ЛК антропогенезированные (АПТК), оптимизированные, комфортные или разрушенные, с истощенным ПРП. В настоящее время связи - отношения развиваются главным образом с отрицательным знаком, что вызывает кризисы ЛК и Человека. Углубляются проблемы адаптации населения к АПТК [2, 4, 8 и др.]

Учение о ПРП ЛК, их социально-экономических функциях — фокус конструктивной географии. Однако, оно не получило еще требуемого развития. Важны положения В.С. Преображенского, который выделил ресурсовоспроизводящие, ресурсосохраняющие, средовоспроизводящие, информационные и эстетические функции [6].

Автор предлагает расширенную классификацию ПРП ЛК и их функций.

1-ая группа. Генетические потенциалы — Генофонд ЛК как естественно-историческая основа эволюции Человека, генетического здоровья людей, его расселения, приобретения Родины и дома. Эту категорию, по нашему мнению, образуют следующие качества ЛК: — саморазвитие — коэволюция — «экоэволюция», циклы и ритмы развития ГС и жизнедеятельности людей; — устойчивость — изменчивость; — комплексирование и системообразование, причинно-следственные связи и их динамика; — структурная организованность, иерархичность, континуальность — дискретность, целостность — дифференциальность, разнообразие — основа устойчивой организации всех социально-экономических систем;

- охранно-защитные потенциалы — позволяют адаптироваться в ГС этно-демографическим системам;
- функционирование ЛК, взаимосвязанность их потоками веществ, энергии, информации, воздействие на человека;
- динамизм — «вечное движение» в ЛК, смена состояний — источник жизнедеятельности человека.

2 группа. Пространственно-временные, позиционные, территориальные потенциалы — «собиратель» всех видов остальных ресурсов, арена всех форм жизнедеятельности человека, его демосистем. Геопространство становится все более дефицитным, дорогим стратегическим ресурсом.

3 группа. Энергетические потенциалы — функция энергообеспечения — «питания» всех природных систем и форм жизнедеятельности человека. Влияние энергетики ЛК на психоэмоциональное состояние людей и биоэнергетический обмен изучает эниология [10].

4 группа. Вещественно-сырьевые ресурсы — функции ресурсообразования, ресурсообеспечения — природный дар человеку. Это ресурсы геокомпонентов, но ЛК связывает их в единый интегрированный комплекс.

5 группа. Информационный потенциал - функции информобеспечения — связи. Информационная емкость ЛК огромна и разнообразна. Потоки информации — один из элементов механизмов взаимодействий. Свойства и законы ЛК — основа развития культуры, экономики, науки. Их знание дает человеку возможность научно-обоснованного, целесообразного сотворчества общества и природы, оптимизации и управления. Эти свойства ЛК изучены еще слабо. Использование их «вслепую» — одна из причин природных и техногенных катастроф.

6 группа. «Моральноценностный» — эстетический потенциал — духовно-воспитательные функции формирования и восстановления психо-эмоционального здоровья и культуры, функции здравницы, музея, театра, храма. Эмоциональный образ ЛК отражает его глубинную сущность. Эмоциональная энергетика ЛК разнообразна. Она вдохновляет и возрождает человека. ЛК — важнейший фактор формирования личности человека, основа развития верований, фольклора, народного прикладного творчества, искусства, архитектуры. «Многоликость» ЛК (горы — равнины, побережья, долины рек, ландшафтные зоны) — отражается в разнообразии народов мира, менталитета и стилей жизни людей. Этот «дар природы» воспринимали и ценили первобытные люди, а современный человек — лишь как рекреационные ресурсы. Система образования и воспитания должна возродить культ ландшафта, целенаправленно развивать не только научное, но и художественно-образное мышление.

В ЛК все группы ресурсов сопряжены в единый интегрированный ландшафтно-экологический или, точнее, ландшафтно-гуманитаристический потенциал развития общества, его демографических и социальных систем. Для регионов любого ранга характерен свой «индивидуальный» потенциал, его продуктивность, устойчивость, критическая экологическая емкость. Масштабы деятельности человека не должны превышать и нарушать эти параметры. Роль ландшафтно-экологического фактора в жизнедеятельности населения резко возрастает в районах с высоким и очень высоким уровнями антропогенезации ЛК. Максимальна степень динамизма отношений геосистем и демосистем в ряде регионов России, Белоруссии и Украины — территории, подвергшейся экологической Чернобыльской катастрофе. Демографический кризис в них характеризуется: депопуляцией, а в ряде ареалов — даже демографической деградацией, высокой естественной убылью, снижением качества воспроизводства населения, деформацией поло-возрастной структуры, нестабильностью семейных отношений, ухудшением уровня здоровья населения, активизацией миграций, особенно экологических чернобыльских переселений, социальной сверхполяризацией общества. Изменение демографической структуры (естественного, миграционного, социального типов движения населения) дифференцировано в зависимости от уровня радиоактивного загрязнения.

Историк В.О. Ключевский отмечал, что природа — это сила, которая держит в своих руках колыбель каждого народа.

Ландшафтно-экологические основы демографического образования

В развитии современной системы образования выделяются разные **направления**. Среди основных отметим:

- неразрывность, взаимообогащаемость образования и воспитания, формирование единой, целостной системы — СОВ;
- непрерывность и целенаправленность на будущее, прогнозность, опережение;
- фундаментальность, углубление и разнообразие методологических основ, мировоззренческая направленность, раскрытие сущности цивилизации, ее будущего;
- интеллектуализация СОВ, систематизация и введение новейших достижений науки и практики;
- преодоление «изоляции» наук и СОВ, синтезирование, «связывание» потенциалов, их сотворчество для решения определенных проблем;
- системно-структурная модель СОВ;
- экологизация: системное отражение в СОВ взаимоотношений между человеком и средой его жизнедеятельности;

- гуманизация (человек как наивысшая социальная ценность) и гуманитаризация, обогащение СОВ ценностями духовной и материальной культуры;
- географизация СОВ, триединство объекта исследования, «природа — население — хозяйство» как социоприродной целостности позволяет географии наиболее глубоко раскрыть сущность структурной организации среды жизнедеятельности человека.

Современная география — наука «для человека, от человека, через человека» (Машбиц, 1998). Специфика объекта, уровень ее развития и социальная значимость позволяют **«ввести» в систему демографического образования ряд положений.**

- Современный ландшафт — социоприродная целостность с огромным гуманистическим ресурсным потенциалом. Это колыбель, дом, кладовая, мастерская, университет, музей, театр, здравница и храм для человека.
- Генетическое единство человека и ландшафта: человек и ландшафт — единство жизни или смерти.
- Ландшафт — «фокус» всех сред жизнедеятельности человека.
- Человек «внутри», а не «вне» ЛК — как его специфичная подсистема, связанная с ним физиологическими, психо-духовными, хозяйственными и культурными связями и в то же время — Человек мощный фактор ландшафтогенеза и ноосферогенеза.
- Полицентризм современного ЛК (антропоцентризм и ландшафтоцентризм — признание равенства и братства «хозяина» и «дома»).
- Иерархичность структурной организации отношений — связей в ЛК, в том числе «Человек — ГС», многоканальность, разнотипность социоприродных отношений и адаптационных механизмов, их разнообразие, дифференцированность, региональность.
- Природно-ресурсный потенциал (ПРП) ЛК — как материальная и духовная основа всех форм жизнедеятельности человека.
- Современное состояние ЛК — как индикатор культуры общества.
- Современный экологический кризис — как кризис отношений Человека и Ландшафта, результат диспропорции сущности ПРП ЛК, их ограниченности, истощаемости и потребительской, неуправляемой, антинаучной их эксплуатации.
- Необходимость сопряженности двух подходов — ландшафтного и экологического обусловлена социоприродной сущностью современных ЛК и положением в них человека.

Ландшафтное направление с его уже четко разработанными и апробированными учениями, концепциями позволяет раздвинуть границы знаний человека об окружающем мире, интегрировать их в единую систему.

Экологическое направление, его современный полицентризм обязывает усилить оценочную направленность демографической СОВ не только для жизнедеятельности человека, его демо- и социосистем, но и для функционирования биосистем и геосистем. Возрастает значимость экологии народонаселения [1].

Научный потенциал современной географии используется в демографическом образовании слабо. Важной задачей СОВ становится разработка интегрированных геодемографических курсов.

Формирующаяся *система геодемографического образования* на естественно-географическом факультете Брянского государственного университета включает несколько основных блоков. Первый — информационный (в курсах «Общая экономическая и социальная география мира», «Экономическая и социальная география России», «Экономическая и социальная география Брянской области», спецкурсах «Проблемы народонаселения мира», «Природа и цивилизация: географические аспекты»). Второй — научно-исследовательский (функционирование тематического студенческого исследовательского бюро, курсовые и дипломные работы). Третий, развивающийся в последнее время, — деятельностный (обучение студентов и их практическое участие в проведении Всероссийской переписи населения 2002 года).

Разработанный спецкурс «Природа и цивилизация: географические аспекты» объемом 34 часа нацелен на формирование системного подхода к изучению проблем взаимодействия общества и природы; углубление представлений обучающихся о роли географической среды в развитии цивилизации, воздействии общества на природу, природно-демографических и демо-экологических отношениях; формирование познавательного интереса к особенностям социально-экологической ситуации родного края. Важные подходы к СОВ — проблемный, краеведческий. Программой предусмотрены различные формы и методические приемы проведения занятий — лекционные и практические (семинар, конференция, практическая работа, экскурсия). Основная форма — лекционно-семинарско-зачетная. Структура курса включает введение и 12 тем — 10 глобальных и региональных и две, посвященных современным демоэкологическим особенностям России и Брянской области. Они сгруппированы в 4 раздела: 1. Природа и человек. Природа и общество; 2. Антропогенный процесс воздействия общества на природу; 3. Процессы взаимодействия общества и природы на разных исторических этапах; 4. Проблемы взаимодействия общества и природы в России: социально-экологический аспект.

Важен для понимания сущности современных социоприродных процессов новый спецкурс «Геодемографическая структура радиоак-

тивно загрязненных регионов России», рассчитанный на 30 часов. Главная форма проведения занятий — лекционно-семинарско-зачетная. Одна из технологий — модульное обучение, нацеленное на интегрированность знаний и умений, проблемность, комплексность решения задач СОВ. Значим краеведческий подход — изучение ситуации в наиболее радиоактивно загрязненном регионе России — Брянской области. Структура курса состоит из введения и 12 тем. Они объединены в 7 разделов: 1. Понятие о геодемографической структуре (ГДС); 2. Факторы развития ГДС; 3. Численность и естественное движение населения; 4. Миграционное движение; 5. Социальное движение населения; 6. Территориальная дифференциация ГДС в зонах радиоактивного загрязнения России; 7. Демоэкологическая ситуация в Брянской области.

Разработаны адаптированные к общеобразовательным и специальным средним учебным заведениям программы обоих спецкурсов. Непрерывность СОВ осуществляется и посредством преемственности обязательных учебных курсов «Экономическая и социальная география Брянской области» в средней школе, вузе, комплексе самостоятельного обучения через региональную систему дистанционного образования.

В современный период возросла значимость и необходимость введения в учебные планы географических факультетов вузов нового интеграционного курса «Геодемография». В дальнейшем целесообразно его преподавание на других естественных, а также гуманитарных и экономических факультетах вузов.

Географизация всей СОВ, особенно ее демографического блока — важное условие решения социально-экологических проблем, движения к социоприродной целесообразности деятельности человека, гуманистической культуре.

Литература

1. Валентей С.Д. Экология народонаселения // Система знаний о народонаселении / Под ред. Д.И. Валентея. М.: Высшая школа, 1991.
2. Вишневецкий А.Г. Демографические аспекты экологии человека: Основные проблемы. М., 1988.
3. Кизима В.В. Человек — субъект или объект ландшафтных преобразований // Людина в ландшафті XXI століття. Проблеми постнекласичних методологій. Київ, 1998.
4. Моисеев Н.Н. Историческое развитие и экологическое образование. М: МНЭПУ, 1995.
5. Немец Л.Н. Энвайронментальное образование как основа устойчивого развития социума // Проблемы устойчивого развития радиоактивно загрязненных территорий стран СНГ. Брянск, 2000.
6. Преображенский В.С., Александрова Т.Д., Куприянова Т.П. Основы ландшафтного анализа. М.: Наука, 1988.

7. Реймерс Н.Ф. Экология. Теория, законы, правила, принципы и гипотезы. М., 1994.
8. Татевосов Р.В. Основы разработки демоэкологической методологии // Проблемы разработки методологии демоэкологического анализа. М.: Диалог-МГУ, 1999.
9. Урсул А.Д. Устойчивое развитие, становление ноосферы и опережающее образование // Глобальные экологические проблемы на пороге XXI века. М.: Наука, 1998.
10. Швец Г.И. Введение в эниологию. Кн. 1. Одесса: Изд-во Одесск. ун-та, 2000.

Кучмаева О.В., Москва

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЭСИ

МЭСИ традиционно является одним из высших учебных заведений России, ведущим подготовку специалистов в области демографии. Длительное время демографические дисциплины преподавались (а значительная часть преподается и сейчас) специалистами кафедры социальной и демографической статистики.

Кафедра социальной и демографической статистики – одна из старейших в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики. Она была образована в начале 1940-х гг. на демографическом факультете МЭСИ и называлась кафедрой демографии. Со времени ее образования до 1963 года заведующим кафедрой был Арон Яковлевич Боярский, один из инициаторов создания МЭСИ. Профессор (1934), доктор экономических наук (1940), заслуженный деятель науки РСФСР (1967), автор более 250 научных работ по демографии и применению математических методов в экономических исследованиях. А.Я. Боярский — автор первого учебника по статистике населения (1938), а также неоднократно переиздававшихся курсов демографической статистики и демографии, подготовил более 70 кандидатов и докторов наук.

Слияние с кафедрой статистики торговли в начале 60-х годов не могло не изменить как направление научной и учебной работы, так и название кафедры: она становится кафедрой статистики населения и народного благосостояния.

С 1963 по 1979 гг. кафедру возглавлял известный экономист — статистик, доктор экономических наук (1962), профессор (1963) Давид Львович Бронер, относившийся к плеяде ученых, сложившихся к концу 1940-х годов. С 1968 по 1980 гг. он был бессменным председателем комиссии по демографическому образованию секции народонаселения Научно-технического Совета министерства высшего образования СССР. Автор крупных монографий и научных статей по статистике жилищно-коммунального хозяйства, в которых разрабо-

таны принципы учета демографических факторов при практическом решении жилищных проблем. Подготовил более 50 кандидатов и докторов наук.

С 1979 года по 1993 гг. кафедру статистики населения и народного благосостояния, с 1989 г. получившей название кафедры социальной и демографической статистики, возглавлял доктор экономических наук, профессор Григорий Семенович Кильдишев. Участник Великой Отечественной войны, выпускник МЭСИ, талантливый статистик и демограф, он 60 лет своей жизни отдал педагогической, исследовательской и административной работе МЭСИ. Г.С. Кильдишев подготовил более 80 кандидатов и докторов наук. Под его научной редакцией и руководством коллективом кафедры был подготовлен и издан учебник «Статистика населения с основами демографии».

С 1993 по 1999 гг. кафедрой социальной демографической статистики руководил кандидат экономических наук (1965), профессор (1990) Владислав Михайлович Петропавловский. В течении продолжительного времени (1971–1981 гг.) В.М. Петропавловский руководил научно исследовательской работой, имевшей большое практическое значение: влияние демографических факторов на планирование жилищного строительства.

С 1999 г. по настоящее время заведующим кафедрой является доктор экономических наук, профессор Карманов Михаил Владимирович.

В разное время на кафедре социальной и демографической статистики работали такие видные ученые, как доктор экономических наук, профессор Борис Цезаревич Урланис, автор более 20 монографий и более 10 различных научных работ, организатор и председатель демографической секции Дома ученых в течение 17 лет; доцент Александра Сергеевна Семенова, автор первого сборника задач по курсу демографии; с.н.с. Волков А.Г., доценты Ананьева С.П., Козлова Л.Л., Борисов В.А., Романов А.А., Кузин С.И., Романчук М.Н., Тульгаев А.К.; старшие преподаватели Архангельский В.Н., Мирнова Г.Н.

За время существования кафедры в соответствии с учебными планами изменялся набор дисциплин. При подготовке статистиков – демографов читались лекционные курсы и проводились семинарские и практические занятия по демографической статистике, статистике населения, демографии. С объединением с кафедрой статистики торговли были введены такие предметы, как: социальная статистика, статистика торговли, статистика культуры, статистика здравоохранения, статистика жилищного и коммунального хозяйства, статистика городского хозяйства и бытового обслуживания, статистика тру-

да, экономика и социология труда, статистика бюджетов, статистика занятости и трудовой активности.

Однако современные российские реалии, сложившаяся ситуация на рынке труда, не могли не повлиять на структуру и наполняемость учебных планов.

В 1990-е годы произошло серьезное изменение учебных планов, добавились новые предметы. В частности, до 2000 г. кафедра готовила выпускников по специализации «Демография и социальная мобильность населения». В рамках данной специализации читались курсы: статистика населения с основами демографии, экономическая демография, проблемы населения стран мира, зарубежный опыт социологических обследований, статистика социальной мобильности, рекламное дело, экономика труда. В 2000 году, во многом под влиянием сложившейся конъюнктуры на рынке труда и требований, предъявляемых к профессиональной подготовке в рамках получения высшего образования, изменилась и специализация кафедры — в настоящее время акцент на демографические дисциплины делается в рамках специализации «Мониторинг рекламного бизнеса»: это такие предметы, как демография и статистика населения, анализ социально-демографической структуры потребителей рекламы, мониторинг рынка рекламы. Студенты, обучающиеся в рамках данной специализации, пишут дипломную работу. Предметом дипломных исследований могут являться не только различные аспекты функционирования рынка рекламы, но и весь спектр демографических проблем.

Преподавание демографических дисциплин ведется в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики в рамках подготовки специалистов в Институте статистики и эконометрики и Институте менеджмента при обучении по специальностям: статистика, менеджмент, маркетинг, управление персоналом. Ряд дисциплин читается на очном и заочном отделениях.

На специальностях менеджмент, маркетинг и управление персоналом в течение семестра читается курс «Экономическая демография». В связи с тем, что данный предмет читается студентам, не изучавшим до этого ни статистику населения, ни демографию в целом, программа курса охватывает ряд вопросов, относящихся к компетенции демографии в целом.

Кроме того, при подготовке специалистов в Институте менеджмента читается курс «Рынок труда и управление трудовыми ресурсами». После окончания изучения курса «Рынок труда и управление трудовыми ресурсами» студенты сдают зачет, «Экономическая демография» — экзамен.

Традиционно более углубленно в МЭСИ демография изучалась при подготовке специалистов-статистиков. В настоящее время на 3 курсе студентам, обучающимся по специальности «Статистика», читается курс «Демография и статистика населения», на 4 курсе — курс «Экономической демографии». Объем аудиторной нагрузки при изучении каждой из этих дисциплин составляет 60 часов, после завершения курса студенты сдают экзамен. Изучение курса «Экономической демографии» предусматривает написание курсовой работы.

Программа курса «Демография и статистика населения» охватывает девять тем: предмет и метод демографии, история демографической науки; история развития народонаселения и теории народонаселения; источники данных о населении; исследование численности и состава населения; исследование естественного движения населения; исследование миграционного движения населения; исследование воспроизводства населения; прогнозирование населения и математические модели населения; демографическая ситуация и демографическая политика.

Программа курса «Экономическая демография» включает изучение семи тем: предмет и метод экономической демографии; трудовая структура населения; занятость и безработица населения и их анализ; таблицы экономической активности (занятости) населения и их применение для анализа трудового потенциала; экономико-демографический оптимум; демографические инвестиции и экономические возрастные пирамиды; экономико-демографическая ситуация в России в современных условиях.

Помимо профилирующей в плане демографического образования кафедры социальной и демографической статистики акцент на знания о населении существует и в ряде курсов, читаемых и другими кафедрами Института статистики и эконометрики. В частности, кафедра Макроэкономической, международной статистики и национального счетоводства ведет курс «Международная статистика рынка труда»; кафедра Математической статистики и эконометрики — «Моделирование и прогнозирование емкости рынка рекламы», «Математико-статистические методы в демографии». В рамках специализации «Актуарий для банков, страховых компаний и фирм» особое внимание уделяется методологии актуарных расчетов, применению вероятностных статистических таблиц. Так, студенты, обучающиеся по данной специализации, прослушивают курсы «Основы актуарных расчетов» и «Актуарные расчеты в страховании жизни и пенсионном страховании».

Кроме того, отличительной чертой подготовки специалистов-демографов в МЭСИ является насыщенная статистическая подготовка. Наряду с изучением демографии студенты получают фундамен-

тальную статистическую подготовку. Это дает им возможность корректно и обоснованно применять методы выборочных обследований в изучении демографических процессов, проводить статистический анализ нечисловой информации, осуществлять исследование временных рядов и прогнозирование демографических явлений и процессов, применять многомерные статистические методы исследования.

Особенностью изучения демографических дисциплин в МЭСИ является широкое применение в учебном процессе современных компьютерных технологий. В 1997 г. еще факультет статистики разработал и приступил к реализации комплексной программы подготовки экономистов-аналитиков, предусматривающей широкое применение в учебном процессе методов эконометрического моделирования. Была существенно усилена компьютерная и математико-статистическая подготовка студентов.

Изучаемое студентами статистическое обеспечение задач социально-экономического управления базируется на современных информационно-аналитических компьютерных технологиях в виде соответствующего программного обеспечения по базам данных, деловой графике, обмену информацией с внешними системами (например, через Internet), наконец, по современным методам математико-статистического анализа данных, снабженным, если необходимо, компьютерной картографией и мониторингом. Аналитическая часть блока информационных технологий поддерживается статистическими пакетами программ для ПЭВМ: «Олимп», «Мезозавр», «САНИ», «Класс-мастер»; табличным процессором Excel, а также англоязычными пакетами «Statistica» и «SPSS».

Традиционно в Институте активно работает аспирантура и докторантура. В настоящее время диссертационные исследования, посвященные демографическим проблемам современности, осуществляются в рамках специальности 08.00.12 — «Бухгалтерский учет, Статистика». Работы последних лет посвящены методологии статистического анализа процесса депопуляции, исследованию и прогнозированию социально-демографической структуры населения (и отдельных его групп) ряда стран, региональной демографической ситуации и цикличности демографических процессов.

Подводя итог, хотелось бы отметить тот факт, что, несмотря на трудности, характерные для всей системы высшего образования России прошедшего десятилетия, МЭСИ удалось сохранить демографическую составляющую статистического и экономического образования. С учебными планами подготовки специалистов по специальности Статистика можно ознакомиться на сайте Института статистики и эконометрики: <http://stat.mesi.ru>. Будем рады сотрудничеству в области подготовки специалистов-демографов.

Михеева А.Р., Новосибирск

О ПРОГРАММАХ СПЕЦКУРСОВ ПО СОВРЕМЕННЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ И ПРОБЛЕМАМ В СФЕРЕ БРАКА, РОЖДАЕМОСТИ, СЕМЬИ

Брак и семья на протяжении многих столетий являются фундаментальными социальными институтами, обеспечивающими воспроизводство населения и устойчивость человеческого общества. Исследования брака, рождаемости, семьи, ведутся в демографии, социологии, психологии, этнографии и других общественных науках. Поэтому при подготовке специалистов в этих областях знаний представляется важным дать студентом представление о современных процессах в сфере брака и семьи — об эмпирических данных, об объясняющих теориях, а также о дискуссиях и оценках учеными современного состояния социальных институтов брака и семьи.

Говоря о современных проблемах и тенденциях в сфере семьи и брака, мы имеем в виду такие явления, как высокий показатель разводов, уменьшение числа заключаемых браков — распространение феномена сожительства, рост внебрачной рождаемости. Во всех современных исследованиях брака и семьи приводятся данные, подтверждающие перечисленные выше тенденции и процессы, которые наблюдаются практически во всех европейских, североамериканских странах, в России, в странах СНГ. В разных обществах эти социально-демографические процессы отличаются лишь исторической длительностью, стадией (глубиной) проникновения в культуру.

Сложность исследования данных процессов, их оценок, озабоченность последствиями диктует необходимость и многосторонность освещения их в учебных курсах. Для понимания современных мировых и российских процессов, происходящих в сфере брака, семьи, рождаемости представляется важным акцентировать внимание студентов на взаимосвязи двух отраслей знаний об изучаемых процессах: демографии как науки о воспроизводстве населения и социологии семьи.

Вопрос о соотношении этих двух наук (социологии семьи и демографии) впервые и весьма основательно рассматривается К. Девисом (1965) в статье «Социология демографического поведения». Одним из важных направлений, объединяющих демографическую и социологическую методологию, К. Девис считает изучение брачности и рождаемости: у демографа-исследователя рождаемости и брачности проявляется интерес к *социологии семьи*, к *гендерным исследованиям*, и наоборот: социологу, исследующему проблемы семьи, необходимо уделять внимание динамике рядов статистических показателей рождаемости, брачности, разводимости. Плодотворность исследования процессов в сфере брака, семьи, сексуально-

го, репродуктивного поведения людей зависит как от того, насколько грамотно социолог использует демографическую информацию, так и от того, насколько результативно сочетается социологическая методология и методика с демографическим анализом.

Для научного анализа в этом направлении существует целый ряд документальных источников информации: данные переписей населения, текущей статистики населения, специальных обследований, проводимых статистическими службами на уровне государства, отдельных регионов. В них содержится обширный материал о создании, формировании и распаде семьи, о брачном состоянии людей, составе семьи, репродуктивной функции, воспроизводстве населения, типах домашних хозяйств. От анализа статистических материалов в демографических целях всего один шаг до социологического изучения семьи как социального, культурного феномена, о чем свидетельствуют работы известных демографов Э. Васильевой «Семья и ее функции» (1975), А. Волкова «Семья как объект демографии» (1986), социологов Римашевской Н., Ванной Д., и др. «Окно в русскую частную жизнь: Супружеские пары в 1996 г.» (1999), «Семья на пороге третьего тысячелетия» (1995) — совместное российско-американское социолого-демографическое исследование семьи.

Насколько можно судить по литературе, в настоящее время взаимодействие социологии и демографии в деле изучения семьи все более усиливается, и результаты таких исследований подтверждают целесообразность этого симбиоза. И, по-видимому, интерес к этой теме будет возрастать.

Особенно полезна демография в области, которую можно назвать макросоциологией семьи, т.е. для сравнительного исследования семейной структуры населения, анализа семейных изменений и соотношения семьи с обществом, социумом. Причем демография оказывается полезной не только в эмпирической сфере, но и в теоретической — ведь выявление закономерностей, объяснение изменений в режимах воспроизводства населения, в составе населения одновременно является в известной степени и объяснением изменений внутри семьи в связи с одной из ее важнейших функций — рождением и воспитанием детей. И этот аспект семейной жизни является главной потребностью общества, придающей браку и семье институциональный характер. Так что состояние демографической сферы общества (демографическая ситуация) составляет тот базис, который «запускает» социальные механизмы регулирования сексуального, брачного, семейного поведения людей.

Для студентов Новосибирского государственного университета, обучающихся по специальности «Социология» разработан спецкурс «Брак, семья, рождаемость: демографические и социологические

аспекты современного состояния» (Приложение). Основная цель спецкурса — акцентировать внимание студентов на двух взаимосвязанных компонентах общественного развития: *демографической сфере* и *институте семьи* с точки зрения изучения и объяснения происходящих в них современных процессов. За разработку спецкурса автор награждена грантом Института «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса), программа «Высшее образование», 1998 г. Условиями конкурса предполагалось проведение (чтение) спецкурса в любом университете России. Так что он был прочитан студентам-социологам Казанского государственного университета (1998) и Уральского государственного университета (1999). Ежегодно спецкурс и спецсеминары «Брак, семья, рождаемость: демографические и социологические аспекты современного состояния» ведется для студентов-социологов НГУ.

Опыт преподавания данного спецкурса и обязательного курса «Социология семьи» послужили автору основанием для разработки и подготовки к опубликованию двух учебно-методических пособий: «Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты» (Новосибирск, 2001) и «После развода: ответственность и проблемы матерей, отцов, детей» (Новосибирск, план 2002). Издания осуществляются при поддержке Института «Открытое общество» в рамках Мегапроекта «Развитие образования в России» (программа поддержки кафедр).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Специальный курс

«Брак, семья, рождаемость: демографические и социологические аспекты современного состояния», для студентов 3-5 курсов, специальности: «Демография», «Социология», «Социальная работа», 10 академических часов.

Автор программы: к.э.н. А.Р. Михеева; Лектор: к.э.н. А.Р. Михеева.

Аннотация.

Учебная задача спецкурса — ознакомить студентов с новейшими тенденциями мировых и российских демографических процессов: распространением неофициальных супружеских союзов, внебрачных рождений; теоретическими и методическими аспектами анализа, изучения и объяснения этих процессов в контексте трансформации социальных институтов брака и семьи.

Темы лекций

Лекция 1. Изучение брачного и репродуктивного поведения в рамках демографии и социология семьи: дилемма специализации наук (К. Дэвис);

Лекция 2. Современные тенденции в сфере брака, семьи: статистические факты, обзор последних эмпирических исследований рождаемости, брачности, семьи (Р. Лестэг, Ван де Каа, Х. Принц);

Лекция 3. Демографические и социологические методы исследований современных проблем в области брака, семьи (М. Тольц, А. Волков, П. Глик, В. Фукс-Хайнриц)

Лекция 4. Обзор демографических концепций рождаемости, брачности, семьи. Развитие теории демографического перехода: сущность, стадии, критика (Л. Руссель, Р. Лестэг, А. Вишневский, А. Антонов, М. Клупт)

Лекция 5. Социальная, семейная, демографическая политика и перспективы трансформации социальных институтов брака и семьи (Д. Попеное, Ш. Циммерман, А. Антонов, А. Вишневский)

Моисеенко В.М., Москва

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

В современной отечественной и зарубежной литературе, в учебных курсах по проблемам миграции (пространственной мобильности населения) неизбежно возникает вопрос о роли демографии в комплексе наук, изучающих миграцию.

Известно, что только сравнительно недавно в рамках самой демографии проблемы миграции были признаны как актуальные и даже первостепенные в составе традиционных компонентов динамики населения.

Вместе с тем, в литературе, как отечественной, так и зарубежной, положение миграции в демографии характеризуется все еще как второстепенное относительно рождаемости и смертности («stepchild», «научная золошка», или неродная сестра «weak-sister»).

Объясняя причины такой оценки, выделим три группы причины. Первая группа причин связана с особенностями становления демографии как научной дисциплины. Вторая определяется спецификой исследования миграции в недавнем прошлом. Третья обусловлена характером миграции, существенно отличающим ее от других демографических процессов.

1. Известно, что основу демографии определили концепции (теории) смертности. По мнению известного российского демографа Б.Ц. Урланиса, демография — единственная научная дисциплина, которая имеет точную дату своего рождения. В 1662 г. в Лондоне были опубликованы «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» Джона Граунта. Эта работа заложила основы изучения закономерностей воспроизводства населения. Уже в XVII в. были разработаны концепции дожития, началось изучение различий смертности городского и сельского населения. В дальнейшем внимание ученых привлекла рождаемость, особенно в условиях «демографического взрыва». Исследование миграции было отложено на более поздний период.

С учетом эволюции демографии сложились два подхода в понимании ее предмета традиционное, т.е. узкое и ограниченное в основном рамками анализа естественного воспроизводства, и широкое понимание.

Один из дискутируемых вопросов в рамках широкого подхода к предмету демографии — место миграции в составе демографических процессов. В литературе можно встретить различные ответы на этот вопрос: от безоговорочного включения миграции до столь же категоричного отрицания миграции в составе демографических процессов.

Широкий подход к предмету демографии отличает позицию американских демографов. В результате обсуждения предмета демографии и особенностей миграции как демографического процесса в конце 1960-х — начале 1970-х гг. миграция была признана в качестве третьего, наряду с рождаемостью и смертностью, компонентом динамики населения¹. Ф. Хаузер и О. Дункан определяют демографию как исследование величины, территориального распределения и структуры населения, изменения которых происходит под влиянием рождаемости, смертности, территориального движения населения (миграции) и социальной мобильности (изменение статуса)².

Такая же позиция просматривается в современных учебниках. Так, Д. Уакей также включает миграцию, наряду с рождаемостью и смертностью, в предмет демографии. Основой объединения этих компонентов является подход к населению как совокупности людей, рассматриваемой прежде всего в ее статистическом, количественном смысле³.

Сходную позицию занимают многие европейские демографы, обосновывающие необходимость выхода за рамки демографии, ограниченной анализом естественного воспроизводства (Дирк ван де Каа, Г. Вунш, Х.Р. Кохлер, Д.В. Вупель и др.). Например, Г. Вюнш, говоря о двух «осях» развития современной демографии, отмечает необходимость широкого подхода к развитию методологии этой дисциплины и важность участия демографов в разработке политики населения. Последняя, по его мнению, должна включать также смертность и миграцию населения.

¹ Petersen W. Population. 2nd. New York. Macmillan. 1969. P. 253–254. Bogue D. Principles of Demography. New York. Wiley. 1969. P. 753. Goldscheider C. Population, Modernization and Social Structure. Boston. 1971. P. 48–51.

² Hauser Philip M., and Otis Dudley Duncan. The Nature of Demography. Philip M. Hauser and Otis Dudley Duncan (eds.) The Study of Population. Chicago: University of Chicago Press, 1959.

³ David Yaukey. Demography. The Study of Human Population. Waveland Press, Inc. Illinois. 1990.

Отечественная демография, по-видимому, в большей степени отражает противоречивое положение миграции в качестве компонента динамики и структуры населения. В ней особенно заметен «водораздел» между «широким» и «узким» пониманием предмета демографии. Такое положение определяется особенностями развития демографии в нашей стране, ее пока недостаточной практической востребованностью со стороны общества и государства.

Широкий подход к предмету демографии отражен в ряде работ дореволюционных статистиков, в частности Ю.Э. Янсона.

По мнению А.Я. Боярского, демография изучает территориальное размещение и состав населения, их изменения, причины и следствия этих изменений, взаимосвязь социально-экономических факторов и изменений в населения, она раскрывает закономерности воспроизводства населения в широком смысле этого слова⁴.

С точки зрения Г.Е. Ананьевой, демография изучает численность, территориальное размещение и состав населения, закономерности их изменений на основе социальных, экономических, а также биологических и географических факторов, причин и условий⁵.

Согласно «узкому» пониманию, предметом демографии являются закономерности и социальная обусловленность рождаемости, смертности, брачности и прекращение брака, воспроизводство супружеских пар и семей, воспроизводство населения в целом как единства этих процессов⁶. Следовательно, миграция в данном случае не включается в предмет демографии. По мнению А.Г. Волкова, влияние миграции на возрастную-половую структуру населения, косвенное влияние на уровни рождаемости и смертности, брачный рынок не дает основания для оценки миграции в качестве неотъемлемого компонента и включения ее закономерностей в предмет демографии, понимаемом в узком смысле⁷. Аналогичную позицию занимает В.А. Борисов⁸.

2. Второстепенное место миграции в демографии объясняется тем, что анализ роли миграции в динамике населения в течение длительного времени ограничивался сравнительно узкими временными и территориальными рамками. Миграция изучалась в основном на национальном уровне, где статистический эффект внешней (между-

⁴ Курс демографии / Под ред. А.Я. Боярского. М., 1974. С. 5.

⁵ Основы демографии / Под ред. В.А. Ионцева, Б.А. Сулакова. М., 1997. С. 8.

⁶ Волков А.Г. Демография // Народонаселение. Энциклопедический словарь. М. 1994. С. 113.

⁷ Volkov A. Demography and Statistics. Position of demography among other disciplines. Edited by Z. Pavlík. Prague. 2000. P. 56.

⁸ Борисов В.А. Демография. М. 1999. С. 13.

народной) миграции был, как правило, невелик. В современном мире ее масштабы выросли, возникла проблема «замещающей» миграции (replacement migration) в ряде стран европейских стран, США и Японии, чтобы в какой-то мере решить проблему уменьшения численности населения и его постарения.

Действительная роль миграции стала оцениваться только после перехода исследований на региональный уровень. Именно на региональном уровне в пределах страны была выявлена определяющая роль миграции в качестве важнейшего и даже основного компонента динамики численности и структуры населения. В результате резко увеличилось внимание к проблемам не только внешней, но и внутренней миграции. С этого времени исследованы многие характеристики каждого из компонентов динамики численности и структуры населения. Однако со временем обнаружился недостаток интеграции знаний между ними.

Но можно ли утверждать, что определяющая роль миграции в динамике и структуре населения — характерная черта только современной эпохи?

Ряд исследований показывают, что миграция является главным компонентом развития населения на протяжении всей его истории. Например, на этапе преемственности развития человечества все группы населения находились в состоянии непрерывной миграции на локальном уровне. Они перемещались вокруг своего дома, охотясь или собирая пищу. Такая мобильность во многом определяла режим смертности и рождаемости. В IV–XIV вв., в том числе и в т.н. «миграционный» период, миграция была основным фактором, оказавшим влияние на величину населения на больших территориях в мире⁹. Характер миграции определял заболеваемость и смертность населения, его рождаемость.

3. Второстепенное место миграции в демографии не в последнюю очередь объясняется фундаментальными особенностями, существенно отличающими миграцию от процессов рождаемости и смертности. По этой причине миграция рассматривается иногда даже как уникальный процесс. Учет этих особенностей играет решающую роль при разработке теории и методологии этого процесса.

При анализе особенностей миграции как демографического процесса (чаще всего!) обращается внимание на то, что миграция в отличие от рождаемости и смертности не является биологическим процессом. Рождаемость и смертность могут рассматриваться как

⁹ Напомним, что «миграционный» период включил перемещения целых народов: франков, вандалов, остготов, бургундцев в III в., арабов в VII в., венгров в VIII в., монголов в XII в. и других народов.

определенные, однообразные события. Рождаемость связана с репродуктивным поведением определенных возрастных групп одного пола, а ее биологические ограничения с величиной фертильности (репродуктивного потенциала или плодовитости женщин). На социальном уровне показатели рождаемости имеют верхний предел, определяемый возрастной структурой женщин, хотя установить такой предел эмпирически достаточно трудно. «Одно лицо — одна смерть» является также четко обозначенным феноменом, что не создает двусмысленности в измерении смертности.

Следовательно, рождаемость и смертность четко обозначены и необратимы с точки зрения своего начала и конца. Наоборот, миграция — постоянно продолжающийся процесс, демографические рамки которого не могут быть ограничены, хотя и они имеют социальные ограничения. Например, в 1996 году в составе прибывших в городские поселения Российской Федерации в возрасте до 1 года насчитывалось 23968 чел, а в возрасте 100 лет и старше было 146 чел. Заметим все же, что в последние годы биологические аспекты миграции привлекают к себе.

В числе фундаментальных отличий миграции от рождаемости и смертности — большая роль пространства и времени. Эти критерии широко используются в идентификации и измерении этого процесса, оценке его тенденций и закономерностей.

Движение населения всегда происходит в определенный интервал времени и между двумя районами. Население, выбывающее из одного района, прибывает в другой, в то время как рождаемость и смертность относятся либо к населению района прибытия, либо к населению района выбытия. Поэтому так важен при анализе миграции ответ на вопрос: почему мигранты выбирают тот или иной район из возможно большого числа потенциальных районов для вселения?

В силу большой роли пространства и времени миграция неоднородна. Перемещения в пределах области (края, республики) по составу мигрантов, причинам и последствиям отличаются от межрегиональной и международной миграции.

На микро уровне исследование рождаемости и миграции включает вопрос о принятии решения. Анализ рождаемости предполагает ответы на вопросы об ожидаемом числе детей в семье, времени их рождения и общем числе. В то же время индивид обычно не планирует общее число перемещений в предстоящей жизни. Более важными являются другие вопросы: мигрировать или остаться на прежнем месте, куда перемещаться, когда и на какое время? В связи с этим при анализе миграции уделяется большое внимание оценке потенциала района прибытия мигрантов. Ответ на вопрос о продолжительности предполагаемого пребывания важен с точки зрения вклю-

чения (или не включения!) данного перемещения в концепцию миграции.

В отличие от рождаемости и смертности, которые, если общество хочет выжить, относятся к числу универсальных социальных процессов, миграция не имеет не только верхних или нижних пределов, но, по крайней мере, теоретически может отсутствовать. На индивидуальном уровне миграция подобна рождаемости в том смысле, что она может происходить, а может и отсутствовать. Поэтому исследование миграции должно включать не только мобильный сегмент населения, но и его стабильную часть, также как возвратные и повторные перемещения. И здесь возможна аналогия с естественным движением населения. Например, при изучении рождаемости исследуется бездетность (добровольная или недобровольная). Семьи, планирующие рождение третьего или четвертого ребенка, сравниваются с теми, которые не решили увеличивать число детей.

Необходимость исследования стабильности, также как и мобильности, предполагает различные уровни: макро-демографический и микро-демографический.

На макро уровне основной вопрос может быть сформулирован следующими образом: почему со временем меняются показатели миграционной активности населения и его стабильности?

На микро уровне видно, что не каждый человек принимает участие в миграции. Миграционная активность различается в зависимости от пола, возраста, уровня образования, профессии и т.д. И хотя молодые люди чаще мигрируют по сравнению с лицами старших возрастов, все же не все молодые люди мобильны, также как не все лица старших возрастов немобильны.

В результате особенностей миграции проблема определения исходных понятий, редко возникающая при исследовании рождаемости и смертности, играет важную роль при анализе миграции, а содержание понятий «миграция» и «мигрант» предполагает ответ на многочисленные вопросы о целесообразности включения тех или иных пространственных перемещений в концепцию миграции.

Поэтому миграция как объект статистического наблюдения не имеет простого измерения, а определения «миграция» и «мигрант» содержат множество дискутируемых уже в течение долгого времени критериев. Характерно, что и в настоящее время отсутствуют общепринятые определения «миграция» и «мигрант». Проблеме концептуальной неопределенности миграции сопутствует часто недостаток адекватных данных. Такая «суровая» оценка относится не только к состоянию учета международной, но нередко и внутренней миграции.

Вместе с тем, отмечая фундаментальные особенности миграции, нельзя противопоставлять миграцию и естественное движение. Су-

ществуют общие подходы в анализе процессов естественного движения и миграции. Примером этого является расчет ряда показателей (например, общих коэффициентов на 1000 чел населения). По аналогии с оценкой числа детей, родившихся у женщин определенного возраста за определенный период времени, можно оценить число перемещений, совершенных различными по возрасту и полу группами мигрантов за определенный период времени.

По мнению противников включения миграция в состав демографических процессов, она оценивается как «пережиток универсальной статистики, пытавшейся охватить все общество целиком... Между миграцией и воспроизводством населения есть существенные качественные различия, обуславливающие соответствующие различия и в методах исследования, и в профессиональной подготовке исследователей. Эти процессы различаются и по характеру воздействующих на них факторов. Так, в миграционных процессах значительно сильнее, чем в воспроизводственных, роль географических факторов (природных условий, климата, размещения производства, социальной инфраструктуры и т.п.). В воспроизводственных процессах более значительна по сравнению с миграционными процессами роль биологических факторов. Миграция населения — это прежде всего миграция рабочей силы. Поэтому при изучении миграционных процессов очень важны знания в области экономики и социологии труда, которые при изучении воспроизводства населения малопримлемы»¹⁰.

Полемизируя с приведенной точкой зрения, многое из того, о чем уже шла речь (прежде всего о фундаментальных особенностях миграции, ее сходстве — отличиях с демографическими процессами), пришлось бы повторить снова. Добавим, что традиционные для предмета демографии процессы (смертность и разводимость) отличаются едва ли меньше по сравнению с рождаемостью и миграцией. В ряде стран имеются общие источники данных о миграции и естественном движении населения. Усилившиеся в начале 1960-х гг. связи демографии и экономики проявились в разработке экономики рождаемости, проявившиеся в использовании ряда экономических категорий (цена, затраты, человеческий капитал) для анализа репродуктивного поведения¹¹.

Разделение труда существует и между учеными, исследующими воспроизводственные процессы, хотя оно нередко «нарушается» их профессиональной мобильностью.

¹⁰ Там же.

¹¹ Schultz T.W. The Value of Children: An Economic Perspective. Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81 / 2, part 11.

Наконец, с точки зрения причинной обусловленности собственно «воспроизводственные процессы» также внутренне неоднородны.

Дискуссия о месте миграции в демографии, как показывает опыт СССР и РФ, имеет не только академический интерес. Исключение миграции из числа демографических процессов негативно влияет на состояние учета миграции, прежде всего в переписях населения, методы ее анализа.

Между тем развернувшиеся исследования миграции в мире, в том числе и в рамках демографии, показывают, что на региональном уровне главная роль в динамике и структуре населения принадлежит, как правило, миграции. Более того, социальные и экономические последствия для районов, откуда выбывает население, и районов, куда оно направляется, оказываются нередко более значительными, чем влияние, обусловленное неодинаковыми показателями рождаемости и смертности. Именно определяющим влиянием обусловлен не только огромный интерес к миграции в современном мире, но и преобладающее число сторонников включения миграции в предмет демографии.

Попова Е.А., Челябинск

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ)

Миграционные процессы представляют собой важнейший вид движения населения, в значительной степени определяющий демографическое развитие мира и его отдельных регионов. При этом правы те авторы, кто выделяет такой вид миграции, как безвозвратная миграция, собственно являющийся демографическим процессом, прямо воздействующим на воспроизводство населения.

Но, если в отношении изучения миграции как демографического процесса написано уже относительно много работ как российскими учеными (В.А. Ионцев, Е.С. Красинец, Л.Л. Рыбыковский и др.), так и зарубежными (Д. ван де Каа, М. Криц, Д. Массей и др.), то вопрос оценки жизни населения практически не изучен.

Наш анализ касался в первую очередь вынужденной миграции, которая не всегда является безвозвратной. Тем не менее для России 90-х годов XX века многие миграционные потоки из стран ближнего зарубежья являлись безвозвратными и вынужденными, оказывая, таким образом, свой демографический вклад в ее развитие.

Но какова «цена жизни» этого вклада, этот вопрос практически оставался без ответа, что собственно и стало толчком к началу исследований в этой области¹.

Вкратце некоторые итоги нашего исследования можно представить в следующем виде.

Оценку цены жизни человека, используемую при оценке миграционного потенциала, можно осуществлять по пяти параметрам. Каждый из них имеет свой вес и связь с желанием людей переехать в Россию или желанием России принять их на своей территории.

Первый параметр — межнациональные отношения. В соответствие со статистическими данными, межэтнические конфликты явились причиной миграции: в Азербайджане, Таджикистане и Грузии — 60–70% выехавших оттуда людей, Эстонии и Киргизии — 40–50%, в Молдове и Туркмении — 20–40%, Казахстане — 17%, Украине — 4% и Белоруссии — 2%. Говоря иначе, миграционное поведение русских за рубежом во многом зависит от названного выше параметра, определяющего цену жизни человека.

Второй параметр — конституционный порядок. В отличие от первого, данный параметр для человека (потенциального мигранта) важен в сравнении двух стран (месту настоящего и возможного будущего проживания). Россию пока нельзя назвать гостеприимной. Ей еще предстоит осознать, что проблемы русских за рубежом — это и ее проблемы.

Третий параметр цены жизни человека — его материальные ресурсы (ценности). Этот параметр (в противовес первому) сдерживает потенциальных мигрантов. Нередко потери бывают слишком большими. И далеко не все готовы их нести.

Четвертый параметр — социально-экономический. Более 80% семей мигрантов в Челябинской области поселились в городах и только около 20% — в сельской местности. Это говорит о том, что в городах (особенно — крупных) легче найти работу, несмотря на то, что купить жилье гораздо сложнее, то есть определяющим фактором при обустройстве на новом месте жительства является наличие работы, как основного источника средств существования. В соответствии с отмеченным, реальный миграционный потенциал (а точнее — его реализация) зависит от региональных (межгосударственных) различий в условиях жизнедеятельности населения.

Пятый параметр — творческий потенциал (возможность его реализации). Он также, как и предыдущие, определяет цену жизни человека.

¹ См. подробнее: Попова Е.А., Попов А.Н., Бухтиярова Т.И. Интерпретативная рациональность личности. Челябинск: ЧГАУ, 2000.

Таковы важнейшие параметры «цены жизни человека». Именно они (в совокупности) определяют миграционный потенциал русского населения в новом зарубежье. При этом должно выполняться следующее основное условие:

$$C_{жп} < C_{жб},$$

где $C_{жп}$ и $C_{жб}$ — цена жизни человека, соответственно, на прежнем и возможно в будущем месте жительства.

Все люди, для которых соблюдается данное неравенство, и будут определять миграционный потенциал.

Потенциальных мигрантов можно разделить на группы. Часть из них готова немедленно выехать в Россию при наличии необходимых условий (для них $C_{жб}$ значительно превышает $C_{жп}$). Для этой группы потенциальных мигрантов четыре из пяти названных выше параметров цены жизни являются определяющими. Исключение может составлять лишь один — материальный.

В принципе, кроме перечисленных могут быть и другие параметры оценки цены жизни. Сами же опрошенные нами мигранты называли любовь к Родине и перспективы жизни для детей. Но они же были учтены при оценке миграционного потенциала, так как уже выходят за рамки вопросов, рассматриваемых экономической наукой, в то время как учтенные параметры, по нашему мнению, характеризуют поведение экономической личности.

Таким образом, определение «цены жизни мигранта» помогает нам выйти на определение миграционного потенциала, в частности, из стран ближнего зарубежья и тем самым учитывать его при оценках будущего демографического развития России.

Попова Л.А., Сыктывкар

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВ ДЕМОГРАФИИ НА ГУМАНИТАРНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВУЗА

В начале 1990-х гг., в связи с развертыванием в России социально-экономического кризиса, сопровождавшегося резким ухудшением уровня жизни основной массы населения, на государственном уровне были организованы различные службы, занимающиеся социальными вопросами: от проблем занятости населения до помощи престарелым и инвалидам. Естественно, практически сразу на повестку дня стал кадровый вопрос. В связи с этим повсеместно по всей стране при учреждениях среднего и высшего профессионального образования начали открываться факультеты и специализации, занимающиеся подготовкой специалистов по социальной работе. В 1993 г. подобный факультет был открыт и при Сыктывкарском государственном Университете. В момент создания он получил на-

звание гуманитарный, позднее был переименован в Факультет психологии и социальной работы.

Первый набор — 24 человека — завершил обучение через четыре года. С основами демографии первые выпускники ознакомились в последнем, восьмом учебном семестре в рамках курса «Социальной этнографии и демографии» (к настоящему моменту курс демографии прошли около 300 студентов очного отделения и 80 — заочного). Этот предмет был рассчитан на три лекционных часа в неделю и завершался сдачей зачета. Таким образом, для первого выпуска социальных работников это был лишь ознакомительный курс лекций практически готовым специалистам. Последующие наборы студентов были расширены в два раза и ориентированы уже на пятилетнюю программу обучения. Курс «Социальной этнографии и демографии» был переведен в пятый учебный семестр, и теперь по его завершению студенты сдают не зачет, а экзамен. Кроме того, курс получил дополнительный час в неделю — появилась возможность еженедельного проведения семинарских занятий, что способствовало более основательному усвоению студентами его программы.

Однако уже со следующего учебного года с чтением курса этнографии и демографии появились определенные трудности. Сначала произошло сокращение часов в учебном плане: семинарское занятие стало мигающим через неделю. Затем одна из двух групп получила специализацию по новой специальности — «практическая психология». В ее учебном плане, сильно перегруженном другими предметами, основы этнографии и демографии уже не предусмотрены. И, наконец, с 2002 г. «Социальная этнография и демография» более не входит и в обязательный перечень предметов, рекомендованных для специальности «социальная работа». Таким образом, демографическое образование на факультетах гуманитарного направления в ближайшее время может быть свернуто — останется лишь в тех учебных заведениях, в которых успели уловить необходимость демографических знаний для специалистов по социальной работе.

Перейдем непосредственно к программе курса «Социальной этнографии и демографии». Прежде всего, бросается в глаза некоторая искусственность объединения этнографии, входящей в разряд исторических наук, и демографии, тяготеющей к экономике и социологии. Иными словами, это практически два разных курса, которые объединяет только общий объект исследования — население. Из 16–17 лекций определенная часть должна быть посвящена предмету и задачам этнографии, этническим общностям и группам, этногенезу и этнической истории народов России, современным этническим процессам на ее территории и пр. На «долю» демографии,

соответственно, остается не более 12–13 лекций и 5–6 семинарских занятий.

Далее, при изложении курса демографии на факультете гуманитарного направления, на наш взгляд, следует учитывать, что это не профилирующий предмет. Соответственно, имеет смысл меньше загружать программу курса методами демографических исследований, а больший акцент делать на тенденциях демографических процессов. При этом специфика будущей работы выпускников — в центрах занятости, в центрах профориентации, в управлениях по социальным вопросам, в домах-интернатах для ветеранов и инвалидов, в кризисных центрах для женщин, в центрах помощи семье и детям, в психолого-медико-педагогических центрах, в детских домах, в социальных приютах для детей и подростков, в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, в комиссиях по делам несовершеннолетних, в учебных заведениях — еще более сужает область предметного ядра читаемого курса, акцентируя его на «узких местах» современного демографического развития — с выведением на первый план его качественных аспектов — и возможностях и путях выхода из популяционного кризиса. И, наконец, подготовка факультетом специалистов для республики, имеющей выраженную региональную специфику демографического развития, в том числе и обусловленную этническим фактором, определяет необходимость уделения большего внимания тенденциям демографических процессов непосредственно в Республике Коми. Тем более что складывающаяся в республике ситуация позволяет более выпукло обрисовывать масштабы и последствия демографического кризиса.

Знакомство с демографическими процессами мы нетрадиционно начинаем с миграционных. В свое время миграция сыграла огромную роль в формировании населения Республики Коми, попутно обусловив своеобразие его половозрастной структуры, а также некоторые особенности демографического поведения, и совершенно изменив этнический состав населения. В настоящее время миграционная убыль (сальдо миграции в республике отрицательное с 1987 г.) обуславливает около 95% сокращения численности населения. При этом очень важное значение имеет качественный аспект миграции. Потоки по прибытию и убытию существенно различаются по возрастным, образовательным, профессионально-квалификационным характеристикам, по национальному составу. Уделяем внимание и половозрастным особенностям внутренней миграции, особенно сельско-городской, обусловившей не только сокращение абсолютной численности сельского населения уже с конца 1960-х гг., но и очень существенную половую диспропорцию в трудоспособных возрастах (80 женщин на 100 мужчин), и значительное постарение

сельского населения: заметно более высокую, несмотря на чрезвычайно низкую продолжительность жизни, долю лиц старше трудоспособного возраста (16,8% против 13,1% в городской местности).

После миграционных мы рассматриваем процессы смертности, «ответственные» за демографический кризис в гораздо большей степени, чем рождаемость. Особое внимание уделяем специфике возрастных кривых смертности по полу, различиям в городской и сельской местности, особенностям статистики смертности по причинам. При изложении истории и современных тенденций смертности очень эффективно проходит процесс закрепления методических возможностей различных демографических показателей. Молодая возрастная структура длительное время обуславливала сравнительно низкие уровни общего коэффициента смертности в республике, что ни в коей мере не отражало истинного положения вещей: по уровню ожидаемой продолжительности жизни республика традиционно была на одном из последних мест даже в Северном экономическом районе. Так и в настоящее время общие коэффициенты, рассчитанные отдельно для муниципальных образований, отражают главным образом особенности возрастных структур их населения и ни в коем случае не применимы для межрайонных сравнений.

Кроме того, здесь же мы более или менее подробно останавливаемся и на правомерности расчета различных демографических показателей на уровне муниципальных образований, т.е. малых совокупностей населения — чтобы у будущих социальных работников не возникало соблазнов апеллировать к «неожиданно хорошим» уровням демографических показателей в своих районах. Численность населения республики всего 1 млн. 126 тыс. человек. При этом приблизительно четверть населения проживает в столице. Остальные 880 тыс. человек — в 19 муниципальных образованиях, для каждого из которых управления по статистике ежегодно рассчитывают и общие коэффициенты, и показатели продолжительности жизни, и даже коэффициенты младенческой смертности — порой при сотне-двух-трех родившихся в год. При этом показатели продолжительности жизни по муниципальным образованиям оказываются сомнительными не только из-за расчета на малой совокупности, но и потому, что смертность в республике традиционно «вывозится» из северных районов в южные.

Изучение процессов рождаемости также начинаем с напоминания о методических возможностях того или иного показателя. При анализе тенденций рождаемости на протяжении 1980–1990-х гг. рассматриваем зависимость уровня суммарного коэффициента рождаемости, рассчитанного для условного поколения, от изменений

календаря рождений у разных реальных поколений — очень хорошо идет усвоение методов условного и реального поколения.

В темах, посвященных рождаемости и тенденциям развития семьи, основной акцент мы делаем на качественной стороне процессов. Снижение возраста начала сексуальных отношений, произошедшее на фоне контрацептивной безграмотности и безответственности, привело к неоправданному омоложению рождаемости, снижению ее «экономичности», снижению уровня материнского и детского здоровья, росту ранней внебрачной рождаемости, числа отказных детей, детской беспризорности, ранним абортам, зачастую криминальным и заканчивающимся вторичным бесплодием, росту венерических заболеваний и пр. На внебрачной рождаемости останавливаемся отдельно, поскольку ее с полным правом можно назвать квинтэссенцией всех демографических проблем республики. Это и низкий уровень реализации высокого женского брачного потенциала, и невозможность более или менее полной реализации низкого мужского брачного потенциала, и низкий уровень рождаемости, и ухудшение структуры моделей семьи, и снижение воспитательного и социализирующего потенциала семьи, и даже высокая мужская смертность в трудоспособных возрастах. По уровню внебрачной рождаемости Республика Коми входит в первую десятку среди 89 регионов Российской Федерации. Немаловажную роль в этом играет этнический фактор.

Завершаем курс вопросами демографического прогнозирования, места социально-экономической политики в решении демографических проблем, приоритетов современной демографической политики. Особое внимание уделяем проблемам формирования демографических стандартов молодежи.

Плохотнюк Т.Н., Ставрополь

МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО КУРСА «ИНОСТРАННАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИИ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ»

Программа курса «Иностранная иммиграция в России и на Северном Кавказе» разработана на кафедре истории России исторического факультета Ставропольского государственного университета. Ее появление было актуализировано современной миграционной ситуацией в России, оказывающей существенное влияние на изменение демографической структуры, на рынок труда, на этнические, политические и многие другие процессы в обществе. Историческая ретроспектива этого явления позволяет объективно, глубоко и всесторонне характеризовать его и сделать доступным для будущих

специалистов накопленный исторический опыт государственного регулирования миграции и социальной адаптации перемещавшихся.

74-часовой спецкурс посвящен массовой миграции иностранцев в Россию и на Северный Кавказ со второй половины XVIII века по 1990-е гг. Содержание курса включает такие важные проблемы как организация въезда иностранцев в страну и их расселение (темы «Предпосылки иностранной иммиграции в Россию, ее роль в социально-экономическом развитии государства», «Организация массового въезда иностранцев в Россию», «Территория и условия иностранной колонизации в России», «Иммиграционная политика СССР в 1920–1930-е годы»), природно-производственная адаптация иммигрантов и их хозяйственная деятельность (темы «Географическая и этническая характеристика регионов заселения», «Производственный опыт переселенцев, этнопрофессионализм», «Иммиграционный фактор формирования промышленной базы в России», «Иностранцы на службе в России», «Иностранцы на службе в СССР в 1920–1930-е годы»), отношение государства и общества к иммиграции (темы «Государственная система управления иностранными поселениями», «Конфессиональная принадлежность иммигрантов и ее значение», «Положение инославных конфессий в России», «Система высшего и среднего образования иностранцев в России», «Положение иностранных подданных в России в годы Первой мировой войны», «Иностранцы в СССР в условиях тоталитарной системы», «Интернирование в послевоенный период как форма принудительной иммиграции»).

Спецкурс дает уникальную возможность компаративного изучения иммиграции в общероссийском и региональном масштабах. В его программу включены темы «Причины и условия иностранной иммиграции на Северный Кавказ», «Хозяйственная деятельность иммигрантов и их вклад в освоение региона», «Проблемы межэтнических отношений на Северном Кавказе» и др., в которых проанализированы административно-правовые условия образования иностранных поселений на Северном Кавказе, роль иностранцев в складывании инфраструктуры региона, сложности этнической адаптации выходцев из Европы в северокавказских условиях.

Данный курс слушают студенты исторического, экономического и географического факультетов. Чтобы эффективнее реализовывать основные цели и задачи процесса обучения, программа курса учитывает особенности системы и содержания подготовки специалистов на этих факультетах. Методика его организации и преподавания позволяет формировать профессиональные навыки работы или совершенствовать их. Так, например, при организации семинарских и практических занятий со студентами — историками предпочтение

отдано работе с текстами опубликованных и архивных документов – это основные законодательные акты, регламентирующие въезд иностранцев в страну и определяющие их правовой статус; так называемые въездные билеты или легитимационные документы, содержащие уникальную информацию о социальном статусе, профессиональной принадлежности иностранца, въехавшего в Россию; подворные описи разных лет, анализ которых позволит выявить уровень развития колониальных хозяйств.

Студенты географического факультета в рамках практических занятий курса таких как «География расселения и демографическая характеристика иностранной иммиграции в России и в СССР», «Внутренняя миграция иностранных поселенцев в России», составляют карто-схемы с указанием путей следования, пунктов прибытия, мест расселения иммигрантов, анализируют материалы демографических справочников и Всероссийской и Всесоюзной переписей населения, занимаются восстановлением немецкой топонимии и ее изучением.

Организация преподавания этого курса на отделении «Информационные системы в экономике» экономического факультета дает возможность обогатить методические приемы и средства, используя новейшие информационные технологии. С целью совершенствования уже сформированных навыков и умения работы на компьютере анализ сведений об иммигрантах можно выполнить используя систем управления базами данных (FoxPro, Access и др.). Для этого сведения о переселенцах необходимо занести в базу данных, причем эта операция может быть проделана 2-мя путями: набор данных вручную или сканирование документов с последующим их распознаванием. Реализация второго пути возможна при использовании специализированных программ распознавания текстов (Cuneiform, FineReader и т.д.).

Для формирования представлений о местах расселения переселенцев можно использовать программы, позволяющие построить карту, план или трехмерную модель требуемой местности. В рамках темы «Иностранная миграция и российское законодательство» предстоит работа с текстами на иностранных языках (немецкий, английский, французский). В настоящее время существует большое количество программ, облегчающих работу с текстами на иностранных языках (например, Stylus), которые производят дословный перевод сканированного или набранного вручную текста и дают пользователю возможность произвести коррекцию текста.

Программа курса — содержание и методы его преподавания — имеет высокий воспитательный потенциал. Прежде всего это выражается в наличии возможности формирования гражданской позиции,

особенно такого качества как этническая толерантность, которая основывается на осознании историчности иммиграции и ее позитивной значимости для развития всех структур общества.

Пушкина З.М., Тула

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

На рубеже XX–XXI вв. демографические процессы в России приобрели кризисный характер. Их изучение является одним из условий демографического образования прежде всего будущих специалистов гуманитарного профиля, а далее — хотя бы просвещения населения страны. Имея типичные для страны закономерности демографического развития, процессы изменения численности населения, рождаемости, смертности, миграции и т. д. отличаются в различных регионах.

Раскрытию особенностей демографического развития регионов на фоне общероссийской реальности посвящен ряд исследований¹. В то же время возможности дальнейшего изучения этих явлений значительны, особенно когда речь идет о центральных областях страны, являющихся преимущественно русскими по этническому составу населения. К числу таковых относится Тульская область, в которой русские составили в 1994 г. 96,1% населения, в то время как в 1959 г. их процент составлял 94,9, а в 1989 г. 95,4%². Повышение удельного населения русских в населении области свидетельствует о происходящих демографических изменениях прежде всего внутри этого этноса, являясь не только демографической, но и этнической проблемой, оказывающей влияние на социальную, политическую и другие стороны жизни.

Если брать численность населения Тульской области за длительный период, то просматривается тенденция медленного увеличения ее с конца XIX в. до второй половины 60-х гг. XX в, а после этого — постоянное снижение числа жителей в среднем ежегодно на 0,34% к 2000 году. За последние десятилетие прошедшего века темпы сокращения численности населения возросли вдвое. Это говорит о том, что депопуляция в области началась раньше, чем в России в целом.

¹ См., напр.: Судоплатов А. П., Хорев О. Б. Кризисные явления в демографическом развитии России и ее регионах // Вестник Московск. ун-та. Серия «Экономика». 2000. №4; Соболева С. В., Смирнов Н.Е. Продолжительность жизни населения регионов Сибири в 1989–1999 гг.: основные тенденции // Регион: экономика и социология, 2001. № 4.

² Тульский статистический ежегодник. Стат. сборник. Тула, 2000. С. 60.

В то время, как численность жителей за столетие выросла на 23% (с 1419 тыс. человек в 1897 г. до 1746 тыс. в 2000 году), соотношение городского и сельского населения изменилось более значительно. На исходе XIX столетия городское население Тульской области составило 12,5%, что примерно соответствовало населению России (имеется в виду население сопоставимое с нынешней РФ территории), но уже к 1959 г. доля горожан составила 60%, что превышало показатели РСФСР. Практически с 1989 г. городское население в общей численности населения составляет 81,5% по настоящее время, меняясь внутри этого периода в долях процента. Учитывая, что смертность среди сельских жителей выше, чем среди городских, и незначительную разницу в рождаемости между ними, можно предвидеть сохранение высокого уровня урбанизации в области.

В области сложилось неблагоприятное соотношение полов: если в 1897 г. на 1 тыс. приходилось 1168 женщин, то в 2000 г. – 1203. Особенно значительна разница в численности мужчин и женщин в возрастных группах, начиная с 60-летних: 140,8 тыс. мужчин и 282,0 тыс. женщин, т.е. вдвое³. Среди 70-летних и более старших по возрасту эта разница приближается к трехкратной.

Процесс демографического старения в Тульской области идет довольно быстро: на начало 2000 г. население старше 65 лет составило свыше 17,1% населения⁴. Численность населения обоего пола в возрасте 65 лет и старше превосходит вдвое численность детей от 0 до 9 лет (297,1 тыс. и 142,1 тыс. соответственно). И даже тех, кому от 9 до 19 лет.

Возрастная структура населения в области дает возможность определить группы населения моложе трудоспособного возраста, трудоспособного и старше трудоспособного (в % к итогу)⁵:

год	моложе трудоспособного	трудоспособное	старше трудоспособного
Все население — 100%			
1989	19,8	55,2	25,0
1995	18,7	54,4	26,9
2000	16,5	56,6	26,9

Как видно из приведенных данных, экономические группы населения отличались по своей динамике. Изменения произошли прежде всего в населении моложе трудоспособного возраста, их удельный вес от общего числа жителей снизился с 19,8% в 1989 г. до 16,5%. При этом снижение шло постоянно. Трудоспособное население то понижалось в процентном отношении (с 55,2% до 54,5% к 1995 г. по

³ Подсчитано по данным Тульского стат. ежегодника, С. 52

⁴ Там же.

⁵ Там же, С. 48–49.

сравнению с 1989 г.), то возросло до 56,6% в 2000 г. Повысился удельный вес населения старше трудоспособного возраста.

Можно сказать, что в области доля трудоспособного населения несколько выше, чем в стране и нагрузка на трудоспособное население несколько уменьшилась за счет снижения нагрузки детьми на данный момент, но будет расти за счет пожилого населения. В перспективе же трудовой потенциал будет снижаться.

По обобщенному показателю демографических процессов — естественному движению населения — область отличается в худшую сторону от среднероссийских показателей. Число родившихся стало снижаться, начиная с 1960-х гг. Исключением стал 1987 г., когда число родившихся несколько увеличилось и превысило число умерших — 24,7 тыс. против 24,6 тыс.⁶. После этого рождалось меньше, чем умирало и в 1999 г. число последних в 3 раза превышало число родившихся. Умерло 35,4 тыс. человек, родилось — 11,4 тыс. человек⁷.

Надо сказать, что администрация области пытается оказать содействие улучшению демографической ситуации: активно работает комитет по вопросам женщин, семьи и демографии администрации Тульской области, проводятся депутатские слушания по вопросам демографической ситуации в области, разработаны основные направления семейной политики области, начиная с 1995 г., в законах области, посвященных бюджету, выделяется отдельной строкой финансирование мероприятий по демографическим направлениям, ведется целенаправленная работа по созданию системы психологической поддержки семьи, оказывается материальная и социальная поддержка семьям, имеющим новорожденных и т.д.

Однако мер недостаточно в силу множества причин как долговременного характера, так и отрицательных последствий современного социально-экономического курса в стране. Нужна реальная, основанная на глубоком понимании драматичности существующей демографической ситуации в России всесторонне разработанная политика в области народонаселения, которая могла бы приостановить спад рождаемости и рост смертности. Такая политика возможна лишь на общенациональном, государственном уровне, учитывающая интересы и регионов страны.

Уже в настоящее время, если улучшить состояние медицины и здравоохранения населения, возможно понизить смертность населения. Особенно в трудоспособном возрасте, в частности среди мужчин. Анализ статистических данных о структуре основных причин смертности в Тульской области за период с 1993 по 1999 г. показывает, что подавляющую часть смертей составляют болезни системы

⁶ Тульский стат. ежегодник, С. 66.

⁷ Там же.

кровообращения — 48,4% в 1993 г. и 54,7% в 1999 г. Рост, как видим, составил 23,3%. Вторая причина — онкологические заболевания — их доля составила в 1993 г. 14,9% и в 1999 г. — 12,5%. Почти такая же смертность от несчастных случаев, отравлений и травм: 14,3% в 1993 г. и 12,5% в 1999 г. Почти в полтора раза за рассматриваемый период возросла смертность от инфекционных и паразитарных болезней и более чем на 26% — от болезней органов пищеварения⁸. Тульские показатели в одном параметре — по системе кровообращения — хуже, чем общероссийские, в другом (онкология, несчастные случаи) — несколько лучше, но незначительно.

Тревожная тенденция — рост смертности населения в рабочих возрастах как среди женского, так и мужского населения. С 1990 по 1999 г. число умерших на 100 тыс. населения трудоспособного возраста выросло среди женщин на 42,5%, мужчин — 41,6%. По причинам смерти на первом месте стоят несчастные случаи, отравления и травмы, увеличившись в 1999 г. по сравнению с 1990 г. в 1,5 раза среди мужчин и почти в 2 раза среди женщин. Эти смерти составили треть всех смертей. И около четвертой части их — погибшие от убийств и самоубийств⁹. Что подталкивает к этому людей, способных жить и трудиться? Не только социально-экономические условия, но и кризис психологический, нравственный, снижение ценности человеческой жизни. Отсюда образование, как и демографическое воспитание требуют самого серьезного отношения.

Сазонова Н.В., Соловьев А.Б., Белгород

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время социально-демографическая ситуация, складывающаяся в Белгородской области сложна и противоречива. Она может быть определена рядом негативных тенденций: сокращением количественных показателей процессов воспроизводства населения, а также снижением положительного сальдо миграции.

До 1990 г. динамику роста численности населения Белгородской области определял естественный прирост. Начиная с 1991 г., положительный естественный прирост сменился убылью населения, которая является следствием социально-экономического кризиса в регионе. Как показали исследования, в 2000–2001 гг. в процессах естественного движения Белгородской области отмечены положительные тенденции. В 2001 г. количество родившихся (в сравнении

⁸ Подсчитано по данным Тульского стат. ежегодника. С. 80.

⁹ Тульский стат. ежегодник. С. 74

с 1999 г.) выросло на 702 человека или на 6,3%, а количество умерших по сравнению с 1999 г. увеличилось только на 723 человека (3,3%). Таким образом, можно сделать вывод о росте темпов рождаемости по сравнению с темпами смертности. Однако, несмотря на этот факт, естественная убыль населения сохраняет в Белгородской области устойчивый характер. К примеру, в 1998 г. показатель естественной убыли населения в области составлял — 6,3‰, в 2000 г. — 7,4‰, а в 2001 г. — 7,2‰.

Увеличение числа родившихся отмечалось нами в 15 низовых административных районах области. Наибольших показателей темпы роста рождаемости составляли в самых динамично развивающихся районах области — Белгородском, Старооскольском, Губкинском, Шебекинском, Яковлевском. В двух городах Белгородской области (гг. Строитель, Старый Оскол) был отмечен небольшой положительный естественный прирост.

В последние годы для Белгородской области характерно снижение показателей интенсивности деторождения. Относительно большое количество семей является малодетными. В 2000 году из числа родившихся 72% детей были первенцами, 22% — вторыми, а 3,8% — третьими детьми в семьях белгородцев. Рождение же в семьях 3-их и более детей сократилось по сравнению с 1989 г. на 69%. Средний численный состав белгородской семьи составлял на начало 2002 года 2,8 человека. Снижение показателей интенсивности деторождения может быть объяснено причинами социально-экономического характера — низким финансовыми выплатами на детей, проблемой улучшения жилищных условий, а также отсутствием в регионе реальной демографической политики и неуверенности многих семей в завтрашнем дне.

Следует отметить и то обстоятельство, что в последние годы увеличивается число детей, рожденных матерями в возрасте моложе 20 лет, а также вне брачных отношений. К примеру, в 2001 году удельный вес детей, рожденных вне брака, составил 19,3% от суммарного числа детей.

Белгородская область — одна из наиболее привлекательных для мигрантов субъектов Российской Федерации. К причинам притока мигрантов на территорию Белгородской области мы относим: значительные темпы жилищного строительства (по среднедушевому показателю введения жилья область занимает второе место в РФ); наличие значительного числа предложений рабочих мест на рынке труда; лояльность местных властей по отношению к мигрантам; относительную социальную безопасность населения. Следует особо отметить, что миграционный прирост является основным фактором роста численности населения Белгородской области. В 2000-2001 годах внутри-

российские миграции населения являются преобладающим структурным компонентом миграционной ситуации. В 2001 году на их долю приходилось 82,3% всего миграционного оборота области, в том числе на долю внутрирегиональных миграций приходилось 48,7%.

В последние годы область имеет отрицательное сальдо в миграционном обмене с государствами дальнего зарубежья. Традиционно белгородцы эмигрируют в ФРГ, Израиль, Болгарию, США.

Анализ современной территориальной организации миграционных потоков в область свидетельствует о направленности основных миграционных векторов в городскую местность. На долю городов и поселков городского типа в 2001 году пришлось 64,2% всех прибывших в регион. В первую очередь мигрантов привлекают Белгород (24% всех прибывших), Старый Оскол (13,1%) и Губкин (4,1%).

Рост численности сельского населения области, вызванного миграционными приростом происходило только в Белгородском и Шебекинском районах, а также в Старооскольском и Губкинском. Эти административные районы являются частями соответственно Белгородской и Старооскольско-Губкинской агломераций. Цены на жилье в этих районах на порядок дешевле, чем в городах, а выгодное транспортно-географическое положение делает доступными центры соответствующих агломераций.

Исследования свидетельствуют о миграционном оттоке населения из Алексеевского Красногвардейского, Красненского, Чернянского, Ровеньского районов области. Эти районы в целом обладают невысоким уровнем социально-экономического развития, а также испытывают значительное число экологических проблем, — они были поражены радиацией вследствие Чернобыльской катастрофы, здесь также весьма велики масштабы эрозионных и оползневых процессов.

По состоянию на начало 2002 г. в Белгородской области было зарегистрировано 29735 вынужденных переселенцев из государств бывшего СССР и некоторых субъектов РФ. Статистические данные свидетельствуют о некотором снижении притока мигрантов из вышеназванных регионов. Наибольший удельный вес вынужденных переселенцев приходится на долю этнических русских, прибывающих в регион из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Чечни.

Социально-экономические возможности по приему вынужденных переселенцев в настоящее время в области весьма ограничены. Регион не располагает временным жильем для их первичного обустройства; на рынке труда предлагаются, как правило, свободные места и вакансии без предоставления жилья; спрос рынка труда на 90% составляют рабочие профессии.

Вынужденные переселенцы, прибывающие на территорию области — это в подавляющем большинстве жители столиц и крупных городов, претендующие на работу в сфере квалифицированного инженерного труда. Более 60% вынужденных переселенцев — лица трудоспособного возраста, 37% из которых имеют высшее и среднее специальное образование. В этом мы видим основную причину направленности соответствующих мигрантов в областную центр, другие города, а также в прилегающие к ним низовые районы. С более мощным, по сравнению с другими территориями области, производственным, научным, культурным и образовательным потенциалом, а также возможностями трудоустройства.

Прогнозы свидетельствуют о том, что в ближайшие 5–10 лет именно механическое движение будет определять процессы общей динамики численности населения, оказывать воздействие на половозрастную и социальную структуры Белгородской области.

Современные тенденции развития демографических процессов сложно и многообразны, однако требуют соответствующей координации и управления со стороны административных органов региона. Одним из путей решения демографических проблем должно стать обоснование и реализация комплексной областной демографической программы, которая призвана решать соответствующие проблемы на научно-практической основе.

Соловьев А.Б., Белгород

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

До начала 1990-х гг. основным фактором, который формировал и оказывал влияние на процессы миграционного обмена Белгородской области с тогдашними республиками Советского Союза был экономический фактор. Как показал анализ статистических данных, содержащихся в материалах Всесоюзной переписи населения 1989 г., миграционный обмен Белгородской области с другими союзными республиками уже на этом временном этапе начинал приобретать весьма важное значение в общей системе миграционного движения населения региона.

В конце 1980-х гг. миграционный обмен области с другими республиками СССР имел положительное сальдо. В 1989 г. в Белгородскую область въехало из вышеназванных регионов 8,6 тысячи человек, а выбыло в эти же регионы 4,9 тысячи человек. Сальдо межреспубликанского обмена Белгородской области в этом году составило плюс 4,7 тысячи человек.

Доминирование экономического фактора в межреспубликанской миграции Белгородской области в тот период было предопределено динамичными и быстрыми темпами социально-экономического раз-

вития региона. Приток населения в область из республик Советского Союза был, в первую очередь, обусловлен развитием ТПК КМА. Освоение железорудных богатств региона привлекало в этот период в Белгородскую область не только мигрантов из РСФСР, но также из всех союзных республик. Отметим и то обстоятельство, что значительный процент таких мигрантов оседал в Старооскольско-Губкинском регионе Белгородской области, где освоение железорудных месторождений шло самыми быстрыми темпами. В этом районе шло сооружение Стойленского и Лебединского ГОКов, велась всесоюзная комсомольская стройка Оскольского Электрометаллургического комбината. Демографический потенциал Старооскольско-Губкинского промышленного узла в 1970–1980-х гг. формировался в определенной мере именно за счет переселенцев из союзных республик.

Мигрантов из регионов, не входящих в состав Российской Федерации, привлекала в этот период в Белгородскую область возможность кардинального улучшения своего материального благосостояния, потенциальный шанс получения жилья в относительно сжатые сроки, перспективы экономического роста и т.д.

Благодаря экономико-географическому положению Белгородской области, историческому характеру тесных социальных, экономических, демографических связей между данной областью и Харьковской, Луганской, Сумской областями, ведущее значение в межреспубликанском миграционном обороте Белгородчины приходилось на Донецко-Приднепровский экономический район Украины.

Значительное количество русскоязычного населения прибывало в регион из Ворошиловградской, Харьковской, Днепропетровской, Запорожской, Донецкой областей, а также из Крыма.

Следует отметить весьма высокий процент русских, вернувшихся в 1970–1980-ые гг. на свою историческую родину, — Белгородскую область — из шахтерских регионов Украины. Данная категория мигрантов имела большой и богатый профессиональный опыт в сфере горнорудной промышленности. Соответствующие навыки были приобретены ими за долгие годы работы на открытых железорудных и марганцевых месторождениях Кривого Рога и Никополя. Мигранты из горняцких областей Украины и Казахстана, имели возможность очень быстрого и благоприятного трудоустройства на железорудных карьерах Старооскольско-Губкинского промышленного узла.

На миграционные процессы в 1970–1980-х гг. определенную роль оказывал учебный фактор. Основные потоки межреспубликанской миграции, определяемой именно этим фактором, направлялись в областной центр — г. Белгород. Основными союзными республиками, откуда приезжали в Белгородскую область студенты, являлись Узбекистан, Туркмения, Украина.

Если приток студентов в областной центр из сопредельных с Белгородской областью, Харьковской, Сумской, Ворошиловградской областей Украины был вполне закономерен и логичен, то обучение в Белгородской области граждан из Средней Азии может быть объяснена центральной ролью Белгорода в подготовке учителей-словесников (специальность — русский язык и литература) для республик Средней Азии. Узбеки, таджики, туркмены обучались на литературном факультете Белгородского педагогического института. Каждый год (до 1992 г.) в начале осени более 600 студентов из Узбекистана, Туркмении, Таджикистана прибывали в Белгород для получения образования. Подчеркнем то обстоятельство, что определенный процент студентов после окончания учебы оставался в Белгородской области на постоянное место жительства.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. стал переломным в изменении характера и факторов миграционных процессов населения в Белгородской области. Именно в этот временной период Белгородская область становится (наряду с другими областями Центрально-Черноземного экономического района) зоной миграционного притяжения населения, происходят коренные изменения в характере миграционного процесса и обмена населения Белгородской области с бывшими республиками Советского Союза.

В 1990-м году этнический конфликт между узбеками и турками-месхетинцами на территории Узбекской ССР привел к массовому исходу представителей данной этнической общности за пределы Узбекистана. Весьма значительное количество турок-месхетинцев прибыло тот период и в Белгородскую область. Представители турецкой диаспоры оседали преимущественно в сельскохозяйственных районах Белгородчины. Турки прибывали в основном из г. Ташкента, Ташкентской, Ферганской, Сырь-Дарьинской областей. В 1990–1991 гг. в Белгородскую область начали мигрировать беженцы из района армяно-азербайджанского военного конфликта. В большинстве случаев в область прибывали армяне и русские, проживавшие в Армении и Азербайджане. Данные миграционные потоки в Белгородскую область происходили организованно — в рамках административных методов расселения и управлялись из столицы СССР. Мнение региональных властей и коренных жителей области никто не учитывал.

Распад Советского Союза привел к коренным социально-экономическим и политическим переменам. Возникли новые, чрезвычайные, группы факторов, значительно изменился характер традиционно доминировавших в межреспубликанском обмене области факторов миграции. Традиционные (существовавшие до 1991 года) регуляторы миграционных процессов, были практически полностью

разрушены. Главенствующее и определяющее воздействие на характер миграционных процессов стали приобретать силы выталкивания русскоязычного населения из государств СНГ и стран Балтии.

В республиках Средней Азии, Казахстане, государствах Закавказья в этот период широкое распространение получила политика вытеснения некоренного населения. На выталкивание русскоязычного населения работали действия официальных властей в большинстве государств, сформировавшихся на месте бывшего Советского Союза. Во многих странах СНГ и Балтии внедрение в жизнь получила практика дискриминации русскоязычных диаспор.

В бывших республиках СССР русским стало труднее получить хорошее рабочее место по сравнению с коренными жителями данных государств. В этих странах стали закрываться школы, средние и высшие образовательные учреждения с преподаванием на русском языке, широкое распространение получили так называемые языковые цензы (такая практика наиболее известна в балтийских государствах), т.е. официальные тесты на знание национальных языков данных стран.

Все описанные выше процессы привели к значительному оттоку русскоязычного населения из этих стран. Анализ условий факторов миграционного обмена населения Белгородской области со странами СНГ и Балтии, базировавшийся на статистических данных показал, что в 1990-х гг. происходит снижение роли ряда традиционных факторов и условий межреспубликанского миграционного обмена, в первую очередь экономических и социальных.

Одновременно анализ подтвердил факт резкого возрастания в вышеназванном миграционном обмене новых чрезвычайных факторов (факторов, определяющих вынужденную миграцию), которые весьма отчетливо коррелируются с территориальной картиной наиболее интенсивного миграционного притока из государств ближнего зарубежья, с распределением по территории Белгородской области мигрантов и вынужденных переселенцев. Несомненно, что столь диаметрально противоположная смена факторов, определяющих миграционный обмен Белгородской области со странами СНГ и государствами Балтии в значительной степени предопределяется качественными изменениями политической ситуации и социально-экономической обстановки как в самой Российской Федерации, так и в суверенных государствах, возникших на месте бывшего Советского Союза.

Нельзя не остановиться на значительной роли природно-экологического фактора, который оказывает определенную степень воздействия на процессы современного миграционного обмена Белгородской области со странами ближнего Зарубежья. Суровые усло-

вия Западной и Восточной Сибири, Урала не привлекают мигрантов, большинство из которых привыкли к более мягким условиям природной среды. Их интенсивному заселению сейчас подвергаются южные и юго-западные районы России (особенно европейская часть). Здесь существуют благоприятные и привычные для выходцев из южных регионов природно-климатические условия. Плодородные черноземные почвы, мягкий климат, относительно благоприятная экологическая обстановка — вот тот набор условий природно-географического характера, которые притягивают мигрантов из бывших республик Советского Союза в Белгородскую область.

К условиям, определяющим количественно-качественную структуру современного миграционного обмена Белгородской области со странами ближнего Зарубежья относится характер и формы миграционной политики, проводящейся в областном регионе. Мы считаем, что региональная миграционная политика, проводимая административными структурами Белгородской области, в корне отличается от остальных областей Центрально-Черноземного экономического района. Местные органы власти вполне лояльно (зачастую даже в ущерб коренным жителям области) относятся к миграционному росту численности населения области за счет притока мигрантов из ближнего Зарубежья. Отметим тот факт, что в области не вводилось каких-либо ограничений или квот на межреспубликанскую миграцию.

Следует однако подчеркнуть и то обстоятельство, что первые волны мигрантов в Белгородскую область могли рассчитывать на большую помощь со стороны местных органов власти, нежели сейчас. В настоящий период большинство сельскохозяйственных предприятий, в которые и трудоустраивалось значительное количество мигрантов из государств СНГ, находятся в критическом состоянии и не могут обеспечить мигрантов ни жильем, ни работой. Аналогичная ситуация сложилась и в городах, поселках городского типа.

Поэтому даже несмотря на лояльность местных властных структур, миграционный приток населения из стран бывшего Советского Союза стал заметно меньше в силу опосредованного воздействия на него экономического фактора. К тому же мигранты 1996–1997 гг. качественным образом отличаются от мигрантов и вынужденных переселенцев начала 1990-х гг. Уровень материального благосостояния современных мигрантов из регионов СНГ на порядок ниже, нежели у мигрантов первой волны. Именно эта причина в значительной степени сокращает приток мигрантов в Белгородскую область — современные мигранты не в состоянии обеспечить себе нормальное обустройство на территории Белгородской области.

Экономические факторы, воздействующие на характер современных миграций в Белгородскую область из стран СНГ и Балтии зачастую испытывают весьма нетрадиционную трансформацию. В каче-

стве примера, рассмотрим нижеследующую ситуацию. Например, значительное количество русских, проживающих в сопредельных с Белгородской областями Украины, имеют в Белгородской области родственников, к которым они «приезжают» (в подавляющем большинстве случаев это касается украинских пенсионеров) на постоянное место жительства.

Сороко Е.Л., Москва

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИНТЕРНЕТ

Цель данной статьи — осветить ряд проблем, связанных с преподаванием демографии (типичные ошибки студентов, проблемы и пробелы в учебных материалах по демографии), и вопросы состояния демографических Интернет-ресурсов.

При подготовке данного материала были использованы: новейший учебник В.М. Медкова («Демография: учебное пособие», Ростов-на-Дону, 2002), российские и международные Интернет-ресурсы с информацией по народонаселению, а также опыт автора в преподавании демографии на факультете менеджмента Международного университета в Москве в 2000–2001 годах и при подготовке еженедельника Демоскоп Weekly.

1. Ошибки студентов

Говоря об ошибках студентов, можно предложить следующую их грубую классификацию:

- общекультурные или общенаучные ошибки (незнание математики, компьютера, истории, географии и т.д. или неумение применить имеющиеся знания на практике, например, при написании курсовых работ или ответе на тестовые задания);
- ошибки в понимании собственно демографических показателей, методов их расчета, единиц измерения, содержательного смысла и путей правильного их использования и интерпретации.

Одной из наиболее распространенных ошибок, как это ни прискорбно, является подмена единицы измерения промилле процентом. Например, «коэффициент смертности населения Китая равен 25%». Можно ли это назвать просто опечаткой? Думаю, что нет. Ведь 25%, это $\frac{1}{4}$ или 400 млн. чел. в год, или более 1 млн. чел. в день! Так что такая ошибка должна рассматриваться как грубейшая, так как человек, который ее допустил, совершенно не представляет себе масштаб процесса.

Ошибки при подготовке рефератов можно разделить на три группы: невыполнение требований, предъявляемым к рефератам (обязательное наличие самостоятельно подготовленных таблиц и графиков), слувание рефератов из Интернета 1:1, некритическое использование статистических данных из публикаций и Интернета.

При выполнении тестовых заданий также допускаются ошибки. Приведу без комментариев примеры тех вопросов в тестах, которые вызвали наибольшие затруднения у студентов:

- Численность населения Германии: 80, 82, 65, или 76 млн. чел.
- Коэффициент суммарной рождаемости в России в 2000 году составил: 1,14 / 1,06 / 1,21 или 1,28
- Какая семья не является нуклеарной: мать одиночка, тетя с племянником, супруги без детей или вдовец со своим ребенком
- Укажите масштаб эмиграции из России в дальнее зарубежье: из каждых 10 тысяч человек в год выезжают: 21, 6, 9 или 28 человек;
- За последние 3 года люди каких основных национальностей эмигрировали из России в дальнее зарубежье (с учетом их числа в порядке убывания): евреи, немцы, русские / русские, немцы, армяне / немцы, евреи, русские или русские, немцы, евреи

2. Учебники и демографические публикации

Конечно, не все проблемы демографического образования лежат на стороне студента. Можно ли доверять учебникам по демографии? Так, в недавно изданном учебнике В.М. Медкова (Демография: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2002) используется термин «суммарный коэффициент рождаемости на 1 женщину репродуктивного возраста» (С. 211). Имеет ли этот показатель хоть какой-либо смысл? Ведь этот показатель является интегральным для всего периода фертильности. Если женщина находится еще в репродуктивном возрасте, то для нее еще неизвестны все повозрастные коэффициенты рождаемости, используемые для расчета суммарной рождаемости. Если же женщина уже вышла из фертильного возраста, то для нее значение этого показателя можно определить, однако это будет противоречить предлагаемому для использования термину, поскольку она находится не в репродуктивном возрасте. Кроме того, значение этого показателя никак от возраста не зависят в силу того, что является агрегатом по всем репродуктивным возрастам. Вдобавок, более точный термин называется «коэффициент суммарной рождаемости».

Напрасно, по-видимому, пытаться прививать студентам мнение, что «...вычислительные процедуры — это наименее сложная и наименее интересная часть демографического прогнозирования» (С. 337). Это, как известно, далеко не так. Здесь много проблем, как методического характера, так и вычислительного, в особенности для мультистатусных и многорегиональных прогнозов, а методы прогнозирования постоянно совершенствуются. Как, например, можно быстро и просто спрогнозировать значения матрицы миграции городского и сельского население регионов России при построении многорегионального прогноза? Не стоит и думать решить такую задачу «в лоб» не избавившись от «проклятия размерности»: таких

матриц «всего лишь» 202 (101 возрастная группа * 2 пола), каждая из которых имеет размерность 175*175, итого 6186250 элементов. Приходится эти матрицы определенным образом агрегировать, декомпозировать, вводить региональные «миграционные рынки», и т.д. Не меньшие проблемы встают также, например, и при прогнозировании числа домохозяйств и семейной структуры населения.

Но дело не только в учебниках и учебных материалах. Есть также проблемы и в научных публикациях. Возьмем, к примеру, вопрос: Может ли отсутствие статистических данных оправдать использование неправильных формул? Примером такой формулы может, например, служить Беременности = аборт + живорождения (Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад. М., 2001, С. 51, http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r00/sod_r. В данной формуле, исходя из контекста раздела ясно, что речь идет об искусственном прерывании беременности и о рождении живого ребенка. Однако, перечень, состоящий из этих двух возможных исходов беременностей, — отнюдь не полный. Среди исходов может быть также спонтанный (самопроизвольный) выкидыш, мертворождение, смерть женщины (до родов), а также материнская смертность. Из устного разговора с автором этого раздела, удалось выяснить, что единственным оправданием использования такой сильно упрощенной формулы является отсутствие необходимой статистической информации. Однако, может ли это явиться оправданием такого огрубления? По-видимому — нет, поскольку именно эти не учтенные в формуле исходы, закрывают нам дорогу, например, для выявления препятствий и поиска дополнительных путей повышения рождаемости за счет сокращения невынашивания беременностей путем укрепления здоровья будущих матерей и улучшения их медицинского обслуживания.

3. Интернет

Перейдем к вопросу о том, что же в области демографии можно найти сейчас в Интернете. Число демографических сайтов здесь крайне мало, они очень разного качества, надежности и свежести, однако и имеющимися ресурсами не так просто воспользоваться. Возьмем для примера такую «простую» задачу: найти сведения о численности населения Латвии в 1995 и 2000 году.

Таблица 1

**Численность населения Латвии в 1995 и 2000 гг.
по различным источникам в Интернете.**

№ п/п	Источник	Численность населения (чел.)	
		1995 г.	2000 г.
1	Сайт POPIN-Latvia Центра демографии Латвийского Университета http://www.popin.lanet.lv/engind.htm , Resident population by beginning of the year	2 499 327	2 379 934
2	сайт «Энциклопедия Страны мира», Численность и рост населения в 1995-2000 гг. http://www.allworld.wallst.ru/page.php?nfile=latvia_pop&ctr=90	2 762 899	2 404 926
3	Демоскоп Weekly, постоянное население на 1 января http://demoscope.ru/weekly/app/app4001.html , соответствует данным Recent demographic developments in Europe 2000, Council of Europe	2530 тыс.	2424 тыс.
4	Population Reference Bureau, (mid 2001) http://www.data.worldpop.org/prjprbdata/wcprbdata.asp?DW=DR&SL=	-	2 400 000
5	CIA The world factbook 2001, (July 2001 est.) http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/index.html	-	2 385 231
6	FAO Population-Estimates http://apps1.fao.org & UN Population division. World Population Prospects. Population Database http://esa.un.org/unpp/p2k0data.asp	2 516 тыс.	2 421 тыс.

Анализируя таблицу можно сделать вывод, что задача, которая на первый взгляд кажется простой, вовсе не оказывается таковой. Действительно, сведения, полученные из разных источников, не только различаются, но представляют собой данные о разных населенных пунктах, причем о каких именно, указано отнюдь не всегда. Так, категория населения указана только в 1 и 3 источниках, на какую дату — только в 1, 3, 4 и 5-м и т.д. Более подробный анализ источников этих расхождений и недостатков предполагается сделать в докладе на конференции.

Остановимся теперь на терминах. Возьмем, например, коэффициент младенческой смертности. Этому термину очень не повезло на сайте «Энциклопедия Страны мира». Он назван в разных местах, по крайней мере, двумя различными способами. Здесь и коэффициент младенческой смертности, и уровень детской смертности (на 1000 чел.). А, например, для Азербайджана ошибка — тройная! — неправильный термин, неправильная единица измерения (на 1000 чел. вместо родившихся живыми) и завышенное по меньшей мере в 5 раз значение показателя (83). (см. <http://www.allworld.wallst.ru>).

«Не везет», однако, не только терминам, но и людям. В преддверии переписи населения нередко цитируют и берут интервью у Ирины Александровны Збарской, начальника Управления переписи населения и демографической статистики Госкомстата России. Как только не искажали ее должность и фамилию! Она — и начальник управления переписи населения (<http://www.riv.ru/20011227/news70.html>),

и Ирина Збарских (<http://www.orsis.ru/art.oml?id=802>), и возглавляющая отдел демографических исследований в Госкомстате России (<http://www.ir.spb.ru/naselenie48.htm>). Правда, причину последнего искажения можно назвать достаточно уверенно. Это — обратный перевод с английского. Однако, зачем же повторять его дословно еще на трех сайтах? Почему бы не проверить должность? Есть немало справочно-информационных сайтов, где это можно сделать.

Другая проблема, которую для краткости можно назвать «нафталин»: при Интернет-серфинге часто приходится «вдыхать пары нафталина» — читать сильно устаревшую информацию. Не обошла эта проблема и демографию. Но ведь демографы — тоже люди, им хочется иметь не только достоверную, но и свежайшую информацию. Здесь опять же «не повезло» младенческой смертности. Так, запрос на эту тему на yandex.ru по энциклопедиям выдает всего две статьи из Энциклопедии Москва, в то же время «детская смертность» присутствует в 158 статьях, главным образом статей БСЭ. Вот именно текст первой же статьи из полученного списка и вызывает наибольшее изумление (<http://encycl.yandex.ru>):

Детская смертность, число живорожденных, умерших на протяжении первого года жизни. Д. с. вместе с рождаемостью и смертностью является статистическим показателем естественного движения населения; выражается числом умерших детей на 100 или 1000 живорожденных. В СССР живорожденным считается ребенок, хоть раз вздохнувший. Д. с. зависит в основном от социально-экономических причин и смещается в ту или иную сторону при их изменении. Благодаря мероприятиям системы охраны материнства и детства и созданной советскими врачами системы антенатальной охраны плода Д. с. в СССР резко снизилась, см. табл.

Показатели детской смертности в России и СССР

<i>количество</i>	<i>1913</i>	<i>1940</i>	<i>1950</i>	<i>1960</i>	<i>1970</i>
<i>умерших детей на 1000 родившихся</i>	<i>269</i>	<i>182</i>	<i>81</i>	<i>35</i>	<i>25</i>

В социалистических странах Д. с., по данным ООН, в 1969 составила (на 1000 родившихся): Болгария - 30,5, Венгрия - 35,6, ГДР - 20,4, Польша - 34,3, Румыния - 54,9, Чехословакия - 22,9. В отличие от СССР, в некоторых капиталистических странах детей, умерших до регистрации рождения, учитывают как мертворожденных; поэтому показатель Д. с. в этих странах не соответствует действительности, является заниженным.

Здесь и сам термин неправильный — устаревший, и ссылка в настоящем времени на несуществующий ныне СССР, и несоответствие используемого определения живорождения сегодняшним определениям ВОЗ и Минздрава России, и пропагандистская фраза о регистрации рождений на Западе. А сведения, устаревшие на 30 лет!? Принесет ли кому-то такая статья пользу? Конечно, да, но, по-видимому, только историкам демографии, здравоохранения и энциклопедий.

Однако с уверенностью можно сказать, что для студента или неподготовленного пользователя, чтение такой статьи может принести гораздо больше вреда, чем пользы.

Еще один пример «нафталина» — сайт солидной организации с серьезной базой международных данных U.S. Bureau of the Census, International Data Base <http://www.census.gov/ipc/www/idbprint.html>. Что же мы видим здесь в разделе показателей таблиц смертности? Данные по США даны за 1980 г. при запросе «наиболее свежие данные» (the latest available year). Последние данные на сайте обновлены более двух лет назад (в мае 2000 года, по данным при просмотре сайта 28 мая 2002 года).

В заключении вернемся к ошибке «25%». Такое встречается не только в студенческих рефератах! Так, в учебнике В.М. Медкова, говоря о показателях смертности по причинам, автор обращает внимание, что в отличие от общей смертности, коэффициенты смертности по причинам измеряются не на 1000 человек, а на 100 000. В уравнении же, связывающем эти два показателя, предлагается получить общий коэффициент смертности как сумму коэффициентов смертности по причинам смерти, не деля результат на 100 (С. 279). Следуя этой формуле, среди россиян уже через год уже никого бы не осталось в живых. Аналогичные ошибки, к сожалению можно встретить и на сайтах солидных международных организаций. Так, в книге, изданной UNFPA (Народонаселение Мира в 2001 году. Этапы и вехи: население и экологические изменения. UNFPA, Нью-Йорк, ООН, 2001, <http://www.unfpa.org/swp/2001/docs/swp2001rus.pdf>, С. 4), на диаг. 1 материнская смертность с разбивкой по субрегионам, 1995 г. (смертей на 1000 живорождений) Восточная Европа перепутана с Южной, то же самое произошло в Африке, а единица измерения занижена в 100 раз. Иначе, доверившись этой диаграмме, можно вполне понять, что все матери в Центральной Африке (1000 из 1000) умирают, а вот в Западной Африке и того больше!??? Подготовь такую карту студент-дипломник, заслужит ли он оценку выше тройка?

Сукнева С.А., Якутск

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

События последнего десятилетия в Республике Саха (Якутия), как и в целом по России, обострили демографическую ситуацию. Ухудшились практически все параметры населения: выросла смертность и сократилась продолжительность жизни, повысилась интенсивность миграционного оттока, произошло снижение рождаемости, что вызывает обеспокоенность будущим демографическим развитием.

В республике с начала 1990-х гг. отмечается снижение численности населения, так за период с 1990 по 2001 гг. она уменьшилась

с 1111,6 тысяч до 986,0. Сокращением численности было охвачено 125,6 тысяч человек, или практически каждый десятый житель. Рассматривая динамику населения необходимо отметить, что наибольшее число жителей было зафиксировано в 1991 году 1121,3 тыс. человек. Каковы же главные причины убыли населения республики. Их несколько — это падение уровня рождаемости населения, увеличение смертности и как следствие снижение естественного прироста, но главная причина заключается в большом миграционном оттоке населения. Именно с начала девяностых годов республика из региона традиционно притягивающего население, как и все северные территории, стала регионом интенсивного миграционного оттока населения. Впервые в 1990 году численность населения покинувшего республику превысила число приехавших на территорию республики, эта разница между двумя разнонаправленными потоками составила 1600 человек. В последующие годы массовый выезд населения из республики по известным социально-экономическим и политическим причинам расширился. Пик миграционного оттока пришелся на 1994 год, когда сальдо миграции составило 31,3 тысяч человек.

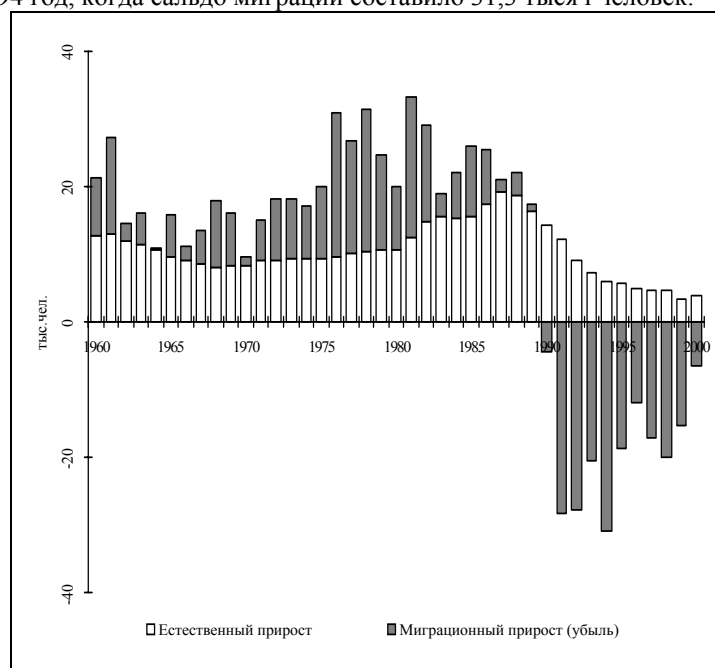

Рис. 1. Динамика компонентов изменения численности населения Республика Саха (Якутия)

В последние годы наблюдается уменьшение миграционного оттока населения, хотя он остается все еще весьма значительным

(рис. 1). По данным Госкомстата РС (Я) за 1999 год республика за счет миграции потеряла 15,3 тысяч жителей. Всего же за 10 лет с 1990 по 1999 гг. миграционные потери составили 181,5 тысяч человек. Необходимо отметить, что в миграционных процессах отмечаются позитивные сдвиги, так в 2000 году значительно сократился отток населения за пределы республики при несколько увеличившемся его притоке что привело к уменьшению отрицательного сальдо миграции более чем в 2 раза (-6300 человек).

Частично миграционный отток населения компенсировался его естественным приростом. Хотя и здесь наблюдались негативные изменения. В эти годы отмечается заметное повышение смертности населения. Интегральным показателем смертности и качества жизни населения является показатель средней ожидаемой продолжительности жизни. В 1990 году СПЖ по РС (Я) составляла 66,9 лет, для мужчин 62,5 и для женщин 71,5. Затем происходит резкое увеличение смертности населения, за счет чего падает продолжительность жизни, в 1994 году также отмечаются наихудшие значения этого показателя — 62,2 в целом по республике, для мужчин лишь 56,5 лет и для женщин 69,1. Главными причинами смертности населения являются болезни системы кровообращения, несчастные случаи, отравления и травмы и онкологические заболевания. Причем для мужчин молодого возраста на первом месте стоят насильственные смерти. В последние годы наметилось некоторое сокращение смертности населения. По данным за 1999 год ОПЖ составила 64,1 года для РС (Я), 58,5 лет для мужчин и 70,6 для женщин. Это произошло за счет некоторого сокращения смертности населения, в том числе младенческой. Однако необходимо заметить, что наши показатели все еще значительно отстают от средне-российского уровня — 59,9 для мужчин и 72,4 для женщин, не говоря уже о развитых странах.

Значительно сократилась в республике рождаемость населения: в 1990 г. родилось 21662 человека, в 2000 г. соответственно 13147. Наряду с ухудшением социально-экономического положения населения и здоровья населения происходит постепенное изменение репродуктивных установок в сторону перехода к малодетной семье. Важную роль также играет и демографический фактор, т.е. снижение в возрастной структуре населения доли женщин в активном репродуктивном возрасте, так в возрасте 34–34 года в 1989 г. находилось 28,4% всех женщин республики, в 1999 г. лишь 21,2%. Кроме того, результатом реализации мер демографической политики восьмидесятых годов явилось значительное увеличение рождаемости населения и прежде всего за счет реализации репродуктивных установок населения, в том числе и за счет смещения времени в появлении детей в семье («тайминговый сдвиг» в рождении детей). Таким обра-

зом, сформировалась своеобразная демографическая волна и теперь новое увеличение рождаемости населения, хотя естественно в меньших размерах, следует ожидать когда в репродуктивный возраст вступит поколение, родившихся в восьмидесятых годах. Произойдет это через 3–5 лет.

Заметные изменения в демографических процессах сказались на возрастной структуре населения, о чем наглядно свидетельствует возрастная пирамида (см. рис. 2).

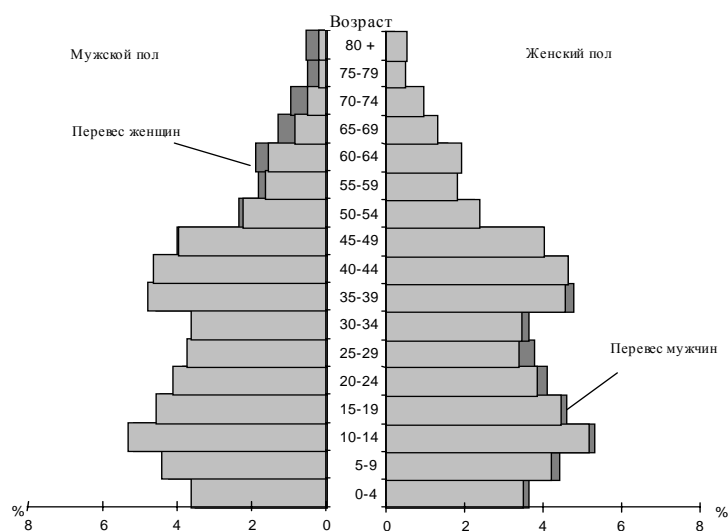

Рис. 2. Возрастная пирамида населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 1999 г.

Сужено основание пирамиды, и вся она вытянулась к вершине, что является показателем увеличения доли старших и сокращения доли младших возрастных групп в общей численности населения. В соотношении полов имеются диспропорции: по данным на начало 1999 года на 1000 женщин приходилось 990 мужчин.

Таким образом, современный возрастной состав населения республики сложился в результате снижения уровня рождаемости, миграционных перемещений и смертности населения.

По прогнозным оценкам в ближайшие десять лет ожидается стабилизация и увеличение уровня рождаемости, обусловленного, в том числе и «демографической волной». Тем не менее, в отдаленной перспективе исчерпает себя структурный фактор, а также произойдут изменения в репродуктивных установках, усилится процесс старения населения и поэтому несколько сократится естественный при-

рост. Большие резервы увеличения численности населения заключаются в снижении уровня его смертности и росте средней продолжительности жизни.

Все изменения, произошедшие в демографическом развитии республики, привели к значительному сокращению ее населения. 2000 год стал своеобразным рубежом, когда численность населения стала меньше миллиона. Основная причина тому — высокий миграционный отток населения. Эта проблема требует своего решения, ведь в основном выезжает население, адаптированное к суровым северным условиям в активном трудоспособном возрасте. Необходимо принимать меры по регулированию миграционных потоков и перераспределению их в пределах республики.

Для обеспечения положительной динамики демографических процессов в республике важно формирование стабильного и качественного населения, здорового и образованного. Поэтому сейчас необходимо принимать меры политики в области народонаселения по улучшению качества населения, воспитанию здорового поколения, снижению смертности и повышению продолжительности жизни, улучшению здоровья жителей республики.

Фридман В.С., Москва

УРБАНИЗАЦИЯ КАК РЕГУЛЯТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЗРЫВА И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА: МОДЕЛЬ ИНТЕРАКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ С ВМЕЩАЮЩИМ ЛАНДШАФТОМ

Уникальной особенностью динамики человеческих популяций с точки зрения эколога является (1) сочетание г-типа колебаний численности с К-типом структуры воспроизводства населения, которое отсутствует у всех остальных видов крупных млекопитающих, сопоставимых по общим размерам, величине репродуктивного потенциала и размеру репродуктивного усилия. Только в растущих человеческих популяциях зафиксирована положительная корреляция параметров r и K уравнения Ферхюльста–Пирла, описывающего данную динамику, тогда как практически у всех остальных живых организмов она отрицательна; 2) Рост численности человеческих популяций сопряжен с неуклонным сокращением процента реализации индивидами своего репродуктивного потенциала (особенно женщинами; в растущих популяциях резко падает число детей, рожденных ими за жизнь), и происходит за счет опережающих процессов *внутрипопуляционной дифференциации* — именно, расслоения ареала региональных популяций на «городское ядро» и «сельскую периферию».

Первое является центром концентрации и объектом миграции деятельных индивидов, источником культурных инноваций и бытовых норм, сокращающих «производство риска» в практической деятельности (Яницкий, 2000); скорость диффузии последних на периферию и несколько запаздывающие темпы обновления инфраструктуры определяют прирост средне-ожидаемой продолжительности жизни (СОПЖ) во всей популяции. Население «сельской периферии» становится источником пополнения «городского ядра» деятельными индивидами, восприимчивым к изменениям социальных, бытовых и культурных норм, распространение которых из города эффективно способствует менее рискованной, более спокойной, безопасной жизни консервативного большинства, при большем уровне социальной ответственности за соблюдение данных норм (общность и ответственность — основные социальные потребности консервативных индивидов, как успех и самореализация для деятельных, Мартынов, 1999). Поэтому субпопуляции сельской периферии отбирают, накапливают и консервируют те инновации в социальных и бытовых стандартах качества жизни, которые сокращают производство риска во всех видах занятий «консервативного большинства», увеличивают СОПЖ данной субпопуляции и тем способствуют максимальным темпам роста ее численности (во времени) и «уплотнения» структуры сельского расселения (в пространстве).

Показано, что экспоненциальный рост человеческих популяций в индустриальную эпоху обусловлен не интенсификацией размножения индивидов *per se* (среднепопуляционное значение мальтузианского параметра r напротив, падает), но функционированием **контура положительной обратной связи** внутри популяции, растущей в условиях не столько ресурсных, сколько средовых ограничений (Люри, 1999):

территориальная и функциональная дифференциация на «городское ядро» и «сельскую периферию», различающихся хронологической структурой расселения, соотношением деятельных и консервативных индивидов →

→ усиленное выщепление деятельных индивидов, их концентрация в «городском ядре», субпопуляция которого «обменивает» сокращение воспроизводства и формирующуюся зависимость от будущего притока «деятельных» мигрантов на накопление богатства, а впоследствии и на рост СОПЖ в «городском ядре» (особенно четко закономерное чередование обоих этапов популяционной динамики было выражено в истории населения Санкт-Петербурга) →

→ диффузия «городских» достижений, бытовых и культурных стандартов на периферию региона, охваченного миграционным притяжением городского ядра («демографический след города», сравни Girardet, 2000) → подъем СОПЖ во всей региональной популяции, рост численности всех сельских поселений. Подъем СОПЖ наиболее характерен для поселений, занимающих *оптимальное промежуточное положение* между концентрацией «городских удобств» на сильноурбанизированной территории региона и областью с преобладанием сельской структуры расселения, «сельского уклада жизни», население которой реагирует подъемом рождаемости на более благоприятные условия существования (в СССР такое положение занимали малые и средние города, в которых происходил наибольший процент рождений и наименьший – смертей, и именно они оказались в наиболее уязвимом положении с началом реформ в РФ, как население, так и инфраструктура) →

→ увеличение «демографического давления» (Ганжа, 2000) растущей популяции на природные и малоосвоенные территории региона стимулирует большее давление общины на развивающуюся личность, облегчает выделение деятельных индивидов из среды консервативного большинства, ускоряет их концентрацию в городском ядре (круг замыкается).

Воссозданный нами контур положительной обратной связи между динамическими характеристиками популяционной системы обеспечивает рост человеческих популяций любых территорий – от населения отдельных регионов и национальных государств до человечества в целом, причем везде — *за счет дифференциации частей и интенсификации взаимодействия между ними* («городское ядро» и «сельская периферия» региональных популяций, «мировой город» и «мировая деревня» на планетарном уровне). Зримые свидетельства этого — являются потоки переселения **более деятельных индивидов** (относительно среднего уровня оставляемой популяции) из села в малые и средние, а оттуда — и в более крупные города региона (с наступлением глобализации картина дополняется аналогичными потоками **образованных профессионалов** между «городскими ядрами» соседних территорий, различающихся уровнем возможностей профессионального роста этих людей), равно как и обратное распространение новых норм, обычаев, жизненных стилей менее рискованного (по отношению к себе) и более ответственного (перед обществом) поведения. Данная модель объясняет уникальные особенности динамики численности населения, не нашедшие объяснения в рамках представлений о росте популяции исключительно как функции реализации репродуктивного потенциала ее членов (недоучет влияния

перестроек популяционной структуры на среднепопуляционную длительность периода репродукции и численность когорт, приступающих к размножению), равно как и в рамках идей об ограничивающем влиянии «пределов роста» (недоучет урбанизации как адекватной перестройки хорологической структуры растущей популяции, «поглощающей» избыточное население и тормозящее рост численности пропорционально приросту последней).

Благодаря положительной обратной связи между пространственной дифференциацией популяции, выделением в ней функционально комплиментарных частей процесс урбанизации (не столько сам рост городов, сколько формирование в регионе иерархии городских поселений разного уровня и разной численности, подчиняющейся закону Ципфа) и интенсификации взаимодействия возникающих субпопуляций (миграционные потоки вверх по градиенту возрастания СОПЖ) популяции человека способны раздвигать «пределы роста» и регулировать скорость собственного воспроизводства, начиная (в «ядре») демографический переход от r- к K-типу динамики численности тем раньше и радикальнее, чем более быстрым был предшествующий рост; одновременно происходит ускоренное разрастание городов, в особенности поселений «центрального ядра», при стагнации оказавшихся на территории «сельской периферии».

В соответствие с моделью именно **характер урбанизации региона**, темпы разрастания «городского ядра» и «поглощительная способность» сельской периферии оказываются регулятором (не «демографическое давление» и не ресурсные ограничения – пределы роста) и скорости роста населения региона, и темпов социально-экономических преобразований на данной территории: они определяют момент начала и скорость прохождения демографического перехода, а также достигаемый по его завершении прирост СОПЖ и равновесный уровень численности популяции. При *оптимальных темпах урбанизации* региона иерархия малых, средних и крупных городов формируется и дифференцируется **быстрее, чем разрастается центральное «городское ядро»**, а подавляющее большинство сельских поселений периферии «подключено» к одному из малых городов регулярными посещениями и переселением кого-то из родственников (в этом случае происходит «мягкое торможение» экспоненциального роста популяции).

Если «городское ядро» разрастается слишком быстро, оно вбирает помимо деятельных, и значительную часть консервативных индивидов (урбанизация развивающихся стран), если слишком медленно — население периферии «подключается» к ближайшему быстро растущему/интенсивно развивающемуся «городскому ядру» соседнего региона, направляя туда молодых и деятельных индивидов (как население областей российского Черноземья и краев Северного Кавка-

за — в Москву и С.Петербург). Результатом обоих отклонений становится *депопуляция* соответствующего региона и сокращение СОПЖ за счет а) в первом случае — перенаселения в разрастающемся «ядре», увеличения там экологической заболеваемости и смертности, особенно репродуктивных, стагнации поселений «сельской периферии» вследствие переселения большей части консервативного населения в города и сокращения сети сельских населенных пунктов на периферии региона, б) во втором — из-за дальности миграции деятельных индивидов не наступает ее позитивный популяционный эффект в виде увеличения СОПЖ консервативного населения, что стимулирует разрушение инфраструктуры периферийных территорий.

Предложенная модель позволяет определить (1) социально-экологические факторы развивающейся депопуляции России, наступившей с началом демократических преобразований и распространяющейся *в обратном направлении* по сравнению с движением населения растущей популяции — из «городского ядра» на «сельскую периферию», и от урбанизированных регионов к аграрным территориям, (2) установить причины *неэластичности* процессов депопуляции по отношению к экономическому росту последних 2–3 лет, который не сократил сверхсмертность трудоспособных возрастов российского населения и не уменьшил склонности наиболее трудоспособной, эффективной и преуспевающей части россиян к отложенному размножению. Эти причины следующие: а) с августа 1991 г. российское общество превращается в «общество риска», где достижение личного богатства ценится много больше устойчивости и безопасности существования индивида, а тем более общественного благополучия (даже если речь идет о родных и близких) — **фактор генерации сверхсмертности и разрушения брачности** в популяции россиян, б) превращение малых и средних городов (в РСФСР вносивших основной вклад в воспроизводство популяции) в зону социально-экономического бедствия в большинстве регионов России, при одновременном разрастании мегаполисов и разрушении сети сельских поселений на «периферийных» территориях. Перенаселение крупных городов увеличивает негативное влияние их экологической ситуации на здоровье и репродукцию горожан; однако именно в этих городах в условиях депопуляции концентрируется наиболее трудоспособное и социально ответственное население, которое оказывается под двойным ударом растущей безработицы и экологической ситуации, создающей проблемы размножению большинства преуспевших и закрепившихся. Эти **факторы депопуляции** увеличивают смертность и способствуют традиции отложенного размножения среди эффективно работающей и творчески активной части городского населения — естественной элиты, самопроизвольно выделяющейся в каждой профессии. Ее социальная ответственность

единственно способна противостоять «производству риска» в рыночном обществе, ориентированном на достижения, господство и обогащение.

Чугунова Н.В., Белгород

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ

Среди множества показателей социально-экономического положения страны демографические характеристики наиболее полно, хотя и несколько косвенным образом, отражают деятельность правительств, партий, всего населения. Отрасли производственной и непроизводственной сферы и вся целенаправленная деятельность общества могут быть оценены тем, сколь благотворно они влияют на здоровье, продолжительность и качество жизни и образования человека.

Хорошо известно, что в эпоху НТР основное значение приобретают высококвалифицированные трудовые ресурсы, как основа развития отраслей НТП, НИОКР, новых технологий. Сокращение численности молодежи, трудовых ресурсов активных возрастных групп, увеличение доли пожилых людей, создают ситуацию старения и застоя.

К сожалению, демографическую обстановку в России последних лет никак нельзя считать благополучной. Депопуляционные процессы приобрели общегосударственные масштабы. И они охватили практически все субъекты Российской Федерации, включая Белгородскую область. Демографические процессы в этом субъекте Российской Федерации имеют много общего с другими регионами России, и по ряду процессов Белгородская область может даже служить своего рода моделью, но в развитии демографических процессов области немало и специфических особенностей.

В Белгородской области в начале 2002 г. проживают 1,5 млн. жителей. Динамика численности населения Белгородской области имеет свои особенности. В 1930 году в области проживали 1 млн. 850 тыс. человек. К 1939 году численность населения области сократилась до 1,4 млн. чел., т.е. область «потеряла» почти четверть своих жителей. С 1939 по 1954 годы в области продолжается сокращение численности населения с 1,4 до 1,2 млн., т.е. на 18%. Сокращение числа жителей за это время объяснимо: тяжелое время военных потерь. Но обращает внимание на себя тот факт, что среднегодовые темпы падения численности населения в военные и послевоенные годы (1939–1954 гг.) в два раза ниже, чем в 1930-е гг., 2% и 2,4% соответственно. Какими же большими были потери населения в 1930-х гг.! И только к 1970 г. намечается незначительный прирост численности населения — всего на 67 тыс. чел. за 16 лет, по 4 тыс. жителей в год.

Но это уже тенденция роста, которая прослеживается и до настоящего времени. Причины динамических процессов, отмечаемых с 1970 до 1989 гг. заключаются в механическом оттоке, поскольку естественный прирост был немногим ниже среднероссийского и только отрицательное сальдо миграции «съедало» результат естественного прироста.

Естественно возникает вопрос: почему население покидало родные места? Специалисты в области населения считают, что из-за сложных социально-экономических условий, сложившихся в области и, особенно, в сельской местности. При этом из сел в города уходили люди наиболее грамотные, активные, честолюбивые. Происходил, таким образом, «отрицательный естественный отбор». Происходила своеобразная «утечка умов», потеря интеллектуального потенциала села. Такой характер сельского населения — основная причина того, что различные экономические реформы здесь идут очень медленно.

Об изменении численности населения области с 1959 г. и о сокращении, в частности, числа сельских жителей свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1

**Динамика численности населения Белгородской области,
тыс. чел., 1959–2000 гг.***

Годы	Все население области	Прирост за истекший период	Городское население	Прирост за истекший период	Сельское население	Прирост (убыль) за истекший период
1959	1226,3		239,9		986,4	
1970	1261,1	+34,8	444,4	+204,5	816,7	-169,7
1979	1304,8	+43,7	687,6	+243,2	617,2	-199,5
1989	1380,6	+75,8	870,5	+182,9	510,1	-107,1
1996	1469,1	+88,5	951,8	+141,3	517,3	+7,2
2000	1497,7	+28,6	986,4	+34,6	511,3	-6,0
2000 к 1959 в %	122,1		411,2		51,8	

* Расчитано по сб.: Белгородская область в 1999 году.

Исследование естественного прироста населения области целесообразно рассмотреть с 1954 года, с года образования области как субъекта Российской Федерации. Процессы воспроизводства населения Белгородской области отображают данные таблицы 2.

Таблица 2

**Естественное движение населения Белгородской области,
1954–2000 гг., на 1000 чел.***

Годы	Родившихся			Умерших			Естественный прирост		
	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское
1954	20,7	18,6	21,1	8,6	6,6	8,9	12,1	12,0	12,2
1980	14,2	17,8	10,4	11,7	9,2	10,8	2,5	8,6	-0,4
1985	15,4	17,4	12,6	13,1	9,5	18,4	2,4	7,9	-5,8
1990	12,9	13,4	12,0	12,8	9,3	18,9	0,1	4,1	-6,9
1995	9,4	9,2	9,6	14,8	11,4	20,9	-5,4	-2,2	-11,3
1999	7,6	7,6	7,8	15,1	11,8	21,5	-7,5	-4,2	-13,7

*Составлено по сб.: Белгородская область в 1999 году, с. 28-29.

В 1954 году процессы естественного движения населения в Белгородской области незначительно отличались от аналогичных процессов в стране (в Российской Федерации естественный прирост был немного выше). В 1980 году ситуация уже совершенно иная, особенно по сельской местности: в Белгородской области естественный прирост составлял уже отрицательную величину (-0,4‰), в то время как в стране он был еще положительным (2,7‰). Россия к превышению смертности над рождаемостью подойдет на 12 лет позже — в 1992 году и с гораздо более скромными показателями (-0,9‰).

Значительное превышение смертности над рождаемостью уже в 1980 г. свидетельствует о наступлении в сельской местности Белгородской области демографического кризиса уже в конце 1970-х гг., начале 1980-х гг. И такое положение вполне закономерно: это результат деформированной половозрастной структуры населения, вызванной длительным миграционным оттоком жителей сел области из родных мест.

Миграции населения в Белгородской области оказывали существенное влияние на демографические процессы, начиная со времени ее образования и до сегодняшнего дня. Но следует сразу заметить, что они имели разную интенсивность и сальдо в различные отрезки времени. Миграционные процессы, происходящие в области в настоящее время, являются отражением особенностей современного этапа политического и экономического развития страны и ее регионов. Представление о развитии миграций в регионе дают данные таблицы 3.

Миграционный прирост в 1990-х гг. достигался в значительной степени за счет переезда в Белгородскую область вынужденных пе-

реселенцев, пик переселения которых зарегистрирован Белгородской миграционной службой в 1994 году. Он остается относительно высоким и в настоящее время, особенно в сравнении со многими субъектами Российской Федерации, хотя и наметилось его сокращение. В настоящее время миграции являются единственным источником роста численности населения Белгородской области.

Таблица 3

Миграции населения Белгородской области, 1960–1999 гг., чел.

Годы	Прибыло населения	Выбыло населения	Миграционный прирост
1960	51690	51002	688
1980	62214	55787	6628
1990	62863	47128	15735
1992	51006	29716	21290
1994	58133	29341	28792
1995	49850	30507	19343
1996	46357	28089	18268
1998	41500	26081	15419
1999	41362	26186	15176

С 1990 года в общем потоке мигрантов преобладают переселенцы и стран СНГ и Балтии — они составляют от 62% в 1990 г. до 56% в 1998 г. и только в 1999 г. на них приходится уже менее половины мигрантов — 45%, поскольку приток вынужденных переселенцев резко сократился. Белгородская область являлась одной из самых привлекательных для вынужденных переселенцев. По разным оценкам в область прибыло свыше ста тысяч вынужденных переселенцев, и основная их часть поселилась в городах, в частности, в Белгороде, Старом Осколе, Губкине. Кроме вынужденных переселенцев в составе мигрантов много покинувших Украину, северные и восточные районы России.

Все мигранты отличаются довольно высоким уровнем образования (84,7% мигрантов старше 16 лет имеют высшее, среднее специальное и среднее общее образование), оптимальной возрастной структурой (преобладают лица трудоспособного возраста).

Приезд мигрантов нельзя оценить однозначно. Бесспорно, что миграционные процессы имеют свои достоинства и недостатки. Миграции, осуществляя перераспределенческую функцию, вносят качественные изменения в его структуру, способствуют обмену трудовыми навыками и производственным опытом, содействуют развитию личности, влияют на семейный состав и половозрастную структуру, ведут к обновлению кадров, привлекают инвестиции в строительство жилья в области.

Однако, конкуренция из-за рабочих мест, возрастание стоимости жилья, рост нагрузки на социальную инфраструктуру не позволяют

реализовать в полной мере эти преимущества, обостряют социальные проблемы, создают определенную социальную напряженность.

Таким образом, в Белгородской области сложилась крайне неблагоприятная ситуация в естественном воспроизводстве населения и глубокие депопуляционные процессы приводят к вымиранию белгородцев и лишь приток мигрантов не только стабилизирует, численность населения области, но и способствует ее увеличению. Но этот источник уже сокращается, и в ближайшем будущем уже не будет перекрывать естественной убыли населения. Отдельные демографы видят выход из создавшегося положения в проведении активной демографической политики направленной на стимулирование рождаемости, охраны материнства, субсидирование многодетных семей и т.д. Безусловно, такая политика необходима, однако реальное воплощение подобной демографической политики в жизнь невозможно без серьезного улучшения материального положения и бытовых условий основной массы населения и радикального улучшения медицинского обслуживания населения.

Эдиев Д.М., Черкесск

ПРИКЛАДНАЯ МАТЕМАТИКА И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В 21 ВЕКЕ

Говоря о прикладной математике и демографическом образовании, следует выделить два момента. Во-первых, роль прикладной математики в демографическом образовании. И, во-вторых, значение демографии в развитии математических методов и в реализации образовательных стандартов в области прикладной математики.

Роль прикладной математики в демографическом образовании обуславливается широким спектром математических методов и моделей, которые находят применение в демографических исследованиях. Обсуждая эту роль, полезно выделить, какие методы прикладной математики и для каких целей используются в демографии, а также то, каковы их дальнейшие перспективы в демографии.

Едва ли не самым представительным классом математических методов, используемых в демографии, является класс методов теории вероятностей и математической статистики. Так, согласно результатам исследования [1], около 80% работ, опубликованных в журнале *Demography* с 1964 по 1992 годы, опирались на статистические методы, и доля таких работ возрастала со временем. Теоретико-вероятностные идеи и методы находят применение в анализе практически всех демографических процессов: смертности (составление таблиц дожития и их интерпретация), рождаемости (разработка данных по рождаемости в разрезе по возрасту и числу рожденных детей,

модели рождаемости), миграции (линейные модели миграции), брачности и разводимости (составление соответствующих таблиц, имитационные модели). Причем, отчетливо прослеживается тенденция к усложнению методов теории вероятностей, востребованных демографией. Так, если в начале развития демографической науки выровненная эмпирическая частота события трактовалась как вероятность, а вероятность, в свою очередь, принималась при прогнозировании как частота появления события, то со временем все большее распространение получают подходы, обычно используемые в самой теории вероятностей. Достаточно отметить хотя бы все возрастающий интерес к вероятностным прогнозам численности и структуры населения [2]. В работе [1] отмечается, что в течение 1964–1992 гг. доля работ, использующих простейшие статистические методы (расчет частот, индексов и т.п.) понизилась с 43% до 7%, в то время как доля работ, использующих регрессионные методы, возросла с 8% до 75%. Характерно, что со временем падало значение корреляционных методов, заменявшихся на более сложные регрессионные методы. Говоря о перспективах статистических методов в демографии, надо отметить как растущие требования к качеству этих методов, так и все большую доступность обширных исходных данных и вычислительных ресурсов, позволяющих использовать сложные статистические методы [2, 3].

Заметную роль в демографических исследованиях сыграли численные методы. Это, прежде всего, методы сглаживания и интерполяции (при подготовке исходных данных), численного интегрирования (при расчете таблиц дожития), численные методы линейной алгебры (при анализе спектральных и асимптотических свойств линейных моделей воспроизводства). По-видимому, и в этой области будет происходить дальнейшее усовершенствование и усложнение демографических методов в связи с большей доступностью вычислительных и статистических ресурсов.

Возрастающая доступность вычислительных машин и современных информационных технологий во многом повлияла на структуру методов демографии и способна кардинально изменить ее в будущем. Электронные табличные процессоры сделали сложные демографические расчеты доступными каждому. Широкое распространение имитационного моделирования, сложных статистических процедур, мультистатусных расчетов, технологии геоинформационных систем стало возможным благодаря информационной революции. Можно предположить [2] дальнейшее развитие и распространение имитационных моделей, геоинформационных систем, сложных математических моделей и численных методов в демографии. Почти наверняка найдут демографическое приложение и новые информационные технологии.

В теоретической демографии традиционно высока была роль методов линейной алгебры, теории интегральных и дифференциальных уравнений и математического моделирования. В этой области можно ожидать роста интереса к теоретико-вероятностным подходам и к нелинейным моделям.

Таким образом, можно отметить перспективы усиления роли широкого спектра методов прикладной математики в демографических исследованиях. Несомненно, это наложит свой отпечаток и на эволюцию демографического образования в 21 веке. Все большую актуальность будет иметь задача подготовки специалистов в области демографии не только освоивших основные концепции и методы демографии, но и способных использовать методы прикладной математики для решения задач демографии. Во всяком случае, система демографического образования должна быть выстроена так, что бы исследователи-демографы могли корректно ставить задачи прикладной математики и интерпретировать полученные результаты.

Точно так же, как методы прикладной математики проникают в демографию, подходы и задачи демографии оказываются востребованными в самой прикладной математике. Модели демографических систем обогащают математическое моделирование [4], а методы анализа, разрабатываемые в демографии, дополняют инструментарий прикладной математики. Как показывает опыт автора, модели и методы демографии могут быть успешно использованы в подготовке специалистов в области прикладной математики. Разработка баз данных, создание геоинформационных систем, моделирование демографических процессов, оценивание параметров по неполным данным с привлечением математического моделирования, исследование свойств демографических моделей, имитационное моделирование – вот неполный перечень направлений, в которых возникают задачи, одинаково интересные и актуальные как для демографии, так и для специалистов в области прикладной математики.

Литература

1. Teachman D., Paasch K., Carver P. Thirty Years of Demography // *Demography*, Vol. 30, 1993. № 4. P. 523–532.
2. Swanson A., Smith K. Population projections for small areas: New directions in the 21st century // *Applied Demography*. 2002, №1.
3. Preston H. The Contours of Demography: Estimates and Projections // *Demography*, Vol. 30, 1993, № 4. P. 593–606.
4. Нахушев А.М. Уравнения математической биологии. Учеб. пособие для университетов. М.: Высшая школа, 1995.

Ивахнюк И.В., Ионцев В.А., Москва

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Миграция населения как сложное, многообразное явление выступает объектом изучения многих наук, в том числе и демографии. Более того, именно миграция населения является тем «водоразделом» по определению предмета демографии, споры в отношении которого не утихают до сих пор между сторонниками «узкого» и «широкого» подходов.

На наш взгляд, миграция населения в ее классическом понимании как «переселения» или «безвозвратная миграция» по своей сути есть важнейший демографический процесс, прямо воздействующий как на динамику численности населения, так и на сам процесс воспроизводства населения через изменения в возрастно-половой структуре населения, в репродуктивном поведении (как самих мигрантов, так и коренного населения), а также через взаимосвязи с рождаемостью и смертностью. Поэтому, поддерживая точку зрения о включении миграции в предмет демографии («широкий подход»), вместе с тем еще раз подчеркнем, что речь должна идти только о безвозвратной миграции.

Непонимание сторонниками «узкого» подхода сути миграционного движения и приводит их к неверным выводам в отношении предмета демографической науки. В связи с последним, на наш взгляд, очень интересными представляются современные теоретические построения в области демографического перехода (Р. Эпплеярд, Д. ван де Каа, М. Окольски и др.), включающие в эти модели, наряду с рождаемостью и смертностью, миграцию¹.

Что касается всех других видов миграционного движения и его разнообразных категорий мигрантов, то многие из них изучаются демографами как факторы, оказывающие косвенное воздействие на сам предмет демографии — закономерности воспроизводства населения. Например, массовая миграция рабочей силы, которая включается в предмет экономической науки, может оказать значительное влияние на демографическое развитие как, прежде всего, стран-экспортеров рабочей силы (пример, Италия), так и стран ее импортеров (например, дети, родившиеся в семьях трудящихся-мигрантов в США, автоматически по праву территории становятся гражданами этой страны).

Поэтому очень важным представляется включение миграции населения в систему демографического образования. Другими словами

¹ См., подробнее: Введение в демографию / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: ТЕИС, 2002.

необходима разработка разнообразных учебных курсов, читаемых для разных групп слушателей: от школьников и студентов до стажеров и руководителей разнообразных форм управления (от федерального до местного уровня).

Вместе с тем, последнее не означает, что не может быть целенаправленной подготовки кадров именно в области миграционного движения в целом.

Именно такая разнообразная подготовка (с точки зрения демографии и экономики) имела и имеет место на экономическом факультете МГУ, где профессорами, преподавателями и сотрудниками Центра по изучению проблем народонаселения были подготовлены, читались и читаются как студентам, так и различным слушателям (например, слушателям из Министерства обороны страны) такие курсы как: «Миграциология» (проф. Б.С. Хорев, проф. В.А. Ионцев, доц. М.Б. Денисенко); «Пространственная мобильность» (проф. В.М. Моисеенко, к.э.н. О.С. Чудиновских); «Миграция населения в России: тенденции и последствия» (проф. В.М. Моисеенко, к.э.н. О.С. Чудиновских); «Международная миграция и рынок труда» (проф. В.А. Ионцев и к.э.н. А.Н. Каменский); «Миграция и демографическое развитие» (проф. В.А. Ионцев); «Международная миграция населения и глобализация мирового хозяйства» (проф. В.А. Ионцев); «Международная трудовая миграция: современный мир и Россия» (к.э.н. И.В. Ивахнюк); «"Внешняя" миграция населения между Россией и странами ближнего зарубежья: перспективы сотрудничества» (к.э.н., ст. преп. А.Г. Магомедова) и др.

В развитие миграционной проблематики в 1998 г. кафедрой народонаселения была организована новая научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» (гл. редактор В.А. Ионцев), в рамках которой опубликовано 9 выпусков. В большей части из них довольно подробно рассмотрена роль международной миграции в демографическом развитии как России, так и других стран мира. Подготовлен и находится в издательстве десятый юбилейный выпуск «Мир в зеркале международной миграции», в котором представлены статьи ведущих ученых мира по данной проблематике. Подчеркнем, что статьи этой серии имеют важный характер как с научной, так и учебной точек зрения.

СЕКЦИЯ 2

РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И БАЛТИИ

Minko Minkov, Bulgaria

DEMOGRAPHIC EDUCATION ON INTEGRAL SYSTEM OF SOCIAL- DEMOGRAPHIC STATISTIC

The report contains the main problems connected with the Integral System of the Social-Demographic statistic in the process of building; Basis of the contents of the integral system; Reproduction of the people; Realization of the people; Consumption and incomes of the people; Peoples Behavior; Interaction among reproduction, realization, consumption and behavior of the people under the influence of the social-reproductive process.

The researched system has advantage that shows the whole process of the reproduction and realization of the people in the logical unit of interactive subsystems. At the same time through bonding of the system with social reproductive process is realized full connection among their components.

Data and Methods, which were used: For the preparation of the report are used sociological and statistical data. The statistic is not only for measure of the real processes but investigates and opinions, values, ideas, interactions. The statistic gives opportunity to find regulations and to take measures for objective realization of the demographic and social processes. We used also sociological methods and data of the demographical statistics policy.

Main results: Improvement of the General Demographic Culture of the Population in the conditions of the basic social changes.

Roumjana Modeva, Bulgaria

DEVELOPMENT OF THE POPULATION IN BULGARIA IN THE NEW CONDITIONS OF THE SOCIETY: MEANING, PROBLEMS AND TRENDS

The report contains data from the representative research (January 1999 — January 2002) in regions with ethnical mixed population.

The research includes 1800 randomly selected responders, who are interviewed on the basic demographic indicators.

The aim is to be defined the basic demographic parameters of the development of the population and to be outlined the trends of the demographic change in the new conditions of the life. It is made a comparative analysis in the historical aspect with two stages of the demographic development of the population in 1933 and 1989.

Methods: The research is realized through the basic sociological and statistical methods.

Main results: The results includes demographic prognosis of the basic demography indicators, which are analysed in the research.

Important place in the results has an analysis of the demographic transition as characteristic of the concrete stage of the natural development of the population in Bulgaria today.

Mariela Todorova, Bulgaria

**DEMOGRAPHIC POLICY CONNECTED WITH THE NATURAL
DEVELOPMENT OF THE POPULATION IN THE NEW REALITY:
CHARACTERISTIC AND PERSPECTIVES**

Background: The report includes the meaning of the demographic policy for the population in close connection with the demographic education in the new realities. It is defined the contents and the basic requirements for demographic education as condition for successful demographic policy. It is analysed the Bulgarian experience and it was defined the effective relationships among the institutions /national and international/ for the creation of demographic policy connected with the development of the population. It is used the data of researches in the last 10 years which shows trends for demographic development of the population. These data are used for argumentation of the demographic education as condition and factor for creation of the objective and successful demographic policy.

Data and Methods which were used: For the preparation of the report are used historical data, critical analysis and actual researches which prove the basic thesis of the theme. It is analysed the demographic dynamics of population in the new conditions. We used sociological methods and data of the demographical statistics.

Main results: It is outlined the meaning of the demographic education as basic of the improvement of the efficacy of the work on the problems of the human resources and natural development of the population. We made suggestions for use of the possibilities of the demographic education for creation of the demographic policy from the authorized institutions.

Zdeněk Pavlic, Czech Republic

**POPULATION DEVELOPMENT AND DEMOGRAPHIC EDUCATION
IN THE EAST EUROPEAN COUNTRIES**

Preliminary note: The conference has been clearly focused on the demographic education. The population development should be restricted to the general picture and so only for the former communist countries. Geographic division is also rather arbitrary. East European region has

been delimited as former communist countries with the exclusion of Russia, CIS and Baltic countries, but inclusive Balkan states in the Southern Europe. It includes all together 12 countries (13 with the former GDR).

Population Development

As it can be seen from the graphical presentation, the region of Eastern Europe in the above delimitation is demographically heterogeneous taken in separation, but at the same time homogeneous in the European surroundings and even more in the world context. The universal process of demographic revolution started in some countries of this region already in the first half of the 19th century and ended before the World war II (GDR, former Czechoslovakia, Hungary), in the majority of others it started in the second half of this century and ended in the 1960's. (with the exception of Albania, where the demographic revolution ended only recently). The crude rates (death and birth) can be used for the determination of both the beginning and end of this process as the effect of the age structure is becoming important only after the demographic revolution (see its evolution after 1960). At the same time the exact time limits cannot be settled; data for a whole country are always an average of different regional or social groups of inhabitants. The second phase of the demographic revolution, during which the crude birth rate reaches permanently values below 20 per mille inhabitants, is demonstrated in four cardiograms.

The position of the region of Eastern Europe in the 1990's in the whole Europe can be clearly seen from the cartograms published in the *Recent Demographic Development of Europe* (Council of Europe publication). According to the level of mortality measured by the expectation of life at birth of men and women, Europe is divided in two parts. The Eastern Europe has lower expectation for men than 71 years for men and 78 for women; in the Western part of Europe all countries have longer expectations of life (Ireland, Portugal, Czechia and Slovenia being on the borderline).

The position of Eastern Europe according to the level of fertility is less clear. The total fertility rate in Eastern Europe is among the lowest in Bulgaria and Czechia comparable with similar values in Italy and Spain. On the other side Albania has still the highest fertility level in Europe (2.8 in 2000; other sources than 2001 World Population Data Sheet present lower value).

The mortality situation is very different in all Eastern European countries in 1990's, especially concerning the trends during the last decade. The infant mortality rate decreased to 4 per thousand in Czechia and Slovenia, but it is still around 15 per thousand or higher in Romania, Bulgaria and Macedonia. The total fertility rate has in all East European countries downward trend, from the level close to 2 to the level below

1.5, with the extreme values of 1.1 in GDR and Czechia. The explanation can be looked for in the changed economic, social and political conditions, which affected the demographic behaviour of population. It follows the pattern of Western Europe labelled the second demographic transition. The immediate reason was the postponement of marriages (and the increase of the number of married persons in all age groups) and of the increase of the age of mothers of first children (which is related to the previous reason). The main reason is so the timing of marriages and births; it rests only the question how many marriages will not be ever contracted and children ever born. The age of brides at first marriage increased in the whole region by 1.7 years in average, with the maximum of three years in Slovenia between 1990 and 2000. In all countries decreased significantly the crude marriage rate and consequently the age of mothers at the moment of birth of their first children, by 1.4 years in average with the maximum again in Slovenia with 3.4 years followed by GDR (3 years) and Czechia (2.4 years) in the same last decennium. The total fertility rate decreased also in all countries in this region by 0.5 in average with the maximal decrease in Czechia and Slovakia (0.8); the same decrease could have been in Albania from previously rather high level.

The contemporary demographic development in the region of Eastern Europe gives certain guidance for population projections. The process towards homogeneity in demographic pattern is evident. Only one question has to be answered from the crystal ball: how important role in the overall decrease of the intensity of marriages and of the level of fertility plays the timing in concurrence with the generational change of the demographic behaviour.

Demographic Education

The demographic education as well as the education of any other scientific discipline should be closely connected with the research. Only research gives the answer what is demography, what is its object of study and in which aspect of this object we are looking for our knowledge (i.e. what is the subject of the discipline). Demography does not have many contributions in this field, which is usually considered as theoretical demography or demographic theory. It is important to know what is the subject of demography to teach it as a complete discipline and not only as different parts of it, the most often as parts of the methodological character.

Theory cannot be deduced from empirical observations by the way of generalisation, it can be only invented. Frans Willekens presented very critical remarks about the stage of demographic theory in one of his unpublished paper. Demography according to him relies too much on macro-views, it is too much empirical and uses too many technical methods; in the short expression, demographers calculate too much using large amount of data, but they think only a little. As a result the description and

detailed analysis prevail with the low level of abstraction. In such a way the contribution of demography to the overall knowledge of reality is limited and demography is becoming more a technic than a scientific discipline. The common origin of demography with statistics plays here an important role, both positive and negative.

Demography can be defined in a narrow or extensive manner. In the first it can be determined as the scientific discipline studying demographic reproduction as a final process. Demographic reproduction consists of two main bio-social processes as the mortality and fertility, and of a few other processes closely connected with them, such as nuptiality, frequency of divorces, abortions etc. The consequences of demographic reproduction are very wide and could be found in the whole social life. Unless they have back effect on the reproduction itself, they are usually studied by sociology, economy, politics, ecology etc. The population development is the common result of demographic reproduction and migration. These two processes have very different conditions and should be studied separately in a very large discipline, which can be named as population studies; it does not have very clear limits.

In the demographic education it has to be decided first if the demography or population studies are to be taught. A certain picture can be drawn from various textbooks published in East European countries. They usually start with the delimitation of the subject of demography in the first chapter, but they are conceived as demographic statistics; they divide the static and dynamic views what is typical for the methodological approach (Jerzy Holzer, Vladimír Roubíček, Egon Szabady (ed.)). The regularities of population development are discussed only with the connection of explanation of demographic methods. Only in a few of them the demographic processes are conceived more deeply (Mikolaj Latuch, Vladimír Trebici). The demography in this way is as a methodological apparatus for all neighbour disciplines; in this way it is often included in textbooks of sociology, economy, biology, geography, ecology and others (see e.g. the chapters on biology of population, textbooks on geography of population — Andrzej Jagielski, Leszek Kosinski, Jozef Mládek). A substantial demographic approach was presented in the connection with economy by Alica Wertheimer-Baletić in her textbook *Population and Development*.

An attempt has been made in our Department of demography and geodemography to conceive the demography as a substantial discipline. The content of our *Principle of Demography* reflects this tentative:

1. General problems of demography:

1. Place of demography in the process of cognition;
2. Demographic and geodemographic phenomena and the way of their collection;
3. Principle of construction of demographic indicators as the means of demographic analysis.

II. Analysis of the process of demographic reproduction

1. Mortality and morbidity;
2. Nuptiality, dissolution of marriages and fertility;
3. Overall characteristics of natural reproduction;
4. Population estimates and projections.

III. Broader conditions of population growth

1. Households, racial, ethnic, national, economic, social and educational differentiation of population;
2. Spatial distribution of population and migrations.

IV. Demography of population

1. Growth of the world, regions and country population;
2. Place of the Czech republic in the world population.

V. Population theories and policy

1. Population theories;
2. Population policy.

The students of demography have to follow besides Introduction to demography specific courses of demographic information systems, World population development, Demographic analysis I and II, Demographic prognoses, Theoretical demography, Mathematical demography, Demography of the Czech republic and Population policy; in addition they have following obligatory courses: Mathematics, Quantitative methods (Statistics), Use of computers, Introduction to economy, Introduction to sociology, Introduction to ecology, Geography of population and settlement systems, Economic statistics, Social ecology, Thematic cartography, Introduction to Psychology and Social psychology, Introduction to biology, Introduction to politics, Application of GIS and Introduction to ethnical anthropology. Students can choose several other courses (this depends on combination which they studied on the bachelor level (the existing combinations are with social geography, sociology and economy); students at the magisterial and doctoral levels study demography as the main subject.

Educational and Research Centres

In the East European region the demography has a long tradition. It has been introduced by Jindřich Matiegka already at the end of 19th century at the Faculty of Philosophy, Charles University, Institute of Anthropology and demography; Antonín Boháč and Jaromír Korčák were its representatives between two World Wars. It has been permanently taught since then, after the World War II at the Faculty of science, Department of economic geography, and in 1990 the Department of demography and geodemography was created at the same university (Zdeněk Pavlík, Jitka Rychtaříková). After the World War II the demography was introduced also at the Economic University in Prague in the frame of statistical studies and recently it is taught in several universities in the frame of socio-logical, geographical and other studies (Brno, Plzeň, Ústí nad Labem,

Ostrava, Pardubice, Hradec Králové and others). The journal *Demografie* has been published by the Central Statistical Office since 1959. In Slovakia, the demography was taught in the frame of statistics at the Economic University in Bratislava (Ján Svätoň, Zuzana Finková) and at the Bratislava University in the frame of geography (Jozef Mládek), where exists a Department of geography and demography.

The situation is similar in other countries from this region. Demography has a long tradition in Warsaw. It was taught in the frame of statistical studies at the Economic Academy (former SGPiS) after the World War II (Edward Szturm de Sztrem), where the Institute of Statistics and demography was established (Jerzy Holzer, Janina Joźwiak). Demography is taught in several other Polish universities since the Second World War, often within the frame of statistics, e.g. at the Warsaw University (Egon Vielrose), at the Lodź University (Edward Rosset), University of Poznan (with the orientation on historical demography, Stanisław Borowski, Stanisław Waszak), at the University of Wrocław, University of Cracow (Ryszard Zasepa), University of Sopot and others. *Studia Demograficzne* and *Polish demographic review* are the main demographic journals in Poland.

The creation of the first demographic journal *Demografia* in the region in 1958 has played an important role for the Hungarian demography. It was followed by the foundation of the Demographic Research Institute at the Central Statistical Office in 1963 (Károly Milthényi, Gabriella Vukovich). Demography was taught in the frame of different disciplines at the Budapest University and at the University of Szeget (Robert Horvath). Demography has been taught also at the Bucharest University (Vladimir Trebici), where the Demographic Research Institute was created (Vasile Ghețau). UN Demographic Centre was founded in Bucharest in 1974 at the occasion of the World Population Conference. In Bulgaria the demography has been also related mainly with the statistics at the University of Sofia (Ivan Stefanof, Nikola Naoumov). Statistical Research Institute — Demographic section — at the Central Statistical Office was created in 1969. It published the journal *Naselenie*.

Demography has a long tradition in the former Yugoslavia. The Demographic Research Centre in the frame of the Institute of Social Sciences was founded in Beograd in Serbia in 1962 (Miloš Macura, Dušan Brezник, Mirjana Rašević) and demography has been taught at the Beograd University. The Centre has published the journal *Stanovništvo* since 1963. The Institute of demography at the University of Ljubljana in Slovenia was created as the first one in former Yugoslavia in 1958 (Dolfe Vogelnik) and the demography is taught at the Faculty of Economy (Janez Malačič). The Department of demographic research was founded at the University of Zagreb in Croatia, Faculty of economy, in 1965

(Alica Wertheimer Baletić). Demography has been taught also at the University of Sarajevo in Bosnia and Herzegovina (Zlata Grebo) and at the University of Skoplje in Macedonia (Aleksandar Kjurčiev).

Etelka Daróczy, Hungary

TOWARDS EQUIVALENCE IN DEMOGRAPHY CURRICULA

In Hungary demographers come from disciplines like economics, geography, history, law, sociology, statistics, mathematics, etc. and are trained in demography at various levels or are 'self-made' demographers. This is a direct outcome of the very few full-fledged degree programs in demography that, in turn, results from the fact that there are not many jobs advertised explicitly for demographers. Demography, being a highly specific discipline for its subjects and methods, is actually less demanded than many other professions.

Nevertheless, there are two contradictory phenomena. On the one hand it is not widely known what a demographer is good for, on the other, there is a growing, often latent, need for the specific knowledge of demographers in almost any area of planning (water management is only one example mentioned here because of the serious floods this year), policy-making, building, marketing, all kinds of services, etc. Some demographic knowledge is also taught within sociology and statistics.

In order to increase the general knowledge about the essentials of demography, to raise the standards of training in demography, as well as to facilitate students' mobility, it is highly advisable and timely to take steps towards equivalence in demography curricula/syllabi. That is what the present paper puts forward by highlighting illustrative examples from a couple of universities in Europe and overseas.

Due to the highly specific nature of subjects and methods of demography, and the lack of general knowledge about its analytical and practical value, there are very few jobs offered for demographers as such. This may be the primary reason why demographers' training has been an unresolved issue in Hungary as in several other, particularly small, European countries. The lack of training, in turn, creates a *circulus vitiosus* that reproduces and aggravates the problem.

Since this is an essential trouble and a chronic complaint, improvements can only be achieved on the long run. One of the obvious possibilities is to train future professors in demography at one of the few international schools offering Ph.D. in this discipline. According to my knowledge there are nobody active in demography education in Hungary who has a master or Ph.D. degree in demography from a recognised university. But to have devoted and capable candidates to study abroad they have to be raised at home. It is therefore vital:

- to provide support for local schools to teach elements of demography to the widest circle of students specialising in any discipline of social or life sciences to arouse intellectual interest;
- to disseminate demographic research results both via scientific and mass media to stress the practical value of the discipline;
- to advertise the use of demographic knowledge to increase employers' demand for demographers.

The present paper is only looking at the aspects of demography education.

The number of universities offering recognised master and Ph.D. degrees in demography is not large, necessarily far smaller than the number of places where demography course(s) are/should be available. In order to make these high degree courses accessible to the largest number of students possible, candidates should be equipped with the necessary prerequisites. Therefore, the need for equivalence in curricula is more pronounced at the certificate and diploma levels than in graduate courses. Lower hierarchy courses should be adapted to higher ones, involving a top-to-bottom approach. The following review of programs offered at two distinguished overseas centres of full-fledged demography education in English aims at clarifying the list of prerequisite subjects and facilitating the elaboration of equivalent introductory courses into demography.

Canberra, Princeton, and Florence

Demography programs are located with the Research School of Social Sciences (RSSS) at the Australian National University in Canberra, and the Office of Population Research (OPR) at the Princeton University in the USA. Both schools offer various degree programs, including Ph.D., and graduate certificate. Besides, RSSS offers MA degree and graduate diploma as well as undergraduate specialisation in demography, and short intensive courses, while at Princeton there are further possibilities for specialisation in population and joint-degree programs for other social sciences doctoral candidates, and a visiting scholars' program. As for the University of Florence, only Ph.D. is offered in demography at the Statistics Department of the Faculty of Economics, jointly with the University of Padova and the University of Rome 'La Sapienza'. Such consortia could be and example to follow in small European countries.

Doctor of Philosophy (Ph.D.) in Demography

Entrance requirements include good previous (usually MA) academic records and a strong interest in population (Princeton) or a strong background in demography or a related discipline, as well as proven capacity for research demonstrated by a detailed research proposal (Canberra).

As a possible sign of difference in candidates' excellence and experience, and dissimilar educational traditions, the two universities have somewhat different approach to Ph.D. students' assignments. The Ameri-

can university requires formal proofs of standard knowledge while the Australian university stresses the need for being original, working hard and independent.

Princeton: “As a part of this program of graduate training, students are required to demonstrate basic competence in mathematics, statistics, and computing as well as mastery of demography and a related discipline (e.g., sociology, economics, or public affairs).

Specific requirements include a general examination taken by the end of the second year, a research paper of publishable quality, and the Ph.D. dissertation. In the general examination, the student must demonstrate proficiency in basic demographic theory and methods as well as proficiency in three fields of concentration, which include the following: economic demography, family demography, fertility/ fecundity, health, historical demography, mathematical/ statistical demography, migration / immigration, mortality, population and development, population and environment, population policy, poverty/ child wellbeing, and urbanization”.

Canberra: “PhD is a challenge. It involves carrying out leading-edge research in demography, mastering both the practical and theoretical aspects of the chosen topic. Students not only need to be bright, they must also have the determination and motivation required to sustain several years of intensive research activity. The PhD usually takes three years and leads to the student writing a thesis of up to 100,000 words. The awarding of the degree is based solely on the quality of this thesis which, as the university regulations point out, must be ‘a substantial contribution to knowledge’. Course-work is not usually a large component of a PhD, but some students are asked to take courses to develop specific skills, especially if their previous qualifications are not in demography. PhD students also have the opportunity to develop a variety of professional skills such as carrying out fieldwork, presenting their research work at national and international conferences, and teaching”.

For its outstanding results, Italian demography education deserves our attention, though promising candidates with decent knowledge of Italian are rare. This doctoral program is indicative of its balance between research activities and participation at lectures or seminars.

Master Degrees in Demography at LSE and RSSS

It may sound astonishing for some of us that not all universities offer masters degrees where Ph.D. is available (e.g. Florence or Princeton). At The London School of Economics and Political Science MSc in Demography is based in the Social Policy and Administration Department and requires 12 month full-time study:

“You will normally need at least an upper second class honours degree or its equivalent. Students come from a very wide range of academic backgrounds but typical degree subjects are: anthropology, economics,

geography, history, sociology, or statistics. The course involves completing six half-unit courses.

Compulsory half unit courses:

Basic Population Analysis: this course covers the basic principles and techniques of population analysis. Topics covered include the analysis of mortality, fertility, nuptiality, and migration, as well as the basic principles of population projection.

Advanced Population Analysis: this course provides you with a computer-based introduction to techniques of indirect demographic estimation. It also covers the tabular analysis of large-scale demographic survey data; and multi-variate analysis of such data.

Demography of Developed Societies: this course provides an overview of recent demographic trends in developed societies, and an up-to-date critical evaluation of some of the main explanations which have been advanced to account for these trends. It covers the areas of fertility, marriage, cohabitation, divorce; household and family living arrangements; mortality and morbidity; internal and international migration; and population prospects.

Population Trends and Processes in the Developing World: the main aim of the course is to provide you with an up-to-date and comprehensive account of demographic circumstances and trends in the developing regions. Topics which are addressed include the HIV/ AIDS epidemic, famine demography, health and mortality trends, global fertility trends, and family planning programmes.

Demographic Data Collection, Sampling and Surveys: the course aims to familiarise you with the main methods of collecting demographic data and the problems associated with such data.

Population Programmes Design, Implementation, and Evaluation: this course is primarily concerned with the effectiveness and efficiency of population programmes, especially those that deliver services. In particular the delivery of health services and of family planning (or reproductive health) services are considered in detail.

Teaching is through lectures, classes and seminars. You will also have an individual supervisor. Advanced Population Analysis is assessed entirely by coursework. All other half units are assessed by two-hour unseen examination papers in June. Full units are assessed by three-hour examinations in June. Your dissertation counts for a quarter of the assessment and you must submit it by mid-September."

ANU Graduate Program in Demography in Canberra offers two different Masters degrees: the Master of Population Studies (MPS) and the Master of Arts in Demography (MA), each requiring two semester full-time study.

Since the difference between demography and population studies often remains unspecified, it is useful to quote the distinction made at Canberra:

“The MPS is a course-work based degree that provides suitably qualified students with training in both technical and substantive aspects of demography. The MA is a research-oriented degree in which students who already have a good grounding in demography take courses in research methods and carry out a significant research project of their own.

Who are they for?

The MPS degree is for scholars who have a good background in social sciences or another relevant discipline, but not necessarily in demography, and who wish to improve their professional skills in demographic description and analysis. The MA is aimed at scholars who already have a strong background in demography and who wish to develop their skills as researchers. In both degrees, the minimum qualification required is usually an honours degree, but many students already have post-graduate qualifications as well. In some cases, professional experience can substitute for formal qualifications.

What is involved?

The two Masters degrees provide different, but complementary, forms of training in demography. Both take one year of study. The MPS is a course-work degree in which students take a compulsory core of essential demographic knowledge along with courses chosen from a variety of options. Some of the optional courses are offered within the Demography Program, while others are drawn from the wide range of courses offered elsewhere in the university. The MA degree involves taking a number of courses and carrying out a significant research project. The courses for the MA provide students with the diverse skills needed to carry out effective research in demography, while the project enables students to put these skills into immediate use. Students who need to refresh their mathematical and statistical skills are able to take a Preparatory Course which runs for six weeks before the start of the academic year in March.”

“MA students are offered the choice of study within three specialisations: Demographic Techniques: furthering skills in technical demography.

Health: covering a variety of population perspectives on health issues.

Policy: including the formation, implementation and evaluation of population policies and the use of demography in the planning process.

The first semester of the MA requires one compulsory unit (Population Dynamics DEMO8041) worth 0.5 point, plus optional units to the value of 2.5 points. In the second semester students take units to the value of three points, which may include a Research Project worth two points. Students may also select units offered in other ANU graduate programs, with the approval of the Director. Optional units offered each year vary according to demand and staff availability. Many of the MA units are in the format of Graduate Research Seminars, with sessions of student presentations based on readings or prepared papers. Units with (*) indicate

Graduate Research Seminars which can be taken either as half point or full point units, and are offered in accord with student demand and staff availability.

First Semester Units

Demography Specialisation

Population Dynamics DEMO8041

– Mortality and Fertility Estimation Methods DEMO8043

– Further Demographic Analysis DEMO801

Options e.g. units from other specialisations or other Graduate Programs such as Economics, International Relations, Geography, Statistics, or Epidemiology and Population Health.

Health Specialisation

Population Dynamics DEMO8041

Mortality and Fertility Estimation Methods DEMO8043

Women, Children and Health: A Socio-Medical Approach DEMO8023

* Population Perspectives on HIV/AIDS DEMO8059 0.5 point

* Population Perspectives on HIV/AIDS DEMO8049 1 point

* Reproductive Health Policy DEMO8060 0.5 point

* Reproductive Health Policy DEMO8070 1 point

* Population Policy in Australia DEMO8022 0.5 point

* Population Policy in Australia DEMO8042 1 point

* Urbanisation DEMO8056 0.5 point

* Urbanisation DEMO8046 1 point

Options e.g. units from other specialisations or other Graduate Programs such as Anthropology, Epidemiology and Population Health.

Policy Specialisation

Population Dynamics DEMO8041

Population Policy DEMO8022

* Population Policy in Australia DEMO8054 0.5 point

* Population Policy in Australia DEMO8042 1 point

* Reproductive Health Policy DEMO8060 0.5 point

* Reproductive Health Policy DEMO8070 1 point

* Urbanisation DEMO8056 0.5 point

* Urbanisation DEMO8046 1 point

Options e.g. units from other specialisations or other Graduate Programs such as Public Policy, Resource Management or Environmental Science.

Second Semester Units

Units with * indicate Graduate Research Seminar Units (offered according to demand and staff availability). A total of three points selected from the options below.

Masters Research Project DEMO8038

- Population Projections DEMO803 1
- * Labour Force DEMO8055 0.5 point
- * Labour Force DEMO8045 1 point
- * Migration DEMO8057 0.5 point
- * Migration DEMO8047 1 point
- * Gender and Population DEMO8058 0.5 point
- * Gender and Population DEMO8048 1 point
- * Family Demography: International Perspective DEMO8034 0.5 point
- * Family Demography: International Perspective DEMO8034 1 point"

BSc, Certificate, and Diploma in Demography/Population Studies

These are the 'starting levels' in studying demography which should, and perhaps, could be introduced in many countries where unavailable. There is, in effect, an urgent need for international support in developing the appropriate curricula for these purposes.

The LSE provides BSc in Population Studies individually or combined with Economic History, Geography or Social Policy. BSc Population Studies:

"Our degrees are concerned with all aspects of change and development in human populations along with the host of social, economic, environmental, geographical, political and biological factors which influence them. Typical questions you will address are: What will be the future consequences of the current rapid population growth? What are the implications of the growth in the number of one-parent families in Britain? How severe is the future demographic impact of AIDS likely to be? How will recent political changes in Eastern Europe affect patterns of migration within the continent? Can Western countries cope with the changes forced upon them by population ageing? ... A qualification in population studies is becoming increasingly valuable as government, commerce, industry and international organisations all come to see the importance of demographic trends in determining other developments in the social and economic qualification in population studies is becoming increasingly valuable as government, commerce, industry and international organisations all come to see the importance of demographic trends in determining other developments in the social and economic mic worlds. Our recent graduates have found openings in the Civil Service, international, national and local government, health and policy research, environmental planning, insurance, commerce and industry.

Teaching and assessment

You will have lectures for each course which are supported by related classes. These involve meeting in a smaller group to discuss points and work through issues raised in the lectures. You will meet regularly with your personal tutor who will offer guidance and assistance with both academic and personal concerns. For most courses you will have an exami-

nation at the end of the academic year. Course work does not contribute to the assessment, other than if you choose to complete the Special Essay, but we do monitor your attendance, contribution to classes and general progress each term.

“FIRST YEAR:

Population, Economy and Society

One Quantitative Methods course

Two ‘outside’ options

SECOND YEAR:

Demographic Description and Analysis

One Population Studies option

Two options in related subjects

THIRD YEAR:

Three Population Studies options (may include a long essay)

One ‘outside’ option

First year

If you take the single honours degree you will take the compulsory course Population, Economy and Society which deals with the main issues and trends in world population. You take an introductory course on elementary quantitative methods and select two options from the range offered by other departments at LSE.

Second and third years

You take Demographic Description and Analysis which covers basic concepts and methods of fertility and mortality analysis and select four from the following:

- Third World Demography which deals with all aspects of population trends in developing regions such as Africa, China and Latin America;
- The Demographic Transition and the Western World Today which examines historical population trends in Western countries and provides an essential background to the study of current trends;
- The Population of Developed Societies which will give you an overview of contemporary British population phenomena (such as patterns of marriage, cohabitation, divorce, contraception, abortion, ageing, health and immigration) along with considerable comparison with other developed countries;
- Statistical Demography a course which deals with the fundamental statistical bases of demographic calculations;
- The Population of the Indian Subcontinent: a course which describes the past and present population evolution of South Asia, one of the world’s most populous regions.

You will be able to choose your remaining three courses from the wide range of options in subjects such as social anthropology, social psy-

chology, sociology, geography, economics, computing, statistics and social policy.

In the third year, you may choose to write a Special Essay Paper in population studies which counts as one course unit. This will give you valuable experience in both research and report-writing.”

“The Office of Population Research, in connection with the Program in Population Studies, offers a certificate in demography to those who successfully complete four graduate courses in population studies (Eco/Soc 571, Eco/Soc 572, WWS 587, and one other approved population-related course). The first two, 571 and 572, are the basic graduate courses in demography (described below under Courses in Demography). Eco/Soc 571 is offered in the fall semester and is a prerequisite for 572, which is offered in the spring semester. WWS 587 entails completion of a research project, which involves individual research under faculty supervision or joint projects with other students or faculty. A decision on the fourth course is made together with the Director of Graduate Studies. Applicants can be either enrolled students or participants in the Visiting Scholars' Program. The certificate program is intended primarily for training scholars from other disciplines and does not lead to an advanced degree at Princeton.

Graduate Courses in Demography

The following graduate courses are offered on a regular basis. Program in Population Studies.

POP 500 — Mathematical Demography

Examines some of the ways in which mathematics and statistics can be used to analyze population processes. Focus is on population models that have direct application in demography: survival models, stable and non-stable populations, population projections, and models of marriage and birth.

POP 501 — Statistical Demography

Applies statistical methods to the analysis of demographic data. Focus is on estimating the effects of concomitant variables on demographic processes such as nuptiality, fertility, or mortality using micro data. Statistical techniques to be studied include non-parametric regression, models for survival analysis, multiple-spell event history analysis, and models for counts of events. Particular attention will be given to issues of overdispersion and unobserved

heterogeneity. Offered in alternate years with POP 500.

POP 502/WWS 568 — International Health Policy

See description under Woodrow Wilson School.

POP 503 — Evaluation of Demographic Research

Provides an opportunity for students to analyze studies in the demographic literature and to develop research projects. Discussions focus on

the substantive contents, the methodological tools used, and the authors' effectiveness in presenting the material.

POP 504 — Topics in Demography

Contents of this course will change from year to year.

POP 505/WWS 585 — Population, Environment and Health

See description under Woodrow Wilson School.

POP 506 — Ethics and Integrity in Scientific Research

Focuses on controversial issues and cases covering topics such as plagiarism, fraud, authorial credit, conflict of interest, professional integrity, ownership of data, and the responsibilities of scientists to subjects of study and to society at large. The course approaches these issues through both case studies and analytical readings from a variety of disciplinary perspectives.

Department of Economics

ECO 509/WWS 509 — Generalized Linear Statistical Models

See description under Woodrow Wilson School or visit the WWS509 home page.

ECO 513 — Time Series Econometrics

Concepts and methods of time series analysis and their applications to economics. Time series models to be studied include simultaneous stochastic equations and VAR, ARIMA, and state-space models. Methods to analyze trends, second-moment properties via the auto covariance function and the spectral density function and methods of estimation and hypothesis testing and of model selection are presented. Kalman filter and applications as well as unit roots, cointegration, ARCH, and structural breaks models are studied, too.

ECO 515 — Econometric Modeling

The construction, estimation, and testing of econometric models as a process, from theory to model formulation to estimation and testing and back again to theory. Bridging the gap between theory and applied work. A series of topics in macroeconomic time series and microeconomic cross-sectional analysis that include consumption at the household and aggregate level, commodity prices, and nonparametric and parametric estimation.

ECO 562 — Topics in Development

An examination of those areas in the economic analysis of development where there have been recent analytical or empirical advances. Emphasis is given to the formulation of theoretical models and econometric analysis and testing. Topics covered include models of household/farm behavior, savings behavior, equity and efficiency in pricing policy, project evaluation, measurement of poverty and inequality, and the analysis of commodity prices.

ECO 571/SOC 571 — Survey of Population Problems

Survey of past and current trends in the growth of the population of the world and of selected regions. Analysis of the components of growth and their determinants. The social and economic consequences of population change.

ECO 572/SOC 572 — Research Methods in Demography

Source materials used in the study of population. Standard procedures for the measurement of fertility, mortality, natural increase, migration, and nuptiality. Uses of model life tables and stable population analysis and other techniques of estimation when faced with inaccurate or incomplete data.

Prerequisite: ECO/SOC 571, Survey of Population Problems.

For more information visit the [Eco572/Soc572 Home Page](#).

ECO 573/WWS 567 — Population and Development

See description under Woodrow Wilson School.

Department of Sociology

SOC 550 — Research Seminar in Empirical Investigation

The course involves preparation of research papers based on field observation, laboratory experiments, survey procedures, and secondary analysis of existing data banks.

SOC 571/ECO 571 — Survey of Population Problems

See description under Economics.

SOC 572/ECO 572 — Research Methods in Demography

See description under Economics.

SOC 573 — Topics in Demography

The study of the family as a social institution. Emphasis on the demographic determinants of its structure and life cycle. Special attention is given to comparative cross-cultural data concerning nuptiality, fertility, and mortality under the impact of modernization.

SOC 574 — Nuptiality and Fertility

The study of fertility with emphasis on the following topics: the demography of fertility, the physiological nexus, the decision context, fertility as a sociocultural phenomenon, current and prospective fertility, and predicted consequences of future fertility.

Woodrow Wilson School of Public and International Affairs

WWS 507c — Quantitative Analysis (advanced)

The course studies data analysis techniques, stressing application to public policy. It includes measurement, descriptive statistics, data collection, probability, exploratory data analysis, hypothesis testing, simple and multiple regression, correlation, and graphical procedures. Some training is offered in the use of computers. No previous training in statistics is required. The course is divided into separate sections according to the students level of mathematical sophistication. The basic level assumes a

fluency in high school algebra as a minimum, while the advanced level assumes a fluency in calculus.

WWS509/ ECO 509 — Generalized Linear Statistical Models

Focuses primarily on the analysis of survey data using generalized linear statistical models. The course starts with a review of linear models for continuous responses and then considers logistic regression models for binary data, log-linear models for count data, including rates and contingency tables, and hazard models for duration data. Attention is paid to the logical and mathematical foundations of the techniques, but the main emphasis is on the applications, including computer usage. Assumes prior exposure to statistics at the level of WWS507c and familiarity with matrix algebra and calculus.

WWS 511B — Microeconomic Analysis (basic)

This course provides a systematic exposition of principles and techniques of economic theory most useful in analyzing economic aspects of public affairs.

WWS 526/ SOC 526 — Poverty and Public Policy

The course analyzes the conditions and causes of poverty in the United States and the governmental attempts to alleviate it. Discussion centers on current policy issues and programs, including job training, income maintenance, nutrition supplementation, educational improvement, and community organization. The economic and political problems involved in designing and implementing such programs are examined.

WWS 567/ ECO 573 — Population and Development

Understanding the determinants and consequences of population change in developing countries and applying this understanding to evaluate population policy. The course will begin by characterizing the empirical relationship between economic development and demographic phenomenon: fertility, mortality, age structure, migration, education. Next, models of economic development will be evaluated in terms of how they incorporate demographic phenomenon and their predictions for population growth, migration, children's education, mortality. Finally, theory and evidence will be brought together to critically evaluate the Programme of Action from the United Nations International Conference in Population and Development (the Cairo Population Conference).

WWS 568/ POP 502 —International Health Policy

Examines the process of formulating and implementing health policy, with a particular focus on developing countries. Topics covered include health problems of developing countries, social science perspectives on health issues and health policy, the role of international agencies, foreign assistance, and national politics in shaping health policy, and health behaviour and use of health services by families and individuals.

WWS 571c — Cultural Issues in Development

This course helps students to develop the anthropological skills necessary to think about a culture in a global system. It considers "the making" of the Third World and the relationship between culture and colonialism. It explores the production of culture in the flux of historical events and social change. Case studies include the representation of violence in South Africa and the use of the concept of "tribe" in development discourse, the role of Palestinian grass-roots organizations in taking up the development functions of the state, and work and culture on both sides of the Mexican/United States border.

WWS 585/ POP 505 — Population, Environment and Health

Focuses on the interrelationships between the demographic structure and dynamics of human populations, their physical and mental health, and the ecological systems with which they interact. Particular attention is given to operationalizing notions of carrying capacity that integrate natural resource utilization, population growth, and health status in a common framework. Case studies include: colonization of the Amazon basin of Brazil and accompanying tradeoffs between land use and health; urbanization, its environmental impacts, and the tension between public health and medicine in promoting the health of migrant populations; and population policies in China and their role in ecological transformations and the provision of health services.

WWS 586 — Population Policy

Analyzes trends in population growth and structure; the determinants of change and their social, economic, and political significance; and the development and implementation of national population policies.

WWS 587 — Research Workshop in Population

Individual research projects involving demographic analysis related to issues in population policy or, occasionally, participation in the research conducted at the Office of Population Research. Prerequisite: ECO/SOC 571, Survey of Population Problems.

WWS 598/POP 506 — Ethics in the Conduct of Scientific Research

Focuses on controversial issues and cases covering topics such as plagiarism, fraud, authorial credit, conflict of interest, professional integrity, ownership of data, and the responsibilities of scientists to subjects of study and to society at large. The course approaches these issues through both case studies and analytical readings from a variety of disciplinary perspectives.

Undergraduate Courses in Demography

Ecology and Evolutionary Biology

ENV 401 — Environmental Policy Workshop

Topics will vary with faculty interests but will always address specific and currently unresolved environmental problems in both their scientific and their human aspects. Open only to program participants. Limited enrollment.

Department of Economics

ECO 351/SOC 325 — Introduction to Population Problems

A survey of demographic trends throughout the world, the factors underlying them, and their social and economic implications, including the analysis of mortality, fertility, migration, changes in composition, problems of prediction, and issues of policy. Two lectures, one preceptorial.

Department of Sociology

SOC 302 — Comparative Family Systems

Three main questions will be considered: (1) How “natural” is the family institution? (2) How essential is it? And (3) How well is it working in current American society? Comparative perspective on the analysis of childhood and society, marriage and divorce, and main contemporary trends. Proposed alternatives to the family and future developments. Two lectures, one preceptorial.

Woodrow Wilson School of Public and International Affairs

WWS 303/POL 345 — Quantitative Analysis and Public Policy

A study of elementary techniques of data analysis, stressing applications in public policy. It will include measurement, descriptive statistics, data collection, basic probability models, significance testing, and correlation and regression. There will be some training in the use of computers. No previous training in statistics is required. Two lectures, one preceptorial.

The Graduate Diploma in Demography at The Australian National University

“provides a firm technical and theoretical foundation in the discipline of demography. Coursework establishes or reinforces basic methods and emphasises the skills and technical expertise required of a practising demographer. The usual minimum entrance requirement is an undergraduate degree of an acceptable standard from a recognised university, or equivalent academic or professional qualifications, and a satisfactory English proficiency score.

Applicants should have a clear understanding of basic mathematics.

Units for the Graduate Diploma are:

First Semester Units

Principles of Population Analysis DEMO8008
Population Society and Development DEMO8024
Statistics for Demographers DEMO8007
Academic and Research Skill
Computing

Second Semester Units

Theories in Demography DEMO8026
Survey Data Analysis DEMO8014
Population Research Design DEMO8040
Qualitative Research DEMO8021

Academic and Research Skills

Graduate Diploma level students may be permitted to substitute appropriate graduate-level units offered by other Australian National University Graduate Programs. For example, some students (particularly from the mid-year intake) elect to take units offered in the National Centre for Epidemiology and Population Health, the Economics of Development Program or the Environmental Management and Development Program. Such unit substitutions are always subject to the approval of the Director and the agreement of the Convenor of the other program.

Description of coursework units

Principles of Population Analysis

DEMO8008

Semester 1 (1 point)

This unit introduces students to technical demography and demographic data. It begins by examining the different types of measures demographers use (including rates and ratios), and methods for overcoming a tendency for comparisons of demographic measures to be distorted by differences in population composition (standardisation and decomposition). It next deals with the Lexis diagram, a graphical device useful in conceptualizing the construction of demographic indices and in understanding the distinction between period (ie cross-sectional) and cohort approaches to demographic analysis. The unit discusses approaches to the analysis of mortality, fertility, marriage and migration patterns, trends and differentials. Students learn how to construct life tables and how to apply them in demographic analysis. They also learn approaches to the measurement of nuptiality patterns and trends; basic fertility measures and models; the significance in fertility analysis of concepts such as reproduction, birth intervals and parity progression; methods for measuring migration; and the rudiments of stable population theory. Throughout the unit, emphasis is put on the interpretation of results yielded by calculations.

Population, Society and Development

DEMO8024

Semester 1 (1 point)

This unit acts as an introduction to the interwoven processes of economic development and population change and the social context in which they take place. The course includes a brief introduction to demographic terminology and methods, as well as a study of theories of population change, consideration of the relevance of Western experience, both past and present, for contemporary developing countries, and a discussion of the causes and consequences of population trends in the world today.

Statistics for Demographers

DEMO8007

Semester 1 (1 point)

This unit provides an introduction to basic statistics with an emphasis on statistical concepts and methods commonly applied in population studies. The course covers statistical description and simple hypothesis testing in univariate and bivariate cases. The syllabus includes measurement scales, frequency distributions, measures of central location and dispersion, sampling, standard errors, confidence intervals, hypotheses and various tests of association and significance. Applications involve use of spreadsheets, particularly for graphics. No previous knowledge of statistics is assumed. However, a sound knowledge of basic mathematics and spreadsheets is required.

Population Dynamics

DEMO8041

Semester 1 (0.5 point)

This unit provides students with an understanding of the ways in which populations change over time by examining the interactions between age structures and the components of demographic change: births, deaths and migration. Use is made of stable population theory and the component method of population projection to illustrate how populations change. The unit also deals with the dynamics of growth when populations are homogeneous and heterogeneous in respect of their demography. Topics include the impacts of fertility, mortality and migration on age structures, the determination of the growth rate of the population (including the momentum of population growth and decline), the length of a generation and its effects on growth, stable population theory, change in the relative sizes of two sub-populations when their demography differs, and an introduction to population projections.

Further Demographic Analysis

DEMO8015

Semester 1 (1 point)

Intended for the student specialising in the more mathematical and technical aspects of demography, this unit is designed to complement Population Dynamics (DEMO8041) and Mortality and Fertility Estimation Methods (DEMO8043) which are offered in the same semester. Students will be guided through advanced textbooks, and will apply techniques to examples drawn from contemporary demographic data collections, including censuses and large scale surveys. The unit will demonstrate the importance of modelling in an understanding of population processes and includes multiple decrement life tables, macro and micro simulation procedures and survival analysis.

Prerequisite: Principles of Population Analysis (DEMO8008).

Mortality and Fertility Estimation Methods

DEMO 8043

Semester 1 (1 point)

This unit is designed to give students a strong grounding in the methods of demographic analysis. There are two main components: population models and their applications, and indirect demographic estimation. Amongst the population models covered are stable and quasi-stable models, model life tables, and nuptiality and fertility models. The component on indirect demographic estimation covers techniques for the estimation of infant and child mortality, adult mortality, and fertility, and includes estimation of the time points to which estimates refer. The use of estimation techniques to detect errors in data is also covered. Instruction in relevant computer software is given.

Prerequisite: Principles of Population Analysis (DEMO8008).

Population Policy

DEMO8022

Semester 1 (0.5 point)

This unit will explore the origins, rationale, design and efficacy of population policies, principally in the area of fertility and international migration. Using examples from developed and developing countries, the unit aims to provide a theoretical and comparative basis for critical analysis of debates on population policy issues.

Women, Children and Health: A Sociomedical Approach

DEMO8023

Semester 1 (0.5 point)

Usually offered in combination with a Special Course which runs from 3 to 5 weeks.

This unit applies demographic perspectives and measures to the study of women and children's health, with particular attention to developing countries. It addresses the interface between social sciences and medicine, and explores the multi-causal nature of morbidity, mortality and nutritional problems. The Mosley-Chen framework for identifying the proximate determinants of mortality and relating these to socio-cultural contexts provides the foundation for analysing health interventions.

Survey Data Analysis

DEMO8014

Semester 2 (1 point)

Usually offered in combination with a Special Course which runs from 3 to 5 weeks.

A practical introduction to analytical skills for practising demographers. The emphasis is on asking questions of data and the process of using survey data to answer specific questions. Particular attention is paid to modeling of tabular data and the analysis of duration data, censoring, selection of models and an introduction to multivariate techniques. This course is taught as a 'hands-on' computer workshop in which students learn techniques by applying them to demographic problems.

Research Project

DEMO8038

Semester 2 (2 points)

This unit involves the preparation of a research paper suitable for submission to a demographic or related professional journal. Research for the paper is guided by a supervisor and an adviser. Students are required to present a work-in-progress seminar about half-way through the semester, which provides an opportunity for discussion and feedback. Students undertaking the MA degree are encouraged to take this unit.

Qualitative Research

DEMO8021

Semester 2 (0.5 point)

Usually offered in combination with a Special Course which runs from 3 to 5 weeks.

This unit provides an introduction to the use of qualitative research methods. Qualitative methods are defined, and their uses and limitations in demographic, health and nutrition studies explored. Qualitative methods are compared with quantitative methods, and approaches to the integration of qualitative and quantitative data are reviewed. Strong emphasis is given to practical exercises in the collection, analysis and reporting of qualitative data.

Theories in Demography

DEMO 8026

Semester 2 (1 point)

The unit is designed to give a familiarity with the theoretical terrain of demography and a sense of its research frontiers. It covers the main bodies of demographic, social and economic theory informing contemporary demographic research and the understanding of population change. The coverage is necessarily selective, reflecting judgements of significance and current research relevance. Topics covered include: classical population theory, demographic transition, theories of fertility decline, epidemiological and health transition, demographic homeostasis, low fertility regimes, evolutionary demography, population and environment, culture, institutions and population. The unit assumes a familiarity with the main subject matter of demography, such as is provided by the course Population, Society and Development (DEMO8024).

Population Projections

DEMO8031

Semester 2 (0.5 point)

This unit begins with a brief history of population projections and their use in development planning. The component method of projection is covered in detail, including the methods and considerations in deriving projection assumptions of fertility, mortality and migration. Projections of

the labour force, the school-age population, and households are also covered. Practical application includes instruction in relevant computer software. In addition students will be introduced to a number of specialist texts on calculation methods, including useful computer software.

Prerequisites: Population Dynamics (DEMO8041) and Mortality and Fertility Estimation Methods (DEMO8043) or equivalent experience.

Population Research Design

DEMO8040

Semester 2 (1 point)

This unit complements Survey Data Analysis and Qualitative Data by focusing upon issues of the design of research projects. This includes defining and clarifying the research question, different types of research (descriptive or investigatory, hypothesis or theory testing, evaluative research and policy research), use of existing information, preliminary assessment of the problem, purposes and outcomes of the research, sources of information, the tools available to conduct research including different forms of data collection, the constraints of resources, costing, writing a research proposal, designing survey instruments, practical aspects of fieldwork such as interviewer training and field supervision, data preparation, forms of reporting. Examples are drawn from population research studies in different contexts.

Graduate Research Seminar Units

Semesters 1 and 2 (0.5 or 1 point)

Graduate Research Seminar Units are designed to provide guidance for students to learn at a graduate level of performance, and are based on an extensive reading list in a topic of contemporary relevance in population research. Lectures are kept to a minimum. Instead, students prepare seminar presentations on the basis of assigned readings, or a paper or project they undertake. Seminar participation is a factor in the assessment for these units. Graduate Research

Seminar units are offered according to student demand and staff availability. These units also have a modular structure which allows them to be taken as either full-point or half-point units. A half-point is obtained by completing the core lectures, seminars and class assignments of the unit, normally over a period of six or seven weeks at the beginning of a semester. A full-point can be obtained by undertaking additional work during the remainder of the semester, such as a guided reading program and supervised assignments on a topic approved by the unit coordinator. Some examples are given below, but the following unit titles and numbers are designed to offer the development of a wide range of topical options. It is possible, with the approval of the Course Director and cooperation of a staff member, for topics to be pursued as directed readings with written assignments and seminar presentations in the GPD general seminar series.

Population Policy in Australia
 DEMO8054 or DEMO8042
 Semester 1 (0.5 or 1 point)
 Urbanisation
 DEMO8056 or DEMO8046
 Semester 1 (0.5 or 1 point)
 Population Perspectives on HIV/AIDS
 DEMO8059 or DEMO8049
 Semester 1 (0.5 or 1 point)
 Reproductive Health Policy
 DEMO8060 or DEMO8070
 Semester 1 (0.5 or 1 point)
 Family Demography: International Perspective
 DEMO8034 or DEMO8044
 Semester 2 (0.5 or 1 point)
 Labour Force
 DEMO8055 or DEMO8045
 Semester 2 (0.5 or 1 point)
 Migration
 DEMO8057 or DEMO8047
 Semester 2 (0.5 or 1 point)
 Gender and Population
 DEMO8058 or DEMO8048
 Semester 2 (0.5 or 1 point)
 Non-assessed Units
 (Graduate Certificate, Graduate Diploma and MA)

GPD degree courses normally commence with preparatory courses in January, for students entering in the first semester, or June, for mid-year intake students. The preparatory courses are designed to give students a general orientation to the university community and to sharpen language and statistical skills in preparation for graduate study. Students are also encouraged to participate in other induction and orientation courses offered by the Graduate School, the Postgraduate Research Scholars Association or the Research Schools.

Short Preparatory Course

Course Duration: 6 weeks

This course runs for six weeks from mid-January to the last week in February, and from early-June to mid-July, with short breaks before the semester starts. Graduate Diploma students are normally required to attend this course at the beginning of their studies. The course comprises preparatory mathematics, introduction to statistics, introduction to computing, word processing and typing, academic and research skills, English for demographers, introduction to demography, a field excursion and general orientation.

Long Preparatory Course

Course Duration: 12 weeks

Running from late November until the last week in February, the Long Preparatory Course includes the Short Preparatory Course described above plus extended training in English for demographers, mathematics and general academic skills. It is recommended for those who have not studied at university for some years, or for those who require skills in a particular area. The Long Preparatory Course is tailored to the needs of individual students.

Special Courses

Usual Course Duration 4 to 8 weeks

Selected GPD units are available in intensive format (usually four to eight weeks) as full-time courses for non-degree students. The objective is to provide a study opportunity for those needing to update their skills or learn about a specific topic without undertaking a degree course. No formal qualifications are required for admission to a special course, but applicants' backgrounds, experience and English language ability are assessed to ensure that they are able to understand and benefit from the course. Units offered as short courses in recent years have included:

Survey Data Analysis

Qualitative Research

Women, Children and Health: A Sociomedical Approach

Computing in the GPD

Computer use is an everyday part of life in the Graduate Program in Demography. Everyone is encouraged and assisted to become a competent computer user. Students have 24 hour access to IBM-compatible desktop computers which are connected to local area networks and to the Internet. These computer systems are available for working on class assignments, exploring Virtual Libraries on the Internet and maintaining regular electronic communication with colleagues and friends across the campus, across the nation or across the world. As the Population Reference Bureau's publication *Population Today* (October, 1996) documents, the ANU's Demography and Population Studies World Wide Web Virtual Library links over 155 important information centres worldwide. GPD staff and students join thousands of computer users in clicking on to this facility to obtain data, contact researchers and monitor important publications.

1 hour of lectures each week and individual consultation throughout the year. This unit comprises an introduction to academic writing and the written and spoken genres used in demography, especially those which form part of the Graduate Diploma year; the genres of demographic writing including reviews, essays, debates and briefing papers. This unit includes topics such as referencing and citations, plagiarism, gender-neutral language, critical evaluation and resolution of problems in sentence con-

struction and paragraph writing and study skills. The academic skills taught in this unit are directly related to the content of the compulsory assessable units taken simultaneously. Proficiency in these skills is reflected in the assessment of those units”.

Introductory courses into demography

The above examples of demography programs only intended to sample the offer, to guide the development of standard (equivalent) introductory demography courses. The intention was to initiate joint effort in this direction which could be based on some excellent manuals available, but not necessarily accessible, in English, French, or other languages. Though the objectives and depth of introductory courses into demography vary, they can be divided into two broad categories, i.e. elementary courses (introduction into demography), and enhanced introductory courses (introduction into demographic analysis).

The objective of an elementary introductory course is to highlight the importance of demographic events, structures and phenomena, their study by demography, and the potential fields of application of research results. The syllabi of such introductory courses are to demonstrate that basic demographic knowledge is part of the general culture, therefore, such courses should be available to the widest circle of undergraduates, evidently with only a few, often the smallest, number of credit points. By the end of the course, the students should have learned what demography is, what it is good for, what a demographer does, when demographic analysis is needed, i.e. when to turn to a demographer and how to converse with an expert in this field in a reasonable and constructive manner. Although the demographic expertise offered by such courses is actually rudimentary, their importance should not be neglected or undervalued. They can be extremely useful in teaching some demographic vocabulary, its proper use, in making demography known to students of the most varied professions. It is therefore very practical and advisable to make these courses widely available and reach an agreement on their contents. The essentials could be taken from demography manuals (see some examples below), the rest from interesting, easily legible articles on global, regional and local population issues concerning the past, present and the forecasted future.

Peteris Zvidrins, Latvia

TEACHING OF DEMOGRAPHY IN LATVIA

Latvian State University (since 1990 University of Latvia) has been one of the first in the former Soviet Union where courses of demographic statistics and demography were included in the educational activities of economics, geography and sociology faculties (since 1967). The department of Statistics and demography was established in 1979, and a demographic unit — Centre of demography — in 1982 (initial name of this unit was a Demographic group and in 1987 it was renamed as Demographic laboratory).

In the Soviet period since 1972 and after the regaining of political independence in Latvia by 1998 demography was accepted as a scientific branch of economics, however, according to the decision of the Latvian Council of Science, in the last four years demography is an independent branch of science. Therefore teaching of demography in the universities is intensified, especially at the University of Latvia, where the course of demography is taught as a compulsory subject for Bachelor degree programmes students in economics and sociology, and recently also in some programmes of medical sciences.

The main themes are as follows:

1) Subject and methodology of demography; 2) Sources of information on population; 3) Specific methods of investigation of population development; 4) The distribution and composition of population change; 5) Nuptiality and divorce; 6) Fertility; 7) Mortality and life expectancy; 8) Migration; 9) Economic (or social) demography; 10) Demographic situation and policies; 11) Demographic projections; 12) Development of demographic concepts and theories.

Also, there are MSc and PhD programmes in demography. Full time studies in MSc last for 2 years and in PhD —3 or 4 years. Duration of doctoral studies differs for full-time and part-time students, however, total credit points are the same (144). If compared, the situation seems quite similar with many other countries in Europe. The volume of studies is formed by theoretical courses and writing of dissertation. The study programme is offered in the following sub-branches of demography: theoretical, social, economic, medical, mathematical and historical, however, greater attention is paid to socio-economic demography because in this field there is a larger number of potential applicants having a possibility to defend their promotional work at the University's Council in Economics, Demography and Management.

The possible forms of promotional work are as follows: package of focused scientific publications within research topic, dissertation or monograph (at least 150 pages).

Applicants for doctoral studies in the field of demography should have Master's degree in social (economic) sciences. Nevertheless, a person holding equivalent degree in other field and having theoretical background in demography may also apply.

The doctoral studies consist of theoretical courses and acquiring practical skills (48 credit points) and promotional work (96 points). Distribution of efforts within parts of theory oriented and practical skills improvement courses percentage is as follows: mandatory for all doctoral students (including required courses in Recent research methods, Modern information technologies, Analytical demography and Sociological research and exams in speciality and in foreign language) makes — 50%, disciplinary elec-

tives, in compliance with branches in demography — 8% and free choice (including directing seminars and teaching practice) — 42%.

From the mid of the 1990s demography is taught for some BSc programmes in social sciences at Daugavpils Pedagogical University. The teaching of demography has been started at Riga Technical University, Liepaja Pedagogical Higher School, Business Institute RIMPAK Livonija, Academy of Social Work and Social Pedagogics “Attistiba”, Riga Higher School of Pedagogics and School Management and Banking College of Higher Education.

Jerzy T. Kowaleski, Piotr Szukalski, Poland

**TEACHING DEMOGRAPHY AT POLISH HIGHER LEARNING
INSTITUTIONS: THE CASE OF THE UNIVERSITY OF ŁÓDŹ
(FACULTY OF SOCIOLOGY AND ECONOMICS)**

When considering the goal of teaching demography in very broad terms we can state that with the existing determinants imposed by time limits and the present level of students' knowledge education should aim at the development and consolidation of a special demographic awareness among the students that would allow to take into account the demographic factor in making current evaluations of issues such as the labour market status, demand for goods and services, functioning of pension systems or health status. An important, although more distant goal of teaching demography is providing students with the tools and premises useful to recognise, understand and interpret long-term trends in demographic processes.

In a market economy teaching of demography focuses on the practical utilisation of the acquired knowledge rather than its pure cognitive value.

The pursuit of, or approaching this goal was the subject of a seminar set up at the University of Łódź in 1990 entitled „Teaching Demography in Higher Learning Institutions In The Light Of Today's Needs”.

One recommendation on teaching demography made at that occasion was the concept by Prof. Maria Cieślak, Academy of Economics, Wrocław, who proposed to prepare a series of publications composed of a master textbook and auxiliary textbooks. All of them were to support the teaching of the subject for at least 30 hours.

In the opinion of the author the master textbook should have advantages of a good popular science book, written using an attractive language. The interpretation of facts in such a study should be adjusted to the present knowledge of the discussed issues. Stronger, when demographers' opinions agree, weaker — when a given issue gives rise to a considerable diversity of views.

The master textbook may not offer professional skills, or only to a limited extent. The skills should be taught using specialist textbooks that would present methods for analysing and forecasting selected demo-

graphic processes, so that a student can independently solve tasks a given textbook is concentrated on.

The number of textbooks in the series proposed by the said author is the following:

- Analysing and forecasting the number of births,
- Analysing and forecasting life expectancy,
- Analysing and forecasting of migration,
- Analysing and forecasting the number and structure of population by gender and age,
- Analysing and forecasting the number and structure of families and households,
- Analysing and forecasting human resources.

On our part let us add that auxiliary textbooks might be, depending on the profile of education, the below listed studies such as:

1. Demography of health, 2. Social demography.

Of course, a transition from teaching general demography based on the aforementioned master textbook to demographics requires an extension of the quota of hours proposed for the subject from 30 to at least 45.

We would like to discuss teaching of demography at academic studies using the example of classes provided at the Faculty of Economics and Sociology, University of Łódź.

Demometry and demography are lectured at the major Informatics and Econometrics for the specialisation – Econometrics, as well as Statistics and Demography.

Students specialising in econometrics take 30 hours of lectures in demometry and attend a 15 hour *conversazione* enhanced by 15 hours in a computer lab. The course is credited based on passing a test and preparing a paper on a selected subject.

Students specialising in Statistics and Demography have to get credits for the following subjects: methods of demographic analysis and regional demography; they also attend 30 hours of *conversazioni* divided into two 15 hour blocks.

Demography is also taught as 30 hour lecture for sociology students and the course is credited based on a written paper on a selected subject.

On selected majors (Economics, International Political and Economic Relations) students can choose from a set of demographic lectures entitled: “Demographic Problems of the World and Poland”. The lectures are popular and students enrol every year.

A series of lectures in demography with an examination to be taken at their end is also provided on the major Spatial Economy and for the specialisation “Management in Public Administration”.

Compared with the University of Łódź, other Polish economic institutions of higher learning generally offer the subject in question (as obligatory or optional) on a smaller number of majors.

СЕКЦИЯ 3
РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В
ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В СТРАНАХ СНГ

Топилин А.В.¹, Москва

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН СНГ —
НУЖНЫ СОВМЕСТНЫЕ УСИЛИЯ ДЛЯ ИХ РЕШЕНИЯ

Основные тенденции в развитии населения государств-участников СНГ в течение 90-ых годов XX века и в начале XXI столетия таковы:

1. Повсеместно снижается уровень рождаемости населения как в странах с низким ее уровнем (Беларусь, Россия, Украина), так и в государствах Средней Азии, с традиционно высоким уровнем рождаемости.

Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за всю жизнь) в большинстве стран Содружества меньше 2,15, что не обеспечивает простого воспроизводства населения. Данный показатель снизился до критической черты в Украине (1,1), Грузии (1,16), России — 1,17, Армении — 1,19, Беларуси — 1,31, Молдове — 1,38. В группу стран, где не обеспечивается простое воспроизводство населения, вошли также Казахстан — 1,86 и Азербайджан — 2,0 и это несмотря на то, что значительная часть русскоязычного населения, имеющая более низкие показатели воспроизводства, чем коренное население, выехала из этих стран.

Таким образом, большинство стран-участниц СНГ вступили в новое тысячелетие с низким уровнем рождаемости, не обеспечивающим простого замещения поколений. В этих странах проживает 241 млн. человек или 85% всего населения СНГ. Расширенное воспроизводство населения продолжает сохраняться только в среднеазиатских странах: Таджикистане, Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане с общей численностью населения 40,8 млн. чел. (15%).

2. Увеличивается смертность населения в странах СНГ. В целом по Содружеству смертность возросла с 10,6 человек на 1000 населения в 1990 г. до 12 человек в 2000 г. Особенно высока смертность в России — 15,4‰, Украине — 15,3‰, Беларуси — 13,5‰. Наблюдается сверхсмертность мужчин в молодых трудоспособных возрастах, которая в 3–4 раза выше, чем у женщин соответствующего уровня. Растет смертность от самоубийств, отравлений и других внешних воздействий. В результате в России, Беларуси и Украине уже 10 лет наблюдается депопуляция населения, темпы которой возрастают. Продолжает сохраняться высокой младенческая смертность.

¹ Руководитель секции №3.

3. Снижаются качественные характеристики населения стран СНГ. Распространяются инфекционные болезни ВИЧ/ СПИД (только в России по официальным данным 200 тыс. зараженных), туберкулез и другие опасные заболевания. В последние годы страны СНГ захлестнула волна наркомании, охватившая прежде всего, молодежь в возрасте 15–30 лет. Появились дети-беспризорники, дети-жертвы чрезвычайных ситуаций, дети-беженцы. Только в России детей-беспризорников насчитывается 1 млн. человек. Многие дети нигде не учатся. Молодые женщины и дети насильно вывозятся за рубеж в целях сексуальной эксплуатации. В эти преступные сети во всем мире втянуты 1 млн. женщин и детей, в том числе и из стран СНГ.

Ожидаемая продолжительность жизни в странах Содружества значительно ниже, чем в западных странах и составляет в целом по СНГ 67 лет (мужчины 64, женщины 74 года). В России этот показатель для мужчин равен 60 годам. Трудовой потенциал стран СНГ несет невосполнимые потери. Под угрозой генофонд наций стран Содружества.

4. Происходит старение населения во всех странах СНГ, растет демографическая нагрузка, особенно в странах депопуляции, что требует активизации миграционной политики и совершенствования системы пенсионного обеспечения. Однако анализ показывает, что реформы пенсионного обеспечения, проводимые в странах СНГ, не учитывают сложившейся демографической ситуации, необоснованно увеличивается возраст выхода на пенсию по старости.

5. В перспективе продолжится усиление демографической поляризации стран СНГ. К 2050 г. по расчетам ООН в южных странах СНГ будет проживать уже каждый третий житель стран Содружества (в настоящее время каждый четвертый), а в Беларуси, России, Украине доля жителей сократится с 72% до 61%.

6. Отмеченные тенденции демографического развития государств-членов СНГ требуют консолидации усилий по выработке согласованной демографической миграционной и социальной политики государств Содружества. Эта задача особенно актуализируется в условиях развития глобализации и распространения международного терроризма.

7. Ключевым положением, общим для концепций демографического развития стран Содружества, должно стать рассмотрение их в тесной взаимосвязи с геополитическими реалиями современного мира и национальной безопасности стран. При этом следует учитывать новые подходы к концепции национальной безопасности, связанные с невоенными угрозами, такими как социальная нестабильность, угроза эпидемий опасных заболеваний, экологические проблемы, нелегальная миграция. Например, в Концепции демографического развития Азербайджана, утвержденной Указом Президен-

та в конце 1999 г., определена демографическая политика республики на ближайшую перспективу с учетом экономических преобразований и необходимости улучшения количественных и качественных показателей населения, повышения уровня благосостояния всех слоев общества. Государственная комплексная программа обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь нацелена на создание механизма ее реализации и выработке научно-обоснованной системы предотвращения демографических угроз устойчивому развитию государства.

В России одобрена концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 г., которая включает разделы, характеризующие демографическую ситуацию в стране, оценку угроз национальной и экономической безопасности. Целями демографического развития России являются стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту.

8. В решении проблемы качества здоровья населения есть сфера совместной деятельности государств-участников СНГ: это производство медикаментов и отечественного медицинского оборудования, подготовка высшего и среднего медицинского персонала, в первую очередь врачей-педиатров, создание межгосударственных специализированных медицинских центров по охране здоровья матери и ребенка. На наш взгляд это весьма перспективное направление сотрудничества и международная конференция «Демографическое образование в 21 веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы» привлечет внимание общественности и государственных структур в этих странах к данным проблемам.

Приоритетным направлением сотрудничества в здравоохранении является работа по налаживанию совместного производства лекарственных средств, использования для этих целей отечественной сырьевой базы и возможностей конверсии. Тем самым удастся ослабить зависимость от импортных лекарств, многие из которых недоступны населению из-за дороговизны.

Особенно важны совместные действия стран СНГ в борьбе с распространением наркотиков. Необходимо выработать многостороннюю платформу для консолидации усилий стран СНГ по противодействию оргпреступности в сфере наркоторговли, транзита наркотиков и связанных с ними преступлений, принятия дополнительных мер по гармонизации национальных законодательств в соответствии с международными критериями. Целесообразно более широко использовать ресурсы международных организаций, межгосударственных структур экономического, финансового и правоохранительного порядка.

9. Наконец ключевой вопрос — подготовка специалистов демографов в странах СНГ, которым предстоит решать острые проблемы демографического развития стран Содружества в новом тысячелетии.

Необходимо расширить обмен студентами между странами СНГ, проводить межгосударственные семинары для преподавателей университетов и институтов государств Содружества по демографическим дисциплинам, организовывать конкурсы на лучшие дипломные работы по народонаселению, увеличить число студентов, направляемых на стажировку в ведущие демографические центры западных стран. Целесообразно также рассмотреть вопрос о создании Ассоциации демографов стран СНГ.

Абулкасова Д.Б., Уральск, Казахстан

МИГРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЕЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Миграционные процессы играли и сегодня играют огромную роль в формировании численности и этнонациональной структуры населения Казахстана, они оказывают влияние на структуру занятости на рынке труда, существенно воздействуют на демографическую ситуацию. Масштабность и интенсивность миграционных потоков ярко и наглядно отражают изменения, происходящие в экономической, социальной и политической жизни республики.

Абсолютное большинство миграций в истории Казахстана имело вынужденный характер и направлялось государством. Формирование этнической и социальной структуры населения республики, становление и развитие государства происходило под влиянием устойчивых миграционных процессов, вызванных столыпинской реформой начала XX века, коллективизацией 1920-х гг., этноцидом 1930-х гг., депортацией и военной эвакуацией 1940-х гг., освоением целинных земель 1950-х гг. До 1968 года для республики было характерно положительное сальдо миграции населения. Однако с начала 1970-х гг. в Казахстане складываются новые демографические тенденции — быстрый демографический рост казахского населения, аграрное перенаселение Юга республики, миграции избыточного населения в города — и республика начинает активно терять население. Только за 1970-е гг. из-за миграций Казахстан потерял 28% естественного прироста населения, за 1980-е гг. — 38%. Новая политическая ситуация, сложившаяся после распада СССР, суверенизация, слом старой системы государственного управления стимулировали скачок в миграционных потоках из Казахстана. Интенсивная миграция сопровождалась резким уменьшением въезда в республику: в 1992 г. прибыло 190 тыс. человек, в 1996 г. — 54 тыс.,

в 1997 г. — 38 тыс., а в 2000 г. — 33,6 тыс. человек. Все это привело к катастрофическому для мирного времени сокращению населения: за пять лет численность постоянного населения убывает с 16,9 млн. человек до 14,89 млн. человек (1 января 2000 г.). И это несмотря на высокий естественный прирост коренного населения и некоторых других этнических групп. «На начало 1994 г. удельный вес казахов составил — 45,3%, славянских народностей — 43,5% и группа «малых чисел», включающая уйгуров, узбеков, корейцев, татар, немцев, дунган и др. — 11,2%». По результатам переписи населения 1999 г. доля казахов в населении республики составляет 53,4%, русских — 30%. За последние десять лет отрицательное сальдо миграции не только полностью поглотило естественный прирост населения (он сократился почти в 2 раза за счет резкого снижения числа родившихся и увеличения числа умерших по отношению к 1980-м годам), но и превысило его более чем в 2 раза. Общая численность казахстанцев за межпереписной период с 1989 по 1999 гг. сократилась на 7,7%, и существенное влияние на это изменение оказали миграционные процессы.

Основные миграционные потоки как и раньше, формируются со странами ближнего зарубежья (более 77%), с Россией, в том числе — 66%. Сохраняется положительное сальдо миграции населения с Узбекистаном, Туркменистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, отрицательное сальдо миграции по прежнему с Россией, Белоруссией и Украиной.

В этническом составе миграционного оттока населения преобладают русские (свыше 55%), немцы (около 20%), украинцы (около 10%), татары (2,4%), белорусы (2,1%).

Односторонние миграционные потоки складываются у Казахстана с Германией, Израилем, Грецией и США (отток населения), с одной стороны, и Монголией, Китаем и Ираном (приток), с другой. Иммиграционные потоки представлены в основном казахами, поскольку был принят «Закон об иммиграции» и государство стало проводить целенаправленную политику репатриации этнических казахов из ближнего и дальнего зарубежья. Ежегодно Президентом Республики Казахстан утверждается квота на иммиграцию казахского населения из стран дальнего зарубежья и СНГ.

Среди иммигрантов растет число беженцев. На 1 января 2000 года в территориальные подразделения Агентства по миграции и демографии РК обратилось 974 человека (512) семей с ходатайством о признании их беженцами. Официальный статус беженцев получил 349 человек (121 семья). Из горячих точек (Афганистана и т.д.) в Казахстан прибыло 15 тыс. беженцев репатриантов.

Все более серьезной и сложной проблемой становится нелегальная миграция. Выделяются два ее вида. Первый, когда прибывшие законным и незаконным путем иммигранты «оседают» в Казахстане, начиная заниматься всевозможной трудовой деятельностью, усугубляя и без того сложную ситуацию на рынке труда. Второй вид нелегальной миграции, когда территория республики используется в качестве «транзитного коридора» в страны СНГ, а также в Западную Европу, Скандинавские страны, Америку и Канаду.

Один из аспектов миграции в Казахстане — нелегальный ввоз в страну рабочей силы — гастарбайтеров. В Алматы и Астане они заняты в строительстве, в Западном Казахстане — чаще на нефти — и газопромислах. Данных о точном числе гастарбайтеров нет, но, безусловно, они создают проблемы для государства (отсутствие налогов, дополнительные расходы на содержание безработных: с каждым иностранным рабочим или служащим работу теряет один казахстанец, поскольку таких специалистов в стране недостаточно).

Последние десять лет внесли большие изменения во внутри республиканскую миграцию: в целом внутриобластная миграция уменьшилась с 275,5 тыс. человек в 1991 году до 94,8 тыс. человек в 1999 году (то есть сократилась в 2,9 раза), межобластная миграция — соответственно с 155,8 тыс. до 78,6 тыс. человек (сократилась в два раза). Уменьшение миграции из села в город связано с тем, что в нелегких условиях переходного периода сельское население оказалось в сложной ситуации. Во многих сельских семьях материальное положение ухудшилось, что несомненно, сдерживает возможности переезда в город на постоянное место жительства. Н.А. Назарбаев в Послании народу Казахстана отмечает: «Село сегодня стало средоточием всех основных социальных проблем — невыплаты заработной платы, пенсий, отсталости, бедности и безработицы, слабой инфраструктуры, образования и здравоохранения, экологических катаклизмов. При этом здесь самый высокий демографический потенциал».

Внутренние потоки миграции представлены в основном казахами — свыше 60%. Прослеживается во внутренних миграциях и тенденция, начавшаяся в 1980-е гг. — казахское население стало активно перемещаться внутри страны: с крайнего юга в город Алматы, Алматинскую и Жамбылскую области, а также в Центральный и Северный Казахстан. Два других потока движутся из западных областей на север республики и в город Алматы. В направлении Алматы и севера страны перемещается коренное население из Восточно-Казахстанской области. Определенную роль в миграциях сыграл перенос столицы с юга республики в северную ее часть — в город Астана.

В силу масштабов миграционных потоков и их последствий для республики, проблема миграции приобретает в настоящее время все

большую социально-политическую остроту и актуальность. Ухудшается экономическое положение республики, разрушается баланс профессий, социальная структура общества. Несмотря на некоторое снижение величины миграционных потоков, есть все основания предполагать, что миграционный потенциал в республике еще велик.

В настоящее время в республике уделяется достаточное внимание вопросам регулирования миграционных процессов: правового, политического, социально-экономического.

Основой правового регулирования миграции является Конституция Республики Казахстан, принятая 30 августа 1995 г. В Конституции закреплено неотъемлемое право человека — право свободного передвижения по территории Казахстана и свободного выбора местожительства, кроме случаев, оговоренных законом; право выезда за пределы Республики, а для ее граждан — право беспрепятственного возвращения в республику. По Конституции, за гражданином не признается двойного гражданства. Не допускается ни при каких условиях лишение гражданина Республики гражданства, права изменить свое гражданство, изгнание за пределы Казахстана.

Уже в 1992 году, в первый год обретения независимости был принят закон «Об иммиграции», который стал основным и одним из самых стабильных правовых актов в республике постсоветского периода, регламентирующим правовое положение мигрантов и оказывающим позитивное влияние на регулирование миграции населения. Для урегулирования существующих сложных проблем в области внешней и внутренней миграции в 1997 г. в Казахстане был принят закон «О миграции», согласно которому регулирование миграции населения основывается на следующих принципах:

- обеспечение закрепленных в Конституции Казахстана прав человека на свободный выбор места проживания, свобода труда, свободный выбор рода деятельности и профессии, свобода выезда;
- недопустимость какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или любым иным обстоятельствам;
- упреждение стихийных и неупорядоченных процессов как внутри страны, так и за ее пределами на основе выработки социально-экономических стимулов;
- запрещение высылки или принудительного возвращения беженцев в страны, откуда они прибыли, кроме случаев, предусмотренных международными соглашениями;
- сотрудничество с другими странами, особенно принимающими иммигрантов, в области снижения нелегальной миграции, а так-

же в сферах образования, профессиональной подготовки, трудовой миграции.

Важным шагом на пути регулирования миграции стало создание в республике в декабре 1997 г. Агентства по демографии и миграции. Агентство организует регистрацию, учет и рассмотрение ходатайств граждан о переселении в республику; координирует работу областных миграционных служб по созданию условий для приема, обустройства, социальной защиты мигрантов. В целях упорядочения эмиграционных процессов в агентстве и его службах на местах создаются специальные подразделения, налаживается компьютерное обеспечение, которое позволит выдавать всем потенциальным эмигрантам полную информацию о странах и регионах планируемого выезда, например о наличии рабочих мест, стоимости жилья и потребительской корзины, экологической ситуации и т.п.

Для регулирования процессов миграции в Казахстане, кроме того, были приняты следующие нормативно-правовые акты:

Указ президента «О порядке предоставления политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства в Республике Казахстан» от 15 июля 1996 г. Согласно Положению, на основании общепризнанных норм международного права и в соответствии с Конституцией и действующим законодательством, Казахстан предоставляет политическое убежище лицам и членам их семей, ищущим убежище и защиту от преследования или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране гражданства и/или места проживания за общественно-политическую деятельность, расовую или национальную принадлежность, религиозные убеждения, в случаях нарушения прав человека, предусмотренных нормами международного права.

Указ президента «О порядке рассмотрения вопросов, связанных с гражданством Республики Казахстан» от 27 сентября 1996 г. Положение определяет порядок приема, оформления и рассмотрения ходатайств о приеме и восстановлении гражданства, а также о выходе и утрате гражданства в соответствии с Конституцией и Законом «О гражданстве» и международными договорами, подписанными Казахстаном. Основными субъектами, на которых распространяется данный Указ, являются иностранные граждане и лица без гражданства, желающие принять гражданство Казахстана. На гражданство Казахстана, согласно Положению, могут претендовать лица, постоянно проживающие на территории республики не менее 5 лет, причем этот срок должен быть непрерывным.

Подавляющее большинство русскоязычного населения, несмотря на потоки мигрантов, переселяющихся из Казахстана в Россию, остается в республике. Их статус закреплен в ряде двусторонних договоров, в частности:

- в договоре «О правовом статусе граждан Республики Казахстан и Российской Федерации, постоянно проживающих на территории другой стороны» (январь 1995 г.);
- Соглашении «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защите трудящихся-мигрантов» (апрель 1994 г.);
- Соглашении «О регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев» (июль 1998 г.).

Обеспечению прав русскоязычных граждан посвящены два многосторонних договора: Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека и Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

В 1996 г. важным моментом в отношениях между Казахстаном и Россией в области регулирования миграционных процессов стала ратификация Государственной Думой Российской Федерации 24 мая 1996 г. Договора о правовом статусе граждан, постоянно проживающих на территории другой стороны. Сам Договор был подписан еще 20 января 1995 г. и ратифицирован казахстанской стороной в том же году. Его действие до утверждения российской стороной носило односторонний характер и вызывало определенное недоверие в отношениях обоих государств. Ратификация договора Россией существенно улучшила ситуацию с регулированием гражданства и оздоровила взаимоотношения между двумя государствами.

Данный договор устанавливает, что граждане России и Казахстана, проживающие на территории другой стороны, пользуются такими же правами и свободами и несут такие же обязанности, что и полноправные граждане стороны проживания, за некоторыми исключениями. К этим исключениям относится запрещение гражданам другой стороны избирать и быть избранными на высшие государственные должности и в представительные органы власти, участвовать в референдумах, находиться на дипломатической службе, исполнять обязанности судей, прокуроров, работать в органах внутренних дел, государственной безопасности, центральных органах исполнительной власти, занимать должности глав областных и местных администраций и их заместителей. В то же время договор предусматривает, что указанные группы граждан могут занимать должности руководителей структурных подразделений областных и местных администраций и организаций, входящих в систему местных органов исполнительной власти.

В договоре также оговаривается эквивалентность документов об образовании, выданных указанным группам граждан в учебных заведениях страны гражданства, на всей территории проживания, гарантируется право этих групп граждан на участие в приватизации госсобственности наравне с гражданами стороны проживания. Догово-

вор также регулирует вопросы право и дееспособности представителей указанных групп граждан, вопросы усыновления, опеки и попечительства, возмещения вреда и другие моменты.

Заключение данного договора подвело прочную правовую базу под регулирование многочисленных проблем мигрантов, возникающих в связи с тем, что на территории России и Казахстана проживает большое число граждан этих государств. Кроме того, учитывая, что реальная жизнь может создать новые проблемы и обстоятельства, стороны зафиксировали в договоре обязательство принимать меры к развитию правовой базы в отношении указанных групп граждан.

Большое значение для упорядочения миграционных отношений имеют двух и многосторонние соглашения между странами СНГ:

- соглашение «О безвизовом передвижении граждан государств СНГ по территории его участников» (октябрь 1992 г.);
- соглашение «О сотрудничестве государств - участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией» (март 1998 г.);
- соглашение «О порядке въезда граждан государств-участников СНГ в государства, не входящие в СНГ, и выезда из них» (февраль 1997 г.);
- меморандум между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией «О сотрудничестве в области миграции» (июль 1994 г.);
- программа сотрудничества в области миграции между Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном (март 1997 г.);
- соглашение «Об управлении процессами перемещения населения» между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном (июль 1997 г.).

Большую роль в упорядочении миграционных процессов играет российско-казахстанское соглашение, ратифицированное Российской Государственной Думой в мае 1997 г., об упорядоченном порядке приобретения гражданства гражданами Казахстана, прибывающими для постоянного проживания в Россию, и гражданами России, прибывающими для постоянного проживания в Казахстан.

Договоры и соглашения, заключенные Казахстаном после приобретения независимости в 1990-е гг., позволили в некоторой степени компенсировать правовой вакуум и наладить многостороннее взаимодействие стран СНГ в отношении регламентации миграционных процессов.

В настоящее время в Казахстане, наряду с названными, действует ряд других законов и прочих нормативных и правовых актов, так или иначе регулирующих миграционные отношения. В частности, это закон «О гражданстве Республики Казахстан», указ президента Казахстана, имеющий силу закона «О правовом положении иностранных

граждан в Республике Казахстан», закон «О государственной границе Республики Казахстан», указ президента «Об органах национальной безопасности Республики Казахстан», закон «О пограничных войсках Республики Казахстан». Среди других актов можно назвать указ президента «О порядке предоставления политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства в Республике Казахстан», постановление Кабинета министров «Об утверждении порядка создания иммиграционного земельного фонда» и др.

Большое внимание, учитывая геополитическое положение Казахстана, уделяет регулированию миграционных процессов президент страны — Назарбаев Н.А., им не раз подчеркивалось, что в ранг ведущих приоритетов национальной безопасности должна быть выдвинута сильная демографическая и миграционная политика.

В 2000 г. в парламенте Казахстана создана совместная Комиссия палат по миграции и связям с соотечественниками. Одно из ключевых направлений деятельности комиссии — поддержка соотечественников за рубежом, национально-культурных центров, а также мигрантов внутри страны; разработка законопроектов по вопросам их социально-экономического, политического и правового положения и статуса; оказание содействия в унификации и оптимизации законодательств стран СНГ через Межпарламентскую ассамблею, через контакты с парламентами тех государств, где проживает казахская диаспора; создание программы более быстрой интеграции новых граждан (этнических казахов-репатриантов, реэмигрантов), с упрощением и прозрачностью регистрационных процедур для проживающих граждан или иностранцев.

Таким образом, в Казахстане идет активный законотворческий процесс по правовому обеспечению государственной миграционной политики с учетом как собственных стратегических интересов, так и интересов других государств. Особого внимания заслуживает вопрос прогнозирования будущего развития миграции, требующий тщательного анализа не только настоящего, но и прошлого миграционных процессов. Для проведения такого анализа с выходом на действенную миграционную политику, как по Казахстану в целом, так и в отдельных регионах, нужны хорошо подготовленные кадры, которых в республике в настоящее время практически нет. Поэтому задача подготовки квалифицированных специалистов демографов становится для республики одной из наиболее актуальных.

Литература

1. Татимов М.Б. Демография и суверенитет. Алматы: Жеты Жаргы, 1999.
2. Статистический пресс-бюллетень Агентства Республики Казахстан по статистике. Алматы, 2000. № 4.
3. Казахстан–2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев.

Гиззатова А.И., Уральск, Казахстан

**РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА**

Рабочий документ «Современные тенденции образовательных реформ», подготовленный Международным Бюро Образования (МБО) и обсужденный на Первой сессии Международного комитета по образованию для XXI века (март, 1993 г.), содержит, среди прочих, вывод о том, что успех стратегии в области образования требует признания факта, что для определения главных направлений необходимо обладать способностями предвидения будущих потребностей и проблем, что возможно лишь при знании реального положения существующей ситуации, обладании широким спектром информации о существующих тенденциях и наличии механизмов оценки результатов предпринимаемых действий, позволяющих в случае необходимости выбирать новое направление развития.

В Республике Казахстан изменения в сфере образования происходят одновременно с изменениями политического курса и переходом экономики на рыночные отношения. Отход от предыдущей системы образования проявляется в изменениях, в частности, системы приема в высшие учебные заведения, в организации учебного процесса и содержании учебных программ, замене политической подотчетности высшей школы экономической, возможности установления международных академических связей не зависимо от политических и идеологических целей. При создании новой системы высшего образования делаются попытки учета исторических традиций, национальных особенностей населения, тенденций демографических процессов - соответствия между имеющимися людскими ресурсами и потребностями в рабочей силе, изменений структуры естественного и механического движения, этнической структуры населения и другие факторы.

В Советском Союзе, в условиях государственной собственности на средства производства, все доходы были сосредоточены в руках государства, которое обеспечивало их распределение на расширение производства, потребление населения, социальную сферу и другие нужды. Размещение и специализация производства по регионам осуществлялось с учетом природных факторов, демографические факторы при этом зачастую не учитывались. При освоении в регионах новых производств, рабочая сила пополнялась за счет перемещения трудовых ресурсов из трудоизбыточных областей, для чего государство создавало стимулирующие процесс пространственной и социальной концентрации условия.

В новых условиях хозяйствования при наличии в республике различных форм собственности на средства производства, стратегиче-

ской целью государственной социальной политики является создание условий, гарантирующих основные права и свободы граждан, всестороннее развитие личности, приближение уровня жизни населения к современным стандартам развитых стран. Составной частью этой программы является демографическая политика.

Концепция государственной демографической политики Республики Казахстан, представляющая собой основные принципы, приоритеты и задачи демографического развития республики и ее областей, предусматривает комплекс политических, административных, экономических и социально-психологических мер, направленных на стимулирование роста численности населения, то есть создание условий, при которых будет сформировано общество, обращенное к человеку. Это требует учета сложной связи, имеющей место между экономическим ростом и происходящими демографическими изменениями, которые в современных условиях должны характеризоваться как с количественной стороны, так и с качественной. В рамках проводимых по структурной перестройке экономики мероприятий в первой половине 1990-х гг., в республике не уделялось должного внимания демографическим проблемам, их влиянию на воспроизводство населения в будущем, экономическую и социальную эффективность реформ. Также была переоценена саморегулирующая способность рынка, что оказало негативное влияние на демографическую ситуацию в республике в целом и в областях, и нашло отражение во всех составляющих воспроизводства населения: в сокращении рождаемости, росте смертности, в ослаблении семейно-брачных отношений, в существенных изменениях в миграции. Степень проявления этих процессов заметно различается по областям республики, что предполагает разработку территориальной политики народонаселения в каждой области, тем более что области в республике не только получили большую экономическую самостоятельность, но и была увеличена их ответственность за социальное и экономическое развитие своего населения.

Согласно данным переписи 1999 года и ежегодных статистических исследований, демографическая ситуация в республике оценивается как неблагоприятная из-за значительного снижения рождаемости, повышения смертности и увеличения миграционного оттока населения.

Уменьшение численности населения в республике на 1530,4 тыс. человек по причине смертности и эмиграции лиц других национальностей на историческую родину, способствовало увеличению доли коренной национальности на 7985,0 тыс. человек (до 53,4 % от общей численности населения).

Для Западно-Казахстанской области характерны основные тенденции демографического развития в республике: снижение числен-

ности населения по разным причинам, изменение в этнической структуре населения, в занятости и др. В результате снижения численности населения области на 12694 человека, произошли изменения в этнической структуре населения — увеличилась доля населения коренной национальности до 64,7% вместо 55,8% в 1989 году (при сокращении доли русских с 43,4% в 1991 году до 28,2% в 1999 году, немцев соответственно с 0,7 до 0,4 % и других национальностей).

Анализ пространственной концентрации населения свидетельствует о высокой доле сельских жителей — в области это показатель соответствует 59%, тогда как в республике он составляет около 45%. В процессе структурной перестройки экономики эта часть населения республики пострадала в большей степени (из-за их низкой мобильности, способности адаптироваться, отсутствии зачастую востребованной профессии). Высокий удельный вес сельского населения в Западно-Казахстанской области связан со сложившейся в советский период специализацией экономики области как крупного производителя сельскохозяйственной продукции.

Помимо того, что на демографическую ситуацию в республике (в том числе и в области) оказывают влияние происходящие структурные изменения в экономике, Республика Казахстан, как и Россия и другие страны СНГ, вступает в полосу демографической модернизации, характерной для всех промышленно развитых стран мира. Процесс этот проявляется в сокращении рождаемости, старении населения и как следствие — увеличении смертности. Отличие этого процесса в республике от развитых стран мира в том, что он происходит на фоне структурной перестройки экономики.

Происходящие демографические процессы в области характеризуются снижением рождаемости (с 22,5 родившихся на 1000 человек населения в 1991 году до 12,4 — в 2000 году). В сельской местности этот показатель выше и составил в отдаленных районах в 2000 году до 19 младенцев на 1000 человек населения, однако, в этих районах высока детская смертность. Сокращение этого показателя окажет влияние на возрастную структуру населения области. Массовым явлением становится отказ от рождения детей, сокращается доля детей, родившихся по счету третьими, четвертыми.

На рождаемость оказывают влияние семейно-брачные отношения, которые в области имеют тенденцию к сокращению. Параллельно происходит снижение брачности (если в 1991 году было заключено в области 6771 браков, то в 2000 году -3454), рост разводимости.

Снижение рождаемости сопровождается ростом смертности. В области в 2000 году общий коэффициент смертности составил 10,5‰ против 8,7‰ в 1991 году.

Процесс омолаживания смертей, происходящий в республике, характерен и для области. Смертность более широко охватывает мужское население, особенно в возрасте 30–39 лет, что неблагоприятно сказывается на трудовом потенциале области, увеличивает число неполных семей, ухудшает ситуацию на брачном рынке. Также выше значение показателя смертности в сельской местности, чем в городской, что является свидетельством худших условий жизни сельского жителя. К основным причинам высокой смертности населения области следует отнести спад уровня жизни, сокращение для основной части населения возможностей профилактики, своевременной диагностики, недоступность по ценам лекарственных средств и другие. Как и в республике, в области распределение умерших по причинам смерти показывает высокую смертность от болезней системы кровообращения (51% смертей), новообразований (14%), несчастных случаев, среди которых высок удельный вес самоубийств (до 3–4 %), что является свидетельством низкого уровня жизни населения.

Значительное влияние на демографическую ситуацию в области оказывают миграционные процессы. Помимо характерных для республики факторов, в Западно-Казахстанской области — это расположение области на границе двух государств — Казахстана и России, бывших в советский период республиками единого государства. При отрицательном сальдо миграции фактором, дестабилизирующим демографическую ситуацию в области является международная миграция, на долю которой приходится до 97% всего миграционного оттока населения.

Рост промышленного производства, культуры, желание получить образования самим или дать более высокое школьное высшее образование детям, более высокий уровень развития рыночной инфраструктуры являются постоянным фактором, способствующим миграции сельского населения в города.

Значение демографического фактора связана и с тем, что население является главной составляющей производительных сил (рабочей силы) общества, в котором растет потребность в квалифицированной и гибкой рабочей силе. Структурные изменения экономики республики способствуют появлению спроса на специалистов, имеющих ранее невостребованные профессии, новых профессий, в специалистах, работающих самостоятельно и общающихся друг с другом с помощью Интернета, требуются мобильные специалисты в области маркетинга и менеджмента, специалисты в области исследования рынка, рекламы, дизайна и других услуг. Удовлетворить эту потребность может эффективно функционирующий рынок труда области, характеризующийся появлением на нем самостоятельно занятого в

экономике населения, удельный вес которых увеличился в области до 99,7% в 2000 году против 0,3% в 1991 году. Произошло перераспределение числа занятых по видам экономической деятельности. При сокращении численности занятых в сфере производства увеличилась занятость в сфере услуг.

Решением многих социальных проблем в области являются мероприятия по снижению безработицы и бедности. Рост производства в реальном секторе экономики области способствовал созданию новых рабочих мест, что привело к увеличению занятости населения и снижению безработицы с 14,2% в 1996 году до 7,8% в 2000 году.

Население, являясь главной составляющей производительных сил общества, выступает, в тоже время выступает единственным потребителем товаров и услуг. Инфляционные процессы в республике в начале 90-х годов привели к снижению реальных доходов населения области, так в 1994 году, по сравнению с предыдущим годом, по данным официальной статистики, индекс реальной заработной платы составил 78,2%. Улучшение макроэкономической ситуации и снижение инфляционных процессов привел к росту реальной заработной платы. В 1999–2000 годы темпы увеличения реальной заработной платы составили в среднем 15,8% в год, что привело к увеличению денежных доходов населения и увеличению их платежеспособного спроса.

Демографические процессы в любом обществе тесно переплетаются с экономическими и социальными процессами. Успешная реализация экономических реформ зависит от решения демографических проблем, так как народ является той силой, которая осуществляет эти реформы. В условиях демократизации общества государство уменьшает свое непосредственное влияние на демографические процессы. Однако это не означает, что оно должно полностью отказаться от решения проблем, связанных с народонаселением. Государственная демографическая политика должна отражать интересы всех слоев населения и национальностей.

Литература

1. Галаган А.И., Прянишникова О.Д. Научные исследования высшего образования в Западной Европе: организация, тематика, финансирование // Социально-гуманитарные знания, 2001. №4. С. 221–238.
2. Галаган А.И. Образовательные реформы последнего десятилетия XX века в странах Центральной и Восточной Европы // Социальные и гуманитарные знания, 2002. №2. С. 208–223.
3. Статистический пресс-бюллетень Агентства Республики Казахстан по статистике. Алматы, 2000. № 4.
4. Казахстан–2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев // Казахстанская правда, 1997.11 окт.

Есимова А. Б., Шымкент, Казахстан

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В последнее десятилетие связи с изменением характера и направленности миграционных процессов, приведшее к негативным процессам — ухудшению демографической ситуации вследствие огромной убыли населения за пределы республики, миграционные процессы приобрели большую актуальность.

Небывалый отток населения из Казахстана отразился на переписи населения 1999 г. За межпереписной период население республики сократилось на 1246028 чел. (7,7%) (по переписи 1989 г. — 16199154 чел., по переписи 1999 г. — 14953126 чел.) [1]. Произошли изменения в этническом составе населения — снизилась численность европейских национальностей (русских - на 1582401 чел., украинцев — на 328639 чел., немцев — на 593414 чел., белорусов — на 66012 чел.) [2].

За 1991–2000 гг. в страны СНГ выехало 1 млн. 959 тыс. чел., а прибыло в Казахстан из стран Содружества 730 тыс. чел. Две трети миграционного обмена приходится на Россию, остальные — на Украину, Узбекистан, Кыргызстан, Азербайджан и Беларусь [3]. Многообразна палитра причин эмиграции русскоязычного населения: психологический фактор — чувство оторванности от исторических корней, неуверенности в своем будущем и в будущем детей («отсутствие видения будущего в данных пространственных условиях»); этнокультурный фактор — стремление воссоединения с исторической родиной, незнание государственного языка. Социологические исследования свидетельствуют, что в 2000 г. число респондентов, назвавших языковую проблему основной причиной в решении покинуть Казахстан, возросло по сравнению с результатами 1996 г. (с 3,1% до 9,2%), что объясняется расширением сферы применения казахского языка [4].

За 1991–2000 г.г. по международной миграции в республику прибыло 788,2 тыс. чел. и выбыло 2757,8 тыс. чел., отрицательное сальдо составило 1969,6 тыс. чел. [5]. Анализ направления миграционного обмена Казахстана со странами дальнего зарубежья показывает, что основной поток эмигрантов направлен в Германию (в 1989–1993 гг. эмигрировало около 350 тыс. немцев [6]), Израиль, США. Иммигранты — из Монголии, Ирана, Турции, Узбекистана, Таджикистана, Саудовской Аравии.

В Казахстане, как и в Российской Федерации, происходит внешняя интеллектуальная миграция («утечка умов»). Безусловно, масштабы «утечки мозгов» из Казахстана сравнительно меньше, чем из

России, но степень негативности последствий одинакова. Следует подчеркнуть, что при том, что значительная часть научного потенциала России уезжает на запад, она в какой-то мере восполняется научными кадрами из стран СНГ, для которых Россия является привлекательной. Казахстан же выступает только в качестве донора и ситуация осложняется тем, что ежегодно наблюдается миграционный отток выпускников школ в российские ВУЗы, после окончания которого они не возвращаются в Казахстан. Данные о миграции населения за 1995–1999 гг. показывают, что из страны выбыло 1244226 чел., из них 354345 чел. в возрасте от 15 до 30 лет (28,4%) [7].

С присоединением Казахстана в 1999 г. к Конвенции 1951 г. о статусе беженцев в республике появились беженцы. На территории Казахстана в 2001 г. находилось 22 тысячи беженцев, из которых чуть более половины — чеченцы, около 5 тысяч — таджики, около 2,5 тысяч — афганцы, из которых только 970 человек имеют официальный статус беженца [8].

В последние годы произошло увеличение количества нелегальных мигрантов. Несмотря на подписанное в марте 1998 г. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией, эта проблема остается актуальной. Казахстан оказался транзитным участком, через который проходят нелегалы в Россию, в Европу. В то же время в южные приграничные районы республики прибывают в поиске заработков нелегальные мигранты (из Узбекистана, Таджикистана) на сезонные работы (на хлопковых, табачных плантациях, на строительство).

С 1991 г. началось проведение государственной политики по возвращению казахов на свою историческую родину. С 1993 по 2000 г. в страну вернулось 40267 семей соотечественников (175225 чел., в том числе и включенных в квоту иммиграции) [9]. Указом Президента определяется квота иммиграции для оралманов, которые не могут вернуться на историческую родину без финансовой поддержки государства. Динамика государственной квоты на иммиграцию этнических казахов такова: в 1993 г. — 10 тыс. чел., в 1994 г. — 7 тыс. чел., в 1995 г. — 5 тыс. чел., в 1996 г. — 4 тыс. чел., в 1997 г. — 3 тыс. чел., в 1998 г. — 3 тыс. чел., в 1999 г. — 500 семей, в 2001 г. — 600 семей [10].

С начала 1990-х гг. началась разработка правовых документов, регулирующих миграционные процессы. В 1992 году был принят закон «Об иммиграции», в 1995 г. Закон «О правовом положении иностранных граждан в Республике Казахстан» (от 19 июня 1995 г., №2337). 13 декабря 1997 г. был принят Закон «О миграции населения», который «регулирует общественные отношения в области миграции населения, определяет правовые, экономические и социаль-

ные основы миграционных процессов, а также создания необходимых условий жизни на новом месте для лиц и семей, возвращающихся на свою историческую родину» [11].

В 2000 г. была одобрена Концепция миграционной политики Республики Казахстан (Постановление Правительства РК от 5 сентября 2000 г.), в которой определены цели и принципы миграционной политики, приоритеты, основные направления реализации миграционной политики, задачи, формы и методы миграционной политики. Приоритетами миграционной политики для решения вопросов переходного периода является: всемерное содействие обустройству оралманов; предупреждение и предотвращение потоков вынужденной миграции, в том числе и незаконной; создание и развитие иммиграционного контроля; содействие сокращению и стабилизации эмиграционных процессов; обеспечение и регулирование внутренней и внешней трудовой миграции [12].

В Программе демографического развития Республики Казахстан на 2001–2005 гг. (утверждена Правительством РК от 30 октября 2001 г.) обозначены следующие задачи: «сокращение отрицательного сальдо миграции за счет активизации иммиграции путем создания нормальных жизненных условий для иммигрантов, особенно для оралманов и возвращающихся реэмигрантов». Предполагаются следующие меры: ежегодное увеличение квоты иммиграции; создание благоприятных условий для приема и обустройства оралманов, их быстрой интеграции в социальную сферу; поддержка и развитие конструктивных взаимоотношений с казахской диаспорой за рубежом; создание условий для добровольной миграции лиц, проживающих в депрессивных районах в другие, более благополучные регионы; обеспечение поддержки в решении социальных вопросов реэмигрантов [13].

22 февраля 2002 г. был издан Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам незаконной миграции», в котором сделаны поправки в действующее законодательство. Предусматривается уголовная ответственность за нарушение правил привлечения и использования иностранной рабочей силы, устанавливается запрет на туристическую деятельность, направленную на организацию незаконного выезда казахстанцев на постоянное место жительства либо трудоустройство за рубежом. Так, в Уголовный кодекс Республики Казахстан вводится статья о наказании за организацию незаконной миграции от штрафа до лишения свободы на срок до двух лет [14].

В апреле 2002 г. издан Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Закон «О миграции населения», в котором дается более четкое определение понятия «оралманы» — «иностранны или лица без гражданства казахской национальности, по-

стоянно проживавшие на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами и прибывшие в Казахстан с целью постоянного проживания». В ст. 29, касающееся льгот и адресной помощи оралманам, подчеркивается, что «государство создает льготные условия для переселения в Республику Казахстан и обеспечивает оралманам оказание помощи в трудоустройстве, повышении квалификации и в освоении новой профессии». Наиболее существенное изменение претерпел следующий пункт. Если в Законе «О миграции населения» подчеркивалось о «создании условий для изучения государственного языка», то в Законе «О внесении изменений...» дополнено «... и русского языка». В ст. 15 уточнен срок действия статуса оралмана — «... прекращается после получения им гражданства Республики Казахстан» [15].

В марте 2002 г. Казахстан заявил о своем решении вступить в Международную Организацию по Миграции, где до недавнего времени имел статус наблюдателя.

Литература

1. Численность и размещение населения в Республике Казахстан // Итоги переписи населения 1999 г. // Стат. сб., т. 1, Алматы, 2000, С. 5–8.
2. Краткие итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Стат. сб. / Под ред. А.А. Смаилова / Алматы, 1999. С. 11
3. Казахстанская правда. 25 марта 2000.
4. Шаймерденов Е.Ш., Шаукенова З.К. Языковая ситуация в Республике Казахстан. Саясат, №1, 2001, С. 27.
5. Казахстан: 1991–2001 годы. Информационно-аналитический сборник. Алматы: Агентство по статистике, 2001. С. 63
6. История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. Агентство РК по статистике. Алматы, 1998. С. 66
7. Казахстанская молодежь на рубеже веков. Астана: Елорда, 2000. С. 205
8. Казахстанская правда. 1 ноября 2001 г. С. 1.
9. Казахстанская правда. 29 апреля 2001 г. С. 3.
10. Казахстанская правда. 16 июня 2001 г. С. 4.
11. Казахстанская правда. 18 декабря 1997 г. С. 3–4.
12. Сборник материалов по народонаселению. Астана, 2000. С. 15
13. Казахстанская правда. 8 ноября 2001 г. С. 4
14. Казахстанская правда. 28 февраля 2002 г. С. 3
15. Казахстанская правда. 2 апреля 2002 г. С. 4

*Кумскова Н.Х., Кумсков Г.В., Бишкек,
Кыргызская Республика*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Глубокая трансформация общественного устройства Кыргызстана, России и в целом СНГ в 1990-е годы потребовала обновления системы и содержания экономического образования. Если образова-

ние в области естественных наук менее подвержено изменениям из-за динамики общественной жизни, то большинство гуманитарных наук самым непосредственным образом реагируют на вызовы общественного развития. В значительной степени это относится и к демографическому образованию.

Демография и экономика — два взаимообусловленных звена социально-экономической системы. Изучение взаимосвязи между демографическими, с одной стороны, экономическими и социальными факторами развития общества, с другой — важнейшая задача экономической науки, имеющая большое практическое значение.

Воздействие макроэкономических процессов в Кыргызстане в последнее десятилетие носило весьма противоречивый характер. Оно было обусловлено как долговременными тенденциями, сложившимися в период его вхождения в состав бывшего СССР, так и воздействием факторов, сформировавшихся в ходе проведения самостоятельной экономической политики после провозглашения независимости республики. Однако реальные возможности проведения самостоятельной экономической политики были невелики вследствие сохраняющейся ресурсной и финансовой зависимости Кыргызстана от других стран. По этой причине, вплоть до настоящего времени, кризисное состояние, охватившее все стороны экономической и социальной жизни республики, продолжает нарастать и углубляться. В числе основных его проявлений, взаимно переплетающихся и «подпитывающих» друг друга, повсеместный спад производства, увеличивающиеся масштабы безработицы, снижение жизненного уровня, действенности социальной защиты и, как следствие, высокий уровень миграции населения.

В сложный период социально-экономических преобразований демографическая ситуация в Кыргызской Республике характеризуется значительной напряженностью и противоречивостью. Напряженность определяется прежде всего высокой младенческой (21,7) и материнской смертностью (49,9 случаев на 100 тысяч живорожденных); значительным отставанием средней продолжительности жизни (мужчин — 64,9 и женщин — 72,4 лет) от уровня развитых стран; «устаревшей» структурой причин смертности (чрезмерно высокой долей несчастных случаев и травматизма, инфекционных заболеваний и т.д.), резким увеличением заболеваемости туберкулезом, алкоголизмом, венерическими болезнями, наркоманией; значительной разницей в продолжительности жизни мужчин, эмиграцией и негативными тенденциями внутренней миграции. Все эти процессы осложняются тем, что воспроизводство населения происходит в период тяжелого экономического положения и условий жизни, отставания развития социальной сферы.

Три фактора влияют на половозрастной состав населения: уровень рождаемости, половозрастная разница в уровне смертности и миграция. В демографическом плане население республики молодое: 38,1% населения составляют дети и подростки, 52,7% — лица трудоспособного возраста и 9,2% населения старше трудоспособного возраста. В связи с этим на трудоспособное население страны возлагается тяжелое бремя. И все же половозрастная пирамида Кыргызской Республики остается положительной по сравнению с другими развивающимися странами (например, африканскими), где превалирует население младше трудоспособного возраста, а также по сравнению с развитыми странами, где превалирует население старше трудоспособного возраста.

Структурные трансформации в Кыргызстане в связи с формированием рыночных отношений обостряют основные социально-экономические проблемы в этой стране и придают им большую специфичность.

Под воздействием демографического фактора обостряется проблема занятости. Спад производства, экономический кризис обуславливают высокий уровень безработицы. Осложняется продовольственный вопрос, снижается жизненный уровень. Большинство населения находится за чертой бедности. Ухудшается состояние окружающей среды.

Демографический фактор оказывает глубокое воздействие на все общественные процессы, причем столь глубокое, что он становится в известном смысле решающим при выборе стратегии дальнейшего развития. Во всяком случае без тщательного и всестороннего учета нынешней демографической ситуации нельзя правильно оценить действительный характер экономических проблем, рекомендовать с достаточным основанием рациональные меры для их решения.

Демографическая и социально-экономическая ситуация в Кыргызстане претерпела значительные изменения в период формирования рыночных отношений. Основная переменная, повлиявшая на все население страны — это отток из республики квалифицированной и опытной рабочей силы, что имело огромное воздействие на экономику страны. И наоборот, экономические и структурные реформы вызвали рост миграции из села в город, подняли безработицу и бедность до крайне высокого уровня. Следует отметить, что миграция из села в город повысилась даже несмотря на то, что уровень безработицы в городах остается высоким. Это происходит из-за ряда причин, среди которых исключительно высокий и продолжающийся расти уровень безработицы в сельской местности, привлекательность городской жизни и гонка к заполнению квалификационного вакуума, возникшего в результате отъезда мигрантов.

Ввиду значительного снижения ВВП, ассигнования на социальные сферы также сильно сократились, а прекращение социальной помощи повлияло на уязвимые группы населения, увеличивая недоедание среди женщин и детей, а также заболеваемость и смертность.

Кыргызстан имеет достаточно высокий естественный прирост населения, в то время как экономика с трудом может удовлетворять основные потребности населения в услугах образования и здравоохранения, а также в обеспечении занятости. Снижение рождаемости в переходный период можно рассматривать как реакцию людей на ухудшающиеся условия. Тем не менее рождаемость остается высокой, возрастная структура — молодой, стало быть, население будет расти. Необходимы мероприятия и по оживлению экономики страны с целью разрешения противоречий с демографическим развитием. В противном случае продолжающийся рост численности населения может и далее способствовать повышению уровней бедности, безработицы, недоедания, которые в свою очередь будут влиять на здоровье и благосостояние нации.

Есть необходимость пересмотреть сложившиеся представления о том, как следует решать вопросы о народонаселении и развитии. Это особенно важно сделать в настоящее время потому, что республика переживает новый этап своего государственного, политического и социально-экономического развития. Основой могут служить лишь глубокие научные исследования взаимосвязи демографических тенденций и социально-экономических проблем, рассматривающих фактор населения как один из основных в общественном развитии. Именно в зависимости от этого фактора должны рассматриваться проблемы всестороннего развития экономической, социальной и культурной жизни страны.

Изучение взаимосвязей демографической ситуации и социально-экономического развития республики легло в основу Страновой Программы Фонда Народонаселения ООН (ЮНФПА) для Кыргызстана, которая утверждена в октябре 1999 г., а ее выполнение рассчитано на пятилетний период с 2000 по 2004 гг.

Фонд народонаселения ООН в рамках своей Страновой Программы оказывает содействие Правительству Кыргызской Республики в укреплении национального потенциала для разработки, осуществления и мониторинга стратегий и программ в сфере населения и развития. Целью Первой Страновой Программы является повышение качества жизни населения Кыргызстана посредством улучшения его репродуктивного здоровья и укрепления национального потенциала для комплексного и интегрированного планирования демографического развития. Страновая Программа реализуется в двух подпро-

граммах: стратегия развития народонаселения и репродуктивное здоровье.

Кыргызско-Российский Славянский университет привлечен к выполнению подпрограммы «Стратегия развития населения Кыргызской Республики». За университетом закреплен проект «Укрепление национального потенциала для включения демографических и гендерных факторов в национальное и отраслевое планирование».

В Кыргызской Республике ощущается недостаток квалифицированных кадров, способных разрабатывать демографическую политику и программы, осуществлять их мониторинг и оценку, включать демографические и гендерные вопросы в планирование, проводить стратегический анализ и исследования. Для устранения этого недостатка, учитывая необходимость обучения вопросам демографии, в рамках проекта ЮНФПА в Кыргызско-Российском Славянском университете усилиями кафедры экономической теории организован Учебно-научный Центр Народонаселения, который должен обеспечить подготовку кадров, специализацию аспирантов по актуальным проблемам народонаселения в соответствии с реальными нуждами национальной экономики, включая и нужды перспективные. Создание Центра положило начало плодотворному сотрудничеству ФН ООН с университетом.

Обучение студентов и аспирантов осуществляется на местном уровне с помощью координатора национальных программ и координатора проектов подпрограммы по стратегии развития народонаселения, профессорско-преподавательского состава кафедры, а также предусматриваются занятия с зарубежными экспертами, профессорами МГУ. Кроме того, проводятся обучения и стажировки аспирантов в МГУ, в Демографическом Центре г. Каира и планируются в других зарубежных университетах.

Учебно-научный Центр Народонаселения КРСУ ставит своей ближайшей целью заключение договора сотрудничества с Центром по изучению проблем народонаселения МГУ. Надеемся на то, что обмен опытом преподавания, учебными планами, программами, учебными и учебно-методическими пособиями повысит результативность нашей работы. Не исключается совместное проведение научных и научно-практических конференций с приглашением ведущих ученых из стран СНГ, стажировки студентов, аспирантов, докторантов и другие мероприятия.

Успешная подготовка аспирантов может быть реализована при развитии научных исследований. Центр при финансовой поддержке ФН ООН проводит интенсивную научно-исследовательскую работу. В 2000–2002 гг. выполнялся проект «Демографические и гендерные факторы в развитии планирования народонаселения». Результатом работы стала разработка и публикация буклетов на русском и кыр-

гызском языках по гендерным аспектам демографии, образования, занятости и бедности, миграции, здравоохранения, семьи, экономической свободе женщин в Кыргызстане.

Проводятся международные конференции и семинары в г. Бишкек и г. Чолпон-Ата (на озере Иссык-Куль).

Ученый Совет Кыргызско-Российского Славянского университета, исходя из проводимой учебной работы, принял решение с 2002 / 2003 учебного года присваивать студентам специальности «Экономическая теория» дополнительную специализацию по демографии. Вместе с тем, в перспективе целесообразно создание на базе Центра Народонаселения КРСУ Института демографии, что позволило бы целенаправленно решать задачи демографического образования и проведения научных исследований в тесном сотрудничестве с ведущими специалистами из стран СНГ.

Матей К.Г., Кишинев, Молдова

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

С историко-географической и политико-географической точки зрения территория Республики Молдова находится на пересечение интересов крупных геополитических сил. Поэтому географическое положение, в течение всей истории, оказало существенное внимание на экономико-географическое и социально-демографическое развитие региона.

Исходя из историко-политического развития республики, следует выделить следующие этапы демографического развития края:

- до начала XIX столетия (1812 г.) демографическое развитие было под влиянием соответствующих демографических и географических факторов характерных для Румынии и других стран Западной Европы (особенно Франции, Германии, Италии);
- период 1812–1917 гг., когда народонаселение края развивается под влиянием факторов доминирующих на территории Европейской части России;
- период 1918–1944 гг., когда решающее влияние созывает социально-демографические факторы характерные для Румынии;
- период 1945–1990 гг. — наиболее важный этап развития народонаселения территории, развивающийся под влиянием известных экономических, политических, социальных, демографических и географических факторов характерных для огромного пространства СССР.

Наиболее важные итоги социально-демографического развития Молдовы за этот период является:

- значительный рост численности населения республики. Менее чем за пол века численность населения увеличивалась от 2,3 до 4,4 миллиона человек или почти в два раза;
- рост населения происходил, как за счет высокого естественного прироста (30%) и высокого положительного миграционного прироста (до 40% общего прироста), так и за счет остальных союзных республик, особенно России и Украины;
- значительное перераспределение населения в пользу городских поселений. Число городских поселений увеличивалось в три раза (от 16 до 70), численность населения увеличивалась более чем в 6 раз (от 380 тыс. до 2,2 млн. человек);
- концентрация населения в крупных городах республики. Если, 1950 г. был один город (Кишинев) с населением более 100 тыс. человек в котором проживали 3,8% населения республики, в 1990 г. Число таких городов увеличивалось до четырех, и в них было сконцентрировано 50% городского населения и более 28% общей численности населения республики.

Распад Советского Союза и начало перехода к рыночной экономике после 1990 гг. оставили глубокий след в развитии народонаселения молодого государства. Основные особенности демографического развития характерны почти для всех союзных республик. Следует отметить наиболее важные особенности развития демографических явлений Республики Молдова за 1900–2002 гг.:

- снижение общей численности населения республики. Новое явление для Молдовы за послевоенный период. За этот краткий период общая численность населения уменьшилась на 4–5%;
- значительное снижение численности городского населения. После интенсивного роста, за предыдущий послевоенный период, за несколько лет, численность городского населения уменьшилась на 14–15%. Причем характерно, что уменьшилась численность населения крупных и средних городов, то есть теряли население те городские поселения, которые были промышленным центром, в том числе и город Кишинев;
- рост численности сельского населения республики, за счет сохранения сравнительно высокого естественного прироста и положительного миграционного прироста;
- изменение интенсивности и направления миграционной подвижности населения.

Миграция населения за данный период заслуживает особое внимание для исследования и практической деятельности в Республики Молдова. Это связано со следующими обстоятельствами:

- отрицательно сказывался на исследовании тот факт, что в 1995 годы была аннулирована старая и знакомая методология учета ми-

- рации населения сложившаяся в СССР и отсутствие альтернативной методологии учета. Поэтому практически в настоящее время учет и обработка данных о миграции населения отсутствует. Одновременно кроме статистического управления республики действует (бездействует) два департамента по миграции населения (при Министерстве Внутренних дел и при Парламенте Молдовы);
- если до 1990 г. единственное направление миграции населения было с республиками СССР, в настоящее время значительно увеличилось миграция в западные страны;
 - наиболее отрицательным и новым для Молдовы является теневая миграция населения. Территория Республики Молдовы стала своеобразным трамплином миграции из стран востока в западные страны. Отсутствие учета миграции затрудняет оценивать интенсивность миграции населения. В соответствии с изменениями статистических данных число мигрантов и соответственная интенсивность миграции населения уменьшилась. В действительности число мигрантов значительно увеличивалось. По различным оценкам за рубежом в странах востока и запада работают от 500 тыс. до 1 миллиона человек, т.е. каждый четвертый или пятый человек страны;
 - мигрирует из республики, наиболее высоко квалифицированные кадры. Школы остались без учителей, больницы и поликлиники без врачей и медработников. Причем все устроились на работу в странах запада и востока на строительные работы, не требующие квалификацию;
 - наиболее отрицательное явление миграции, характерное для Молдовы, является миграция молодых женщин и девушек в страны запада в целях проституции.

Отрицательно сказывается на демографическую ситуацию страны рост смертности населения, снижение рождаемости, старение населения и снижение продолжительности жизни населения.

Параметры динамики основных демографических явлений за данный период следующие:

- коэффициент рождаемости уменьшился с 17,7‰ в 1990 г. до 12‰ в 2001 г., т.е. уменьшился на 34%. Это является самым высоким темпом снижения рождаемости за последние 40 лет;
- коэффициент смертности увеличился с 9,7‰ до 12,2‰. В результате снижения рождаемости и роста смертности населения, естественный прирост стал отрицательным. Это также является новым явлением в демографическом развитии территории;
- в возрастной структуре населения 1990 г. характерен период порога старения (12%). В настоящее время в структуре населения возрастная группа старше 60 лет составляет более 13%, а численность

населения пенсионного возраста составляет более 750 тыс. человек или около 18% общей численности населения страны;

– для Республики Молдова, как и для других бывших союзных республик характерно снижение средней продолжительности жизни населения. Явление также впервые обнаруженное за послевоенные годы. Причем следует иметь в виду, что повышение пенсионного возраста населения Молдовы до 59 (для женщин) и 64 (для мужчин) происходило на фоне снижения средней продолжительности жизни. Особенно отрицательно может сказываться на мужскую часть населения, для которой средняя продолжительность жизни не превышает 63 года, и мужской части сельского населения, у которых этот показатель является ниже 61 года.

Сложное экономическое и политическое положение в Республике Молдова привело к тому, что отсутствует активная демографическая политика, а также полностью отсутствует финансирование научных исследований в области демографии.

Мустафиева А.Т., Уральск, Казахстан

ВЛИЯНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Население является основным богатством любого государства. Состояние и развитие общества определяется в значительной степени количеством и составом его населения, трудовыми и творческими возможностями. Сведения о численности населения, его социальном, профессиональном, половозрастном и семейном составе, образовательном уровне, занятости и другие данные необходимы для проведения объективной социально-экономической, политической, культурной, национальной, демографической политики государства. Демографическое развитие непосредственно влияет на рост экономики, обеспечение обороноспособности страны и государственную безопасность.

Структурные изменения в экономике Республики Казахстан оказали негативное влияние на занятость и демографическую ситуацию, наиболее болезненными они были для жителей сельской местности.

Основным источником дохода для сельчан является труд на земле, поэтому решение земельного вопроса в настоящее время для Республики Казахстан приобретает все большую актуальность. Введение частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения, составляющей по Западно-Казахстанской области 4516,0 тыс. га, на наш взгляд является одним из способов улучшения благосостояния населения сельской местности и улучшения демографической ситуации села. Ухудшение экономической обстановки в сельских районах, связанное со структурной перестройкой экономики, распро-

странение безработицы и бедности вызвали масштабную миграцию сельского населения в города. Стихийная внутренняя миграция, особенно молодежи, обостряет социальную напряженность в городах, способствует росту молодежной безработицы, детской заболеваемости, ухудшению криминогенной обстановки. Мигранты «село-город» зачастую пополняют маргинальный слой населения. Поскольку мигранты чаще всего не обладают требуемой городу квалификацией, они не могут быстро найти работу, а соответственно поднять свой уровень жизни. Введение частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения позволит, возможно, снизить миграцию из села в город, так как причиной миграции из села является в основном безработица. В этих условиях основной причиной снижения рождаемости в сельской местности является неуверенность в завтрашнем дне, тяжелое материальное положение семьи, плохие жилищные условия, состояние здоровья и т.д. Другим фактором, является социально-психологическая депрессия, тревога и страх от бессилия и неумения адаптироваться в новом мире, низкая ценность человеческой жизни и т.д. Один из способов решения проблемы, помочь сельчанам создать крепкое хозяйство, приобрести уверенность в завтрашнем дне. Село находится в глубоком социально-экономическом кризисе. Преодоление сложившейся критической ситуации возможно только при коренном изменении проводимой по отношению к нему политики. Мировая практика подтверждает, что одним из способов выхода сельского хозяйства из кризиса, является решение вопроса о земле.

В последние годы (как, впрочем, и в городе) значительно расширился социальный состав малообеспеченного населения села. Основная причина широкого распространения бедности на селе — низкая оплата сельскохозяйственного труда. Сельское здравоохранение, финансируемое по остаточному принципу, не может обеспечить даже минимально необходимый уровень обслуживания населения. При этом многие лекарства совершенно недоступны сельчанам из-за своей дороговизны. Ни одна из программ аграрного реформирования в Казахстане не брала за основу главное — образ жизни крестьянина, его уклад, душу, жизненные интересы. Сегодня, как никогда, важно чтобы совместными усилиями власти, науки и практики была разработана стратегия аграрного развития страны, в которой центральное место должен занять крестьянин с его социальными и производственными способностями. У крестьянина же должна появиться вера в то, что он действительно нужен обществу. Собственность на землю придаст ему уверенность, так как, не будучи собственником земли, сельский производитель становится подневольным работником, а не уверенным в своем будущем хозяином. Личный материальный интерес связан с удовлетворением своих личных потребностей, включая,

потребности своей семьи и возникает на базе частной собственности. Крестьянин должен иметь возможность реализовать все три права собственника: пользование, владение, распоряжение. Это способствовало бы появлению определенной психологической уверенности крестьянства в стабильности своего положения как настоящего собственника земли.

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о том, что возрождение страны возможно лишь на путях становления и развития аграрного сектора, поскольку в нем переплетаются экономические, социальные, политические и культурно-исторические аспекты. Земледелие, сельский образ жизни, традиционные ценности, носителями которых является крестьянство - это, то, что связывает современные цивилизации с их историческими национальными корнями.

Из кризисного состояния аграрный сектор может выйти на основе упорядоченного, гибкого и целенаправленного регулирования государством экономических и социальных процессов в интересах большинства населения. Научно обоснованная политика возрождения аграрного сектора экономики, эволюционный путь его преобразований, которому соответствует психология крестьян, их уклад жизни — единственный правильный выбор.

При разработке вопросов о формах земельных отношений и рыночном обороте земли необходимо учитывать региональные особенности, касающиеся всех сторон жизни населения: экономических, социальных, политико-исторических, национально-этнических и мировой опыт. Важно принимать во внимание современное состояние земельных ресурсов, уровень развития, и жизнеспособность сельскохозяйственных предприятий, ситуацию с трудовыми ресурсами, социально-экономические условия жизни на селе. При проведении земельной реформы необходимо провести работу по повышению правовой грамотности крестьянства, укреплению чувства собственника, обеспечение устойчивого продовольственного снабжения в условиях экономического кризиса в стране. Крестьянин это не однородная масса без четкого разграничения социально-профессиональной структуры, экономических интересов и ценностных ориентации отдельных групп, в том числе в отношении земельной собственности, а подлинный хозяин земли «устойчивый» к любым изменениям в общей экономической ситуации, который не откажется от земли и всегда найдет способ ее разумного использования.

В любой отрасли экономики и человеческой деятельности труд становится производительным, творческим, доставляющим личное удовлетворение, если к нему есть генетически обусловленное или воспитанное окружающими призвание, способности, профессиональное умение и т.д. Если исходить из естественного, антропологическо-

го подхода к природе человека, то становится ясно, что наличие этих групп является прямым следствием степени призвания конкретных индивидуумов к крестьянскому труду, их умственных и физических способностей, специальных знаний, врожденных или приобретенных личностных качеств и устремлений. Проще говоря, среди физически пригодных к крестьянскому труду есть люди инициативные, деятельные, умелые и целеустремленные труженики земли, но есть и неумелые, нерадивые, а то и просто лодыри, бездельники. Маргиналы живут одним днем, постоянно ожидая либо помощи, либо каких-то общественных смут вроде большевистского переворота, позволяющих присвоить или силой отнять чужое, принадлежащее настоящему труженику. В связи с этим необходима особая социально-экономическая политика, приемлемые для нее формы хозяйствования, меры строго нормированной целевой поддержки и т.д. Поэтому требуется специальный анализ социальной структуры крестьянского населения — в момент современных аграрных исследований, которому сейчас не уделяется должного внимания.

Причина негативных тенденций во многом связана с тем, что при проведении аграрной реформы в Казахстане не создано экономических, правовых и социальных условий для обеспечения данного приоритета. Отсутствует четкая научная концепция реформы, нет отработанного и регулируемого государством экономического механизма ее реализации. В качестве основополагающих элементов и принципов такой концепции должны быть достаточно длительный переходный период, эволюционные изменения в аграрных отношениях по мере созревания социальной сферы, создание прочного законодательного фундамента.

Ограниченность сфер занятости на селе, низкая территориальная и социально-профессиональная мобильность сельского населения, слабая социальная защита безработных и многие другие проблемы стоят перед селом. Сложившаяся ситуация в социально-трудовой сфере в сельской местности остается сложной. В ближайшие годы в финансировании объектов социальной сферы со стороны государства и местных органов нельзя ожидать крупных и существенных сдвигов. Между тем социальная политика государства должна быть направлена на улучшение тех социальных параметров села, которые оказывают непосредственное воздействие на рост производительности труда и улучшение демографических характеристик населения: медицинское обслуживание, инфраструктура народного образования, детское дошкольное и внешкольное воспитание. Преодолеть сложившуюся критическую ситуацию возможно только при коренном изменении проводимой по отношению к ней политики. Стратегия развития села должна предусматривать подход к нему как к со-

циально территориальной подсистеме общества, выполняющей широкий спектр народнохозяйственных функций (демографическую, трудоресурсную, культурную, природоохранную и др.). Это означает, что в сельской местности нужно создать достойные условия жизни. Приоритетное значение имеет решение проблем бедности, здоровья и образования на основе межведомственного программного подхода. Здесь, безусловно, требуются меры государственной поддержки. Следует учитывать и то обстоятельство, что социально-политическая стабильность в стране в значительной степени обеспечивается сельским населением: если будет процветающее или хотя бы развивающееся село, то будет и социальная и политическая устойчивость общества в целом. Если население страны не будет обеспечено необходимым продовольствием по доступным ценам, то избежать дальнейшего роста социальной напряженности в обществе и кризис агропромышленного производства из экономической проблемы будет все больше превращаться в политическую.

Повышение уровня жизни населения является целью развития любого прогрессивного общества, государство должно создавать предпосылки и благоприятные условия для долгой, безопасной и здоровой жизни людей, обеспечивая экономический рост и социальную стабильность.

Литература

1. Буздалов И. Частная собственность на землю — основа эффективного сельского хозяйства // Вопросы экономики, 2002. № 1.
2. Григорчук В. Раимбекова А. Структурные преобразования земельного фонда Республики Казахстан в процессе адаптации к рыночным отношениям // Транзитная экономика, 2001. № 5–6.
3. Дебордеев А. Тенденции развития земельных отношений // Транзитная экономика, 1999. № 2.
4. Дюйсенбеков З. Земля и рынок. Проблемы и суждения // Транзитная экономика, 1999. № 5–6.
5. Емельянов А. Регулируемый рыночный оборот земли и частная собственность на землю // Вопросы экономики, 2001. № 8.
6. Коробейников М. Реформирование земельных отношений в России // Вопросы экономики, 2001. № 3.

Полтаев Д.В., Москва

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ МИГРАНТОВ В СНГ: ВОЗМОЖНОСТИ, РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Распад СССР и образование независимых государств изменили геополитический и геоэкономический расклад на постсоветском пространстве, породили новые миграционные потоки. Десятки, сотни тысяч людей, вынужденно и по собственному желанию включи-

лись в миграционное движение. Потоки беженцев, трудовых мигрантов циркулируют внутри СНГ и выезжают за его пределы. Бывшие граждане единого государства, перемещаясь между некогда братскими республиками, в отсутствие отработанных механизмов, регулирующих миграционные перемещения, каждодневно сталкиваются с произволом и мздоимством чиновников, мигрантофобией местного населения, вскормленного отсутствием скоординированной миграционной политики между новыми независимыми государствами, задыхающимися в тисках экономических и социальных проблем. В этих условиях информационный ресурс становится для мигрантов не менее важным, чем материальный. Реальная информация, передающаяся из уст в уста, резко отличается от официальной, зачастую подающейся в крайне конъюнктурном контексте. Среди негосударственных источников информации, возникающих в обстоятельствах такого информационного голода, можно отметить очень демократичный, но, к сожалению, пока малодоступный для мигрантов источник — Интернет. Сайты, дающие правдивую информацию, и организованные как по частной инициативе (www.emigrant.ru), так и по инициативе общественных (Форум переселенческих организаций — www.migrant.ru) и научных организаций (www.demoscope.ru), пока могут оказать слабую помощь большей части мигрантов, имеющих ограниченный доступ к Всемирной сети — в силу материальных и образовательных причин. Бесплатные юридические консультации, оказываемые международными и общественно-политическими организациями в немногочисленных центрах, также, дают незначительный эффект, хотя на общем фоне острого недостатка информации, их деятельность трудно недооценить. Проекты, посвященные проблемам миграции (такие как проекты Фонда Карнеги, Международной организации по миграции), посвящены исследовательским, а не образовательным целям. Таким образом, мигранты остаются в реальной жизни один на один с государственной, подчас бездушно калечащей и перемалывающей их судьбы машиной. Одним из выходов, в этих условиях, видится крупномасштабное издание брошюр, ориентированных как на всех мигрантов в целом, так и на их отдельные категории. В этих справочно-информационных изданиях должно быть освещено миграционное законодательство (международное и отдельных государств) с комментариями юристов, даваться полезная справочная информация о медицинских услугах доступных для мигрантов, возможностях трудоустройства, обучения, инфраструктуре различных регионов государств СНГ. Подобные инициативы уже осуществляются, например, тем же Форумом переселенческих организаций, но тиражи таких изданий мизерны по сравнению с реальной потребностью, недостаточен спектр информации, представленной в них.

Такие материалы могут составить одну из основ для организации специальных адаптационных школ для мигрантов (как в странах их исхода, так и в странах приема), в которых они смогут прослушать, по своему выбору, различные курсы, ориентированные на различные категории мигрантов. Конечно, желательно, чтобы такие школы были бесплатны, но в реальных условиях это маловероятно, а потребность в достоверной информации настолько сильна, что возможным представляется платная основа их деятельности, с привлечением для их организации и функционирования спонсоров в лице международных, частных, общественных организаций и государственных структур. Важным представляется не только подготовка квалифицированных специалистов в области демографии, и, в частности, тех кто будет работать в сфере миграции, но и организация распространения знаний о возможностях и условиях миграции среди самих мигрантов, остро нуждающихся в такой информации и каждодневно испытывающих на себе тяготы несовершенства государственной миграционной политики.

Прибыткова И.М., Киев, Украина

РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНЕ

1. Демографическая ситуация в Украине (по предварительным итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г.)

В конце мая Государственный Комитет Статистики Украины обнародовал предварительные итоги Всеукраинской переписи населения, состоявшейся в декабре минувшего года. Число жителей в Украине оказалось ниже ожидаемого. В сравнении с размерами населения страны в начале 2001 г. его численность уменьшилась на 876 тыс. человек. А предварительные данные Переписи, опубликованные накануне Нового Года, были скорректированы в сторону уменьшения на 444 тыс. переписанных граждан.

Не будем делать скоропалительных выводов. Ничего неожиданного не случилось. Через этап корректировки и ремонта данных проходит каждая перепись. Это обычная практика, так сказать, рабочий момент. Кроме того, вся информация о размерах численности населения, которую нам ежегодно сообщают в межпереписной период, основана на пересчете цифр последней переписи с использованием данных текущего учета естественного и миграционного движения населения в стране. Эти расчеты, как и всякие другие, сопровождаются систематическими и случайными ошибками. К тому же заметим, что в текущий учет миграционного движения попадают лишь индивиды, прошедшие процедуру регистрации. Все прочие в расчет

не принимаются, ускользая из гостеприимных объятий органов правопорядка, а равно и статистического ведомства. И хотя рагсы исправно фиксируют все демографические события - рождения младенцев и уход наших сограждан в мир иной, тем не менее обеспечить всесторонний адекватный мониторинг демографической динамики они не могут, поскольку точность учета миграционных потерь и миграционных приобретений весьма относительна.

Итак, нас уже не 52 миллиона (да и были ли они на самом деле?). Две трети жителей Украины обитают в городах, в сельской местности проживает каждый третий. Самая населенная область - Донецкая: здесь живут без малого 5 млн. человек (4843 тыс.). Ей уступает по числу жителей даже Киевская область вместе со столицей (4435 тыс.). К наиболее многочисленным принадлежат также Днепропетровская (3560 тыс.), Харьковская (2910 тыс.), Львовская (2626 тыс.), Луганская (2546 тыс.), Одесская (2468 тыс.) области и Автономная Республика Крым (2031 тыс.). Все прочие регионы Украины по числу жителей до двухмиллионного рубежа не дотягивают. Наибольший вклад в формирование высокого демографического потенциала в названных выше областях вносят прежде всего их центры. Кроме того, в Донбассе и на Днепропетровщине исторически сложился специфический тип городского расселения с высокой плотностью небольших шахтерских городов и поселков, что и обусловило предельный уровень урбанизации этих регионов в масштабе страны. Доля сельского населения здесь минимальна и колеблется в пределах 10–17%.

Зато в западных областях Украины, а равно на Волыни доминирует сельский тип расселения с большим числом крупных сел и значительной концентрацией в них сельских жителей. Бесспорным лидером является Закарпатье: доля сельского населения достигает здесь 63%. Немного отстает от него Буковина и Галичина: удельный вес сельских жителей в Черновицкой, Ивано-Франковской и Тернопольской областях составляет соответственно 60%, 58% и 58%. В когорту регионов доминирующего сельского расселения входят и Волынь, и Подолье, где сельское население составляет половину всех живущих здесь либо несколько превышает ее (50–54%).

Соотношение мужчин и женщин (46% и 54% соответственно) характеризуется пропорциями, имевшими место и в 1989 году. В среднем по Украине на 1000 мужчин приходится 1154 женщины. Прекрасный пол доминирует во всех регионах, однако присутствие лучшей половины человечества наиболее заметно на северо-востоке страны и в ее центральных областях. Женская доминанта наиболее отчетливо выражена в Черниговской области, где на 1000 мужчин приходится 1198 женщин. В сопредельных Сумской и Полтавской облас-

тях это соотношение составляет соответственно 1185 и 1181. В Центральном регионе диспропорции по полу в пользу женщин выражены не менее отчетливо: в Черкасской и Винницкой областях каждой тысяче мужчин противостоят соответственно 1192 и 1184 женщины.

Заметим, что в регионах с высокой долей женщин живет, как правило, самое старое население. Продолжительность жизни слабого пола в среднем на десять лет больше и, таким образом, перевес женского населения характерен преимущественно для старших возрастных групп. Высокий удельный вес женщин в населении сигнализирует нам о демографическом неблагополучии.

Единственный регион в Украине, где демографическому равновесию не угрожает избыточное присутствие женщин, — это Закарпатье. Здесь в расчете на каждые 1000 мужчин проживают 1072 женщины.

Общее число городов в Украине на дату переписи населения составляло 454. Из них 37 имели от 100 до 500 тыс. жителей. В 9 городах проживало более полумиллиона человек, а в 5 из них — более миллиона. Население столицы достигло к моменту переписи 2,6 млн. жителей, а соотношение мужчин и женщин (1136) было здесь не самым плохим. Во всяком случае этот показатель оказалось ниже, чем в целом по Украине.

Среднегодовое население за 2001 г. по предварительным расчетам составило в Украине 48672,8 тыс. человек. Рассчитанные с помощью этого показателя общие демографические коэффициенты: рождаемости, смертности, брачности и разводимости, отражают дальнейшее ухудшение демографической ситуации в стране. Продолжает сокращаться рождаемость (общий ее коэффициент достиг в 2001 г. 7,7 промилле). И хотя показатели смертности (15,3 промилле) удерживаются на уровне предыдущего года, относительные размеры естественного прироста (-7,6 промилле) по-прежнему снижаются.

Коэффициенты разводимости не свидетельствуют об укреплении тенденции к распаду браков, хотя заключаются последние все же реже, чем в 1980-х гг. и в начале 1990-х гг. Трансформация института брака и семьи продолжается. Все чаще создаются гражданские союзы, все больше детей рождается в незарегистрированных браках.

Уточнить представления о демографической ситуации в стране помогут нам результаты опросов членов домохозяйств, принимавших участие в выборочном обследовании Государственным Комитетом Статистики Украины условий их жизни. Первый из них был проведен в октябре 2001 г. с целью получения информации о состоянии здоровья населения и уровне заболеваемости жителей страны. Были опрошены 24,8 тыс. человек. Второй опрос, проведенный в ноябре 2001 г. с целью изучения социально-демографических характеристик, охватил 12,5 тыс. домохозяйств. Для распространения

данных выборочного опроса на генеральную совокупность домохозяйств были использованы предварительные результаты Всеукраинской переписи населения (5-14 декабря 2001 г.).

Программа обследования состояния здоровья жителей страны включала блок вопросов о рождениях детей женщинами в возрасте 15 лет и старше. Анализ и обобщение полученных данных показали, что четверо из каждых пяти женщин этого возраста рожали детей на протяжении репродуктивного периода их жизни. Однако доля женщин, рожавших детей в возрасте 20-34 года, сократилась в 2001 г. в сравнении с предыдущим годом с 74% до 68%. Наиболее ощутимые потери репродуктивного потенциала украинских женщин отмечены в возрастной группе 20-24 года: удельный вес матерей, родивших детей в 2001 г., упал до 38% (в предыдущем году он составлял 45%). Тем не менее, именно они производили на свет наиболее часто первого ребенка: каждые три из пяти женщин, впервые осуществившие материнский подвиг, принадлежали в 2001 к возрастной группе 20-24 года. Самые юные мамы в возрасте 15-19 лет, также как и женщины постарше, уже достигшие 25-29 лет, рожали своего первенца гораздо реже. Только каждая шестая из их числа решилась впервые стать матерью. Женщины в возрасте 30 лет и старше отваживаются на первые роды крайне редко. Лишь 5% принадлежавших к этой возрастной группе потенциальных матерей реализовали свой репродуктивный дебют.

Около половины опрошенных в октябре 2001 г. женщин сообщили, что родили в течение репродуктивного периода их жизни двоих детей; треть из них произвела на свет одного ребенка. И лишь 17% респонденток стали многодетными матерями, родившими и воспитывающими трех и более детей. Такие матери-героини наиболее часто встречаются в сельской местности. Каждая пятая (19%) из их числа родила троих детей. Гораздо реже они решались на четвертого и пятого ребенка: четверых родили всего 5% сельских женщин репродуктивного возраста, а пятерых и более чад — лишь 4%. В отличие от них городские женщины становятся многодетными матерями много реже: троих детей родили за свою жизнь всего 9%, четверых — 2%, а пятерых и более — всего 1% горожанок.

Во всех регионах страны женщины следовали, как правило, двухдетной модели. А родивших единственного ребенка матерей наиболее часто можно встретить в Николаевской, Днепропетровской, Харьковской областях, а также в Киеве и Севастополе. Здесь доля однодетных матерей колеблется в пределах 38-50%. Многодетные мамы, родившие за свою жизнь троих и более чад, живут, как правило, на западе и севере страны, а еще в Херсонской области. В этих регионах (Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Тер-

нопольская, Черновицкая, Волынская, Ровенская, Житомирская, Хмельницкая и уже упоминавшаяся Херсонская области) удельный вес женщин репродуктивного возраста, уже родивших в разное время троих и более детей, достигает 20–31%.

По данным опроса домохозяйств, проведенного Государственным Комитетом Статистики Украины в ноябре 2001 г., их число в стране достигает 17609,2 тысячи, из коих 68,7% сосредоточены в городской местности. Соответственно 31,3% из их числа — это сельские домохозяйства. Заметим, что в отличие от семьи домохозяйства объединяют не только родственников. Домохозяйство — это один индивид либо совокупность лиц, живущих под одной крышей и ведущих общее хозяйство, оплачивая сообща и жилье, и коммунальные расходы, и продукты питания. В аналитических целях мы уравняем понятия семьи и домохозяйства. При этом мы исходим из двух соображений. Согласитесь, в наше смутное время лишь немногие рискнут поселить у себя неродственников. Тут и от родственников можно ожидать сюрпризы. Того и гляди, без жилья останешься. К тому же численность объединенных в домохозяйстве лиц по определению больше, нежели число членов семьи. Мы полагаем, что ошибка при распространении выводов анализа данных опроса домохозяйств на совокупность семей в Украине окажется вполне допустимой. При этом мы должны помнить, что параметры (количественные характеристики) домохозяйств будут описываться цифрами более высокого порядка. Проиллюстрируем это следующим примером: средний размер домохозяйства в Украине составляет 2,71 человека. Мы принимаем допущение: средний размер украинской семьи либо равен 2,71 человек либо ненамного меньше.

Итак, в больших городах средний размер домохозяйства достигает 2,62 человека, в малом городе — 2,65, а в сельской местности — 2,89. Напомним читателю, что на момент Переписи населения 1989 г. средний размер украинской семьи составлял 3,2 человека в городе и в целом по стране и 3,3 в сельской местности. Таким образом, мы вынуждены констатировать существенное уменьшение среднего числа членов семьи в нашей стране за последние 12 лет. Особенно заметно сократились размеры городских семей и, прежде всего, живущих в больших городах. Мы также отметим региональные различия в размерах украинских семей. Самые большие семьи (3,3–3,0 человек) живут на западе страны (Галичина, Буковина, Закарпатье, Волынь), самые маленькие (2,4–2,6 человек) — на северо-востоке Украины, в Донбассе, Центральной Украине. На западе страны нечасто встретишь домохозяйство, которое ведет один человек (12,8–16,6%), зато в Кировоградской, Днепропетровской, Одесской, Черниговской, Киевской, Харьковской и Черкасской областях

одиноким намного больше: там каждое четвертое домохозяйство такое, единоличное (23,0–27,8%).

Доля семей, имеющих детей в возрасте до 18 лет, составляет в Украине 41,3%. В городе таких семей больше (42,5%), в сельской местности — соответственно меньше (38,7%). В семьях, имеющих детей, каждая вторая воспитывает отпрысков в возрасте 7–13 лет, почти каждая четвертая — соответственно в возрасте 3–6 лет либо 14–15 лет, каждая пятая — в возрасте 16–17 лет и только каждая седьмая — в возрасте до 3 лет. Семьи, имеющие в своем составе несовершеннолетних детей, наиболее часто встречаются на западе страны. Результаты анализа свидетельствуют, что однодетная семья получает в Украине все большее распространение. Почти две трети украинских семей (62,4%) имеют сегодня всего одного ребенка, тогда как лишь в каждой третьей семье родители отважились на второго. Семьи с тремя и более детьми — большая редкость, их удельный вес не превышает 6,3%.

В городах более двух третей семей с детьми воспитывают лишь одного ребенка, в то же самое время в сельской местности однодетные семьи составляют половину. Зато в селе гораздо чаще встретишь семью с двумя детьми (40,2% против 27,5% в городе), тремя (9,4% против 2,6%), четырьмя (2,6% против 0,5%), пятью и более (1,6% против 0,2%). Семьи с тремя и более детьми наиболее типичны для западных областей. Так, в Волынской области каждая пятая семья — многодетная, в Черновицкой, Тернопольской, Закарпатской — каждая седьмая, в Ровенской — каждая восьмая.

Каждая десятая украинская семья является неполной. В городе таких семей больше (12%), в сельской местности — соответственно меньше (6,9%). В большинстве неполных семей (88,5%) детей воспитывает мать. Как правило, это маленькие дети. В каждой четвертой неполной семье растут дети в возрасте до 6 лет, а в каждой второй — в возрасте 7–13 лет. В Ровенской, Кировоградской и Житомирской областях более половины неполных семей, материальный базис которых держится на плечах лишь одного взрослого, воспитывают двух и более детей.

Каждые три из пяти украинских семей состоят только из взрослых. Детей в них нет. Более трети бездетных семей состоят из одного человека, три четверти из их числа — лица нетрудоспособного возраста. В сельской местности их доля заметно выше, чем в городе (85,8% против 71,5%).

Более чем в каждой третьей семье без детей, объединяющей в своем составе двух и более взрослых, все ее члены находятся в трудоспособном возрасте (37,7%), а в каждой пятой (22,0%) присутствует хотя бы один нетрудоспособный по возрасту человек. В то же

время в каждой третьей такой семье (33,0%) все ее члены являются пенсионерами). Доля одиночек в общем числе бездетных семей наиболее высока в Одесской, Днепропетровской, Кировоградской, Киевской, Винницкой и Харьковской областях (38,2–44,5%). Удельный же вес бездетных одиночек в пенсионном возрасте характеризуется наиболее высокими показателями в Черниговской, Волынской, Тернопольской, Житомирской, Хмельницкой, Киевской и Одесской областях (80,6–85,2%).

Каждые три из пяти семей имеют в своем составе работающих членов: таковых насчитывается в городе две трети, в селе же - половина. В половине таких семей трудится лишь один человек, в 40,2% - двое, в каждой десятой (9,2%) — трое и более членов семьи. Коэффициент экономической нагрузки на одного работающего члена семьи (домохозяйства)¹ составляет в среднем в Украине 2,78. В больших городах этот показатель ниже (2,31), в малых городских населенных пунктах — побольше (2,81). Наиболее значительной величины коэффициент экономической нагрузки на одного работающего члена семьи достигает в сельской местности (3,58). Максимальные размеры этого показателя отмечаются в Закарпатской (3,66), Тернопольской (3,49), Волынской (3,22), Кировоградской (3,19), Житомирской (3,11), Луганской (3,09), Львовской (3,08), Хмельницкой (3,05), Николаевской (3,03), Черниговской (3,02), Ровенской (3,01) и Одесской (3,0) областях.

И это пока вся информация, которую мы можем предложить вниманию наших читателей. Подробные данные Всеукраинской Переписи населения 2001 года в целом по Украине и по каждой административно-территориальной единице относительно пола, возраста, этнической принадлежности, языка, уровня образования, семейного состояния, размера домохозяйств, их жилищных условий, а также другая информация, соответствующая программе разработки материалов Переписи, будут получены в декабре 2002 г.

2. Опыт демографического образования в Киевском Национальном Университете им. Т. Шевченко и Национальном Университете «Киево-Могилянская Академия».

Презентация учебника «Основы демографии» и одноименной программы магистерского курса.

Литература

1. Про попередні підсумки Всеукраїнського перепису населення 2001 р. Експрес-інформація Державного Комітету Статистики України від 29 травня 2002 р.

¹ Коэффициент экономической нагрузки на работающего члена семьи/домохозяйства представляет соотношение общей численности его членов к числу работающих.

2. Стан здоров'я населення України. Експрес-довідь Державного Комітету статистики від 27 лютого 2002 р.
3. Соціально-демографічні характеристики домогосподарств України. Експрес-до-повідь Державного Комітету статистики України від 10 червня 2002 р.
4. Прибиткова І.М. Основи демографії. Навчальний посібник для студентів гуманітарних та суспільних факультетів вищих навчальних закладів. Київ, АртЕк, 1995.
5. Прибыткова И.М. Программа основного магистерского курса «Основы демографии» // Социология: теория, методы, маркетинг. Киев, Институт социологии НАН Украины, 2002 г. № 2. С. 78–92.

Садовий Е.М., Киев, Украина

О ПОЛЕЗНОСТИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА ДЕМОГРАФИИ

Так уж сложилось исторически, что курс демографии преподается в основном на экономических и социологических факультетах вузов. В нашем случае речь пойдет о тенденциях и изменениях в преподавании предмета «Основы демографии» для студентов направлений «Экономическая теория» и «Финансы» экономического факультета Национального университета «Киево-Могилянская Академия» на протяжении 1998–2002 гг. Объем составляет 81 час. Дисциплина выборочная поэтому слушателями являются студенты 3–4 курсов экономического факультета, а также некоторые студенты других факультетов. За эти четыре учебных года курс засчитан мною 234 учащимся из которых 51,3% мужчины и 48,7% женщины.

Каждый год содержание курса пересматривается автором, исходя из нескольких соображений. Во-первых, нам удалось провести опрос выпускников которые завершили учебу. Все опрошенные студенты потока 1998 года. Из тех, которые работают или еще учатся в Киеве удалось найти 21 человека плюс с двумя удалось связаться по электронной почте. О результатах чуть ниже. Во-вторых, к сведению брались учебные планы и содержание учебников как отечественных, так и зарубежных (американских и российских) авторов, а они далеко не совсем идентичны. В-третьих, к пересмотру содержания лекций подталкивают научные доклады и статистические отчеты UN Population Division и Population Reference Bureau. В-четвертых, за эти четыре года появились некоторые законодательные акты в сфере демографической политики. И главное — экспресс-опросы после окончания курса.

Относительно опроса выпускников, которое, конечно же, нельзя назвать полностью репрезентативным (~30% генеральной совокупности — слушателей 1998 года), но все же по своей природе будем считать уникальным. Всем был задан один вопрос: «Постарайтесь

вспомнить, встречались ли Вы еще раз с демографией после прослушивания курса в 1998 году?». Из 23 опрошенных 4 соприкасались с демографией после окончания бакалавриата — трое на практике и один дипломник магистерской программы. Еще четыре респондента косвенно занимались демографией при написании курсовых, дипломной и прослушивании других предметов (напр., «Международная экономика», «Маркетинг» и др.). Детальный опрос этих 8 человек помог больше разобраться где может пригодиться знание основ демографии.

Как уже отмечалось, курс разработан на основе отечественных и зарубежных учебников. Поскольку содержание в них разное, то приходится искать «золотую» и полезную середину. Так в российских учебниках зачастую отсутствуют такие темы как «Миграционное движение» или «Урбанизация». Исходя из многообразия тем, было решено остановиться на главных, учитывая специфику специальности студентов. Введено специальное занятие по графическому построению поло-возрастной пирамиды с помощью Windows. Учитывая, что от 40 до 50 процентов студентов приезжие, они занимаются построением пирамиды своего города или области с детальным описанием причин и возможных социально-экономических последствий демографической ситуации региона откуда они родом.

В связи с рядом опубликованных докладов и вышедших в свет работ UN Population Division и Population Reference Bureau введены такие темы как «Старение населения и его влияние на пенсионную реформу», «Replacement Migration», «Демографикс». Отдельное внимание уделяется причинам чрезвычайно низкой рождаемости в развитых странах мира и Украине. Каждая тема рассматривается в контексте ситуации по каждому из вопросов в Украине. Особенно важным выдается сравнение демографических показателей в Украине, соседних странах и наиболее / наименее развитых странах мира. Это помогает понять как общие так и специфические особенности тенденций развития народонаселения наших стран. Интересным здесь также представляется развенчивание бытовых стереотипов, которые широко распространены среди студентов. Отдельные студенты готовят также работу «Демографический портрет студентов НаУКМА», делая дифференциацию по полу, возрасту, факультетах и регионах откуда прибыли учащиеся.

Начиная с 1999 г., для улучшения эффективности преподавания на последнем занятии или предэкзаменационной консультации проводится анонимный опрос методом анкетирования касательно пяти вопросов. Мы же представим здесь ответы по двум из них.

Цель первого вопроса — самоконтроль. Студентам предлагается определить две темы, которые им запомнились или понравились

больше всего. Пять самых популярных ответов, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Ранг	1999	2000	2002
11	Демографическая ситуация в Украине (33,3%)	Миграция (42,9%)	Рождаемость (34,6%)
22	Соц.-экон. и этнический составы населения (23,8%)	Доклады студетов (38,1%)	Демографическая ситуация в Украине (25,0%)
33	Миграция	Брачность и разводимость	Демографикс
44	Брачность и разводимость	Соц.-экон. и этнич. составы населения	Доклады студетов
55	Доклады студетов	Рождаемость	Брачность и разводимость

Как видим темы повторяются и являются теми, которые больше всего волнуют студентов в возрасте 19–21 год. Отдельного внимания заслуживает позиция «Доклады студентов». Студенты самостоятельно готовят презентации по демографии, которые не включены в лекционный курс, например: «Использование демографикса в предвыборной кампании 2002», «Возрастная структура и преступность», «Экономическая выгода от старения населения» и т.д. Всплеск дискуссий вызывают вопросы абортов и распространения СПИДа в Украине и мире. Анонимные экспресс-опросы в группе относительно этих и других проблем помогают определить трудности в разрешении таких вопросов. Студентам на протяжении триместра предлагается написать творческую работу по предложениям к мероприятиям демографической политики страны. Для этого они должны научиться искать законодательные акты, статинформацию, а также по возможности сравнить подходы соседних Польши и России.

Еще один вопрос заслуживает нашего внимания:

Насколько нужным Вы считаете курс «Основ демографии» для Вас как будущего экономиста?

	2000 г.	2002 г.
Очень нужным	26,1%	10,0%
Скорее нужным, чем ненужным	65,2%	62,0%
Не могу ответить	14,3%	20,0%
Скорее ненужным, чем нужным	0,0%	8,0%
Совсем ненужным	0,0%	0,0%

Результаты говорят о том, что более 70% опрошенных считают предмет «нужным» или «скорее нужным». Мы склонны расценивать такой высокий процент позитивным поскольку отношение к этому

вопросу зависит еще и от количества баллов, которые студент успел набрать до экзамена. (Напомним опрос проводится до экзамена).

В заключении нужно акцентировать внимание на том, что опросы студентов в конце триместра способствуют более качественному и эффективному подходу к разработке курса «Основ демографии». Важным является также возможность увязать содержание предмета с учебными планами других предметов, чтоб затрагиваемые вопросы в различных курсах взаимодополняли друг друга для целостного понимания тех социально-экономических и демографических связей, которые существуют сегодня в мире. В частности, в этом нам помогает обратная связь со студентами (feedback).

Сахвадзе А.Ш., Тбилиси. Грузия

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГРУЗИИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Демографическое образование с точки зрения эффективности демографической политики как одно из наиболее перспективных направлений по своему содержанию обширное понятие и в нем подразумеваем не только подготовку профессиональных демографов, но и информирование участвующих в демографических процессах лиц (или фактически всего населения страны) относительно демографического положения в стране (и в целом в мире), обусловивших его причин, ожидаемых последствий и мер способствующих улучшению создавшегося положения.

Как свидетельствует исторический опыт, в стране необходимость демографического образования возникает в том случае, когда правительство или передовая часть общества осознает остроту демографических проблем и важность их решения. Это происходит тогда, когда демографические процессы отличаются резкой динамичностью. Согласно историко-демографическим данным надо предположить, что с древнейших времен, когда демографические процессы в целом протекали очень вяло (без особых потрясений), о чем явствуют весьма незначительные темпы роста населения в течение довольно продолжительного периода, происходящие в численности населения изменения были обусловлены в основном быстрым изменением уровня смертности (вследствие войн или голода по причине неурожая). В этом аспекте следует предположить, что в Грузии как в стране, имеющей удобное географическое положение и располагающей умеренным климатом, где преимущественно из-за этих факторов войны были почти непрерывными, динамическое развитие демографических процессов с самого начала должно было привлечь к себе внимание. Тем более, что она являлась страной с древнейшей государственностью и для ее функционирования необходимо было

познание демографических явлений и проведение соответствующей политики.

О том, что в Грузии с древнейших времен уделялось внимание демографическому развитию страны, свидетельствует сохранившееся в устной словесности мнение об общественно-необходимом числе детей: один ребенок не ребенок, двое детей вроде дети, трое детей уже дети, четверо детей — действительно дети. Это и другие подобные фольклорные или художественные образцы демографического просветительства во множестве имеются в богатой пятнадцативековой истории грузинской литературы. Не исключено, что такое демографическое просветительство могло иметь определенные последствия, возможность прямого доказательства которых ввиду отсутствия соответствующих данных, естественно, не имеется. Однако это можно предположить на основе всей истории Грузии, где несмотря на почти перманентные войны соответственно большие жертвы, удавалось своевременно возместить демографические потери. В противном случае Грузия вероятно также исчезла бы, как и многие страны в мире.

После распространения в Грузии книгопечатания и средств массовой информации (XVII в.) — демографическое просветительство как предыдущий этап демографического образования получило более широкие масштабы. Демографическое просветительство особую целенаправленность приобрело с начала XIX века, когда после воссоединения с Россией (1801) в Грузии наступил необходимый для демографического возрождения мирный период. С этого времени в периодической прессе появляется много публицистических материалов, посвященных демографическим проблемам. При этом был налажен текущий статистический учет населения, а также проведение переписей как камеральных так и отдельных городов. На основе данных этих учетов происходил анализ результатов и их публикация. Авторы этих публикаций, естественно не были профессиональными демографами, но исходя из многостороннего и комплексного характера демографической тематики, о демографических проблемах Грузии писали лица различных профессий, в основном журналисты, писатели, общественные деятели, государственные служащие, врачи и др. Эти публикации в определенной мере способствовали демографической информированности населения и создали предпосылки для распространения профессионального демографического образования в стране. Такие профессионалы-самоучки появляются уже с начала XX века. Этому способствовало, во первых, проведение Всеобщих переписей населения (1897, 1926), создание специального государственного статистического учреждения, а также издание специальных статистических и экономических журналов, в которых регулярно публиковались статьи об основных вопросах демографии и статисти-

ки населения (как известно, демографическая мысль в то время развивалась в рамках статистики населения).

В середине 30-х годов XX века уже появляется монографическое исследование демографической тематики, посвященное вопросу рождаемости и детской смертности (Джиджадзе А., Рождаемость и детская смертность в капиталистических странах и у нас. Тифлис, 1935, 89 с., на груз. яз.). В этом же периоде в Тбилисском гос. университете начинают преподавать предмет «Статистика населения» а в медицинском институте ведется курс по социальной гигиене, который изучался по переведенному с русского на грузинский язык учебнику (Баткис Г.А., Социальная гигиена, санитарное положение населения и санитарная статистика. Учебник для студентов и врачей. Тбилиси, 1939, 271 с. — на груз. яз.).

Началом же профессионального демографического образования все же следует считать тот период, когда в учебных планах вузов появляется учебная дисциплина «Демография» (или демографическая статистика по тогдашней советской традиции) и издается учебник. В Грузии оригинальный учебник «Демографическая статистика» (Гамкрелидзе Г. Демографическая статистика, Тбилиси, 1955, 231 с. — на груз. яз.) был опубликован в 1955 году. Курс демографической статистики изучали в основном студенты экономического профиля (статистики, политэкономы, экономисты труда и т.д.). Вместе с тем надо отметить, что как в бывшем СССР, так и в Грузии не готовили кадров по специальности демография.

Со второй половины 60-х гг. прошлого столетия в Грузии интенсивно развивается демографическая наука, главным образом на энтузиазме специалистов смежных областей знаний. В Институте экономики АН Грузии открывается отдел демографии и социологии, на базе которого с помощью аспирантуры в середине 1970-х гг. начинают готовить профессиональных демографов. Из-за недостатка местных профессиональных кадров грузинских аспирантов-демографов консультировали ведущие русские демографы различных научных центров Москвы, среди которых первыми были ученые из Центра по изучению проблем народонаселения МГУ им. Ломоносова под руководством проф. Д.И. Валентя. В Москве происходила и защита кандидатских диссертаций по демографии.

В 1990 г. на базе указанного отдела демографии и социологии создается Центр демографических исследований, который в 1991 г. был объединен с Центром социологических исследований и впервые среди бывших союзных республик в системе АН Грузии был сформирован Институт демографии и социологических исследований, где со дня основания функционирует аспирантура по специальности «Демография». При этом институте создан специализированный на-

учный совет по присвоению научных званий, где уже защищено более 10-ти кандидатских и докторских диссертаций по демографии.

В Грузии такое внимание к демографическим проблемам со стороны государства было обусловлено негативными демографическими тенденциями. Снижалась интенсивность рождаемости, увеличился уровень старения населения, ухудшился режим смертности и резко возросла эмиграция, что в значительной степени сократило демографический потенциал страны. Создавшаяся тяжелейшая кризисная демографическая ситуация делает еще более значительным вопрос о демографическом образовании.

Именно с этой целью на историческом факультете Тбилисского гос. университета 2000 г. была создана кафедра демографии, которая служит подготовке магистрантов по специальности «Демография». В связи с тем, что до настоящего времени не готовятся студенты по специальности «Демография», в магистратуре специализируются выпускники смежных отраслей.

Из-за отсутствия единого международного стандарта для подготовки демографов (существование которого выдать необходимо) все еще не усовершенствованы учебные планы и программы. В настоящее время в магистратуре изучаются следующие дисциплины: демография, историческая демография, демографическая статистика, население соседних государств, история переписей населения, планирование семьи, население Грузии, математические методы в демографии, социологические методы в демографии и т.д. Некоторые из перечисленных дисциплин все еще находятся на стадии формирования и поэтому по этим предметам не имеется соответствующих учебников. Хотя уже переведен, дополнен грузинским материалом и издан признанный на конкурсе института «Открытое общество», одним из лучших учебников книга В.А. Борисова «Демография» (Борисов В.А. Демография, Тбилиси, 2001, 484 с. Перевод А.Ш. Сахвадзе) по которому в основном происходит преподавание курса демографии.

Для полного представления о системе демографического образования необходимо указать, что в Грузии на грузинском языке с русским и английским резюме с 1999 г. выходит научный журнал «Демография», в котором печатаются как оригинальные так и переведенные статьи на актуальные демографические темы. Уже вышло в свет 5 номеров журнала.

В заключении надо отметить, что в Грузии уровень демографического образования не достаточен для преодоления депопуляционных процессов наблюдаемых в стране на современном этапе. Поэтому им следует уделять больше внимания как со стороны государства, так и со стороны неправительственных общественных организаций.

Хомра А.У., Киев, Украина

**ДЕПОПУЛЯЦИЯ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС
И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ**

«Самодостаточная» экономика СССР позволяла осуществлять глубокие исследования практически по всему спектру демографических проблем; полученные результаты сравнительно легко внедрялись в учебный процесс. Формирование научных школ в бывшем СССР обуславливалось наличием крупных ученых. Оно могло происходить как в центре, так и на периферии, как в научно-исследовательских институтах, так и в высших учебных заведениях. Глубокий всесторонний кризис, последовавший после распада СССР, крайне отрицательно сказался на науке и подготовке кадров, прежде всего научных кадров. Отсутствие новых собственных исследований фундаментальных демографических проблем потребовало все большего заимствования в процессе преподавания из учебной и научной литературы других стран. Этому же способствовала целевая направленность исследований по грантам международных организаций и высокоразвитых западных стран. Снижение объемов средств, выделяемых на научные исследования, привело к переориентации их на научное обоснование решения тех проблем, которые не терпят отлагательства, в основном тактического плана, прикладных по своему характеру. В демографии к таковым, на наш взгляд, относятся проблемы депопуляции и демографической безопасности.

Под депопуляцией при вводе данного понятия в научный оборот и традиционно в дальнейшем понималось уменьшение численности населения вследствие превышения численности умерших над численностью родившихся неотъемлемым условием отнесения воспроизводства населения к депопуляционному выступало отсутствие миграционного оттока за относительно длительный период или его незначительный объем. В динамике расширенное воспроизводство населения может иметь место и при превышении чисел умерших над числами родившихся, а при резком уменьшении численности населения превышение чисел родившихся над числами умерших не выступает гарантом расширенного воспроизводства населения. Возрастание роли миграции в изменениях численности населения (как прямо, так и опосредованно влиянием на рождаемость и смертность) привело к расширению понятия депопуляции — в наиболее расширенном понимании депопуляция отождествляется с уменьшением абсолютной численности населения вообще [7, с. 90]. Однако даже при самом широком понимании депопуляция не может трактоваться как кризис демографического развития: разовое или даже кратко-

временное уменьшение численности населения, превышение уровня смертности над уровнем рождаемости, падение нетто-коэффициента воспроизводства ниже единицы и т.п. может быть вызвано конъюнктурными, например, структурными факторами [5, с. 106–107]. Потребность в дополнительной характеристике к используемому в традиционном понимании термину «депопуляция», отображающей катастрофический характер воспроизводства населения уже стоит на повестке дня¹, дожидаясь разработки.

Долговременная затяжная депопуляция вообще ставит под вопрос самое «бессмертие» популяции — главную цель демографической безопасности [8, С. 60]. Вызовы безопасности, которые несет в себе углубление депопуляции, перерастают в собственно угрозы демографической безопасности². Депопуляция является реальной демографической угрозой для страны только при рассмотрении ее населения изолированно от населения других стран, от населения мира в целом: резервы миграционного притока населения со стран третьего мира пока еще (в обозримом будущем уменьшение численности населения слаборазвитых стран также будет иметь место) практически неисчерпаемы.

В Украине большинством исследователей современное состояние демографических процессов оценивается как демографический кризис [14, С. 25–27, 44]. На наш взгляд, демографическая ситуация в Украине должна оцениваться как кризисная с элементами демографической катастрофы. О перерастании демографического кризиса в демографическую катастрофу в Украине свидетельствует, в частности признание состояния здоровья катастрофическим [11].

Наиболее значимой демографической угрозой выступает депопуляция. Уменьшение численности населения приводит к непропорционально быстрому падению человеческого капитала, приданию дополнительного импульса росту внешней задолженности в расчете на душу населения. Потенциальные угрозы демографической безопасности вытекают из отдаленных отрицательных последствий сильно суженного воспроизводства населения. Определенность демографической угрозы депопуляцией предполагает ее конкретизацию в уменьшении численности населения, его старении, снижении рождаемости, высокого уровня смертности всех групп

¹ В частности, на необходимость введения дополнительного понятия, которое бы реально отображало катастрофический характер воспроизводства населения России в современный период, указывал М.Н. Руткевич [13, С. 106].

² Иногда, признавая правомерность экологической и военной безопасности, предпочитают говорить не о демографической безопасности, а о демографической напряженности [17, с. 98].

населения, прежде всего мужчин трудоспособного возраста, увеличение оттока населения.

Постановкой диагноза направленности изменений демографических процессов в исследованиях демографической безопасности нельзя; актуальной остается задача теоретического обоснования критериев демографической безопасности. Непременным условием при выборе критериев демографической безопасности возможность определения пороговых значений, невыполнение которых дает основание относить данное явление (процесс) к угрозам. Под пороговыми значениями понимаются предельные величины, несоблюдение которых препятствует нормальному (оптимальному) развитию разных составных (элементов) воспроизводства населения и приводит к формированию отрицательных разрушительных тенденций в обеспечении демографической безопасности. При выборе пороговых значений критериев демографической безопасности не могут не учитываться особенности демографического развития: одолжение унифицированных пороговых значений критериев демографической безопасности, которые доказали свою пригодность в странах Западной Европы, если и можно осуществить для условий демографического развития Украины, то лишь частично, опираясь, главным образом, на методолого-методические аспекты их определения.

За пороговые значения критериев демографической безопасности, как правило, принимаются установленные эмпирически, достигнутые в предыдущие годы, в развитых странах и даже направления изменений в динамике. Так, например, Л.П. Шахотько и Н.Н. Привалова при выборе порогового значения для такого критерия как ожидаемая продолжительность жизни, выходят из достигнутого страной (Беларусью) в предыдущие годы, для младенческой и материнской смертности (важны тем, что характеризуют внутренний эффект ожидаемого увеличения рождаемости) — из значений данного показателя в развитых странах³, для показателя потребления алкоголя на душу населения — с рассчитанного эмпирически, для заболеваемости населения психическими болезнями, туберкулезом, венерическими болезнями, СПИДом — из роста показателей [18, с. 16]. Критерии демографической безопасности делятся на общие (оценивают угрозы воспроизводства населения в целом) и частные (оценивают угрозы отдельных демографических процессов). Отдача приоритета депопуляции в структуре угроз демографической безопасности предполагает использование в качестве критерия общего коэффициента естественного уменьшения населения.

³ Такого же понимания придерживаются другие исследователи: «для нас ориентиром должны быть страны с самой низкой смертностью новорожденных [14, С. 14].»

В качестве наиболее информативной характеристики демографической катастрофы часто называется соотношение чисел умерших и родившихся⁴ [16]. Определенный потенциал несет в себе такой критерий демографической безопасности как показатель «скорости вымирания» отношение общего коэффициента смертности и общего коэффициента рождаемости [4, С. 59]. Очень легко использовать в качестве критерия демографической безопасности суммарный коэффициент рождаемости, поскольку пороговое его значение (отсутствие простого замещения поколений) четко определено. Среди частных критериев демографической безопасности важную роль отводится коэффициентам смертности и продолжительности жизни. Очень значимыми в их комплексе являются те, которые характеризуют сверхсмертность мужчин, а именно ожидаемая продолжительность жизни при рождении и показатель дожития до 60 лет⁵. К важным критериям демографической безопасности этой группы относятся показатели материнской смертности и смертности новорожденных, характеризующие внутренний эффект ожидаемого (планового) увеличения рождаемости. Критерии социально-экономической безопасности могут рассматриваться как демографические лишь тогда, когда они используются для характеристик условий воспроизводства населения. Как критерии условий воспроизводства населения могут трактоваться нормативные показатели рабочего времени, стоимость потребительской корзины (сопоставляется с величиной реально начисленной заработной платы, выплаченной заработной платы и т.п.) и др.

Познание проблем демографической безопасности выступает не чем иным как научным обеспечением национальной демографической политики. То большое внимание, которое уделяется проблемам демографического развития Украины со стороны властных структур, не переросло из формального в содержательное. Хотя признание управленческой элитой прямой взаимосвязи между условиями воспроизводства населения и характеристиками режима воспроизводства населения в Украине как важнейшей предпосылки преодоления демографического кризиса имеет место, оно еще не стало ведущим в ее практической деятельности; недооценка проявлений элементов катастрофы в воспроизводстве населения сохраняется. На уровне идеи до сих пор пребывает демографическая экспертиза проектов законов Украины. Более того, в последнее время все чаще встреча-

⁴ Данное соотношение Л.П. Шахотько и Н.Н. Приваловой называется условным коэффициентом депопуляции [18, С. 16].

⁵ Данные показатели как наиболее информативные и социально-значимые рекомендуется использовать при международных сопоставлениях уровней сверхсмертности мужчин [15, С. 88].

ются утверждения о становлении тенденции к оздоровлению демографической ситуации. В частности, указывается, что в отличие от начала 90-х годов в последнее время наметилась тенденция к оптимизации параметров смертности и рождаемости [1]. Мероприятия демографической политики не могут быть направлены на преодоления общих тенденций воспроизводства населения.

Демографическая политика страны может решить прежде всего проблемы, порожденные особенностями ее внутреннего демографического развития. Воздействие на демографическое развитие Украины извне должно быть объектом государственной политики национальной безопасности Украины в демографической сфере. Полное совпадение демографической политики и государственной политики национальной безопасности в демографической сфере имеет место в тоталитарных обществах. Выявленные проблемы демографического развития (демографические угрозы) в случае их значимости находят единственный путь решения в программах правящей партии. Многопартийность в качестве необходимой предпосылки имеет широкий круг подходов к решению демографических проблем, которые берут на вооружение партии. Установление общепринятых пороговых пределов деструктивного развития населения позволяет ограничить наличную свободу оценок демографической ситуации и найти взаимопонимание различными политическими силами путей ее санации.

На Западе, где воздействие общественности на позиции принимающих управленческие решения очень велико, вследствие опосредованности данного воздействия неправительственными организациями чести влиять на общественное мнение, на власть удостоиваются лишь избранные, да и то редко [3]. В Украине, как и в большинстве бывших постсоциалистических стран сложившееся привлечение демографов к разработке теоретических основ демографической политики и конкретных ее мероприятий сохраняется. К сожалению, осознание остроты демографических проблем властными структурами не привело к мобилизации усилий для внедрения в жизнь научно обоснованных мероприятий демографической политики. Более того, политический вакуум, в котором существовала исполнительная власть в Украине, привел, по мнению отдельных исследователей, к трансформации демографической политики в хаотическую и непоследовательную в явно бессмысленную [2].

Попытки прямого использования изменений демографических показателей для оценки деятельности органов управления, исходящие как правило от непрофессионалов, базируются на заданности данных изменений динамикой благосостояния. В частности, предлагается рассматривать в качестве главного критерия, по которому должна оцениваться деятельность властей всех уровней, среднюю

продолжительность предстоящей жизни населения, так как она официально является одним из показателей, по которому определяется уровень жизни в стране [9]. Однако попытки прямого использования изменений социально-демографических показателей, в частности значения интегральных индексов человеческого развития регионов для оценки деятельности органов управления на уровне областей, предпринимаются и профессионалами [10]. Поскольку в основных административно-территориальных образованиях реализацию мероприятий социально-экономической политики осуществляют местные органы власти, то и использование показателя интегрального индекса человеческого развития как измерителя эффективности их работы представляется само собой разумеющимся. Однако это безусловно не так. Основной целью разработки данного интегрального индекса является определение различий человеческого развития между регионами. Вопросы устойчивости (сопоставимости) значений в динамике, которые не могут не быть второстепенными, требуют дополнительной оценки возможностей (потенциала) этого показателя за другими критериями. Дискуссионным является также вопрос о целесообразности устойчивости (неизменности) весов блоков в интегральном показателе человеческого развития. В интегральном индексе человеческого развития объединяется широкий круг характеристик социально-экономических процессов, которые не всегда выступают объектом управления на уровне региональных структур власти; более того, некоторые из них регулируются только опосредованно. Отдача от мероприятий, реализуемых местными органами власти, по ускорению человеческого развития, как правило, растянута во времени.

В Украине, несмотря на наличие собственной демографической школы, до 90-х гг. прошлого века учебника демографии опубликовано не было. Восполняющие данный пробел учебные пособия И.М. Прибытковой «Основы демографии» [12] (для студентов гуманитарных и общественных факультетов) и А.В. Коржа «Курс лекций по демографии» [6] (для студентов экономических специальностей) не могли не основываться на ранее опубликованных учебниках, учебных пособиях и словарях, нести на себе «родимые пятна» недалекого прошлого. В обоих учебных пособиях основное внимание уделяется методам исследования демографических процессов. Учебное пособие И.М. Прибытковой представляет собой приспособленный для изучения свод последних научных достижений в методах и теории демографии. А.В. Коржу удалось упростить до допустимого уровня (автор его точно ощущает) без потери научности изложение основных положений демографии, сделав их более доступными для студентов. Для этих целей И.М. Прибытковой используются специ-

ально разработанные планы семинарских занятий по темам и обширные списки рекомендованной литературы. Как в данных учебных пособиях, так и в учебниках и учебных пособиях по статистике населения детальной оценке демографической ситуации в Украине места не нашлось; выделение специальной темы, посвященной характеристике демографической ситуации в Украине, негативно сказалось бы на логике изложения. Все же в «Обращении к читателю (вместо послесловия)» ведет речь о депопуляции, получившей в Украине широкое распространение, и демографическом кризисе. Думается, категория демографической безопасности в украинских учебниках демографии, займет надлежащее место уже в ближайшем будущем.

Одним из путей преодоления кризисной ситуации в преподавании демографии было бы написание нового учебника демографии, объединив усилия и опыт демографов стран Восточной Европы. Без предварительной подготовки учебных пособий по основным разделам курса демографии приступать к написанию фундаментального учебника было бы рискованно. Следует стимулировать подготовку учебников демографии основателями основных демографических школ, сложившихся в бывшем Советском Союзе.

Литература

1. Безруков В. Після полудня віку // Президентський вісник, 2000. 14–20 жовтня.
2. Биловол А. Мы провалились в демографическую яму. Народный депутат Украины считает, что предварительные итоги переписи населения подтвердили наихудшие ожидания // Комсомольская правда в Украине, 2002. 10 января.
3. Дризе Ю. Пусть мир прогнется под нас. Этим девизом руководствуется наиболее энергичная часть нашего общества // Поиск, 2002. 22 марта.
4. Ефремов К.И., Георгадзе Е.И. Вопросы оценки экономической безопасности региона // Вопросы статистики, 2002. № 2. С. 57–59.
5. Карманов М.В., Элькин А.Г. Депопуляция населения как объект статистического исследования // Актуальные вопросы современного управления и статистики. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 3. С. 104–107.
6. Корж О.В. Курс лекцій з демографії. Тернопіль: Інфотехцентр, 1998.
7. Лейзерович Е.Е., Юровский В.Ш. Депопуляция территории в Российской Федерации // Известия Российской Академии наук, 1993. № 1. С. 90–95.
8. Миграция и безопасность в России / А.И.Алексеев, Г.С.Витковская, А.Г.Вишневский и др. М.: Интердиалект, 2000.
9. Минаков Г.М. Сколько живем // Экономическая газета, 2002. № 12, март.
10. Моренцов Є. Шість соток — як страховка від бідності. Розроблено національну методику вимірювання людського розвитку // День, 2001. 1 червня.
11. Пиріг Л. Ми не всесильні, але й не безсилі // Голос України, 2001. 21 серпня.

12. Прибиткова І.М. Основи демографії. К.: АртЕК, 1995.
13. Руткевич М.Н. Депопуляция или вымирание? // Социологические исследования, 1996 № 3. С. 104–110.
14. Стешенко В., Гхош М. Демографічні та демополітичні зміни в Україні після Міжнародної конференції з проблем народонаселення і розвитку: короткий огляд // Демографічні дослідження. К.: Ін-т економіки НАН України, 2000. Вип. 22. С. 7–46.
15. Харченко В.И., Акопян В.С., Михайлова Р.Ю., Михайлов А.Ю. Уровень сверхсмертности в России в сравнении с развитыми странами // Проблемы прогнозирования, 2002. № 1. С. 78–92.
16. Хорев Б.С. НПСР: крест на будущем // Экономическая газета. 2001. № 14, апрель.
17. Черкасова С.Р. Концепции устойчивого развития в рамках процесса глобализации // Теория и модели социально-экономического развития территориальных систем. Казань: Изд-во «ДАС», 2001. С. 97–112.
18. Шахотько Л.П., Привалова Н.Н. Демографическая безопасность: сущность, задачи, система показателей и механизм реализации // Вопросы статистики, 2001. № 7. С. 16–21.

Шахотько Л. П., Минск, Беларусь

РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В БЕЛАРУСИ

1. Депопуляция

В 1990-х годах Беларусь, как и все новые государства, образовавшихся после распада Советского Союза, вступила в период острейшего кризиса. Кризисные явления в экономическом, политическом и экологическом развитии Республики Беларусь сопровождалось обострением демографической ситуации. Рост населения сменился его убылью. Впервые за весь послевоенный период смертность превысила рождаемость, и республика вступила в качественно новый длительный этап своего развития — депопуляцию. Устойчивое сокращение населения Беларуси происходит не только на отдельных ее территориях, но и в общенациональном масштабе, при этом ее интенсивность возрастает, население страны вымирает. Так, если в 1989 г. отрицательный естественный прирост был характерен для 61 района республики, то в настоящее время - уже во всех без исключения районах и даже таких крупных городах, как Минск, Барановичи, Витебск, Новополоцк, Полоцк, Орша, Гомель, Речица, Светлогорск, Слоним, Борисов, Молодечно, Слуцк, Могилев, Бобруйск. Депопуляция — это сигнал опасности, угроза дальнейшему развитию страны. Всего за счет естественной убыли население Беларуси за 1993-2001 гг. уменьшилось на 331,3 тыс. человек. Правда положительный миграционный прирост за этот период частично компенсировал потери, и, тем не менее, численность населения

уменьшилась с 10 244 тыс. на начало 1994 года, когда она была наибольшей, до 9951 тыс. на начало 2002 г. т. е. на 293 тыс. человек.

Депопуляция в стране — явление долгосрочное и, как показывают расчеты, нет оснований предполагать быстрый выход из нее по мере устранения негативного воздействия политических, социально-экономических и демографических факторов. Сложившиеся к настоящему времени структура населения и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обуславливать депопуляцию в стране, и численность населения будет уменьшаться еще длительное время.

Как известно, депопуляция довольно распространенное явление среди стран Европы. Особенностью депопуляции в Беларуси, в сравнении с другими странами мира, является, с одной стороны, низкий, даже по меркам развитых стран, уровень рождаемости, а с другой - катастрофически высокий, характерный для слабо развитых стран, уровень смертности. Это позволяет оценивать современную демографическую ситуацию как кризисную, чрезвычайно опасную, представляющую угрозу национальной безопасности страны.

2. Рождаемость.

Депопуляция — результат динамики рождаемости и смертности населения в стране. Современный катастрофически низкий уровень рождаемости почти в два раза ниже того, который необходим для обеспечения хотя бы простого воспроизводства населения. Среднее число рождений в расчете на одну женщину (так называемый суммарный коэффициент рождаемости) снизился с 1,9 в 1990 г. до 1,3 ребенка на одну женщину в 2001 г. (Для простого воспроизводства необходимо, чтобы он был равен не ниже 2,1 ребенка на женщину). В результате по этому показателю Беларусь занимает одно из последних мест в мире. Как показывают расчеты, при уровне рождения 1,5 ребенка на одну женщину (в условиях сохранения современного уровня смертности), численность населения страны сократится вдвое уже через 53 года, а при рождении одного ребенка — через 24 года (это, конечно без учета миграции).

3. Проблемы семьи

Экономический кризис в Беларуси повлек за собой резкое падение уровня жизни населения и его обнищание, в критической ситуации оказалась семья. При двух работающих супругах, получающих среднюю по народному хозяйству заработную плату, среднедушевой доход семьи с одним ребенком оказывается ниже минимального потребительского бюджета. Дети в настоящее время становятся главным фактором бедности, а соответственно отказ семьи от рождения детей или ограничение их количества являются методом социальной самозащиты.

На четверть сократился уровень брачности населения, снижается стабильность браков. Ежегодно распадается 1,5% супружеских пар,

увеличивая количество неполных семей, доля которых уже составляет 15%. Растет количество детей, рожденных вне брака. В настоящее время каждый пятый-шестой ребенок рождается вне зарегистрированного брака.

Серьезной является проблема планирования семьи. Количество аборт почти в полтора раза больше количества рождений. При этом отмечается тенденция роста последних в возрастной группе 15-19 лет. Согласно исследованию, проведенному в 20 развитых странах мира, по количеству беременностей на 1000 девушек этого возраста, Беларусь занимает третье место. Это негативно сказывается не только на воспроизводстве населения, но и на репродуктивном здоровье женщин.

4. Изменение норм детности семьи и снижение их реализации

Особенно большую угрозу для благополучного развития населения страны представляет изменение норм детности семьи. Дети в условиях падения уровня жизни населения и его обнищания становятся главным фактором бедности, а соответственно отказ семьи от рождения детей или ограничение их количества являются средством социальной самозащиты населения. В связи с этим радикально изменились и репродуктивные установки населения. В настоящее время люди ориентированы преимущественно на одно-двухдетную семью.

Тревожным является снижение потенциальной реализации планируемого молодыми замужними женщинами числа детей. То есть все большее число семей собирается рожать меньшее количество детей, чем они желали бы иметь в своей семье. Согласно социологическим опросам, сейчас только у 70% молодых семейных пар ожидаемое число детей соответствует желаемому. Отказ от рождения желаемых детей становится довольно массовым явлением. Его используют, как наиболее эффективный способ противостоять снижающемуся уровню жизни семей. Как показывает мировой опыт, повлиять на увеличение ориентации семей относительно количества детей очень трудно. Повысить же долю семей, которые смогут полностью реализовать свои планы - более выполнимая задача при условии выхода из кризиса и роста качества жизни в стране.

5. Ожидаемая продолжительность жизни

Показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении находятся на довольно низком уровне, и тенденции к ее повышению, как в последние годы в России, пока не наблюдается. Впервые отмеченное небольшое повышение продолжительности жизни в 2000 году оказалось г. и показатели смертности. Правда, следует отметить, что темпы снижения показателей ожидаемой продолжительности жизни в республике в 1990-е гг. были более плавными и значительно ниже, чем, например, в России. Поэтому традиционно

сложившееся превышение продолжительности жизни населения Беларуси по сравнению с Россией сохранилось примерно таким же, как было в начале 1990-х гг. И тем не менее серьезной демографической угрозой национальной безопасности является рост смертности населения. При этом наиболее критическая ситуация наблюдается со смертностью населения в трудоспособном возрасте, в особенности мужчин молодого возраста. В 2001 году доля трудоспособного населения среди всех умерших составляла почти четверть. Еще выше она среди мужского населения. В общем числе умерших мужчин лица в трудоспособном возрасте составляли свыше 36%. Смертность мужчин в наиболее активных возрастах многократно превышает смертность женщин. Расчеты показывают, что если бы смертность мужчин только в возрасте 20–34 года была бы такой же, как у женщин, ежегодное количество умерших мужчин в этом возрасте было бы на 4 тысячи меньше. Неблагоприятные тенденции смертности существенно изменили направление динамики показателей ожидаемой продолжительности жизни, уровень которой опустился в 90-х годах ниже уровня 1959 г. и составил в 2001 г. менее 69 лет (63 года для мужчин и 75 лет для женщин). Для сравнения скажу, что в Японии этот показатель равен 70 годам для мужчин и 83 годам для женщин.

6. Детская смертность

Начиная с 1996 года можно говорить об относительно стабильном снижении младенческой смертности. В 1995 г. на 1000 родившихся в стране умерло 13,3 детей в возрасте до 1 года, в 1996 г. — 12,5, в 1997 г. — 12,4, в 1998 г. — 11,3, в 1999 г. — 11,5 и в 2000 г. — 9,3 и 2001 г. — 9,1 детей в возрасте до 1 года. Однако следует отметить, что стабильность в снижении показателя младенческой смертности характерна в основном для городской местности (1995 г. — 12,3, 1996 г. — 12,0, 1997 г. — 10,8, 1998 г. — 10,0, 1999 г. — 9,8, 2000 г. — 8,3 и в 2001 г. — 8,0 детей в возрасте до 1 года). В сельской местности этот показатель значительно выше и его снижение не столь стабильно (1995 г. — 15,6, 1996 г. — 13,8, 1997 г. — 15,9, 1998 г. — 14,3, 1999 г. — 15,4, 2000 г. — 12,0 и в 2001 г. — 12,1 детей в возрасте до 1 года).

Несмотря на некоторое снижение в последние годы, уровень младенческой смертности в Беларуси более чем в 2 раза превышает аналогичный показатель в развитых странах. Так, в 2000 г. этот показатель в Беларуси был равен 9,31‰, в Японии — 3,4‰, в Швеции — 3,5‰, во всей Северной и Западной Европе — 5‰. Правда, в России младенческая смертность в 2000 г. была в полтора раза выше, чем в Беларуси — 15,22‰

7. Старение населения

Существенно деформирована в стране половозрастная структура населения. Каждый пятый житель республики находится в пенсион-

ном возрасте. Реальной угрозой национальной безопасности является недоучет темпов нарастания старения населения в республике и не своевременное решение проблем, связанных с этим объективным и необратимым процессом.

8. Миграция населения

Существенные изменения происходят в миграционной подвижности населения. Появились новые проблемы с которыми республика ранее не сталкивалась: устойчивый поток эмигрантов из республики в «дальнее зарубежье» и связанная с ним — «утечка умов», потоки беженцев и иммигрантов, переселенцев из зоны экологического загрязнения, связанного с катастрофой на ЧАЭС, «челночной» миграции, проблемы нелегальных мигрантов и др. Особенно тревожным является нарастание объемов нелегальной миграции. Большинство из нелегальных мигрантов, проживающих в Беларуси, рассматривают республику как транзитное государство для последующей нелегальной эмиграции в страны Западной Европы. Ужесточение западноевропейскими государствами миграционного законодательства, осуществление ими мер по переходу к политике нулевой миграции создают препятствия для эмиграции на Запад. В результате в республике оседают иностранцы, не сумевшие эмигрировать в государства Западной Европы, что оказывает негативное влияние на социально-экономическую обстановку в стране, способствует распространению опасных заболеваний, росту преступности, незаконному обороту наркотиков и оружия. Все это создает реальную угрозу национальной безопасности.

Вот, далеко не полный перечень проблем современного демографического развития страны.

9. Причины демографического неблагополучия

Однако совершенно неправомерно все негативные явления демографического развития республики в 1990-е гг. относить только на счет последствий трансформации социально-экономической системы и распада СССР. Анализ динамики развития социально-демографических процессов в Беларуси за длительный период времени, сравнения демографического развития республики с развитием других стран мира говорят о том, что сегодняшний кризис демографического развития имеет и другие причины. Уже с 1978 г. неттокоэффициент воспроизводства населения в стране (за исключением 1984–1986 гг.) был ниже единицы, т.е. почти двадцать лет режим воспроизводства населения Беларуси не обеспечивает даже простого замещения поколений. В целом за 90 годы он снизился еще почти на треть и в настоящее время можно сказать, что население республики воспроизводится только на 60%. Даже беглая оценка современной демографической ситуации показывает, что она представляет реаль-

ную угрозу безопасности развития республики. Для того, чтобы найти рациональные пути выхода из создавшегося положения, необходимо правильное понимание причин происходящих негативных явлений в демографическом развитии. В этих условиях очень важно выявить истинные причины происходящих процессов и определить пути улучшения ситуации. Для принятия адекватных управленческих решений важно иметь глубокий научный анализ происходящих процессов.

Причины падения рождаемости, роста смертности, снижения ожидаемой продолжительности жизни и других демографических процессов в республике вызывают острые споры. Многие из появляющихся в печати негативных оценок тех или иных тенденций демографических процессов не учитывают их глубинных причин, влияния долговременных закономерностей развития явлений, их связи с объективными историческими процессами, они субъективны и часто ошибочны. Нередко в средствах массовой информации делаются попытки объяснить происходящие социально-демографические процессы политическими мотивами, а отдельные демографические данные превращаются в объект спекуляции политических деятелей. Современная демографическая ситуация гораздо глубже и серьезнее, чем это кажется на первый взгляд. Она требует глубокой научной оценки специалистами.

Так, резкий спад уровня рождаемости и рост показателей смертности в 90-е годы в зависимости от конъюнктуры объясняется то последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС, то упадком экономики, то приходом к власти того или иного политического деятеля. Безусловно, социально-экономическое, экологическое и политическое состояние республики оказало влияние на этот процесс, однако в основе его лежат долговременные закономерности демографического развития республики. Даже если бы не было катастрофы на Чернобыльской АЭС и экономика республики развивалась стабильно, только за счет особенностей демографической структуры населения, сложившейся в предыдущие годы, общие показатели рождаемости в Беларуси в конце 1980-х — начале 1990-х гг. имели бы тенденцию к снижению, а показатели смертности — к росту, хотя темпы этого снижения и роста были бы меньшими.

Снижение уровня рождаемости в стране происходит вследствие комплекса следующих причин:

- снижение рождаемости, уменьшение норм детности семьи - закономерный процесс, характерный не только для Беларуси, и вызван демографическим переходом страны к новому типу воспроизводства населения;

- половозрастная структура с конца 1980-х г. стала способствовать снижению рождаемости. В этот период вступали в активный детородный возраст малочисленные когорты, родившиеся в 1960-е гг. Известно, что 70% всех родившихся приходится на женщин в возрасте 20–29 лет. К концу 90-х численность этой возрастной группы была почти на 20% ниже, чем в середине 80-х г. что, естественно, сказалось на количестве родившихся;
- социальная и экономическая нестабильность (спад экономического развития, галопирующая инфляция, дестабилизация потребительского рынка) вызвали у большого количества людей нарастание неуверенности в завтрашнем дне и отказ от очередного желаемого ребенка;
- экологические последствия катастрофы на ЧАЭС обострили беспокойство родителей о здоровье своих детей в связи с загрязнением территории страны радионуклидами и также вызвали ограничение желаемых рождений.

Низкая продолжительность предстоящей жизни населения, относительно высокая младенческая смертность является следствием следующих причин:

- низкого уровня развития экономики, ее дестабилизации;
- значительного снижения уровня жизни населения;
- деградацией социальной сферы (в частности, здравоохранения, ухудшения качества общедоступной медицинской помощи от рождения до смерти);
- не удовлетворительной экологической ситуацией в республике, и не только в связи с последствиями экологической катастрофы на Чернобыльской АЭС;
- исторически сложившегося стереотипа пренебрежительного отношения к своему здоровью и распространению факторов риска, таких как курение, злоупотребление алкоголем и др.

Такие высокие показатели смертности и низкие показатели средней продолжительности предстоящей жизни ставят Республику Беларусь в положение слаборазвитой страны, не способной эффективно контролировать социальную ситуацию в целом и эпидемическую ситуацию, в частности.

10. Пути решения проблемы.

Резкое изменение тенденций развития социально-демографических процессов в последние годы, начавшаяся депопуляция населения, вызывают опасение о будущем нашего государства. Проблемы демографического развития не столь очевидны, как, например, экономические, однако их роль не менее значима для Беларуси, так как они затрагивают жизненные интересы страны и ее

населения. Это вызвало необходимость разработки проблемы демографической безопасности и соответствующего закона Республики Беларусь.

Таким образом хочу отметить, что современная демографическая ситуация в Республике Беларусь представляет реальную угрозу национальной безопасности страны. Депопуляция, особенно затяжная, ставит вопрос о «сохранении» самой популяции населения. Если мы не хотим дальнейшего ухудшения демографической ситуации в Беларуси, необходимо проводить последовательную демографическую политику. Исходя из выше сказанного, необходимо осознать, что население Беларуси вступило в период долговременного сокращения его численности, старения, распространения однодетности и надо приспособиться жить в таких условиях.

Нельзя связывать меры демографической политики с надеждами на большой рост рождаемости в стране и на возврат к среднедетной (3 и более детей) семье. На что мы можем рассчитывать при благоприятном стечении обстоятельств?

В области рождаемости. При соответствующих условиях и высокой эффективности мер демографической политики в ближайшее десятилетие может произойти небольшое повышение рождаемости за чет:

- благоприятной возрастной структуры населения;
- более полной реализации сложившихся установок населения на желаемое количество детей в семье;
- за счет более эффективного лечения бесплодия и улучшения репродуктивного здоровья;
- некоторого целенаправленного повышения репродуктивных установок и ценности семьи у молодежи.

Однако это повышение может быть подобно тому, какое имело место, например, в 1980-х гг. Тогда показатель суммарной рождаемости вырос на 10–15%. Однако для обеспечения устойчивого положительного естественного прироста населения Беларуси этого мало. Для обеспечения простого воспроизводства населения республики необходимо, чтобы суммарный коэффициент вырос почти в два раза, а это уже мало вероятно.

В области снижения смертности. Противостоять тенденциям депопуляции в большей мере способно снижение смертности. Конечно, задача снижения смертности от основных причин смерти до уровня высокоразвитых стран и преодоления отставания от них по ожидаемой продолжительности жизни непростая, но все же более реальная, чем значительный рост рождаемости. Для этого должен существенно повыситься уровень жизни населения, улучшена экология, повышена

доступность качественного здравоохранения. Для снижения заболеваемости и смертности необходимо также принципиально изменить самоохранительное поведение и образ жизни населения. Следует учитывать и то, что здоровье населения было подорвано в годы экономического кризиса и условиях неблагоприятной экологической обстановки. Восстановить же его не так просто. Сохранение здоровья населения — главная демографическая задача 21 века.

Прирост населения. Следует учитывать, что даже при стечении очень благоприятных обстоятельств и эффективности мер демографической политики, направленной на рост рождаемости и сокращение смертности естественный прирост будет минусовым. Хотя в случае высокой эффективности мер демографической политики население будет убывать за счет естественного движения несколько медленнее.

Депопуляция в Республике Беларусь в значительной степени обусловлена кардинальными изменениями параметров воспроизводства населения, которые начались уже несколько десятилетий назад и имеют общемировые закономерности. Эти тенденции носят долговременный, эволюционный характер и даже если вызывают обеспокоенность общества, они не могут быть изменены на противоположные, т.к. историю вспять не повернуть. Сложившиеся к настоящему времени структура населения, и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обуславливать депопуляцию в стране, и численность населения будет уменьшаться еще длительное время. Особенно сильно во втором десятилетии 21 века.

В области миграции. Теоретически прекратить уменьшение численности населения в стране можно за счет увеличения иммиграции населения в страну. Однако, хотя Беларусь на протяжении 90-х годов и в настоящее время имеет положительный миграционный прирост со всеми без исключения странами СНГ и Балтии, объемы этого прироста значительно снизились. Они не могут противостоять растущей депопуляции. Существенно увеличить миграционный приток населения в страну из этих государств, практически, не возможно. Еще более проблематично привлечь значительные потоки иммигрантов в Беларусь из высокоразвитых стран, в миграционном обмене с которыми в настоящее время она довольно активно теряет население.

Значительный рост иммиграции из других стран мира связан с риском и может породить массу новых проблем. С некоторыми из них Беларусь уже столкнулась. Так, реальной угрозой национальной безопасности является нарастание объемов нелегальной миграции. Поэтому миграционная политика в стране должна быть не только эффективной, но и хорошо продуманной. Необходимо заранее оценить все плюсы и минусы возможных последствий такой политики.

12. Популярность в стране демографических проблем.

Следует отметить, что до начала 1990-х гг. пока в республике реально не проявлялась депопуляция, проблемы народонаселения не обращали на себя особого внимания. И хотя демографы неоднократно предупреждали о приближающемся сокращении населения за счет естественного движения, общественность не воспринимала это как объективную реальность. Резкое ухудшение демографической ситуации в стране и нарастание депопуляции в 90-е годы вызвало в республике повышение внимания общественности к демографическим проблемам. В средствах массовой информации довольно часто поднимается этот вопрос. Реальное уменьшение населения в стране привлекло большее внимание и правительственных органов. После долгих обсуждений в парламенте в стране принят Закон о демографической безопасности. Это существенно повысило осознание значимости проблемы.

13. Демографическая грамотность населения.

Тем не менее, читая республиканские газеты и журналы, слушая радио и просматривая телепередачи, часто сталкиваешься с низким уровнем осведомленности населения о демографических проблемах и низким уровнем демографической грамотности тех, кто поднимает эти проблемы в средствах массовой информации. Даже на очень высоких форумах часто приходится слышать из аудитории вопросы или замечания специалисту, которые показывают не понимание их авторов существа основных демографических понятий и процессов. Так, часто аудитория считает несовместимым наличие в стране снижения продолжительности жизни и старения населения. Лектора обвиняют в фальсификации данных, так как считают, что старение может быть только при росте продолжительности жизни. Большинство считает, что «демографический взрыв» следствие быстрого роста рождаемости на земном шаре и т. д.

14. Демографическое образование в стране.

Не высокий уровень демографической грамотности населения страны в значительной степени связан с тем, что до последнего времени в редких Вузах страны читались демографические предметы. Так, практически, до середины 1990-х гг. читался курс статистики населения, и то только для специальности «Статистика» в Белорусском государственном экономическом университете и географии населения на Географическом факультете Белорусского государственного университета.

Во второй половине 1990-х гг. интерес к демографии возрос. С 1996 г. была впервые введена специализация «Демография» на кафедре экономической географии Зарубежных стран географического факультета БГУ. В настоящее время там читается 14 спецкур-

сов. Кроме базового курса для всех студентов специальности «География» «География населения мира и Беларуси» (275 часов), там читаются: Основы демографии — 35 часов, Этническая демография — 25 часов, Демографическое моделирование и прогнозирование — 31 час, Демография семьи — 39 часов, Медицинская география и экология человека — 39 часов, Компьютерная обработка демографической информации — 42 часа, Миграции и миграционная политика — 35 часов, Проблемы народонаселения — 28 часов, Геоурбанистика — 32 часа, Проблемы сельского расселения — 49 часов, Социально-экономическая демография — 35 часов, Рынок труда и проблемы занятости — 33 часа, Трудовое и семейное право — 28 часов. Читается курс социальной демографии — 36 часов на кафедре социологии для специальности «Социология».

Четвертый год читается курс Экономической демографии в Белорусском коммерческом институте управления — 36 часов. Два года читают курс Основы демографии в Институте управления — 36 часов. В 2002 году начали читать курс социальной демографии в Академии управления при президенте — 36 часов. Изъявляют желание ввести подобные курсы и в ряде других Вузов страны, но возникает проблема подбора кадров преподавателей по демографии.

15. Вывод

Для того чтобы грамотно решать демографические проблемы необходимо готовить специалистов разного уровня. В тоже время, на наш взгляд, необходимо повышать демографическую грамотность всего населения. Для этого нужно чтобы вся молодежь, получающая среднее, а, тем более, высшее образование, получила основы демографических знаний. Особенно важно в настоящее время повысить демографическую грамотность тех, кто принимает управленческие решения. От этого, в значительной степени, зависит эффективность демографической политики, а, следовательно, и то, как будет изменяться демографическая ситуация в стране в будущем

*Шотбакова Л.К., Аймагамбетова Г.Т.,
Зимовина Е.П., Капышев А.К.,
Смагулова Г.М., Смагулов Н.К.,
Караганда, Казахстан*

ПРОЕКТ СТАНДАРТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ» ДЛЯ ВУЗОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ОБОСНОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Исходным концептуальным основанием создания проекта стандарта по специальности «Демография и история» (далее — ДИ) является учет национальных интересов и потребностей государства в

разработке и внедрении продуманной демографической политики. В Послании Президента Н. Назарбаева народу Казахстана «Казахстан — 2030» сильная демографическая политика выдвинута в ранг ведущих приоритетов национальной безопасности страны. В «Программе демографического развития Республики Казахстан на 2001–2005 гг.» говорится о необходимости «ввести в высших учебных заведениях подготовку специалистов-демографов».

Методологические основания специальности ДИ заключаются, по мнению авторов, в следующем:

- демография и история — специальность, требующая синтеза знаний и образования, и включающая элементы: демографии, истории, трудового и семейного права, социологии, экономики, антропологии, этнологии, культурологии, политологии, высшей математики, основ знаний информатики и компьютерной техники. Поэтому подготовка бакалавров по специальности ДИ обязательно должна быть междисциплинарной;
- методологически важно, чтобы квалификация бакалавра по специальности ДИ была широкой, т.е. включала в себя как практический аспект (подготовка специалиста-демографа), так и научный и педагогический аспекты (подготовка ученого и преподавателя);
- общепрофессиональная подготовка с 1 курса обучения должна сопровождаться вводными специальными дисциплинами;
- разработанный в рамках проекта стандарта новый учебный план приспособлен для его реализации в инновационной блочно-рейтинговой системе.

Проект стандарта базового университетского образования по специальности ДИ предлагается для разработки нормативного документа. Данный проект составлен в соответствии с Законом Республики Казахстан «О высшем образовании»; положением «О высшем учебном заведении Республики Казахстан». Проект стандарта определяет обязательный минимум содержания образовательной программы и требования к уровню подготовки выпускника. Настоящий документ является составной частью пакета документов, необходимых для открытия специальности ДИ и может служить базовым при составлении Государственного стандарта высшего образования Республики Казахстан.

Общая характеристика специальности «Демография и история»

Предлагаемая специальность – «Демография и история». Нормативная продолжительность обучения с отрывом от производства – 4 года. Квалификация – «Демограф. Историк».

Практические специализации – сотрудники отделов демографии статистических управлений; специалисты по вопросам социально-

демографического развития в областных акиматах, в аппарате Президента, в Правительстве, в Парламенте; сотрудники национально-культурных центров; сотрудники аналитических центров по вопросам социально-демографического и этнополитического развития; сотрудники центров занятости, пенсионных фондов, страховых компаний; сотрудники социологических лабораторий; консультанты миграционной службы при МВД РК; сотрудники научно-исследовательских учреждений; преподаватели истории и общественно-политических дисциплин учебных заведений различных категорий (школы, гимназии, лицеи, колледжи, вузы).

Академическая степень по окончании обучения – бакалавр. Бакалавр демографии и истории получает фундаментальную подготовку в области демографии и истории, а также профессиональную и практическую подготовку в избранной сфере деятельности.

Предлагаемый авторами проект стандарта устанавливает государственный компонент базового университетского образования по специальности ДИ; является основой создания квалификационной характеристики специалиста; устанавливает критерии оценки уровня подготовки специалиста; определяет требования к качеству обучения; служит основанием для разработки критериев аттестации факультета и кафедр; определяет сферу использования лиц, получивших базовое университетское образование по данной специальности.

По окончании обучения бакалавр должен отвечать следующим требованиям:

- иметь фундаментальную подготовку по соответствующим специальностям разделам знаний;
- уметь использовать методы демографического и исторического анализа в различных сферах своей профессиональной деятельности;
- иметь целостное представление о демографических процессах и явлениях, об основных закономерностях общественной жизни;
- ориентироваться в современных направлениях исторической науки;

В предлагаемом варианте Проекта Государственного стандарта по специальности ДИ, общая максимальная трудоемкость учебной работы 7172 часа. Данное количество часов складывается из суммы максимального объема аудиторной работы за период обучения – 4779 часа и максимального объема самостоятельной работы за период обучения – 2393 часа.

В предлагаемом проекте стандарта учебный план включает четыре блока дисциплин:

1. блок социально-гуманитарных дисциплин – 22,5%
2. блок естественнонаучных дисциплин – 5,8 %
3. блок фундаментальных общеобразовательных дисциплин – 14,2%

4. блок фундаментальных дисциплин по специальности – 47,5%

Дисциплины практической специализации составляют 10%

Блок социально-гуманитарных дисциплин включает следующие предметы: философия, экономическая теория, политология, культурология, казахский язык, иностранный язык, физвоспитание, социология, основы права, психология и педагогика, мировые цивилизации, основы документоведения, экономическая и политическая география мира, логика, дисциплины по выбору вуза.

Блок естественнонаучных дисциплин: информатика, высшая математика, экология, основы безопасности жизнедеятельности, концепция современного естествознания, дисциплины по выбору вуза.

Блок фундаментальных общеобразовательных дисциплин:

1. Основы демографии.

Предмет и содержание демографии. Структура демографической науки. Связь демографии с другими науками. Объекты демографических исследований. Демографические явления и демографические процессы. Естественное и механическое движение населения. Численность населения. Факторы, влияющие на изменение численности населения. Структура населения по полу и возрасту. Показатели соотношения полов. Возрастные группы и контингенты. Возрастно-половые пирамиды: их построение и анализ. Влияние изменений возрастно-половой структуры населения на социальные процессы и явления. Тенденции изменения возрастно-половой структуры населения в мире. Демографическое старение населения: понятие, показатели, причины, последствия. Структура населения по брачному и семейному состоянию. Понятие семьи в демографии. Семья и домохозяйство. Тенденции и факторы изменения размеров и состава семей в мире. Естественное движение населения: абсолютные и относительные показатели. Демографическое понятие рождаемости. Рождаемость и плодовитость. Общие и частные коэффициенты рождаемости. Возрастные коэффициенты. Брачная и внебрачная рождаемость. Тенденции уровня рождаемости в мире: географические, социальные, этнические аспекты. Теория демографического перехода. Репродуктивное поведение: потребности, традиции, установки. Концепции, объясняющие причины изменения репродуктивного поведения населения. Демографическое понятие смертности. Возрастные коэффициенты смертности. Показатели смертности по причинам смерти. Младенческая смертность: методы расчета, социальное значение показателей. Вероятностные таблицы смертности. Средняя ожидаемая продолжительность жизни: понятие, методы расчета, социальное значение показателя. Тенденции и факторы уровня смертности в мире. Факторы и перспективы дальнейшего роста средней продолжительности жизни. Самосохранительное поведение. Вос-

производство населения. Темпы роста и прироста населения. Суммарный коэффициент рождаемости. Показатели воспроизводства населения: брутто- и нетто-коэффициенты, истинный коэффициент естественного прироста. Длина поколений. Прогностический характер показателей воспроизводства населения. Демографический переход от экстенсивного к интенсивному типу воспроизводства населения как результат социального развития. Тенденции воспроизводства населения в мире. Механическое движение населения. Основные направления миграционных потоков. Эмиграция. Иммиграция. Стадии миграционного процесса. Влияние миграции на демографическую структуру населения. Роль миграции и естественного прироста в установлении баланса численности населения. Тенденции миграции населения в мире.

2. История демографической науки

Предмет и задачи курса. Сведения демографического характера в трудах древних и средневековых авторов. Аристотель, Платон, Ф. Аквинский, Т. Мор. Формирование демографических знаний в 16-18 вв. Дж. Граунд, У. Петти. Начало количественного изучения социальных явлений. Д. Бернулли, Л. Эйлер. «Политическая арифметика» Э. Галлея, П. Варгентина, А. Депарсье, И. Зюсмилха. Работы И.Ю. Германа, Л.Ю. Крафта. Теория Т. Мальтуса. Возникновение и утверждение демографической науки в 19-нач.20 вв. Применение положений теории вероятностей к явлениям человеческой жизни в трудах П. Лапласа. Изучение дифференциации рождаемости и смертности по социальным группам. Разработка методов расчета таблиц смертности. Поиски формального выражения закона роста населения. Л. Кетле, Л. Гийяр, Э. Энгель. Возникновение формальной теории населения. В. Лексис, К. Беккер. Начало изучения воспроизводства населения. Р. Бек, Р. Кучинский, В.И. Борткевич, К. Балодис, С.А. Новосельский. Формирование представлений о типах возрастной структуры населения. Складывание основных направлений в изучении демографических явлений.

Формирование демографии как самостоятельной науки. О.А. Квиткин, В.Г. Михайловский, Ю.А. Корчак-Чепурковский. Теория стабильного населения А. Лотки. Усиление прогностического аспекта демографических исследований в 20-30-е годы XX в. С.Г. Струмилин, М.В. Птуха, М.В. Паевский, С.А. Новосельский. Рассмотрение динамики демографических процессов в исторической ретроспективе. А. Карр-Саундерс, К. Джинни, У. Томпсон. Исследования роли населения в развитии общества. Р. Бенини. А. Сови. Моделирование общих закономерностей динамики численности населения. Р. Пирл, Дж. Рид, Н. Келман. Концепция демографической революции. Л. Рабинович, А. Ландри. Возникновение потенциальной

демографии. Л. Херш. Изучение социокультурных факторов рождаемости и процесса старения населения. Разработка метода продольного анализа в работах Л. Анри, П. Венсана. Начало исследований планирования семьи. Становление исторической демографии. Д. Гласс, Т. Холлингсуорт, Ж. Дюпакье, Л. Анри. Развитие теории стабильного населения в трудах Ж. Буржуа-Пиша. Разработка типовых моделей рождаемости, смертности, брачности. Концепция демографического перехода. Л. Коул, Дж. Колдуэлл, З. Павлик, Д. Ван де Каа, Рон Лестхаге. Советская демографическая наука во второй половине XX в. А.Я. Боярский, Б.Ц. Урланис, Л.Е. Дарский, Р.И. Сифман, С.И. Пирожков, А.Я. Кваша, Э.А. Араб-Оглы, Д.И. Валентей, А.Г. Вишневский, Е.М. Андреев, Д.И. Шелестов, В.А. Ионцев, Ж.А. Зайончковская. Развитие демографического моделирования и совершенствование методов демографического прогнозирования на современном этапе. Постмодернистские концепции в демографии. Концепция «жизненного пути».

3. Демографическое развитие в эпоху древности и средневековья

Предмет и задачи изучения демографической истории. Социально-историческая обусловленность демографических процессов. Начальные периоды демографической истории. Расселение вида Homo Sapiens. Оценки численности населения Земли на отдельных этапах первобытного строя. Низкие темпы роста численности населения. Причины высокой смертности населения. Средняя продолжительность жизни. Складывание семейно-брачных отношений. Неравномерность динамики численности населения в различных регионах мира. Роль природно-климатических условий. Голод, эпидемии и войны – основные факторы высокой смертности. Попытки регулирования рождаемости с помощью религии, традиций и законов. Особенности демографического развития цивилизаций Востока: Египет, Месопотамия, Индия, Китай, Иран. Демографическое развитие Древней Греции и Древнего Рима. Демографическая обусловленность завоевательных походов и образования колоний. Миграция как средство равномерного расселения населения. Демографические последствия эпохи «Великого переселения народов». Роль кочевых племен средневековья (тюрков, арабов, монголов) в изменении этнодемографической картины отдельных регионов мира. Демографическое развитие стран Европы, Азии и Америки в период средневековья; массовые эпидемии, завоевательные войны; демографическая ситуация в регионах мира к концу эпохи средневековья.

4. Демографическое развитие в новое время.

Особенности демографического развития стран Европы, Азии, Африки и Америки в период нового времени. Постоянный рост численности населения мира. Распространение практики учета населе-

ния. Смена режимов воспроизводства населения. Тенденции снижения рождаемости и смертности населения. Достижения медицинской науки как основной фактор снижения показателей смертности. Индустриальное развитие и его роль в снижении рождаемости. Увеличение средней продолжительности жизни. Этапы «демографического перехода» и их хронологические рамки в странах мира. Возникновение и развитие колоний. Роль миграции в формировании численности и состава населения стран мира в период нового времени.

5. Демографическое развитие стран мира в новейший период.

Влияние I и II Мировых войн на динамику демографических процессов в странах мира. «Демографический взрыв» в середине XX в.: социально-экономические и политические последствия. Особенности демографического развития стран Европы и Северной Америки во второй половине XX в. Демографическое развитие СССР. Демографическое развитие стран СНГ и Балтии в 90-е годы XX в. Специфика демографического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки во второй половине XX в. Демографическая ситуация в странах мира на современном этапе. Глобальные проблемы народонаселения. Рост численности и меняющийся облик населения планеты. Влияние быстрого роста населения на здоровье и благосостояние людей в развивающихся странах. Рост населения в развитых странах мира. Миграции. Трудовые миграции. Проблемы беженцев. Нелегальная миграция. Демографическая ситуация в странах мира в начале XXI в.

6. Демографический анализ и методы демографических исследований

Задачи демографического анализа. Объекты исследования. Изучение количественных соотношений между демографическими процессами, структурами и ростом населения во времени. Анализ влияния социально-экономических, политических и психологических факторов на демографические процессы и структуры. Методы изучения демографических процессов в бесписьменный период развития человеческого общества. Метод стандартизации демографических показателей. «Поперечный» демографический анализ (метод условного поколения). Моделирование интегральных показателей воспроизводства населения. «Продольный» демографический анализ (метод реального поколения). Теория стабильного населения. Модели населения для частных случаев неустойчивости параметров режима воспроизводства. Специальные модели рождаемости, смертности, брачности. Метод демографических таблиц. Классификация демографических таблиц. Специальные и общие таблицы. Мультирегиональные и мультистатусные таблицы. Последовательные таблицы. Статистические методы. Математические методы. Социологи-

ческие методы. Графические методы: демографическая сетка, возрастно-половые пирамиды. Картографические методы.

7. Статистика населения

Предмет и задачи курса. Методы статистического наблюдения населения и демографических событий. Методы проведения переписей населения и обследований населения. Методы текущего учета демографических событий и учета миграции. Статистические методы в демографии. Расчет демографических коэффициентов. Виды учета населения. Специальные приемы демографической статистики при обобщении собранных сведений. Моделирование статистических таблиц. Методы оценки достоверности полученных показателей. Оценка демографической ситуации. Шкала измерения. Разработка обследований и экспериментов. Дескриптивная статистика. Использование компьютерных программ анализа статистических данных. Конечная и промежуточная оценки. Проверка гипотез. Сравнения. Непараметрические методы. Корреляция. Простой линейный и сложный регресс. Анализ многовариантных данных. Программа SPSS.

8. Источниковедение

Предмет и задачи источниковедения. Теория и методология источниковедения; источниковедческий анализ и источниковедческий синтез; определение исторического источника, его интерпретация; классификация исторических источников; источники в науках о человеке; основные стадии работы с источником. Методика работы с источником. Исторические источники древнего и средневекового периода: общая характеристика и источниковедческий анализ. Изменения в корпусе источников при переходе от средних веков к новому периоду; количественный рост исторических источников; оформление массовых источников; общие свойства источников нового времени. Статистические материалы как источник. Изменения в корпусе источников при переходе от нового времени к новейшему; изменения типологии корпуса исторических источников. Особенности советских источников; архивные материалы и их место в системе источников. Основные характеристики типов и видов источников XXI в. Источники по демографии, их классификация и специфика. Первичные, вторичные и косвенные источники демографической информации. Документация статистических служб. Различия в организации статистического учета населения в странах мира. Программы обследований населения. Палеодемография. Информационная база палеодемографии. Виды письменных источников, содержащих демографическую информацию в эпоху древности и средневековья. Возникновение и развитие собственно демографических источников в период нового времени. Виды учета населения. Место и роль ста-

тики в демографических исследованиях. Переписи. Печатные издания, содержащие демографическую информацию. Современные источники демографической информации. Регистры. Internet как новый источник демографической информации. Демографические данные в Internet.

9. Историография

Цели и задачи дисциплины, ее место в учебном процессе. Зарождение и становление исторической мысли. От гуманизма к просвещению. Гуманистическая историография и исторические знания в XVII в. Историческая наука в первой половине XIX в. в Европе, России, Северной Америке. Романтизм. Позитивизм и историческая наука во второй пол. XIX в. Историческая наука в нач. XX в. Проблемы развития историографии в XX в.: европейская и англо-американская школы. Основные тенденции развития афро-азиатской историографии в XX в. Развитие исторической науки в СССР. Становление и развитие историографии в Казахстане. Новейшие тенденции в исторической науке.

10. Методология

Предмет методологии. Методологические проблемы исторической и демографической наук. Герменевтика и гуманитарное познание. Социальные функции исторической и демографической наук. Структура исторического исследования. Структура демографического исследования. Принципы исторического познания. Общенаучные методы и их место в историческом и демографическом исследованиях. Количественные методы и их применение в демографических и исторических исследованиях. Традиционные специально-исторические методы и социально-психологический подход в демографических исследованиях.

11. Методика преподавания истории и демографии

Предмет и задачи курса, образовательно-воспитательные задачи школьного курса обучения истории и социально-политических дисциплин. Факторы, определяющие становление методики как науки. Процесс формирования исторических знаний. Виды программ, учебников и методических пособий по курсу. Современная система школьного обучения истории и социально-политических дисциплин; организация и система методов обучения истории и социально-политическим дисциплинам; метод устного обучения; метод работы с текстами учебника, художественной литературы; метод наглядного обучения. Практические методы обучения: урок, его виды и построение. Нетрадиционные типы уроков. Содержание, формы и направления внеклассной работы по истории и социально-политическим дисциплинам; учитель истории и социально-политических дисциплин; оформление школьного кабинета; содержание факультативных занятий.

12. Этнология.

Предмет, методы и основные понятия исторической этнологии. Понятие о культуросенезе; понятие об антропоценезе; этносы и этничность. Герменевтика побуждений; коммуникативное уплотнение пространства; порождение реальности. Региональный процесс в исторической этнологии; хозяйственно-культурные типы; историко-этнографические области; этногенез как территориально-распределительная проблема. Этнонимы и хозяйственно-культурные типы; судьба этнонима; локально-этнографические группы; этнографические группы народов и этногенетический процесс. Общие понятия о типологии и о процедуре типологизации; ценностные черты локального этнографического типа. Этнография народов мира. Народы Австралии и Океании. Народы Азии, Африки, Америки. Этническая история народов Европы. Народы Кавказа и Сибири. Этногенез казахов.

13. Социальная и культурная антропология

Предмет антропологии. Этапы развития антропологии как науки. Отрасли антропологических знаний. Место человека в системе животного мира; симбиотическая теория антропогенеза; биологические предпосылки очеловечения, выделение человеческой линии эволюции. Homo sapiens: гипотезы моно- и полицентризма. Этология (биология человеческого поведения). Социальные аспекты происхождения человека. Возрастная антропология; основные особенности онтогенеза человека на современном этапе и его биосоциального развития. Конституциональная антропология. Полиморфизм и типология Homo sapiens; биологические и социальные термины человеческих общностей; типологические и популяционные подходы при классификации; современное распространение антропологических типов; количественные методы классификаций. Антропологическая характеристика современных казахов в связи с проблемой их происхождения, их место в системе расовых типов Евразии. Материал и методика антропологических исследований.

14. Историческая география

Понятие и содержание исторической географии. Понятие «географическое положение страны». Основные направления исторической географии: историко-физическая география; историко-политическая география; историко-социальная география; историко-экономическая география и др. Возникновение древних цивилизаций. Географическая среда в эпоху средневековья. Великие географические открытия: причины, ход, последствия. Расширение географических представлений в новое время. Совершенствование географических знаний в XX в.

15. Геополитика.

Определение геополитики. Геополитика в ее историческом развитии. Теоретические основы геополитики: немецкая «органицистская школа» Фридриха Ратцеля; «Геополитика» Рудольфа Челлена; «географическая ось истории» Хэлфорда Макиндера. История и современная оценка концепции евразийства. Национальные и религиозные факторы в геополитической проблематике. Геополитические проблемы Центральной Азии. Геостратегическое положение Казахстана в современном мире. Национальная безопасность и современная геополитика.

Блок фундаментальных дисциплин по специальности:

1. Демографическая политика: концепции и международный опыт

Основные концепции демографической политики. Политика народонаселения, ее основные элементы. Планирование семьи, семейная политика. «Контроль рождаемости». Цели, основные направления и меры демографической политики. История демографической политики. Демографическая политика в СССР и проблемы становления демографической политики в Республике Казахстан. Проблемы современной демографической политики.

2. Социально-демографическое прогнозирование.

Цели и задачи социально-демографического прогнозирования. Перспективное исчисление населения. Источниковая база социально-демографического прогноза. Краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные социально-демографические прогнозы; социальные ориентиры демографического прогноза; социальное обеспечение, социальная политика и демографический прогноз; использование демографического прогноза. Демографические прогнозы ООН и ведущих демографов. Принципы прогнозирования населения. Методика прогнозирования. Этапы социально-демографического прогнозирования. Альтернативность социально-демографических прогнозов. Прогнозы-предостережения. Методы социально-демографического прогнозирования. Метод передвижки возрастов. Системы типовых таблиц. Модели роста населения. Метод экстраполяции. Прогноз по аналогии (референтный прогноз). Нормативный прогноз. Прогнозы по результатам социологических исследований. Коэффициенты главенства. Функциональные прогнозы населения. Сценарии демографического прогноза.

3. Миграция населения.

Вопросы теории и классификации миграционного движения (теория миграционного процесса, миграционный переход). История миграции населения. История изучения миграции населения. Особенности статистики и учета миграции населения. Математические модели миграции населения. Показатели миграции (характеристика

общего уровня подвижности населения, территории, масштабов, структуры, направления и результативности миграционных потоков за тот или иной период). Миграция в СССР в 20-м веке. Миграция и урбанизация. Региональные особенности миграции. Беженцы и вынужденные мигранты. Трудовая миграция. Современные закономерности мировых миграций.

4. Социальная демография.

Предмет и задачи курса. Теоретические подходы к демографическому переходу и воспроизводству. Институциональные подходы к изучению воспроизводства. Значение и методы контроля воспроизводства: репродуктивное здоровье. Теоретические и практические вопросы контрацепции. Вопросы общественного здоровья и репродуктивного поведения. Детское и материнское здоровье. Возрастная структура населения: социальные, экономические, культурные перспективы. Население младше трудоспособного возраста. Население трудоспособного возраста и проблема трудовых ресурсов. Безработица. Трудовая и возрастная миграция. Население третьего возраста. Пенсионные системы. Проблема старения населения. Социально-экономические факторы формирования возрастной структуры населения. Социальная структура общества. Социальная обусловленность демографических процессов. Демографическая характеристика социальных групп. Проблемы занятости населения. Динамика образовательного и профессионального уровня населения. Вопросы уровня и качества жизни населения. Материальное и социальное благосостояние населения.

5. Регионально-этническая демография.

Закономерности региональной и этнической дифференциации воспроизводства населения. Факторы, обуславливающие возникновение и эволюцию (регионально-этнических) демографических различий. Этнические аспекты рождаемости, смертности, миграции. Этническая статистика. Регионально-этническая депопуляция. Регионально-этническое перенаселение. Воздействие этнокультурных и религиозных факторов на демографическое поведение. Межэтнические отношения и региональные конфликты. Методы исследования региональной демографии. Многорегиональный демографический прогноз. Моделирование демографического взаимодействия регионов друг с другом. Особенности региональной демографической политики. Регионально-этническая дифференциация мировых процессов народонаселения и их воздействие на систему международного разделения труда.

6. Политическая демография.

Социально-политические последствия демографических процессов. Внутриполитические и внешнеполитические последствия мигра-

ционной ситуации. Глобальные демографические проблемы и геополитика. Политические последствия социальной и демографической политики. Демографические факторы социальной напряженности. Численность и структура электората избирательного корпуса. Зависимость политической активности от демографической ситуации.

7. Экономическая демография.

Механизмы взаимосвязи экономического развития и населения: формирование режима воспроизводства населения, параметры отдельных демографических процессов и явлений, интенсивность, распределение во времени и по территории. Демографические факторы экономического развития. Оптимальное сочетание режимов воспроизводства населения и параметров экономического воспроизводства. Демографические инвестиции. Экономико-демографические модели. Методы экономических возрастных пирамид. Качество населения и макроэкономические процессы. Система международного разделения труда в краткосрочном и долгосрочном аспектах.

8. История Казахстана.

Предмет и задачи курса. Археологические, письменные и этнографические источники по истории Казахстана древнего и средневекового периода. Историография и периодизация. Казахстан в древности. Зарождение и развитие кочевничества. Социально-экономическая и политическая история Казахстана в период средневековья. Образование и развитие Казахского ханства. Этногенез казахов. Периодизация новой истории Казахстана. Вторжение джунгар и национально-освободительная борьба казахского народа за свою независимость. Казахско-русские отношения в XVIII в. Вхождение Казахстана в состав России. Социально-экономическое и политическое развитие Казахстана в XIX в. Национально-освободительные восстания казахов XIX- начала XX века. Реформы административно-территориального устройства Казахстана в XIX в. Общественная мысль и культура Казахстана в новое время. Периодизация новейшей истории Казахстана. Февральская и Октябрьская революция 1917 г. в России и их влияние на социально-экономические и политические процессы в Казахстане. Установление Советской власти в Казахстане и ее особенность. Политика «военного коммунизма», «новая экономическая политика» и их последствия. Форсированная индустриализация, насильственная коллективизация, культурная революция и их последствия для народов Казахстана. Усиление режима личной власти; установление командной системы управления; политика репрессии и установление тоталитарного режима. Казахстан в годы Великой Отечественной войны. Освоение целинных и залежных земель и его последствия. Реформы 1960-х годов и их незавершенность; превращение Казахстана в сырьевую базу СССР.

Казахстан в 1980-е годы. Распад СССР и образование независимого суверенного государства Республики Казахстан. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Казахстана в 90-е годы. Вхождение Казахстана в мировое сообщество. Тенденции развития Казахстана в XXI в.

9. История стран Евразии.

История стран Евразии в древний и средневековый период. Образование и развитие государств славянских народов, народов Закавказья и Средней Азии. Народы Сибири и Дальнего Востока. Образование монгольского государства и монгольские завоевания на Востоке и Западе. Борьба Руси, народов Сибири, Средней Азии и Кавказа против монгольских завоеваний. Культура народов стран Евразии в древний и средневековый период. Новая история стран Евразии. Российская империя в XVIII–XIX вв. Внутренняя и внешняя политика Российской империи. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие стран Евразии в новое время. Международные отношения в кон. XIX — нач. XX вв. Первая мировая война. Революционные события в России и их влияние на судьбы народов Евразии. Социально-экономическое и политическое развитие народов стран Евразии в XX в. Октябрьская революция и гражданская война. Политика “военного коммунизма”, НЭП. Индустриализация и коллективизация и их последствия. Формирование режима личной власти И.В. Сталина. Вторая мировая война. Участие народов СССР в Великой Отечественной войне. Послевоенный период. Основные тенденции социально-экономического и политического развития народов Евразии в 50-70-е годы. Экономические и в СССР. Распад СССР и образование СНГ. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов стран Евразии в 90-е годы. Интеграционные процессы на евразийском пространстве. Тенденции развития стран Евразии в XXI в.

10. История стран Европы и Америки.

История стран Европы и Америки в древний и средневековый период. Европа в эпоху античности. Развитие феодальных отношений в странах Европы и Америки; возникновение и рост средневековых городов; крестовые походы. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие стран Европы и Америки в средние века. Великие географические открытия и возникновение колониальной системы. Возникновение и развитие капиталистических отношений. Периодизация новой истории стран Европы и Америки. Общая характеристика и основные проблемы истории нового времени. Особенности «первоначального накопления» в отдельных странах. Пути и темпы генезиса капитализма в отдельных странах. Буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Северной Америке;

Великая французская буржуазная революция. Наполеоновские войны. Промышленное и аграрное развитие стран Европы и Америки в новое время. Международные отношения в XVII–XIX вв.; Венский Конгресс и образование «Священного союза»; зарождение самостоятельного рабочего движения. Революции 1848 г. во Франции, Германии, Италии, Австрийской империи. Гражданская война в США и Реконструкция. I Интернационал. Внутренняя и внешняя политика стран Европы и Америки во второй половине XIX в.; политические партии, рабочее движение; международное рабочее движение и II Интернационал. Страны Европы и Америки в XX в.; первая мировая война; экономическое, политическое, культурное развитие стран Европы и Америки в начале XX в. Содержание, место и значение новейшей истории стран Европы и Америки; основные тенденции общественного развития в период новейшей истории; периодизация новейшей истории. Новые концепции государственного регулирования экономики. Изменения в политической и социальной сфере. Международные отношения в 1918–1920-е гг. Создание Версальско-Вашингтонской системы. Рабочий Социалистический Интернационал. Основные черты социально-экономического и политического развития стран Европы и Америки в межвоенный период. Международные отношения в 1930-е гг. Расстановка международных сил накануне второй мировой войны. Страны Европы и Америки в годы второй мировой войны. Дипломатическая история; итоги второй мировой войны; Тегеран, Ялта, Потсдам. Расстановка сил на международной арене после второй мировой войны. Распад колониальной системы. Основные направления внутренней и внешней политики стран Европы и Америки во второй половине XX в. Образование военно-политических и экономических блоков. Международные отношения на современном этапе. Приоритетные направления развития стран Европы и Америки в XXI в.

11. История стран Азии и Африки. 432 ч.

История стран Азии и Африки в древний и средневековый период. Создание «мировых империй» Ассирии, Ирана. Торговля и колонизация Средиземноморья, развитие ремесленных производств, особенности государственной структуры и социальной стратификации. Влияние культуры Древнего Востока на развитие мировой культуры. Периодизация средневековой истории стран Азии и Африки. Возникновение и развитие феодальных отношений у народов Азии и Африки в средневековье. Возникновение мировых религий — буддизма, ислама и их течений. Страны Азии и Африки в новое время. Революция 1867–1868 гг. в Японии; колониальное соперничество европейских держав за обладание азиатскими государствами; Китай под властью маньчжурских феодалов; тайпинское восстание; нацио-

нально-освободительное движение в Индии; бабидское восстание в Иране. Особенности социально-экономического развития народов Азии и Африки в новое время. Страны Азии и Африки в мировой капиталистической системе. Очаги международных конфликтов в странах Азии и Африки. Особенности развития капитализма в Японии в конце XIX — начале XX вв. Синьхайская революция в Китае, иранская революция и младотурецкая революция. Новейшая история стран Азии и Африки; кризис колониальной системы; изменения форм и характера борьбы народов Азии и Африки за свое национальное освобождение. Идеология национально-освободительного движения: сунь-ятсенизм, гандизм, кемализм, мархаэнизм. Страны Азии и Африки в годы второй мировой войны и в послевоенный период. Новое соотношение сил на международной арене; распад колониальной системы, образование независимых государств Азии и Африки; пути их развития. Новые формы и методы неокOLONИализма. Движение неприсоединения. Влияние ислама и других религий на социально-экономическую и политическую жизнь стран Азии и Африки. Страны Азии и Африки в системе международных отношений в 90-е гг. XX в. Современные исторические процессы в странах Азии и Африки, их перспективы в XXI в.

12. Тенденции демографического развития в странах мира на современном этапе.

Глобальные демографические проблемы и роль мирового сообщества в ее решении. Современный «демографический взрыв». Современный демографический кризис. Проблемы оптимума населения. Концепция нулевого роста населения мира. Проблемы индекса человеческого развития (продолжительность жизни, уровень образования, материальное благосостояние). Проблемы старения населения. Тенденции мирового демографического развития и характер развития международного разделения труда в мировой экономике. Усиление взаимодействия и взаимообусловленности социально-экономических, экологических и демографических процессов. Предоставление помощи в демографических вопросах. Население и модернизация. Роль демографического фактора в процессе социальной модернизации и экономического роста. Социально-ориентированный подход и приоритет общечеловеческих ценностей в регулировании воспроизводства населения.

13. Демографическая история Казахстана.

Процессы исторического развития населения Казахстана. Изменение динамики численности и воспроизводства населения Казахстана в древний период в его социально-исторической обусловленности. Архетип воспроизводства населения Казахстана. Средняя продолжительность жизни. Динамика численности родо-племенных

групп. Неолитическая революция и возникновение традиционного типа воспроизводства населения на территории Казахстана. Кочевничество и вопросы воспроизводства населения. «Великое переселение народов» и его влияние на демографическую историю раннего средневековья. Тюркский период и вопросы народонаселения (динамика численности; расовая, этническая, религиозная, возрастная, половая структуры; размещение, миграция, воспроизводство населения). Монгольское нашествие на территорию Казахстана и его влияние на динамику численности населения. Формирование территориального и демографического ядра Казахского ханства. Влияние колонизации и реформ на динамику численности и размещения казахов. Учет населения Казахстана в составе Российской империи. Формирование многонационального населения Казахстана. Итоги переписи населения Казахстана 1897 г. Города в системе расселения Казахстана. Крестьянское переселение в Казахстан. Население Казахстана в начале XX века. Демографические последствия первой мировой и гражданской войны в Казахстане. Темпы роста населения Казахстана в 1920–1926 гг. (Перепись 1920 г., городская перепись 1923 г., Всесоюзная перепись 1926 г.). Демографические последствия голода 1931–1933 гг. Динамика численности населения Казахстана в 1926–1939 гг. (Всесоюзные переписи 1937 и 1939 гг.). Население Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Депортированное население. Население Казахстана в 1950-е гг.: Пленум ЦК КПСС 1954 года об освоении целинных и залежных земель и его влияние на численность, и структуру населения Казахстана. Итоги переписи населения Казахстана в 1959 г. Население Казахстана в 1960–1990-е гг.: воспроизводство и миграция; половозрастной и национальный состав; образовательная структура. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан.

14. Источники данных о населении Казахстана.

Статистические источники дореволюционного Казахстана: Местные переписи населения. Военно-статистические обозрения областей Казахстана, Издания Центрального статистического комитета, Справочные издания, Справочные издания по отдельным областям Казахстана, губернаторские отчеты — «Обзоры областей», Материалы ревизии и отчетов, Статистика населения Переселенческого управления, Первая всеобщая перепись населения Российской империи, Сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. Статистика населения Советского периода: Перепись 1920 г., Городская перепись 1923 г., Всесоюзная перепись 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Выборочное социально-демографическое обследование населения 1985 г. Текущая статистика населения. Итоги переписи населения Казахстана 1999 года. Историко-демографические исследо-

вания; Исследования вопросов численности и расселения казахов в трудах дореволюционных авторов; современное состояние историко-демографических исследований.

15. Миграционные процессы в Казахстане.

Исторический обзор миграционного движения в Казахстане. Миграция населения в древний и средневековый период на территории Казахстана. Переселенческая политика царского правительства на территории Казахстана. Формирование населения республики за счет миграционного притока (сер. 20-х до конца 60-х гг.) Развитие внутренней миграции и динамика городского и сельского населения. Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России, Китая и Средней Азии. Причины и перспективы эмиграции из Суверенного Казахстана. Концепция миграционной политики Республики Казахстан. Этнополитические аспекты миграционных обменов. Закон о миграции. Современные особенности миграции населения в Казахстане и перспективы ее развития.

16. Процессы воспроизводства населения Казахстана.

Общая характеристика традиционного типа воспроизводства населения (казахов, русских и др.) Переход населения Казахстана к современному типу воспроизводства населения. Естественный рост и воспроизводство населения Казахстана. Рождаемость и репродуктивное поведение населения Казахстана. (Возрастные коэффициенты рождаемости. Брачная и внебрачная рождаемость. Суммарный коэффициент рождаемости). Смертность, средняя ожидаемая продолжительность жизни, самоохранительное поведение. (Возрастные коэффициенты смертности. Коэффициенты младенческой смертности. Структура смертности).

17. Современные этнодемографические и этносоциальные процессы в Казахстане

Историческая динамика этнического состава населения Казахстана. Этнический фактор социально-политического развития Казахстана: динамика этнодемографической структуры, особенности этноэкономической структуры, состояние этносоциальной стратификации казахстанского общества на современном этапе, особенности этнополитической ситуации. Этносоциальная ситуация: социальные аспекты национальных отношений, динамика межнациональных отношений (характер взаимодействия между этносами). Проблема бедности и безработицы в Казахстане.

18. История переписей населения.

Определение переписи. Категории населения, учитываемые при переписях населения. Первоначальные формы учета населения (в Древнем Китае, Японии, Египте, Месопотамии, Иудее, в Древней Греции и Риме). Распространение по хозяйственным переписям и

писцовых книг в Западной Европе. Развитие капитализма и рост потребностей в информации о численности и структуре населения. Регулярные учеты населения в Швеции с 1749 г. Регулярные всеобщие переписи населения в США (1790), Англии, Шотландии, Франции, Дании и Норвегии (1801г.). Складывание представления о научных основах проведения всеобщей переписи населения. Создание специализированных статистических органов. Первая научная перепись населения в Бельгии 1846 года. Перепись населения мира в XX в. Основные принципы современной переписи населения. Программа переписи населения. Международные рекомендации (МКНР). Правовая основа переписи населения. Переписи населения мира после второй мировой войны. Перепись населения в советский период и в постсоветское время.

19. Новейшие направления в демографической науке

Современные методологические подходы к анализу рождаемости, смертности, миграции. Модернистские и постмодернистские концепции демографического развития. Концепция «жизненного пути». Этология как новый подход к демографическим феноменам. Индекс человеческого развития.

Помимо изучения общепрофессиональных и специальных дисциплин, подготовка бакалавра-демографа предполагает прохождение следующих видов практики: учебно-ознакомительная (национально-культурные центры, управления статистики, биржи труда), полевая (социально-демографические обследования), учебно-производственная (педагогическая) и преддипломная.

Итоговая аттестация выпускников по специальности «Демография и история» осуществляется государственной квалификационной комиссией (ГКК). По прослушанным курсам сдаются:

Государственный экзамен по специальности «Основы демографии»: предмет и содержание демографии, структура демографической науки и этапы ее становления; методы демографического анализа; демографические структуры и процессы; концепции демографической науки.

Выпускная работа по актуальным проблемам демографии, исторической демографии или государственный экзамен по практической специализации – «Демографические процессы в Казахстане»: демографическая история Казахстана, источники данных о населении Казахстана; миграционные процессы и процессы воспроизводства населения Казахстана; демографические исследования в Казахстане.

Государственный экзамен по истории Казахстана, регламентированный Министерством образования и науки в качестве обязательного для всех вузов.

Лицам, завершившим обучение по программе бакалавриата, выдается диплом установленного образца с присуждением академической степени бакалавра с указанием специальности и практической специализации.

При подготовке данного проекта стандарта были использованы научные труды и учебные пособия ведущих казахстанских, российских и зарубежных демографов и историков.

СЕКЦИЯ 4

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Баженова Е.С., Москва

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УСПЕШНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В КНР

Огромное население Китая и постоянный его прирост создают множество социальных, экономических и экологических проблем. С начала 1970-х гг. китайское руководство проводит демографическую политику, направленную на ограничение числа детей в семье. В результате почти тридцатилетних усилий Китай нашел свой путь комплексного решения демографической проблемы — постепенно сформировалась система регулирования роста населения, удалось поставить под контроль чрезмерный рост его численности. С 1970 г. по настоящее время коэффициент рождаемости снизился с 33 до 15‰, коэффициент естественного прироста — с 26 до 9‰, по этим показателям Китай вошел в число стран с низкой рождаемостью. Эволюция коэффициента суммарной рождаемости от традиционного уровня, равного 6 к современному, равному 2, произошла за период около 20 лет. В мировой истории в мирных условиях не было прецедента такого быстрого массового падения рождаемости, как это имело место в современном Китае. Средние размеры семьи уменьшились с 4,8 человека в 1971 г. до 3,4 человека в 2000 г. При условии отсталой экономики в сравнительно короткие сроки произошел переход к новому типу воспроизводства населения — с умеренной рождаемостью, низкой смертностью и низким приростом населения. Достаточно быстро был пройден путь, на который развитые страны затратили десятки лет.

Одним из важных аспектов системы регулирования роста населения явилось демографическое образование, развитие и совершенствование системы подготовки специалистов-демографов, способных решать и разрабатывать как теоретические проблемы развития народонаселения в новых условиях — устойчивого развития страны и проведения экономической реформы, модернизации всех сторон жизни китайского общества, так и практических работников, которые на местах — в огромных мегаполисах и в сельской глубинке в течение многих лет неустанно вели кропотливую работу по осуществлению политики ограничения рождаемости и планирования семьи.

В течение примерно 15 лет — с начала 1970-х гг., когда началось проведение демографической политики в КНР и до середины

1980-х гг., в стране была сформирована развернутая система демографического образования — открыты демографические факультеты в университетах всех 32 китайских провинций, основной задачей которых была подготовка специалистов-демографов.

Одним из ведущих учебных подразделений является факультет демографии Народного университета Китая (г. Пекин, основан в 1981 г.) на базе Института исследований в области народонаселения, открытого в 1974 г. Основной профиль факультета демографии — разработка учебных программ и учебных курсов по демографии, проведение тренингов для специалистов в области народонаселения и планирования семьи. Здесь также организуются семинары и тренинговые программы по запросам различных министерств и ведомств, правительственных организаций, готовятся кадры специалистов-демографов широкого профиля, научные работники, преподаватели демографии и инструкторы для проведения программ планирования семьи. С 1982 г. факультету дано право готовить магистров и с 1983 г. — проводить защиты кандидатских диссертаций. На факультет подготовлены и вышли в свет несколько учебников по демографии и ряд учебников переведены с иностранных языков. На факультете работает более 50 сотрудников, более половины из них — профессора, доценты и преподаватели.

Институт исследований в области народонаселения ведет научные исследования и оказывает широкие консультационные услуги в области народонаселения для заинтересованных правительственных и неправительственных организаций. Один раз в два месяца выходит одно из самых известных в Китае демографических изданий - журнал «Исследования в области народонаселения» («Жэнькоу яньцзю», с 1977 г.). С 1980 г. Институт пользуется поддержкой Фонда ООН для деятельности в области народонаселения (финансовая помощь для пополнения и модернизации парка компьютеров и возможности повышения квалификации сотрудников за рубежом).

Сотрудники факультета демографии и Института народонаселения широко используют свои знания при подготовке и для консультационной работы при проведении всех переписей населения КНР, начиная с 1982 г. и крупных демографических обследований.

Институт имеет самую крупную из всех китайских университетов библиотеку демографической литературы, которая насчитывает многие тысячи изданий, включая иностранные книги; по подписке библиотека получает множество периодических изданий. Здесь сосредоточена значительная по объему база данных о населении Китая, включая статистические ежегодники, результаты переписей населения, итоги системы регистрации естественного движения населения, различных демографических обследований.

Компьютерный центр имеет более 30 самых современных компьютеров, которые используют и научные сотрудники, и преподаватели, а также студенты и аспиранты для научной, практической и учебной работы.

Институтом подготовлены научные труды по таким важнейшим направлениям, как стратегия развития населения Китая, анализ результатов переписей населения, новые проблемы народонаселения в условиях экономической реформы, границы демографии как науки и др.

Кроме того, в каждой провинции и городах центрального подчинения были открыты информационные демографические центры, перед которыми ставилась цель создания и постоянного пополнения базы данных о населении соответствующей провинции и распространения знаний и информации по планированию семьи, проведение демографических и социологических обследований с последующей обработкой их результатов, обобщением и анализом полученных данных, их публикацией. Каждый информационный центр издает свой информационный бюллетень или журнал, где публикует наработанные материалы.

Следует отметить, что в системе Академии общественных наук КНР, отделения которой также есть во всех провинциальных центрах, за это время сложилась сеть научно-исследовательских институтов, которые ведут научные исследования в самых различных областях науки о народонаселении, но в то же время готовят квалифицированных специалистов-демографов. Ведущим среди таких центров является Демографический информационный и научно-исследовательский центр Китая (г. Пекин).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что за последние 30 лет, параллельно с ходом экономических реформ, в КНР сложилась развернутая система подготовки специалистов-демографов, которая явилась хорошим базисом для исследований в области народонаселения и практической работы при проведении демографической политики, направленной на снижение темпов прироста населения.

С начала 1970-х гг., когда началось проведение политики планового деторождения, по настоящее время удалось элиминировать более 300 млн. рождений, что уменьшило государственные расходы на обеспечение растущего поколения, смягчило давление населения на ресурсы и экологию, содействовало развитию экономики и улучшению жизни народа. При отсутствии планирования семьи численность населения Китая сейчас могла превысить 1,5 млрд. человек. В докладе АН КНР по проблемам ресурсов и населения указывается, что население необходимо удерживать в пределах 1,6 млрд., по этой отметке проходит «линия судьбы» китайской нации.

Nicholas B. Barkalov, USA

**NEW FEATURES OF DEMOGRAPHIC DATA AND PRESENT
PROBLEMS IN TEACHING DEMOGRAPHIC ANALYSIS
TO RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS**

One can not escape noticing that, as of the very end of the 20th century, the demographic analysis, i.e. the formal, statistical study of demographic processes, has changed quite profoundly from what the demographers were used to in the 1960s and early 1970s. The changes are noticeable with regard to its mathematical tools and techniques, methodological approaches, common practice of dealing with empirical data, if even in its very core conceptual issues. Two circumstances, in my view, are of the most principal importance therein.

First. Whereas in the 1960s, a typical empirical (case) study of demographic processes was utilizing (pre-)tabulated (macro-)data on the composition (state) of a population under study and demographic events therewith, available chiefly from official statistical publications/releases (conventionally, the study was limiting its attention to respective age-specific rates), since the mid-1980s, virtually every published study was based on a collection of micro-data (i.e. individual records), obtained from available to researchers domains of a major retrospective survey, a micro-census (i.e. a large, up to 10-percent sample, national survey), and alike. The aforementioned gradual transition was essentially completed by the early 1990s.

Thence, demographic indicators of interest for a given demographic-analysis task are no longer supplied by an external (published) source of tabulated data, but rather they are produced by the research demographer's derivation from a micro-data set, which is typically a collection of individual demographic *event-histories* (sequences of demographic events, whose dates are recorded, occurred to a specific individual). There are basically two ways to proceed. The first one is a direct *tabulation* to obtain averages and distributions of an indicator in question with respect to specified demographic dimension(s). For instance, one obtains the distribution of the population of a specified age as of a specified calendar time (i.e. of an actual birth cohort) by the number of children ever born (current parity), marital or health status, etc. The second one begins with computing an *occurrence-exposure ratio*, for a given period of calendar time, specified by certain demographic dimensions (say, age, parity, marital status, length of open birth interval, etc.) The *occurrence-exposure ratio* thus produced becomes then the empirical base for implementing a chosen model that describes lifetime evolution of a hypothetical (synthetic) cohort. The model is implemented numerically by assigning the

occurrence-exposure ratio's value to its model counterpart (the so-called *orientation equation*).

Obviously, the first way, i.e. the way of *tabulations* serves mostly for purposes of the actual-cohort (longitudinal) demographic analysis, while the second one supports the period (i.e. synthetic-cohort, or cross-sectional, transversal) demographic analysis.

In fact, while the tabulated (macro-) data were limiting empirical implementation of the synthetic-cohort (period) analysis by supplying just few empirical quotients (in practice, the age-specific rates only), thus forcing demographers to deal with over-simplified models for lifetime evolution of a hypothetical (synthetic) cohort, which often produced evidently biased (and sometimes even inconsistent) estimates, hence discrediting the period demographic analysis in general, and contributing unfortunately to a false belief (particularly prevalent among older-generation demographers of Russia and France) that only actual-cohort estimates are reliable, the micro-data's ability to produce a virtually unlimited host of the *occurrence-exposure ratios* has removed the mentioned constraint, making, actually for the first time in our science, the period demographic analysis a logically consistent and empirically sound tool for practical studies of investigating demographic processes. In my opinion, that constitutes the most important advantage which usage of the micro-data had brought to the field of demographic analysis.

Fortunately, the recent decade was also marked with important theoretical contributions in the field of period demographic analysis (e.g. NН Bhrolch6in, 1992; Rallu and Toulemon, 1993; Barkalov and Dorbritz, 1996), chiefly with regard to fertility analysis, specifying and studying models for lifetime evolution of a hypothetical (synthetic) cohort, by far more refined than those conventional, solely-age based ones.

The said advantage came at a price, though. While dealing with tabulated (macro-) data requires no data-processing job at all, the micro-data *tabulations* for purposes of the actual-cohort analysis can be performed relatively easily with widely available commercial software packages, like SPSS-PC, equipped with command interpreters, accessible to demographers with little or no programming experience. Not so for the synthetic-cohort based (period) demographic analysis that involves the *occurrence-exposure ratios*' computation. It calls for a job of skilled professional programmers applying high-level programming languages (such as C, Pascal, Modula) with compilers into the object code (rather than command interpreters). The necessity to chose and apply, for measurement purposes, a formal model of a hypothetical (synthetic) cohort's lifetime evolution, often a mathematically complex one, requires some higher skills from the demographer himself, too.

To that, one adds the cost of micro-data *per se*, or more precisely, the cost of getting access to the data, which is not necessarily of proper finan-

cial, but perhaps, of operational, or political nature. My Russian-language note that supplements this paper (appearing in the present book as well) offers an overview of major collections of demographic micro-data currently available to Russian researchers and teachers of demography from international and national statistical data producing companies and projects, such as the Demographic and Health Surveys (DHS) in the less-developed countries, the Fertility and Family Surveys (FFS) in the UN European region, US and Russian national data sets. In particular, lower quality of the FFS data sets is noticed and commented on. I am also pointing out preferability (for statistical analysis, particularly for educational purposes) of a self-weighted, non-stratified data set (like those produced by the Russian micro-census of 1994, FFS collections for the Baltic and some East-European states) over a stratified one, each stratum of which appears with its own fixed weight. The procedures needed to obtain access to the data are discussed in the Russian-language supplementary note, as well.

Second. During the 1990s, the contemporary tasks of demographic analysis had, in a way, shifted closer to the area of macro-economics, and undoubtedly became more politically charged, especially in less-developed countries, and crisis-ridden countries of 'transitional economics' (Russia among them).

Although there had never been a sound rationale to presume that demographic processes (mortality and fertility primarily) could and should be studied chiefly as long-term, nay, secular, laminar trends, putting faster macro-economic and political changes on a background, both theoretical and empirical studies by Russian demographers had been mostly falling within that traditional presumption, particularly in a conceptual framework of the demographic transition.

In the 1990s, however, the presumption mentioned became far less unchallengeable than it seemed before. Indeed, while the Russian Federation, accompanied by quite a few of its former Socialist neighbors had been dipped into a severe (if, possibly, well anticipated) economic and political crisis, the demographic crisis (the fertility level dropping to its all-time lows, mortality and morbidity rising, a formidable out-migration wave being sustained over decade) had arrived simultaneously, while apparently unexpectedly. Conclusively, it became quite a challenge to ignore the importance of shorter-term temporal variation in the demographic processes (mortality and fertility primarily), especially disregarding its commonly perceived link to the economic and political crisis.

Meanwhile, in the broader Third World of less-developed countries, development projects and foreign-assisted programs had been extending onto the field of population qualities away from their traditional narrower

focus on proper macro-economic issues. Multi-lateral donors' projects aiming to reduce HIV prevalence in Middle Africa serves as an example.

In addition, national programs attempting to reduce the overall fertility levels, say, in China, India, South-East Asia, introduced earlier, had but acquired further attention and strategic interest.

Therefore, it is not surprising that *macro-demographic* indicators, such as the life expectancy, the infant mortality rate ($IMR = q_0$), the under-five-age death rate (${}_5q_0$, in the life-table notation), and the total fertility rate (TFR), i.e. measures originated within the realm of demographic analysis proper (rather than in a broader area of population studies) had been firmly placed in the list of strategically important national indicators watched closely by the national governments, international political organizations, and major trans-national corporations, on equal footing with conventional macro-economic indicators (like the GDP per capita, or the inflation rate), which had always been in the strategically important watch list.

In fact, during the 1990s, one even notices an emergence of pseudo-scholarly works (e.g. the UN "Human Development" Reports) advocating to attach the prime importance to those *macro-demographic* indicators over the conventional, macro-economic ones.

Undoubtedly, the strategic and political interest the *macro-demographic* indicators presently generate, lies entirely in the context of their short- and medium-run temporal evolution, i.e. developments comparable to macro-economic and political changes (major foreign-assisted programs in particular) the population in question is undergoing. In practice, that calls for a 'faster' demographic analysis, i.e. instant *macro-demographic* measurement and analytic evaluation, ideally, on an annual (year-by-year) basis, or involving averaging over no longer time periods than needed to establish statistically reliable estimates (normally, it's either 3 or 5 calendar years).

In this regard, it would not be reasonable, of course, to rely on the good old (indeed, in use since the 19th century) actual-cohort-based (longitudinal) methodology to supply required time series of the *macro-demographic* indicators. Rather, the celebrated methodology had been designed to represent numerically (in a simple and reliable way) those slow, generation-by-generation, not much faster, changes in the *macro-demographic* measures of demographic processes. In fertility analysis, in particular, the actual-cohort TFR appears as little more than a long-term average over the annual period TFR values (NН Bhrolchōin, 1992, P. 610), hardly a good substitution for the 'faster' demographic analysis. Besides, since the actual-cohort TFR lacks a calendar time reference point, "the really damaging consequence is that cohort TFRs are always out-of-date" (Brass, 1990, P. 456). In plain words, the actual-

cohort-based (longitudinal) technique is just too ‘slow’ for contemporary tasks of demographic analysis.

Instead, those seeking practical and political outcomes demographers have to necessarily turn to the period (synthetic-cohort-based) demographic analysis — a technique more sophisticated, of more complexity, both theoretically, mathematically, and in its requirements for micro-data processing (and indeed, as I have mentioned above, one that only recently became fully available), yet the only one that seem to suit the task.

Notably, the American (unlike Russian or French) tradition of demographic analysis had always been to consider demographic processes in the context of macro-economic and political development, i.e. in the middle-run (comparable to long waves of economic and technological changes), rather than as secular trends.

In fact, Pascal K. Whelpton’s classical works in fertility analysis of the late 1940s – 1950s (which had enriched demography with a most important age-and-parity-based model for a synthetic cohort’s lifetime evolution, long before the multi-state life-tables were introduced in the general context), came as but a well-pointed theoretical response on major changes in the US fertility, such as the ‘Baby-boom’, occurred along with the nation’s emergence from the Depression Era into the war and the post-war overall prosperity.

In short, whereas the new features of data presently available for demographic analysis made it possible (actually, as never before) to fully implement the period or ‘faster’ demographic analysis, the present demand from the governments and other potential patrons of research demographers necessitate to chose exactly that research path. The path in question, though, is complex, requires researchers to attain some better than before skills in formal demography and calls for support from the areas of mathematical statistics and software development. Hence, to adjust the way in which demographic analysis is taught in Russian universities is, in my opinion, a most important task. The syllabi of supporting academic disciplines, such as statistics and the introductory course of demography, do in my view, also require some alterations.

While largely disregarding didactic and pedagogical challenges that the Russian university academia might face, in this paper, I am addressing the said issues from viewpoint of a principal requirement for the academia’s ‘final product’, i.e. a newly graduated Russian research demographer. That principal requirement being to become integrated smoothly into the highly competitive international community of professional demographers.

A particularity of Russian academia’s history had aggravated the problem, as I see it, by creating an extensive inter-generational gap between the university students in demography who are about to face the

above-mentioned integration and competitiveness requirement, and their teachers who had never ever faced it. Indeed, due to certain reasons (which I am going to touch briefly in the very end of this paper, Section 7), the Russian academic and research demographers had been alienated from the mainstream demographic science, functioning instead, for quite a few decades, under a false presumption that demography as a science could possibly remain alive and well (as the late Generalissimo had put it:) “in a single country, considered separately from the others”.

1. Abstract Cohorts: a suggested conceptual framework for demographic analysis. Professor Dmitri I. Valentei (1922-1994), the founder and Head of the Chair for Population Studies and Demography at the Moscow State Lomonosov University, who, until his death, had been indeed the undisputed leader of demography education in Russia, stated repeatedly that demography ought to be viewed as a *system of interrelated demographic sciences* (or disciplines), each of which possessing its own object and methodology. Following his guideline, one distinguishes the descriptive demography from demographic analysis. The former studies a population as a host of people, an entity described with its composition, or structures, with respect to, say, age, sex, marital status, parity. The evolution of those structures, both in retrospect (population history) and prospect (population projection) is of interest as well. On the whole, descriptive demography borders and supports yet another, applied, discipline, which is commonly termed *business demographics*.

On the other hand, the demographic analysis in its stricter definition is a study of demographic processes considered alienated from the host population. As the matter of fact, that *alienation* is what chiefly charts a separate field of research for the demographic analysis as a science (¹). An immediate rationale behind the *alienation* is that a population’s evolution is always slow, inertial. Hence, an observed population is largely a product of its own evolution path, which is usually unique, i.e. extremely unlikely to be replicated by any other population. Therefore, considering a regularity of demographic changes in context of the observed population, one gets only a means to derive conclusions with respect to that observed population, not of a more general nature, which was desirable.

Instead, the demographic analysis considers a demographic process as a flow of demographic events in context of life of a sole person, an individual, not a population as an entity. It focuses on the *quantum* of a process under study, which is the lifetime total of the demographic events in question (e.g. the lifetime number of births defines the fertility quantum), and on the *tempo*, which is the timing of the most important for the study event(s). For instance, the age at death constitutes the mortality *tempo*, whereas the mortality *quantum* is obviously a constant, equaling 1.0 In practice, an empirical study has often to be confined to the *quantum* and

tempo indicators only, for more detail indicators are often unreliable due to statistical error of estimation. Being the individual-level counterparts of the *macro-demographic* indicators, the *quantum* and *tempo* quantifications are, of course, of the prime interest for applications.

Within the conceptual framework I am herein suggesting the *abstract cohort* (the adjective *abstract* is added here to avoid confusion with the common definition) is defined as fully an imaginary body, created strictly for purposes of analysis. Technically: it is to translate the uncertainty associated with demographic events on the individual level into a probability distribution of an artificial population. Or in more common words, an *abstract cohort* is an imaginary population generalizing (comprising, formally gathering, collecting) individual life paths into an aggregate whose diversity is thus implied. For instance, in an individual woman's life, the first marriage is subject to uncertainty: it might occur in this or that year of her life, or never at all. On the *cohort*, i.e. an artificial population's, level that is represented with a distribution by first-marital status (single vs. ever married), tracked by age until the most advanced, upper age limit, when the proportion of currently single equals to the proportion of ultimately never ever married. Formally, an *abstract cohort* is an imaginary *stationary* population (i.e. one that allows out-flows, attrition, decrement, but not in-flows, increment), and, for analytic purposes, every *abstract cohort* is assigned the same initial population size, which is reduced to a unit, i.e. 1.0. The introduction of a cohort as an imaginary population of the initial size 1.0, is a research trick of a precisely the same kind as, say, a convolution of a univariate sample into a distribution function to be studied analytically.

There are two ways to link an *abstract cohort*, i.e. demographic analysis' ideal object, to the actual, observed, host population. The first one, most straightforward (if most trivial), is provided within the actual-cohort (longitudinal), or 'slow', demographic analysis' methodology. It establishes exact empirical counterparts to the artificial cohorts' populations, which are just actual birth cohorts in the conventional definition, i.e. contingents of people of the same sex that share a calendar year of birth. Those empirical cohorts had to be observed for the entire length of their lives. Thus the demographic indicators of interest, the *quantum* and *tempo* in particular, are obtained with straightforward observation (or a simple tabulation of recorded data), making the estimates always consistent and reasonably reliable, if always much too late.

On the other hand, the period demographic analysis' methodology links the ideal, imaginary *abstract cohorts* to the empirical, real population as well, but quite in a different manner. It is established by the *Synthetic Cohort Principle*. The Principle defines a *synthetic cohort* as an entirely hypothetical, imaginary *abstract cohort* whose entire life would

take place under the conditions observed in the host population within a given calendar period (e.g. under the fertility conditions observed in the host population within the current calendar year). In itself, the Principle does not define a way in which those conditions with respect to a demographic process(es) under study should be specified, hence allowing for different practical ways of measurement. Each of them is based on a theoretical model describing a cohort's lifetime evolution under the demographic process(es) in question. Nearly always, it is a multi-state (increment-decrement) life table. For instance, for period fertility analysis, one usually applies Whelpton's age-parity fertility table, which, actually, is a multi-state life table whose states are identified with current parity (see, for instance, an application the Russian fertility in my paper of 1999). A theoretical model chosen to describe the synthetic cohort's lifetime evolution is then implemented numerically by equating one of its variables which represents an occurrence-exposure ratio to its empirical counterpart (the *orientation equation*). In Russian, we call the entire procedure an application of the *demographic method*, while the theoretical model describing a cohort's lifetime evolution is often referred to simply as a *demographic table*. While not endorsing a particular way of measurement, the Synthetic Cohort Principle supplies a guideline to judge and compare them. Namely, it commonly can be determined if a certain method represents the demographic process under study more accurately than another does, especially whether the current conditions are reflected more precisely with eliminating the influence of the population's evolution of the past. An ill-chosen theoretical model of a cohort's lifetime evolution, or an ill-specified orientation equation might result in inaccurate or even inconsistent estimates for the *quantum* and *tempo*. Hence, the period demographic analysis, unlike the 'slow' actual-cohort technique, is largely an art of skillful modelling and formal model evaluation, supplemented with (often rather complex) computer micro-data processing. The reward, though, consists in far more practically interesting (if currently not the only interesting) *macro-demographic* indicators that only the period demographic analysis is in capacity to supply. Of course, the fact that period demographic indicators pertain to an entirely imaginary body of population, the *synthetic cohort*, in no way implies that they are less 'real' than those obtained from an actual cohort with a direct observation (²), though such a superstition is still harbored by some Russian (if French) demographers, seemingly due to their ill-fortuned experience with most trivial, conventional (based solely on age-specific rates), period demographic indicators.

The transition from the individual life level to the *cohort* level typically translates individual *quantum* and *tempo* values into distributions. For instance, in the case of fertility, the *quantum* comprises a distribution of the

cohort with respect to the lifetime number of children ever born. Such a distribution is convenient to formally represent with *parity-progression ratios*. If those refer to a *synthetic cohort* constructed under the Synthetic Cohort Principle, then one usually calls them *period parity-progression ratios*. Importantly, those indicators are defined uniquely for any *cohort*, an actual or synthetic alike. What differs is the estimation procedure. In the latter case, it is far more complex and sophisticated than in the former case, where it is reduced to a straightforward tabulation.

2. The theoretical and practical value of solely age-based demographic quantifications and models has been clearly diminishing. And specifically, less importance is attached to conventional age-specific rates. When the supply of data for empirical studies was confined to pre-tabulated quotients, in practice, the only macro-data available for researchers were scores of age-specific rates (e.g., age-specific fertility rates), that is ratios whose denominator represents the size of a population contingent defined solely by its age (a single-year or five-year age interval), drawn from the observed single-sex population, though the numerator could stand for the number of observed demographic events of any kind, defined by the age interval and/or some other *dimensions* (say, the number of births of a certain order to women of the specified age). As that example suggests, an age-specific rate is not necessarily a proper *occurrence-exposure ratio*. On the other hand, at present, a demographer (utilizing a professionally written software) can produce a nearly unlimited manifold of the empirical quotients, namely, *occurrence-exposure ratios*, by deriving them from a collection of micro-data. Because the supply becomes of little limitation, the critical role falls onto the demand side.

In theory, as it is presently established, *age* is recognized as just one of many *dimensions* a demographic event, or state of a population, can be described with. It is not necessarily a most important *dimension*, nor is it even an always required for a meaningful description. For instance, speaking about fertility of modern populations of “European culture”, Louis Henry (1954:8) observed: “in practice, the limiting effect of ageing is secondary, and size of family [i.e. parity] becomes the most important factor”.

In practice of period demographic analysis, the demand for a specific empirical quotient (usually it's a proper *occurrence-exposure ratio*), is dictated by a chosen for measurement purposes model of synthetic cohort's lifetime evolution. However, excepting the well-charted task of constructing a basic (single-decrement) life table for period mortality analysis, under which the conventional age-specific mortality rate is a true *occurrence-exposure ratio*, the measurement models for period demographic analysis do not seem to generate demand for age-specific rates proper.

Because of that, an age-specific rate might only serve for illustration purposes. Yet here too, an indicator obtained as an age-specific variable of the synthetic cohort is obviously more accurate and more consistent than a conventional age-specific rate, which, after all, pertains to an observed population rather than to the synthetic cohort.

For instance, it is preferable to illustrate an ‘age profile (or, age schedule) of fertility’ with the age-specific reduced number of births (all birth orders combined), i.e. a variable of the synthetic cohort, which has been implemented numerically with a consistent measurement model, such as Whelpton’s multi-state life table, rather than to rely on the age-specific fertility rate computed conventionally. The respective ‘fertility curves’ plotted against age, however, might appear quite similar on an illustration.

Consequently, the role of standardization with respect to age is diminishing as well, though traditionally it is attached a great importance in Russian textbooks and syllabi on demography. One hardly is interested in, say, a crude birth rate (CBR) ‘standardized with respect to age’. Indeed, besides the fact that it is standardized with respect to age only, ignoring the other demographic *dimensions* (like parity, length of open birth interval), that monstrous indicator, though standardized, remains in its very nature (and in units of measurement) just a crude population-based quotient, not a variable pertaining to the synthetic cohort. The latter, of course, supplies much better measures of the fertility quantum, which, due to the very Synthetic Cohort Principle, are standardized fully, i.e. are completely alienated from the observed population, its structures of any kind. Hence, it is substantial, in my view, to reduce the time (and length in the textbooks) dedicated to standardization by age (and related topics like the Kitagawa decomposition). A good set of exercises (fitted to the student’ self-guided work with a spreadsheet software) would, nevertheless, remain useful. In general, contrary to a tradition of the Russian syllabi in demography, it is wasteful to start the fertility analysis topic (or mortality analysis topic, for that matter) with introduction of the respective crude rate (CBR or CDR), followed by a lengthy criticism of that crude rate.

By the same token, whereas the Lexis diagram remains an essential graphic construction to illustrate some simple measurement models of demographic analysis (above all, the basic, single-decrement, life table), and serves as a useful tool for descriptive demography as well, thus earning its firm place in a demography syllabus, a lengthy introduction entitled ‘Time and Age in Demography’ supplemented with definitions of ‘demographic bodies’ of ‘first kind’, ‘second kind’, ‘third kind’, etc. (i.e. rectangles and triangles on the Lexis plane), which the Russian syllabi conventionally favor, I see as waste of time and energy.

3. The actual-cohort-based, or 'slow', demographic analysis and the period, or 'faster' demographic analysis are not in opposition to each other, but rather they form two different methodologies under the same general approach. In fact, a perceived opposition of those two methodologies is implied solely by the necessity to rely on tabulated age-specific rates, not by the nature of the method. Indeed, when the data were limited to macro-data tabulations, the most common way of measuring a *quantum* or *tempo* indicator (i.e. estimating its numeric value) consisted in collecting the supplied age-specific rates either along the Lexis diagram's diagonals, i.e. life-lines (for the actual-cohort, longitudinal technique) or along its verticals, i.e. time-lines (for the period, cross-sectional technique), and performing computation based on the empirical quotients so collected. That paradigm of collecting, or more accurately, the *induction* paradigm (for one ascends from available empirical quotients to the indicators of interest with a known, simple way of computation) was prescribed by the nature of data available. With the micro-data sets serving as the main data source, however, the estimation paradigm turns into a *deduction* one. As soon as it is clear what exactly *quantum* or *tempo* indicators are of interest for a given analytic task, one undertakes to measure them either by a simple tabulation (for the actual-cohort, longitudinal technique), or by constructing a formal (measurement) model to describe a cohort's lifetime evolution and then numerically implementing it with the *orientation equations* to link the model's variable to an empirical occurrence-exposure ratio. Finally, the *quantum* or *tempo* indicators of interest are produced by that model. Thus, one descends from the indicators of interest down to empirical quotients required for their derivation, selecting an appropriate formal model for measurement. Hence, under the *deduction* paradigm, the 'slow', and the period, 'faster', demographic analysis methodologies differ in the way of computation (though, to a great extent, indeed), yet they both determine what empirical quotients are needed for the task depending on the task itself, and then derive the needed quotients with micro-data processing, not collecting them from a given supply table. In fact, under the *deduction* paradigm, the very terms *longitudinal* and *cross-sectional (transversal)* became misleading. Hence, I am suggesting terms: *period (synthetic-cohort-based)* demographic analysis and *actual-cohort-based* demographic analysis, instead.

The major trouble is that under the old *induction* paradigm, the technique as the way of computation dominated over the demographic meaning of the *quantum* or *tempo* indicators to be computed. The really damaging consequence is that, in a student's mind, a demographic indicator of interest might become too firmly associated with a specific method of its computation, which then serves *in lieu* of the indicator's proper definition. For instance, the total fertility rate might be seen as the sum of the age-

specific fertility rates, either along the Lexis diagonal (for an actual cohort) or along its verticals (for a synthetic cohort). But of course, that is a methodologically false way of thinking. Correct is to define the total fertility rate as the mean indicator of the fertility *quantum*, namely the mean lifetime number of children ever born per woman, or the mean lifetime *reduced* number of children born (for a *cohort's* size is set to the unit), with reference to either an actual or a synthetic cohort. There are different ways to compute, or, more correctly to say, different ways to estimate value of the so defined indicator. Particularly, in the case of synthetic cohort, different measurement models and orientation equations might be applied, resulting in different estimates, yet those are estimates for the same very indicator. True, some of the ways of estimation might result in a more accurate, while some 's in a less accurate, or even plain biased, inconsistent, estimate. Resting on the Synthetic Cohort Principle, however, the demographer, has certain grounds to judge which way of estimation to prefer.

Here is an example. Based on micro-data sets collected by the 1994 Russian micro-census, an estimation of the fertility *quantum* for the synthetic cohort of 1989 of the ethnic Armenian (Hayck) population of the Russian Federation has resulted in $TFR = 2.3462$ with the period parity-progression ratio toward a first child, $p_0 = 1.0710$, which is clearly a biased, and even inconsistent estimate. Indeed, the period parity-progression ratio in question represents the lifetime probability for a woman to give birth to at least one child, i.e. not to remain ultimately childless. Obviously, its value can never exceed 1.0. The overestimated p_0 raises a suspicion that the total fertility value, TFR, was overestimated as well.

The aforementioned bias has occurred because the fertility rising during the 1980s (due largely to the Soviet Union's effective pro-natalist campaign) had caused the female population composition with respect to parity and open birth interval to diverge significantly from one that would take place were the fertility conditions of the 1980s matching those of the reference year, 1989. However, an ill-chosen estimation method, known as the conventional one, which only takes the age-specific fertility rate into account, ignored the shift in the parity and birth-interval population compositions. A better, i.e. closer corresponding to the Synthetic Cohort Principle, method of estimation, known as the PAD method (a.k.a. the ISFRAD method), which relies on a far more complex model for the synthetic cohort's lifetime evolution, returned $p_0=0.9536$ (i.e. the childlessness level of about 5 percent) and $TFR=2.2217$. It is important to realize, though, that a more complex model usually requires a bigger data set for a statistically reliable estimation. In this example, where the sample amounted to just about 10,000 women of reproductive age, the statistical

error was substantial. For the TFR, the standard (quadratic) error was estimated as 0.0736.

4. In general, the students should be brought to a clear understanding that numeric values of demographic indicators are always subject to a statistical error (i.e. affected by stochasticity of the data). The reason for that is neither that estimates are usually derived from a sample (as the opposite to the entire population), nor that demographic events are not always recorded properly by the vital (or civil) registration services. Rather, the key reason lies solely with the fundamental fact that a researcher observes just one and only reality from a host of all possible 'realities', which might take place, yet most of them didn't, though each of them might have a probability to occur nearing that for the reality that actually took place. For instance, whereas a demographic event (death, say) is known to have taken place at a certain calendar year and month, under a certain age of the deceased, and it was recorded correctly and properly, yet, due to innumerable reasons, the death could (equally probably) take place several days before or several days after the day it actually occurred, thus possibly placing the event in question into another calendar month and/or age interval. The same can be said about a marriage, divorce, migration, birth of a child, etc.

Generally, empirical data nearly always conjoin with the *intrinsic stochasticity*. Consequently, measures of demographic indicators are always subject to a certain instability, uncertainty, random variation. That's why, one talks about *estimation* of the indicators of interest, rather than their exact measurement, while the uncertainty due to the data's *intrinsic stochasticity* is commonly reflected as the (statistical) estimation error. And indeed, presence of the *intrinsic stochasticity* is what gave birth to mathematical statistics as a science.

Of course, the *intrinsic stochasticity* is present in tabulated (macro-) data as well. But firstly, it is less pronounced, for tabulated data values are normally based on larger original data sets than a typical micro-data collection, and hence the *stochasticity* is diminished by averaging to a greater extent. Then secondly, since the data come in a tabulated form, their *intrinsic stochasticity* is difficult (if ever possible) to detect. In other words, tabulated data do successfully create an illusion of no stochasticity at all. In the case of micro-data, however, the *intrinsic stochasticity* is almost always possible to detect. Whereas often it is a complicated job, it can not be ignored in a professional study.

A most modest task the demographer would seek to accomplish in that regard is to quantify (or to estimate) the magnitude of the estimation error, i.e. to be able to judge to what extent the estimate for an indicator under study is reliable. The conventional measures for that are: the standard (quadratic) error, which is the standard deviation (i.e. the square root

of the quadratic variance of the estimate treated as a random variate), and quantiles of the confidence interval.

Whereas good academic textbooks in formal demography do offer symbolic expressions (i.e. analytic formulae) for the standard error of estimate referring to selected summary demographic indicators (e.g. Smith 1992:108-117, 242), those (the famous Greenwood's formula notwithstanding) are limited to relatively simple indicators obtained in the conventional way from the empirical age-specific rates, which is of little interest under the conceptual approach I am suggesting in the present paper, except for applications to actual cohorts. Undoubtedly, to an even greater extent the lack of appropriate symbolic solutions is felt with respect to more complex statistical tasks, such as the statistical inference analysis (i.e. hypotheses testing).

Certainly, more advanced and more refined symbolic quantifications are being developed in the field to serve more complex measurement models, such as Whelpton's age-parity (multi-state) fertility table describing a synthetic cohort's lifetime evolution. But of course, since the measurement models themselves are often rather complex, the symbolic expressions for quadratic variances of their summary (*quantum* and *tempo*) indicators can not possibly be simple. In fact, their software implementation might require a professional programmer's job supervised by a demographer well-skilled in the formal methods. Neither is likely to be easily found within the present-day Russian demography academia.

Obviously, one has to switch attention from the world of symbolic quantifications to the world of numeric techniques. And indeed, fortunately, there is a new (developed in the late 1980s) statistical technology, which appears so promising that I am not hesitating to suggest is as the principal (if virtually the only) tool to be employed in research studies and in teaching statistical aspects of the demographic analysis.

The technology, which belongs to the Monte Carlo (statistical trials) family of methods, can be conceptually reduced to the following. A collection of micro-data (a sample, commonly) that the estimates are based on, which is a formal representation of the observed reality, can be used not only to derive the estimates of interest, but also to generate other collections of micro-data, each of which can be treated as a representation of an alternative 'reality' that might have taken place instead of the actually observed one, yet it didn't. Each of those artificially generated data collections, called a *pseudo-sample*, appears in quite a similar to the original sample way, and maintains the sample size of the latter. A good software (see my comments below) can generate as many of such *pseudo-samples* as desired. To each of them, i.e. to each of so represented alternative 'realities' the technology attaches the same probability to take place instead of the reality represented by the original data collection (sample) which

actually took place and was observed. The estimate of a demographic indicator of interest can be thus derived repeatedly, each time from a new *pseudo-sample* with an exactly the same estimation routine. In total, an array of *pseudo-estimates* each derived from its own *pseudo-sample* becomes so constructed. Since the array can be generated as large as needed, a statistic of interest (such as the standard quadratic deviation) can be computed from it straightforwardly with a reasonable reliability. The technology thus described is referred to as the iterative pseudo-resampling, or, more commonly, as the *Bootstrap* technique. The latter, slangish, though quite official, name is a reflection upon a certain American saying.

For the matter of the Bootstrap's application to demographic analysis, the following points are substantial:

The Bootstrap's conceptual scheme, which was described above, is simple, transparent, and straightforward. To understand and appreciate it, one needs neither mathematical skills nor training in statistics.

The mathematical foundation of the Bootstrap, however, is quite complex. In fact, it is complex to such an extent that, in my opinion, no demographer should touch that area lest his intuitive feeling of the method might be lost to confusion.

The Bootstrap makes no parametric assumptions, and basically can be applied to nearly any task under the following two conditions, which I have to state informally, loosely. (i) It can be assumed that each individual record in the original sample had been drawn with equal probability and independently from a certain homogeneous host (statistical) population. Obviously, non-stratified, self-weighted, samples of demographic micro-data do not contradict to that assumption, while the stratified, weighted, samples do. There are algorithms for stratified samples too, but they are more complicated and less intuitive. (ii) Whereas the indicator whose statistical estimates are under study can be obtained with as complicated estimation routine as needed 's one only has to replicate that routine for each *pseudo-sample* separately 's yet some singular (in a certain mathematical sense) indicators could not be studied under the Bootstrap. To put it quite loosely: 'good' indicators (where the Bootstrap is applicable) are averages, means of a kind, 'bad' indicators (where the Bootstrap may fail) are kinds of extreme values.

The Bootstrap requires very light programming job, which often can be performed by a non-professional programmer. In essence, the compiled program should only replicate the estimation routine many times, i.e. for each *pseudo-sample* separately. Hence, if the estimation routine itself can be implemented in a software, then the Bootstrap procedure can be implemented as well. On that matter, I would suggest not to compute the final statistics (such as the standard deviation) within the compiled

program. Rather, the program should generate the Bootstrap array of *pseudo-estimates*, which then to be imported into a spreadsheet software, and the statistic(s) of interest computed there directly.

The Bootstrap lays substantial requirements on the computer (PC) resources: high speed, extensive RAM size and disk space are needed. Importantly too, a random-number generator employed should be of the high end. Unfortunately, the random-number generators supplied with inexpensive and popular compilers (such as. Microsoft C, Borland C, Borland Pascal), and certainly those which are built in spreadsheet software (e.g. Microsoft Excel, Corel Quattro Pro, IBM Lotus) utilize an older two-byte linear-congruent method. The period of such a generator (i.e. the maximal number of random numbers it can generate) can not theoretically exceed $2^{16} = 65,536$, while in practice it falls around 40,000. That is barely enough for most simple, specifically adapted for teaching purposes, exercises, but surely is far from what is needed in a research study.

There is a very good introductory textbook in Bootstrap (Efron and Tibshirani 1993), written in clear, plain-English, language, with examples well chosen, and without an overload of mathematics.

Figures 1 and 2 present an example of the Bootstrap's application. They refer to a period fertility quantum (period parity-progression ratios) estimates for the synthetic cohort of Estonia's population, 1989-1993. The sample, which is non-stratified, i.e. self-weighted, contains 5,020 individual records of women's maternity histories. It was collected within the Estonian FFS project conducted by the Estonian Inter-university Population Research Center, EKDK (Professor Kalev Katus, *et al.*). The estimates are based on the parity-age, Whelpton's model (the PA, a.k.a. ISFRA measurement method).

Figure 1 shows graphically how stable the estimates are under stochasticity of the data. Along with the estimates derived from the original sample, the Figure depicts those from the Bootstrap pseudo-samples, 1,000 of which were generated. They are represented with a histogram: its *X*-axis positions the estimates, while the *Y*-axis assigns Bootstrap frequencies (empirical probabilities) to them. Visibly, the estimate for the lifetime probability to give birth to at least on child, p_0 , and therefore, the childlessness level, $1-p_0$, are fairly stable: their dispersion along the *X*-axis is pretty small. The reliability, however, declines fast with parity. That is reasonable, for the effective sample size shrinks with parity considerably. Interestingly that, judging from the Figure, it is not possible to distinguish statistically the estimates for parity-progression ratios above parity one: p_2, p_3, p_{4+} , whereas their estimates derived from the original sample appear distinct. In other words, the differences in the estimates for positive parities are statistically insignificant, i.e. due to stochasticity of the data.

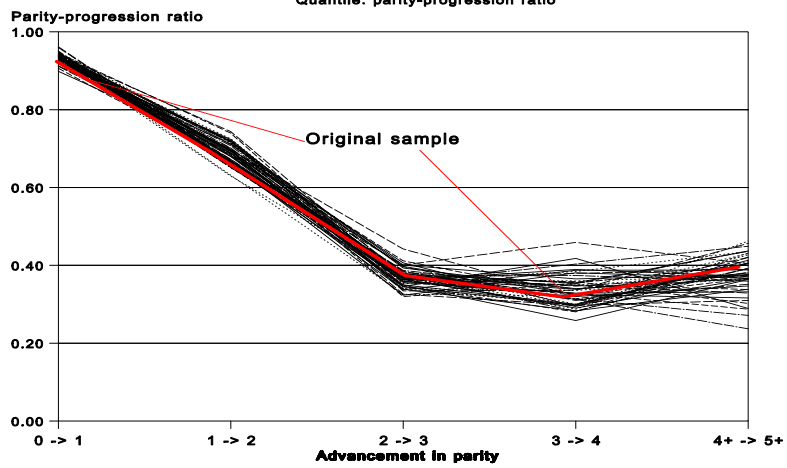
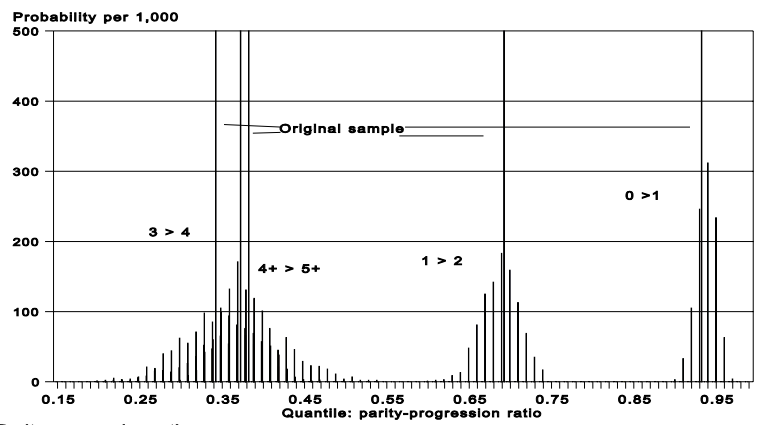
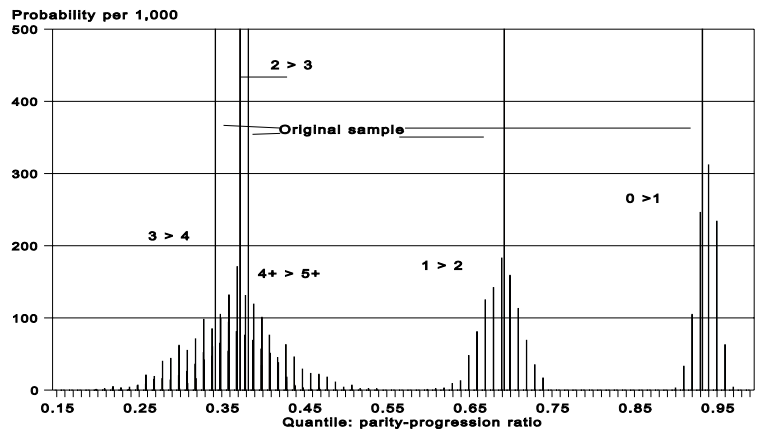

Figure 2 presents yet another perspective. Each line on the graph corresponds to its own Bootstrap pseudo-sample (100 of those, in total). One is interested in statistical stability of an empirical regularity that appears from the original sample. Namely, one observes an inequality $p_{4+} = 0.380 > p_2 = 0.369$, i.e. the lifetime probability to give birth to a fifth or a higher-order child appears to exceed that for a third child (graphically, the ‘tail’ of the parity-progression curve is up). Such an inequality (which I observed for several populations of Easter Europe, and Russia) can be interpreted as a presence of a small contingent with a distinctively higher fertility level. Since it is small, its influence on the overall fertility level, measured with TFR, is not very well detected, yet an usually high probability to advance to upper parities, p_{4+} , indicates its impact.

However, could it be that the inequality in question is just a statistical artefact, i.e. a consequence of the data stochasticity? Figure 2 speaks in favor of that conclusion. In the example studied, the Bootstrap estimate for the probability of the inequality in question amounts to only 0.72.

The Bootstrap can be applied to two-sample problems of statistical inference, as well. For instance, one could test statistically a hypothesis that the total fertility rate (or the childlessness level) of the ethnic Estonian population exceeds that for the ethnic Russian population of Estonia. The respective algorithms are given, e.g., in the above-mentioned textbook of B. Efron and R. Tibshirani (1993, P. 221).

5. Teaching the elementary probability theory and statistics to demographers. Since turning to micro-data allows to attach more attention to statistical aspects of demographic analysis in general, it becomes highly important to ensure relevance of the background training courses in the probability theory and statistics, which are normally presented to students in demography prior to their taking systematic courses in demography itself.

Years of my experience in reviewing manuscripts in formal demographic fertility analysis submitted for publication in major journals, as well as my personal communication with scores of demographers, students included, both in the United States and abroad (in Germany, Estonia, and particularly in Russia) had lead me to a sad conclusion that certain greatly important areas of the modern probability theory and statistics are learned to an unsatisfactory degree, preventing the demographers from their fluent applications to research problems in demographic analysis.

That finding came as a surprise to me, because the areas in question are not ones of higher mathematical complexity. On the contrary, they seem to be of greater formal transparency, more intuitive, and, importantly, more probabilistic in nature than the other, more classical areas of the probability theory and statistics, which the host of demographers (excepting, possibly, older generations of the Russian ones) had seemingly mastered fairly well. My feeling is that a kind of psychological barrier

(undoubtedly, due to education the demographers had been exposed) has been shielding the areas in question from the common sense of a research demographer.

Nobody appreciates such a psychological barrier to be repeatedly rebuilt in the minds of each new cohort of the Russian demography students. Consequently, as I see it, strengthen either of the two topics described below would fall with the general task of making the training in the probability theory and statistics more relevant to requirements of teaching demography, but it also is designed to contribute to a more general strategy. Namely: to make the Statistics syllabus less formal, lighter mathematically (possibly, at the expense of greater computational complexity), more intuitive, encouraging students' probabilistic way of thinking, their intuitive feeling of the *intrinsic stochasticity*, statistical stability/reliability of the demographic estimates, while not requiring a substantial enrichment in the supporting courses of basic calculus and linear algebra.

Traditionally, a university training course in the probability theory places a prime attention on continuous probability distributions (such as the normal, i.e. the Gaston one), unfortunately, at the expense of discrete distributions (such as the Poisson one). That tradition was well justified by applications to the natural sciences, such as mechanics. Later on, the tradition in question had migrated to the econometrics training curriculum, which is also quite reasonable. Whereas continuous distributions remain of major importance in demography as well, the discrete ones by no means could be neglected. That holds true especially in application to the fertility analysis and its extensions, such as studies in kinship networks. Hence, the probability theory syllabus should, in my opinion, attach some more attention to that area. Importantly, studying the discrete distributions apparently require a slightly lighter analytic background than that needed for the continuous distributions. Moreover, a manifold of meaningful examples and exercises (of various complexity) in the discrete distributions can be supplied to students from the field of demographic analysis proper.

Plausibly, the conventional university syllabi in mathematical statistics were essentially established back in the good old pre-war times, by when the body of classical statistical methods had been already well developed and refined, while the newer non-parametric techniques were largely still work in progress. Those classical methods, of course, rely heavily on the normality assumption with respect to the host statistical population the sample(s) are drawn from, though some of the methods (while definitely not all) are robust enough to allow certain relaxation of the normality. Needless to say, the normality assumption is difficult to verify (thus the verification is often neglected), it is not always met, while

sometimes it is clearly not applicable. Furthermore, as I mentioned above (Section 4), practical statistical problems a researcher faces in demographic analysis are far more analytically complex than the classical statistical methods could handle. True, the non-parametric techniques can not be applied directly, either. However, in conjunction with the Bootstrap, they gain a field of meaningful applications. Namely, a non-parametric statistical inference criterion can be applied to arrays of Bootstrap-generated estimates of selected variables. For instance, a correlation between estimates of the childlessness level, $1-p_0$ and the lifetime probability to give birth to a third child, p_2 , can be measured and statistically tested with Lord Kendal's rank correlation coefficient (Tau), while a parametric correlation criterion is obviously not applicable here. Of course, the correlation thus examined refers not to the variables themselves, but to their estimates, i.e. it is attributive to the method of measurement (say, one finds out if a joint bias in the variables' estimates exists), while it does not describe a regularity in the demographic process studied. Whereas some non-parametric methods are computationally more complicated than a typical classical method is, they certainly are not of a greater mathematical complexity. Besides, in my view, they are more probabilistic in nature, more intuitive, and more aesthetically attractive.

6. For teaching purposes, one has to clearly separate statistics from econometrics, as well as to separate econometrics from demography. As I argued before (Section 5), the main task of an academic course in Statistics for demographers is to encourage students' probabilistic way of thinking, their intuitive feeling of the stochasticity, statistical stability/reliability of estimates, rather than to arm them with a host of formal tools. That is because, the well developed statistics' tools are not likely to be applied directly for practical problems in modern demographic analysis (for they are more complex than the classical tools can presently handle). The Bootstrap, as generally the Monte-Carlo family of numerical techniques, serve well to the purpose of encouraging the probabilistic intuition. On the other hand, certain mathematical tools, though they have been traditionally taught within the Statistics' syllabus, are, in my view, rather discouraging with respect to a probabilistic way of thinking.

The multi variate linear regression appears to be a tool of that kind. The practice of its application (beyond artificial examples offered in textbooks on Statistics) is, virtually never in agreement with the probabilistic background of the method. Indeed, the assumptions on probability distributions that underline statistical inference with respect to the regression estimates, such as the normality and homoscedasticity (holding the variance constant) of the residuals, are seldom checked (in part, because that is not an easy task), and, actually, are seldom met. What's more, not surprisingly, the statistical inference itself (i.e. hypotheses testing) is seldom

invoked at all. Instead, for most practical purposes, the regression is considered a deterministic, not a probabilistic, approximation. The same I can say about another powerful and useful tool, the principal component technique (PCA). Either of those two tools, however, is proven to be quite instrumental for application in formal demography, especially in technical tasks.

In this regard, it would be reasonable, in my judgement, to transfer both those topics from the course of statistics to either the course of matrix algebra (where they can be presented as purely deterministic tools for approximation), or to the course of econometrics proper, where again, they can be taught in deterministic context. Thus 'lightened', the Statistics syllabus would gain some better methodological purity, for sure benefits of the students in demography.

Where the divide is seen even more of didactic importance, is the separation of demographic studies in general from the econometrics' methodologies. Indeed, demography and econometrics are different in the core. Demography, in its very nature, is a balance science. It views the movement of population as flows of physical substance of a kind (say, a liquid), which obeys the balance laws, i.e. maintains the total volume unchanged. That view holds equally true for either an actual population (e.g. in the cohort-component technique), or an imaginary population of a synthetic cohort flowing lifetime-long through a multi-state life table, much in a way water flows through a network of pipes. Demography, therefore, appears an exceptionally lucky, 'clear', science (*en par* with, say, classical mechanics) that does not need to 'fish' empirical regularities from dark waters. On the contrary, the 'fishing' for either deterministic or stochastic empirical regularities is seen as the prime task for econometrics, with (non-linear) regression serving as its prime tool. The *production functions* of, say, Cobb-Douglas or CES type is a typical example of econometrics' 'Black Box' model, fished out from the (sparse) empirical data. A pointed (if sharply satirical) critique of a popular regression model applied to a demographic process is given by Móire Ní Bhrolcháin (1997, P. 362)

It is important, in my opinion, to discourage students in demography from 'Black-Box' type econometric models (though psychologically attractive they are), with offering better-selected research problems from the field of demography *per se*, while censuring questionable 'demoeconomics' formal constructions from the curricula.

7. What was the key cause of the Russian demographers' alienation?
Lastly, I am returning to an issue I raised in the very beginning of this paper: the very regretful fact that research demographers of Russia (as well as the Russian academia) happened to function, for decades, under a false presumption that demography as a science could possibly remain

alive and well “in a single country, considered separately from the others”, i.e. alienated from the mainstream demographic science. The darkest period of that alienation fell, in my opinion, on the late 1940-s until the late 1960s. Back then, even the most distinguished, classical, works in demographic theoretical methodology (at the first place, publications of Pascal K. Whelpton, and Louis Henry) were left unnoticed by the Russian demographers, with a very rare, though notable, exception of Leonid E. Darsky (1930–2001). Rather, during those dark decades, the main body of Russian demographers was exemplified by, while actually preponderated by, Boris Caesar Ulanis (1906–1981), whom many followed. A demographer, in my judgement, of rather modest scientific achievements and abilities, he, after his early works on population history had been published in the 1940s, turned instead to writing semi-popular pieces, often placed in general-purpose periodicals, thus seeking (and indeed finding) recognition from the non-professional populace.

In my view, as of now, the time has come to understand clearly what had caused that unfortunate alienation, for which not just those involved, but younger generations of Russian students in demography have now to pay dearly.

One observes that the alienation in question had not started in an immediate aftermath to the October (1917) Socialist Revolution. In fact, the 1920s works of the Russian demographers fell well in the then-mainstream of the world demographic science. A good (and not the only) example is Michael W. Ptokha’s works on mortality in the Ukraine. The alienation occurred later, in the 1930s. True, those were the years when the Soviet Government was hastily erecting the infamous ‘Iron Curtain’ around the nation. Although admittedly hard, the ideological pressure imposed since then was not so overwhelmingly heavy as the urban legends of today tend to portray it. In my own recollection, during the 1960s (when the ideological censorship was hardly any lighter than in the 1940s), anyone (even myself, then a secondary-school schoolboy) could freely access a Western scientific journal or a research book from a major library (The State Lenin Library was my own choice). However surprisingly, the major, leading world demographic journals and research books were left unread by the Russian professional demographers.

A Russian-language book entitled *Mathematical Techniques in Demography* supplies an instructive example. Its author, Elijah G. Wijnzkey (1914–1981), a Professor of repute, had been teaching both statistics and demography to scores of students in a highly-regarded Moscow university college. The book, which was supposed to serve as a textbook, offers a survey of mathematical models and methods in population studies (with emphasis on basic life tables). Respectively, it contains references to a quite a few publications in foreign languages, including some rare

original ones that had been released in the 19th century and the early 1900s. The most 'recent' foreign-language source cited, though, was a certain article published in 1931 in German. Noticeably, instead of direct references to the UN *Manuals* on demographic techniques, published in the 1950s and 1960s in English, those were done to their Russian translations. The book itself went in print in 1971, which is precisely 40 years after the 'recent' of its most foreign-language citations.

That surely begs for explanation! As I see it, the key reason here is one of a common-life, rather than of political, nature. Namely, it consists in lack of fluency in the English language. The older generations of Russian demographers who, in the beginning of the century, had graduated from Russian Imperial universities and/or universities of Europe, were, of course, well fluent in the German and French languages 's the main (if not the only) languages in which scientific research works (demographic studies included) were then published. That lasted throughout the 1920s. Yet, since the 1930s, the English language had been rapidly substituting the German and French as the major international language of science and technology. While the reasons for that were chiefly political, the substitution trend was quite definite and sustained, paralleling the migration drain of major researchers (while sometimes, entire scientific units), as well as intellectuals 'at-large' from Europe to North America. In 1932, notably to the demographers, a most renowned German-language paper of Robert Renñ Kuczunski, the one where he had introduced the Total Fertility Rate (TFR) as a summary measure for the period fertility *quantum*, originally presented at the XIV International Congress of Hygiene and Demography (Berlin,1907), was translated into English and re-published.

The domination of the English language became even more pronounced after the War, along with the position of the United States in virtually all spheres of international communication getting stronger at the expense of those of the older European nations.

To assess the situation in demographic studies as of the very end of the 20th century, I have tabulated the full list of citations that appeared in the *Population Index* 1999, No. 4 (which was, unfortunately, the last issue of the *Population Index* published), about 1,500 totally, by the language of their original publication. Thus, from the entire world of publications in population studies, 77.8 were published in English, 9.7 percent in French, 3.9 percent in German, while the remaining 8.6 percent embraced all the other languages (Present were citations in: Spanish, Italian, Dutch, Japanese, Persian, Russian, Serbian, and Thai languages.) Importantly, works on methodological issues and formal demography appeared exclusively in English and French, while the local-language publications were mainly those on empirical case studies. The leading international journals in

population studies (which often are the only ones read regularly by the host of professional demographers) are in English and French only, save the only exception of a major German-language journal (other demographic journals published in Germany and Austria are in English.) As of 2001, the oldest and the most renowned of leading demographic journals, *Genus*, published in Rome (Italy), which used to print papers in English, French, or Italian, had changed to an English-only publication.

The said ascertains beyond any reasonable doubt that fluency in the English language became (perhaps, as early as by the mid-1930s) an absolute necessity for staying professionally connected to the mainstream demographic research and science.

Unfortunately, by the mid-1930s, the older generations of Russian demographers, those who had received their education during the good old Imperial time, (if survived) became too old (if too frail) to master a new language. On the other hand, the younger generations, whose graduation fell in the Soviet epoch, had, seemingly, presumed that the protecting 'Iron Curtain' would stay forever, and thus there was no need to learn any foreign language at all, while enjoying the privileged conditions that 'the single country, considered separately from the others' had been holding for them. But of course, the current generations of Russian university students in demography can not possibly afford to rely on that presumption.

Endnotes

(¹) One views that *alienation* as a purification of the research field. To express its intrinsic meaning, I am taking liberty to invoke the literature, hence borrowing much better words than my own. Thus, in the words of Rudyard Kipling:

*'If I have taken the common clay
And wrought it cunningly
In the shape of a god that was digged a clod,
The greater honour to me.'*

*'If thou hast taken the common clay,
And thy hands be not free
From the taint of the soil, thou hast made thy spoil
The greater shame to thee.'*
["The two Potters"]

(²) As Max Planck had once observed: *Real is what can be measured*.

References

1. Barkalov, Nicholas B.; and Jürgen Dorbritz. (1996). Measuring period parity-progression ratios with competing techniques. An application to East Germany // *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft* 21 (4), P. 459–505.
2. Barkalov, Nicholas B. (1999). The fertility decline in Russia, 1989–1996: a view with period parity-progression ratios // *Genus* 55(3–4), P. 11–60.

3. Brass, William. (1990). Cohort and time period measures of quantum fertility: concepts and methodology // H.A. Becker (ed.) *Life histories and generations*. Vol. II, P. 455–476. The Netherlands Institute of Advance Studies in the Humanities and Social Sciences. Utrecht, the Netherlands.
4. Efron, Bradley; and Tibshirani, Robert J. (1993). *An Introduction to the Bootstrap*. Chapman and Hall: NY.
5. Henry, Louis. (1954). Fertility according to size of family: application to Australia // *Population Bulletin of the United Nations* 4, P. 8–20.
6. Rallu J.-L. et Toulemon L. (1993). Les mesures de la fécondité transversale. I. Construction des différents indices // *Population* 48(1), P. 7–26. Les mesures de la fécondité transversale. II. Application a la France de 1946 a 1989 // *Population* 48(2), P. 369–404. [Abridged English translation. (1994). Period fertility measures. The construction of different indices and their application to France, 1946–1989 // *Population: An English Selection* 6, P. 59–94.]
7. Smith, David P. (1992). *Formal demography*. Plenum: N.Y. and London.

Nicholas B. Barkalov (Баркалов Н.Б.), США

НОВЫЕ КАЧЕСТВА И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Эмпирические исследования в области демографического анализа претерпели тихую революцию, начавшуюся в 1970-х гг. и завершившуюся к концу 1980-х гг. Если раньше работы по демографическому анализу основывались на табулированных, т.е. макро-данных об изучаемом населении и демографических процессах протекающих в нем, то теперь практически все эмпирические исследования опираются на компьютерно обработанные микро-данные. Это изменило методы демографического анализа, применяемые на практике, и даже затронуло концептуальную ориентацию демографов-исследователей. Эта эмпирическая революция вполне осознана демографами ведущих стран (во Франции — с некоторым опозданием, но это лишь вопрос времени). В двух словах, демографические данные нового типа, т.е. микро-данные, позволили получить значительно более интересные и качественные результаты демографического анализа, чем было возможно ранее, но работа с эмпирическими данными требует более совершенных методов, лучшей профессиональной подготовки демографов, и вообще, стоит больше (во многих смыслах этого слова, в том числе, и собственно денежном).

Настоящая краткая статья служит дополнением к моей статье *New features of demographic data and present problems in teaching demographic analysis to Russian university students*, помещенной в данном сборнике.

Здесь предлагается краткий обзор современных источников данных о населении. В рамках основной статьи я не счел нужным касаться этих вопросов, чтобы не перегружать изложение деталями. Однако, именно эти детали могут представлять интерес для русских читателей с практической точки зрения.

1. Что такое микро-данные? Поскольку они практически всегда хранятся в компьютерной форме, т.е. как файлы данных на магнитных носителях (а не в форме напечатанных на бумаге числовых таблиц как макро-данные), то подчас возникает недоразумение: считают что микро-данные это «компьютерные» данные, в отличие от макро-данных, наличествующих в форме напечатанных материалов, т.е. что различие состоит в форме хранения данных. Это никак не верно. На самом деле, различие состоит в самом характере данных. Макро-данные (или табулированные данные) относятся к демографическим совокупностям, обычно представляя их размер или средние величины. Например: число людей умерших в данном календарном году и/или данном возрасте, распространенность ВИЧ, т.е. доля зараженных этим ВИЧ (вирус, вызывающий СПИД) в некотором населении. Напротив, микро-данные относятся к отдельным индивидам, а не к совокупностям населения. Например: год и месяц рождения данной женщины; общее число рожденных ею детей; пол, год и месяц рождения первого, второго, и т.д. ребенка; год и месяц смерти того или иного ребенка, если он умер во младенчестве или детстве; заражена ли данная женщина ВИЧ, и заражен ли каждый из ее детей.

Данные о конкретном индивиде составляют *элемент* или *запись* (a record) микро-данных. Они объединяются в *коллекции* макро-данных, состоящих как правило из тысяч элементов, относящихся к некоторой демографической совокупности. Ясно, что имея коллекцию микро-данных можно с помощью компьютерного вычисления, называемого табуляцией, получить интересующие нас макро-данные, т.е. табулированные данные. Однако, обратный переход невозможен. Это и определяет радикальную разницу в ценности микро-данных и макро-данных для демографического анализа.

Элемент микро-данных (индивидуальная запись) обычно содержит одну или несколько индивидуальных (*демографических историй* (event-histories), т.е. записей последовательностей демографических событий, имевших место в жизни данного индивида. Я только что привел пример истории рождаемости женщины (maternity history). Точно также можно записать ее историю применения противозачаточных средств (contraceptive-use history): календарный месяц и год установки ВМС (IUD); месяц и год изъятия (removal) ВМС; месяц и год начала регулярного приема оральной контрацепции; месяц и год прекращения этой практики; месяц и год стерилизации, и т.п. По-

добным же образом могут быть записаны и даты аборт. Как для женщины, так и для мужчины, иногда записывается история брачных союзов (marriage history): даты их заключения и расторжения с отметкой был ли данный союз (расторжение) зарегистрирован(о) легально (официально). Существуют истории миграций, изменения типа и статуса жилища, образования, экономической активности и др. Каждая *история как*. правило фиксирует демографические события с точностью до календарного месяца и года. Кроме того, обычно известен календарный месяц и год завершения наблюдений — если данные получены анкетным обследованием или в ходе (микро-) переписи, то это месяц и год интервью (заполнения анкеты). Неизменные в течение жизни демографические характеристики человека, такие как пол, раса, этническая национальность, обычно также включаются в соответствующую запись (элемент) микро-данных. Иногда записывают также итоговые демографические характеристики родителей респондента (или переписываемого). Весьма интересной для демографического анализа рождаемости, является, например, запись о суммарном числе детей у матери респондента, ее расе, родном языке, этнической национальности, и др.

Несомненно, богатые коллекции, микро-данных доставляют демографу весьма обширную эмпирическую информацию об изучаемом населении. При этом, хотя, как правило, записываются лишь демографические *события*, информация об интересующем исследователя демографическом *состоянии* населения выводится из той же коллекции микро-данных. Например, табулируя данные *историй рождаемости* (maternity history), содержащихся в коллекции микро-данных, демограф получает состав населения по возрасту, числу рожденных детей и длине открытого интергенетического интервала (open inter-birth interval) на требуемую календарную дату, если только она предшествует дате завершения наблюдений (переписи). Осуществить такого рода *табуляции не* очень легко, но после некоторого обучения и практики, вполне доступно демографу не программисту, имеющему некоторые навыки работы со статистическими пакетами программного обеспечения (software), снабженными командными интерпретаторами (т.е. средствами написания простых вычислительных программ), такими как широко распространенные (и недорогие) пакеты программного обеспечения SPSS-PC.

На самом деле, микро-данные позволяют сделать куда как больше, чем *табуляции*, сколь бы изощренными они ни были. Демографы знают, что построение по эмпирическим данным любой сложной модели движения поколения (т.е. модели изменения демографического состава (синтетической) когорты в течение ее жизни, как-то многомерной таблицы смертности или ее формального эквивален-

та — специальной таблицы рождаемости, (см. напр. Андреев и Баркалов, 1999) *демографическим методом* предполагает в качестве первого этапа расчет эмпирических значений *специальных демографических коэффициентов* (так я перевожу термин *occurence-exposure ratio*). Например, для построения специальной таблицы рождаемости рассчитывают эмпирические значения следующего *специального демографического коэффициента* (*occurence-exposure ratio*). В его числителе стоит число рождений некоторой очередности, скажем, $r+1$, у женщин данного одногодичного возрастного интервала, имевших место в течение определенного календарного года, а в его знаменателе — число человеко-лет (обычно, с точностью до месяцев), проживаемых женщинами уже родившими r детей в данном одногодичном возрастном интервале в течение указанного календарного года. После чего соответствующая модельная переменная (называемая в рамках демографического метода *исходным показателем модели*) приравнивается к рассчитанному эмпирическому значению *специального демографического коэффициента* (это называется *ориентирующим уравнением*, *the orientation equation*), а все другие переменные модели рассчитываются по ее значениям непосредственно. Собственно в этом и заключается понимаемый в общей форме *демографический метод* построения моделей движения поколения (часто называемых, по русски, *демографическими таблицами*) по эмпирическим данным. Продолжая пример из области анализа рождаемости замечу, что для модели движения поколения более сложной, чем специальная таблица рождаемости (так называемый Метод PAD), рассчитывают *специальный демографический коэффициент* (*occurence-exposure ratio*), числитель и знаменатель которого определен не только одногодичным возрастным интервалом женщины и числом уже рожденных ею детей (*current parity*), но и текущей длиной открытого интергенетического интервала (*open birth interval*).

Поскольку для демографического анализа почти всегда особый интерес представляет исчисление итоговых (суммарных за всю жизнь) показателей демографических процессов, таких как суммарный коэффициент рождаемости (*the Total Fertility Rate*), т.е. квантум рождаемости, или ожидаемая продолжительность жизни (*the life expectancy*), т.е. темпo смертности, то нельзя не заметить, что *табуляции* микро-данных обеспечивают исчисление таких показателей для реальных поколений (реальных когорт), в то время как расчеты *специальных демографических коэффициентов* (*occurence-exposure ratios*) ведут к построению итоговых показателей гипотетических поколений (синтетических когорт). Последнее, конечно, значительно более интересно и с теоретической и, прежде всего, с практической точки зрения.

Если, основываясь на макро-данных (табулированных данных) демографы вынуждены были ограничиваться упрощенными, не точ-

ными показателями гипотетических поколений — практически лишь теми, которые можно рассчитать по возрастным коэффициентам изучаемого процесса (например, обыкновенный, conventional (вульгарный) суммарный коэффициент рождаемости или же суммарный коэффициент первой брачности), которые подчас были смещены (biased) относительно истинных мер гипотетического поколения — то использование коллекций микро-данных, исчисление *специальных демографических коэффициентов* (occurrence-exposure ratios), в том числе и достаточно сложных, требуемых для эмпирического построения сложных моделей движения синтетических когорт, по-существу впервые обеспечило возможность применения *метода гипотетического поколения* на современном уровне. В этом, на мой взгляд, главное преимущество обращения к микро-данным.

Но здесь, однако, проявляется и один из аспектов дороговизны работы с микро-данными. А именно, если для *табуляций микро-данных* (требуемых для анализа реальных когорт) достаточно не умеющих программировать демографов (после прохождения ими непродолжительной подготовки), работающих с командными интерпретаторами статистических пакетов программного обеспечения (software), доступных коммерчески, то для расчетов *специальных демографических коэффициентов* (occurrence-exposure ratios), требуемых для метода гипотетического поколения, этого вовсе не достаточно. Здесь необходимо привлечение профессионально подготовленных программистов и применение языков программирования высокого уровня (таких как C, Modula, или Pascal), оснащенных компиляторами (в отличие от командных интерпретаторов). В настоящее время коммерчески доступного программного обеспечения (software) поддерживающего обработку микро-данных для нужд демографического анализа *гипотетических поколений*, не существует, и, насколько мне известно, работ по его созданию не ведется. Привлеченным программистам поэтому придется создавать такое программное обеспечение (software) с самого начала заново. Надеюсь, это будет делаться под наблюдением специалиста-демографа.

2. В еще большей мере дороговизна работы с микро-данными сказывается лишь только мы обращаемся к источникам и доступу к демографическим данным. Когда работа велась по макро-данным (табулированным данным), доступ к ним сводился к копированию интересующих нас таблиц (обычно таблиц возрастных коэффициентов) из напечатанных источников (т.е. сборников демографической статистики, обычно официальных, таких как *Демографический Ежегодник ООН*). При этом мы полагали, что данные о состоянии (составе) населения в конечном счете получены из некоей переписи, а данные о движении населения (т.е. демо-

графических событиях) — из текущей регистрации. Ничто из сказанного выше не верно в отношении микро-данных. Во-первых, как отмечено выше (Раздел 1), микро-данные, благодаря тому что они содержат индивидуальные демографические *истории*, объединяют информацию и о состоянии, и о движении населения. Во-вторых, ни переписи, ни текущая регистрация демографических событий, в той форме, в которой они проводятся ныне в большинстве стран мира (в частности, в Российской Федерации), не обеспечивают формирования индивидуальных демографических историй и, следовательно, не могут служить первичными источниками микро-данных. В-третьих, нелепо было бы ожидать что микро-данные могут быть просто скопированы из некоторой публикации. На самом деле они производятся на индустриальной и распространяются на коммерческой основе со всеми хорошими и плохими вытекающими отсюда обстоятельствами. Индустрия производства и обеспечения доступа к демографическим микро-данным контролируется как национальными государственными статистическими органами и частными компаниями, так и международными программами, проектами (осуществляемыми, например, под эгидой ООН). Последнее, на практике, означает участие Американских профессиональных корпораций.

К сожалению, мое знание индустрии производства и обеспечения доступа к демографическим микро-данным ограничено на профессиональном уровне лишь индустрией микро-данных, потребных для демографического анализа рождаемости. Об этом я и буду в основном говорить, касаясь сопредельных проблем вскользь.

По всей вероятности, наилучшим источником микро-данных служил бы *реестр населения* (population register) — постоянно (идеально, каждый месяц) обновляемая полная коллекция микро-данных о всевозможных демографических событиях в жизни каждого индивида из большой совокупности населения (идеально, это все население страны). К настоящему времени, однако, *реестры населения* предприятия довольно дорогие созданы лишь в Дании и Швеции. Хотя они с успехом использовались для задач демографического анализа рождаемости местными демографами (опубликованы интересные работы), получить доступ к микро-данным для демографа из-вне практически невозможно, если только не примкнуть в качестве со-автора к каким-нибудь датчанам или ["разным прочим"] шведам. Предварительные разговоры о создании *реестров населения* ведутся в Эстонии, Финляндии и Норвегии, но это вопрос не самого ближайшего будущего.

Соединенные Штаты уже более 50 лет поддерживают своего рода выборочный *реестр населения*. Он называется Текущее Об-

следование Населения (Current Population Survey, CPS) и администрируется совместно Бюро Переписи и Министерством Труда. Выборка, охватывающая всю страну, состоит из 50 тысяч домохозяйств (до 1996 г. их было 56 тыс. домохозяйств, размер выборки сокращен из-за бюджетных ограничений). Выборка, обновляемая каждые 16 месяцев, наблюдается на постоянной основе, причем первые 4 и последние 4 месяца каждого 16-месячного цикла информация собирается ежемесячно, персональными интервью. Каждый второй цикл в анкете Обследования CPS включает модуль (блок) вопросов о рождаемости женщин из наблюдаемых домохозяйств, но индивидуальные демографические истории рождаемости (*maternity histories*) не собираются: записывается лишь общее число рожденных детей (*the current parity*) и дата рождения последнего ребенка. Хотя этого и достаточно для расчета демографических показателей рождаемости элементарного типа, проводимого Бюро Переписи (результатирующие доклады публикуются регулярно), в целом Обследование CPS не предназначено для демографического анализа. Его задача другая: получение прямой информации о составе и состоянии рабочей силы, уровне безработицы и доходах гражданского населения страны. Соответственно данной задаче не только формируется вопросник Обследования, но и составляется сама выборка, т.е. определяется *статистическая схема выборки* (*sample design*). А именно, экономические характеристики: оценки уровня безработицы, доходов, налогов, и образования (не демографические показатели) прежде всего принимаются во внимание при выборе той или иной территориальной единицы для включения в выборку.

Вообще говоря, на практике микро-данные для демографического анализа получают из ретроспективных (выборочных или сплошных) обследований населения, а не вследствие его непрерывного наблюдения. Это обстоятельство, наверное, несколько снижает качество данных, но нет оснований считать что весьма существенным образом.

Исключительно богатый материал для демографического анализа рождаемости представляет коллекция микро-данных Национального Обследования Семей Соединенных Штатов (*The National Family Growth Survey, NFGS*). Это обследование выполняется Национальным Центром Статистики Здоровья (The National Center for Health Statistics) — государственным ведомством, которое, в частности, отвечает за сбор, табуляцию, и публикацию всей Статистики Естественного Движения Населения США (*Vital Statistics of the United States*). Бюро Переписи США этим не занимается.

К настоящему времени проведено 5 раундов (*cycles*) Обследования NFGS: первый в 1973 г., второй — в 1976 г., третий — в 1982 г.,

четвертый — в 1988 г., пятый — в 1995 г. Шестой раунд проходит в текущем 2002 году. Коллекции данных разных раундов в целом сопоставимы друг с другом. Все они включают индивидуальные демографические истории рождаемости (maternity histories), истории брачных союзов (marriage histories), истории формирования и распада домохозяйств (living arrangements), индивидуальные истории образования, занятости и (внутренней) миграции. Последние раунды NFGS включают также подробные индивидуальные истории беременностей (pregnancy histories), регистрируя завершилась ли та или иная беременность живорождением, спонтанным или искусственным абортom. Кроме того, имеется история применения противозачаточных средств (contraceptive-use history) за пять лет предшествующих обследованию, по календарным месяцам.

Объем выборки 5-го раунда (1995 г., выборка стратифицирована около 11 тысяч женщин репродуктивного возраста (в прошлые раунды выборка составляла около 7-9 тысяч женщин). Шестой раунд включает также выборку мужского населения, но меньшего объема. Конечно, объем NFGS не достаточен для получения надежных оценок по географическим регионам США, но его вполне хватает для анализа в масштабе всего населения страны и отдельно по основным расам.

Доступ к коллекциям микро-данных NFGS открыт и практически бесплатен. Прошение (application) о доступе подается в Национальный Центр Статистики Здоровья обычно в форме факса. В нем необходимо только идентифицировать себя (обоснования темы исследования для которой предполагается использовать данные, не требуется). По получению прошения, Центр готовит копию коллекции данных из основного хранения, переносит ее на CD-ROM для использования на персональном (микро-) компьютере (PC), и высылает этот CD-ROM по почте на адресе Просителя. Небольшая плата взимается только за копирование и пересылку, но не за сами данные. Для коллекций 4-го и 5-го раундов она составляет лишь 15 долларов США (US\$15.00). Причем, поскольку продавцом выступает Федеральное ведомство Соединенных Штатов, которое финансируется на «народные деньги» (public money, т.е. деньги налогоплательщиков), то данная покупка налогом не облагается. Доступ открыт как для американцев, так и для иностранцев (формальных ограничений нет). Однако, если CD-ROM высылается за границу, то почтовые расходы возрастают, и вся плата увеличивается примерно до 19 долларов. Оплата может быть произведена по стандартной кредитной карточке, номер которой проще всего указать в том же факсе (но можно и послать чек, хотя это займет больше времени).

Насколько мне известно, микро-перепись Российской Федерации 1994 г. собрала очень хорошую коллекцию микро-данных, которая в частности включает индивидуальные демографические истории рождаемости (*maternity histories*) женщин репродуктивного возраста, что представляет наибольший интерес для собственно демографического анализа рождаемости. Объем этой выборки (которая нестратифицирована, т.е. само-взвешена, что облегчает ее статистический анализ — см. Раздел 4 основной статьи) составляет около 2.8 миллионов женщин репродуктивного возраста. Этого, разумеется, с лихвой хватит как для надежных оценок квантума и темпа рождаемости синтетических когорт (т.е. по методу гипотетического поколения), даже с использованием весьма сложных моделей эволюции синтетической когорты (сложных демографических таблиц), так и для демографического анализа рождаемости в разрезе регионов (субъектов Федерации) и этнических групп. Эта коллекция микро-данных была бы, на мой взгляд, наилучшим объектом для учебной работы русских студентов-демографов с микро-данными рождаемости. Процедура доступа к данной коллекции, владельцем которой является Госкомстат Российской Федерации мне неизвестна. Мой опыт общения с Российскими правительственными ведомствами, тем не менее, убеждает, что 15 долларами здесь не обойтись.

Вообще говоря, коллекции демографических микро-данных, производимые национальными (локальными) государственными статистическими организациями, особенно европейскими, и российскими, предназначаются главным образом для «внутреннего потребления», т.е. для нужд правительственных учреждений страны, собирающей данные, и научных исследований, контролируемых этими учреждениями. Таким образом, для демографа извне получить доступ к этим данным трудно (открытость Американской статистики — это исключение а не правило). Напротив, коллекции данных, производимые в рамках международных проектов, особенно в слаборазвитых странах (LDC), с самого начала предназначались для изучения внешними специалистами (т.е. не из страны данные которой собраны), прежде всего Американскими, для аналитических служб аппарата Конгресса США, американских правительственных учреждений, интересов американского и международного бизнеса, государственных и частных исследовательских корпораций индустриально развитых стран, а также и для независимых научных исследований общего плана. Поэтому получить доступ к этим данным, как правило, значительно легче.

Основным источником микро-данных для демографического анализа рождаемости менее развитых стран в настоящее время

служит международный проект *Demographic and Health Survey*, т.е. *Обследование Воспроизводства и Здоровья Населения*, более известный по сокращению: DHS (ди-эйч-эс). Коллекции демографических микро-данных DHS почти для любой страны, где эти коллекции собирались, существенно информативнее и более надежны, чем национальные статистические данные этой страны, да и доступ к DHS коллекциям получить легче.

Проект DHS координируется и в основном выполняется частной американской компанией, называемой Macro International, располагающейся в северных пригородах Вашингтона (Washington-DC) в штате Мэриленд (MD). Проект финансируется, однако, Управлением Международного Развития (The US Agency for International Development) при Госдепартаменте США, более известном как Управление Международной Помощи (USAID: «ю-эс-эй-ай-ди»). Финансирование осуществляется по мандату Конгресса США, т.е. независимо от текущей политики и решений той или иной Администрации США, а значит Проект будет продолжаться без перерыва в обозримом будущем. С географической точки зрения, Проект DHS глобален, то есть охватывает все менее развитые страны, которые представляют экономический или политический интерес для Соединенных Штатов, иначе говоря, весь Третий мир, за исключением особо малых или несущественных стран, таких как, скажем, Гамбия (The Gambia), Коморские Острова (The Comoros) и т.п.

К 2000 г. Проект DHS охватил 67 стран, и их число постоянно возрастает. Было проведено 3 раунда (cycles) демографических обследований: первый в 1984–1989 гг., второй — в 1988–1993 гг., третий — в 1992–1999 гг. Четвертый раунд начался в 1999 г. и продолжается в настоящее время. Анкеты разных раундов несколько отличаются друг от друга, делая акцент на том или ином аспекте рождаемости, который в данный момент вызывает наибольший интерес: например, на определенных средствах контрацепции (за этим, конечно, стоят крупные фармацевтические компании и компании производящие медицинское оборудование); на материнской смертности и заболеваемости; законодательного регулирования и практики доступа к искусственным абортam (эти аспекты обычно протаскиваются феминистскими организациями США и Европейских стран), и др. Но в целом, индивидуальные записи (*элементы* микро-данных) сопоставимы от раунда к раунду. Все они включают индивидуальные демографические истории рождаемости (maternity histories), что представляет наибольший интерес для демографического анализа рождаемости. Второй раунд DHS собирал также подробные индивидуальные истории практики контрацепции (contraceptive-use histories) за 5 лет, предшествующих

интервью, по месяцам. Но эти данные было признаны ненадежными, и в дальнейших раундах от них отказались, регистрируя лишь метод контрацепции используемый в месяц интервью и методы когда-либо использованные без указания дат. В случае стерилизации, регистрируется ее дата, что достаточно для исчерпывающей индивидуальной истории, поскольку она включает лишь единственное событие.

Микро-данные DHS весьма подробно описывают медицинские характеристики женщин и их детей, такие как даты и типы иммунизации, перенесенные болезни, некоторые симптомы. На мой взгляд, это описание чрезмерно подробно. Но нельзя забывать, что международные фармацевтические компании и производители медицинского оборудования — одни из самых богатых корпораций в современном мире как раз и составляют тот самый бизнес, интересы которого проект DHS призван обслуживать в первую очередь.

Каждое обследование DHS осуществляется совместно компанией Macro International и (по хорошо оплачиваемому контракту) государственной или частной организацией страны, в которой обследование проводится. Как правило, национальная организация — это либо Министерство Здравоохранения страны, либо ее центральный статистический орган (аналог Госкомстата или Бюро Переписи). Компания Macro International затем перекодирует микро-данные, производя так называемый Standard Recode File (SRF), что обеспечивает сопоставимость между коллекциями микро-данных различных стран (в рамках данного раунда). Такая сопоставимость — серьезное преимущество DHS над национальными коллекциями данных.

Выборка обычно составляет 5–10 тысяч женщин репродуктивного возраста, т.е. 15–49 лет. Начиная со второго раунда, составлялись также выборки для мужского населения (меньшего размера, чем женская выборка). Ясно, что верхнее ограничение возраста не позволяет проводить демографический анализ гипотетических поколений для периодов ранее чем 5 лет до года обследования. Обычно ограничиваются 3 годами. Ведь именно текущее положение, а не история, считается наиболее интересным для (бизнес) приложений. В некоторых случаях, особенно если обследуется большая страна, в которой региональные различия могут представлять интерес для анализа, объем выборки значительно больше, подчас он близок к 30 тысячам (например, для Индонезии, Перу, Бразилии). Самая большая выборка, в 104 тыс. человек, собрана для Бангладеш (Bangladesh). Выборки как правило, стратифицированы (т.е. разделены на группы, каждая из которых входит с

определенным весом). Последнее обстоятельство затрудняет статистический анализ по методу Бутстрэп (обсуждаемом в Разделе 4 основной статьи), но не делает его невозможным. К настоящему моменту, проведено 146 DHS обследований: в большинстве стран по 2-3 обследования в разные раунды, в некоторых странах — больше (например, в Египте — 6 обследований: по 2 во втором и третьем раундах). Из бывших Советских республик, обследования DHS проведены: в Казахстане (дважды: 1990 г. и 1995 г.), Киргизии (1997 г.), Узбекистане (1996 г.), Туркмении (2000 г.) и Армении (2000 г.). Соответствующие коллекции микро-данных (в форме SRF) открыты для доступа, исключая данные Туркмении и Армении, перекодировка которых еще не завершена (на момент марта 2000 г.).

Доступ к DHS коллекциям микро-данных открыт для всех профессиональных демографов и абсолютно бесплатен. Надо лишь написать прошение (application) в компанию Macro International: указать тему исследования, дать краткое (на один абзац) ее обоснование и представить себя, указав свои публикации (естественно, в изданиях Северной Америки или Европы). Мне неизвестно ни одно прошение, которое было бы отклонено. Обычно, прошение подается на Интернетe, и таким же образом осуществляется передача данных.

Парадоксально, но положение с демографическими микро-данными для индустриально развитых Европейских стран, несколько хуже чем для менее развитых стран по причинам, к обсуждению которых я сейчас перейду.

Вообще говоря, весьма большую (если не наибольшую) опасность для успеха любого демографического обследования (как выборочного, так и сплошного) составляет необоснованное расширение объема информации, которую предполагается, собрать с каждого респондента (индивида или домохозяйства), т.е. необоснованное увеличение числа вопросов анкеты. Особенно неприятны вопросы, касающиеся интимных подробностей жизни респондента, таких как сексуальный опыт, смена партнеров, использование контрацепции или абортов вызывает раздражение вопросы на политические или около политические темы (population policy acceptance) (как например, «одобряете ли вы то или иное мероприятие по помощи семьям с детьми, облегчению/или затруднению доступа к абортam, поощрению/или затруднению иммиграции/эмиграции?» и т.п.). Разумеется, такого рода вопросы, как и вообще собиранье данных о мнениях или «установках» респондентов (многие из которых численно не представимы), не имеет ничего общего с потребностями демографического анализа, вряд ли представляет интерес и для каких бы то ни было других задач

изучения населения как объекта демографии, относясь скорее к аморфной сфере опросов общественного мнения.

Не велик интерес и в необоснованном расширении анкеты со стороны большого бизнеса, корпораций национального и международного уровней, или же правительства как такового. За «социализацией» (т.е. обобществлением, загрязнением) демографических обследований обычно стоят сравнительно малочисленные и не особо богатые, но чрезвычайно политически активные и крикливые группы особых интересов (*special interest groups*), тесно связанные со СМИ. Это могут быть феминистские организации, пропагандирующие аборт (или же, наоборот, борющиеся с абортами), всевозможные полуполитические группы отстаивающие преимущества для иммигрантов, расовых или этнических меньшинств (или, наоборот, требующие прекращения иммиграции и интеграции меньшинств), полумедицинские общественные ассоциации, ратующие за ресурсы в какой-нибудь особой области (например, для борьбы с курением, диабетом, болезнями сердца, AIDS, и т.д.), всевозможные религиозные секты, еврейские религиозно-политические организации, правозащитники разного рода и свойства, защитники окружающей среды и т.п.

В лучшем случае большое число вопросов лишь отвлекает внимание респондентов от действительно важных вопросов, формирующих их индивидуальные демографические истории, нарушая точность последних и вызывая раздражение и недоверие респондентов ко всему предприятию. В худшем случае, респондент вспоминает о своей *privacy* (т.е. праве на закрытость личной информации, иными словами, о праве ответа «не ваше, дело!» на любой, не нравящийся респонденту, вопрос). Конечно, *privacy* женщины из, скажем, Анголы или Казахстана вряд ли будет принята во внимание обследованием типа DHS.

Совсем иное дело если обследование проводится, скажем, в Австрии или Швейцарии. Забегая вперед, замечу что *Демографическое Обследование Рождаемости и Семей (The Fertility and Family Survey, FFS*, около одной тысячи вопросов), проводимое в 1990-е годы в Европейских странах в рамках международного проекта под эгидой ООН (о котором я подробнее скажу позже) привело в г. Вене (Австрия) примерно к 30 процентам отказов отвечать на анкету в целом, в то время как в среднем по Швейцарии заполненных анкет было менее 50 процентов (менее половины всех анкет!).

Всеобщая Перепись населения Соединенных Штатов 2000 г. содержала две анкеты: одна была Короткая с небольшим числом вопросов (таких как: пол, возраст, раса, состояние в браке) и другая Длинная, «ищущая» характеристики жилища респондента, его

занятости и источников дохода. Первая рассылалась всем домохозяйствам, вторая — по выборке объемом примерно в 15 процентов домохозяйств. Отвечать на анкеты Переписи население США обязано по закону (хотя некоторые и оспаривают конституционность этого положения). Тем не менее, средний по стране процент заполненных анкет достиг лишь 67%, в Штате Северная Каролина (North Carolina, где я живу) — 64%, в г. Вашингтоне — 60%, в Штате Аляска — 56%. Сенатор Лотт (Senator Trent Lott, R-Miss.), Лидер Республиканского Большинство в Сенате, публично заявил что если бы он получил Длинную анкету, то отказался бы ее заполнять (но он получил Короткую анкету). О том же заявил Губернатор Техаса Джорж Буш (President George W. Bush), ныне 43-й Президент Соединенных Штатов. Конгресс указал Бюро Переписи на плохую работу, и было принято решение в дальнейших Переписях ограничиться только минимальным числом вопросов.

Итак, в несколько худшем случае, слишком большое число вопросов анкеты вызывает и слишком большое число отказов отвечать на анкету в целом, отказов, распределенных по демографическим стратам выборки неравномерно, что, несомненно, приводит к смещению *статистической схемы выборки* (sample design) и может сделать бесполезной всю коллекцию микро-данных, произведенную ею.

Соображения о privacy (т.е. праве на закрытость личной информации) могут принять и обратную, превентивную форму, при которой наблюдаемая совокупность населения и/или вопросы обследования сознательно ограничиваются, в ущерб сбору важной демографической информации. Например, в некоторых обследованиях, вопрос о числе рожденных детей задавался только (легально) замужним женщинам или женщинам, достигшим определенного возраста, скажем 21 года. Практика регистрации актов гражданского состояния во Франции исключает запись очередности (порядка) деторождения. К сожалению, подобная же практика оказалась недавно введена и в Российской Федерации — Федеральным Законом № 147 от 1999 г.

В наихудшем случае группы особых интересов (special interest groups) получают решающий контроль над формированием *статистической схемы выборки* (sample design), оттесняя профессиональные статистические организации, имеющие большой опыт проведения переписей и обследований (в России — это только Госкомстат) и профессиональных статистиков населения. Это открывает путь страшным злоупотреблениям и кустарщине. Типично, например, необоснованное мнение что профессионально составленная *статистическая схема выборки* (sample design) якобы

"недостаточно" представляет (under-represents) то или иное этническое меньшинство или социальную группу (скажем, Цыган: Gypsy, или недавних иммигрантов из Марокко, получивших политическое убежище). Соответственно, представительство этих маргинальных групп в выборке искусственно расширяется в ущерб основному населению, делая все обследование весьма смещенным, а иногда и практически бесполезным.

Упомянутое выше *Демографическое Обследование Рождаемости и Семей (The Fertility and Family Survey)*, более известное по сокращению: FFS (эф-эф-эс) — это единственное обследование, проведенное в последние годы в Европейских странах по сопоставимой от страны к стране методике, и на практике единственный доступный источник микро-данных о современных демографических процессах в Европейских странах. Обследование проводилось национальными статистическими и демографическими научно-исследовательскими организациями Европейских стран под общим наблюдением Отдела Народонаселения (Population Activities Unit, PAU) Экономической Комиссии ООН для Европы (UN ECE), расположенной в Женеве. Был проведен всего один раунд обследования, продолжавшийся с конца 1980-х до конца 1990-х годов. Обследование охватило следующие 23 страны: Австрия, Бельгия, Болгария, Канада, Чехия, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария и Соединенные Штаты.

Сопоставимость микро-данных разных стран на уровне программного обеспечения (software) обеспечивалось перекодировкой данных в Standard Recode Files (SRFs), выполняемой Отделом Народонаселения (Population Activities Unit, PAU) Экономической Комиссии ООН для Европы (UN ECE). В главном, коллекции микро-данных FFS представляют собой сокращенную версию Американской коллекции NFGS. В частности, имеются индивидуальные демографические истории рождаемости (maternity histories), дополненные историями усыновлений/удочерений, весьма детальная история брачных союзов (marriage history). Большое место уделяется, к сожалению, мнениям респондентов о политике населения (population policy acceptance). В сравнение с DHS и NFGS, FFS содержит более детальное описание родителей респондента, в частности, записано общее число детей у матери респондента, что интересно не только для сравнения рождаемости между поколениями, но и для исследования тендерных (gender) аспектов рождаемости.

Я вынужден заметить, однако, что качество коллекций микро-данных FFS для Европейских стран очевидно ниже качества кол-

лекций DHS для слаборазвитых стран. Объемы выборок FFS невелики: 2–5 тысяч женщин репродуктивного возраста, что подчас приводит к неустойчивости оценок квантума рождаемости гипотетических поколений из-за статистической ошибки. Для некоторых стран собраны также сопоставимые коллекции микро-данных мужского населения, объемом в 2–3 тысячи записей. Выборки населений Восточно-Европейских стран (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, и Венгрии) нестратифицированы, т.е. само взвешены, что облегчает их статистический анализ (см. Раздел 4 основной статьи), прочие выборки стратифицированы. Выборки для Швеции и Норвегии ограничиваются отдельными реальными когортами, отстоящими друг от друга на 5 календарных лет, что не-мало затрудняет их анализ по синтетическим когортам. Во многих случаях, данные «грязны», т.е. плохо выверены. Типичная ошибка: нарушение монотонности истории рождаемости (*maternity histories*) — например дата рождения второго ребенка предшествует дате рождения первого. Ошибки такого рода обычно исправляются при перекодировке и не попадают в SRFs, но (в отличие от компании Macro International) Женевский Отдел Народонаселения этого не сделал, возможно, чтобы избежать пререканий с национальными организациями Европейских стран. К сожалению, есть проблемы и более серьезного рода. На "Флагманской" Конференции FFS, в Брюсселе в мае 2000 г., которая официально подвела итоги этого Проекта, было признано что выборки ряда стран оказались сильно смещены и для демографического анализа рождаемости не пригодны. К этим странам, как это ни неприятно, относится и Германия. Причины неудачи не были названы, но я подозреваю, сыграли роль причины, упомянутые мною выше. Тем не менее, большинство выборок, в частности, выборки из населений Балтийских государств (Эстонии, Финляндии, Латвии и Литвы) суть удовлетворительного качества.

Доступ к микро-данным FFS осуществлялся по той же схеме, что и доступ к коллекциям DHS: прошение подавалось (обычно на Интернетe) в Отдел Народонаселения (Population Activities Unit, PAU) Экономической Комиссии ООН для Европы (UN ECE), вместе с кратким обоснованием темы, и данные передавались, посредством Интернетa, абсолютно бесплатно. В некоторых случаях (а именно, для коллекций данных Нидерландов, Швеции и Швейцарии), прошение должно было быть подано также и в ведомства национальных правительств этих стран, которые и принимали окончательное решение о передаче данных. К настоящему времени Проект FFS считается завершенным в части сбора статистических данных, и мне не известно передаются ли еще стандартные

файлы данных (SRFs) заинтересованным демографам, но весьма вероятно, что эта практика продолжается.

В заключение хотел бы заметить следующее. Поскольку доступ к индустриально производимым коллекциям демографических микро-данных (в отличие от доступа к опубликованным табуляциям макро-данных) всегда в той или иной мере ограничен, причем подчас ограничения проявляются в форме, которая может показаться русским демографам обидной, то иногда возникает искушение провести то или иное демографическое обследование своими силами, создав собственную коллекцию микро-данных. В свете сказанного выше о необходимости избегать кустарщины в производстве демографических данных, я думаю ясно что такое искушение следует решительно пресекать. Впрочем, если речь идет об анкетном опросе 100-200 человек на тему, лишь косвенно относящуюся к демографии, то такая активность обычно просто смешна, но почти безвредна (за исключением отнятия времени от изучения демографии).

Литература

1. Андреев Е.М., Баркалов Н.Б. Таблицы рождаемости по очередности рождения // *Вопросы Статистики*. № 5, Р. 64–66.

Alanur Cavlin Bozbeyoglu, Turkey

36 YEARS OF DEMOGRAPHY AT HACETTEPE UNIVERSITY, ANKARA, TURKEY

The Hacettepe Institute of Population Studies was established in 1966, as a national centre concerned with education and research in population studies.

The Institute's objectives are:

- to provide education in the field of demography;
- to carry out research on the demographic, social, economic, cultural and medical aspects of population issues;
- to create public awareness on population problems;
- to improve and extend the development of applied population studies;
- to organise and participate in academic and applied studies in the field of demography and population studies.

In accordance with these objectives, the activities of the Institute can be classified under three broad categories:

1. education; 2. research; 3. production and dissemination of demographic data and publications.

The Institute is the only academic institution in Turkey providing post-graduate education in the field of population. Postgraduate degree programs are offered in the Technical Demography and Economic & Social Demography Departments of the Institute.

Results of national and subnational field surveys and research studies carried out by the Institute since the late 1960's have been widely utilised by national and international agencies. This has accredited the Institute with a central role in the collection and provision of demographic data and information to all concerned circles. Information disseminated by the Institute have always guided policy makers and service providers in Turkey: The State Planning Organisation, for instance, has extensively incorporated survey results in the national five-year development plans, while various Ministries have used these results in assessing the impact of their services.

Serving as a major link between academic and non-academic circles, the Institute maintains close relations with Turkish governmental and non-governmental agencies, and with international organisations, including those based in Turkey and abroad. The Institute is an associate member of the European Association of Population Studies.

As the leading institution in population studies in Turkey, the Institute has organised two National Population Conferences, in 1968 and 1975. To coincide with the 30th anniversary of the Institute's establishment, the Institute organised the third National Population Conference in November 1997. As part of the activities to celebrate the Institute's 30th year, an Alumni was formed in 1997, to bring together graduates of the Institute since 1967.

The Institute offers Master's and Ph.D. degrees in two subfields of demography, namely Technical Demography and Economic & Social Demography. The language medium for all degree programs is English. As of the end of 2001, the Institute had granted 120 M.A. and 21 Ph.D. degrees.

The Institute is a unique establishment in Turkey: While most University Institutes in the country function solely on the basis of providing post-graduate education, the Hacettepe Institute of Population Studies is also active in research studies. The Institute carries out national demographic surveys on a regular basis and undertakes other field surveys and research projects, in collaboration with national and international organisations. The wealth of information collected in these surveys maintains the role of the Institute as one of the most important providers of demographic data in Turkey.

In Turkey, the Institute's name is synonymous with quinquennial demographic surveys. Since 1968, the Institute has carried out seven national demographic surveys every five years on a regular basis; preparations for the next survey in 2003 are under way.

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

Секция 1. Развитие населения и демографическое образование в России: прошлое, настоящее, будущее

<i>Архангельский В.Н.</i> Изучение демографического поведения: место в учебном процессе и исследованиях проблем народонаселения.....	Ошибка! Закладка не определена.
<i>Бахметова Г.Ш., Иванкова Л.В.</i> К вопросу о демократизации демографического образования в России	16
<i>Белых Т.В.</i> К вопросу о важности изучения демографии ..	20
<i>Бондаренко О.И.</i> Регулирование миграции населения на уровне региона	22
<i>Герасимова И.А.</i> Роль демографических факторов в формировании денежных доходов населения	27
<i>Григоричев К.В.</i> Демографическая ситуация в Алтайском крае в 1990-е годы	30
<i>Завгородняя А.В., Миэринь Л.А.</i> Использование деловых игр в формировании гражданской позиции студента в области демографии	33
<i>Зайцев В.М.</i> Развитие населения и становление демографического образования в Рязанской области.....	38
<i>Зверева Н.В.</i> Экономика семьи в преподавании демографии	41
<i>Калабихина И.Е.</i> Некоторые тезисы о развитии демографического образования и информация о магистерских программах в рамках специализации «Демография» на экономическом факультете МГУ	54
<i>Калмыкова Н.М.</i> Организация научного семинара в магистратуре	59
<i>Караханова Т.М.</i> Ценность занятий с детьми для городской работающей женщины	63
<i>Кольцова Г.В., Козлов А.А.</i> Демографическое образование в Тамбовском государственном университете	65
<i>Кудрявцев А.А.</i> Особенности преподавания демографии студентам, специализирующимся в страховании	68
<i>Куница М.Н.</i> Ландшафтно-экологические основы демографического образования	71

Кучмаева О.В., Москва **Ошибка! Закладка не определена.**

Демографическое образование в МЭСИ
..... **Ошибка! Закладка не определена.**

О программах спецкурсов по современным тенденциям и проблемам в сфере брака, рождаемости, семьи **Ошибка! Закладка не определена.**

Моисеенко В.М., Москва **Ошибка! Закладка не определена.**

Миграция населения и демография
..... **Ошибка! Закладка не определена.**

Демографические аспекты сравнительной оценки жизни человека (на примере миграционных процессов)..... **Ошибка! Закладка не определена.**

Попова Л.А., Сыктывкар **Ошибка! Закладка не определена.**

Из опыта преподавания основ демографии на гуманитарном факультете провинциального вуза **Ошибка! Закладка не определена.**

Плохотнюк Т.Н., Ставрополь **Ошибка! Закладка не определена.**

Методика организации и преподавания специализированного курса «Иностранная иммиграция в России и на Северном Кавказе»
..... **Ошибка! Закладка не определена.**

Демографические особенности регионального развития (на примере Тульской области) **Ошибка! Закладка не определена.**

Сазонова Н.В., Соловьев А.Б., Белгород
..... **Ошибка! Закладка не определена.**

Современные тенденции развития демографических процессов в Белгородской области..... **Ошибка! Закладка не определена.**

Соловьев А.Б., Белгород **Ошибка! Закладка не определена.**

Факторы формирования миграции населения Белгородской области **Ошибка! Закладка не определена.**

Сороко Е.Л., Москва **Ошибка! Закладка не определена.**

Демографическое образование и Интернет **Ошибка! Закладка не определена.**

Сукнева С.А., Якутск **Ошибка! Закладка не определена.**

Современные проблемы демографического развития Республики Саха (Якутия) **Ошибка! Закладка не определена.**

Фридман В.С., Москва **Ошибка! Закладка не определена.**

Урбанизация как регулятор демографического взрыва и демографического перехода: модель интерактивного взаимодействия человеческих популяций с вмещающим ландшафтом. **Ошибка! Закладка не определена.**

Чугунова Н.В., Белгород **Ошибка! Закладка не определена.**

Воспроизводство населения в Белгородской области: прошлое, настоящее, возможное будущее **Ошибка! Закладка не определена.**

Эдиев Д.М., Черкесск **Ошибка! Закладка не определена.**

Прикладная математика и демографическое образование в 21 веке **Ошибка! Закладка не определена.**

Полетаев Д.В., Москва **Ошибка! Закладка не определена.**

Демографическое образование для мигрантов в СНГ: возможности, реальность и перспективы. **Ошибка! Закладка не определена.**

Minko Minkov, Bulgaria **Ошибка! Закладка не определена.**

Demographic Education on Integral System of Social- Demographic Statistic..... **Ошибка! Закладка не определена.**

Roumjana Modeva, Bulgaria **Ошибка! Закладка не определена.**

Development of the population in Bulgaria in the new conditions of the society: meaning, problems and trends **Ошибка! Закладка не определена.**

Mariela Todorova, Bulgaria **Ошибка! Закладка не определена.**

Demographic policy connected with the natural development of the population in the new reality: characteristic and perspectives... **Ошибка! Закладка не определена.**

Zdeněk Pavlic, Czech Republic **Ошибка! Закладка не определена.**

Population Development and Demographic Education in the East European Countries **Ошибка! Закладка не определена.**

Etelka Daróczy, Hungary **Ошибка! Закладка не определена.**

Towards Equivalence in Demography Curricula **Ошибка! Закладка не определена.**

Teaching of demography in Latvia **Ошибка! Закладка не определена.**

Jerzy T. Kowaleski, Piotr Szukalski, Poland **Ошибка! Закладка не определена.**

Teaching demography at Polish higher learning institutions: the case of the University of Łódź (Faculty of Sociology and Economics) **Ошибка! Закладка не определена.**

Топилин А.В., Москва **Ошибка! Закладка не определена.**

Проблемы развития населения стран СНГ — нужны совместные усилия для их решения.....**Ошибка! Закладка не определена.**

Абулкасова Д.Б., Уральск, Казахстан **Ошибка!**
Закладка не определена.

Миграция в Республике Казахстан и ее правовое регулирование**Ошибка! Закладка не определена.**

Гиззатова А.И., Уральск, Казахстан .. **Ошибка!**
Закладка не определена.

Роль демографического фактора в социально-экономическом развитии региона
.....**Ошибка! Закладка не определена.**

Есимова А. Б., Шымкент, Казахстан .. **Ошибка!**
Закладка не определена.

Политико-правовой аспект миграционных процессов в республике казахстан..... **Ошибка!**
Закладка не определена.

Литература . **Ошибка! Закладка не определена.**

Проблемы и перспективы развития демографического образования в Кыргызстане
.....**Ошибка! Закладка не определена.**

Матей К.Г., Кишинев, Молдова **Ошибка!**
Закладка не определена.

Современные особенности демографического развития Республики Молдова**Ошибка! Закладка не определена.**

Мустафиева А.Т., Уральск, Казахстан **Ошибка!**
Закладка не определена.

Влияние земельных отношений на демографическую ситуацию в сельской местности**Ошибка! Закладка не определена.**

Полетаев Д.В., Москва**Ошибка! Закладка не определена.**

Демографическое образование для мигрантов в СНГ: возможности, реальность и

перспективы. **Ошибка!** **Закладка** **не**
определена.

Прибыткова И.М., Киев, Украина..... Ошибка!
Закладка не определена.

Развитие населения и демографическое образование в Украине **Ошибка!** **Закладка не определена.**

Литература ... Ошибка! Закладка не определена.

Садовый Е.М., Киев, Украина..... Ошибка!
Закладка не определена.

О полезности обратной связи в преподавании курса демографии **Ошибка!**
Закладка не определена.

Сахвадзе А.Ш., Тбилиси. Грузия Ошибка!
Закладка не определена.

Демографическое образование в Грузии (история и современность) **Ошибка!** **Закладка не определена.**

Хомра А.У., Киев, Украина..... Ошибка!
Закладка не определена.

Депопуляция, демографический кризис и демографическая безопасность как предмет изучения и преподавания **Ошибка!** **Закладка не определена.**

Литература **Ошибка!** **Закладка** **не**
определена.

Шахотько Л. П., Минск, Беларусь..... Ошибка!
Закладка не определена.

Развитие населения и современные тенденции в демографическом образовании в Беларуси..... **Ошибка!** **Закладка не определена.**

Шотбакова Л.К., Аймагамбетова Г.Т., Зимовина Е.П., Капышев А.К., Смагулова Г.М., Смагулов Н.К., Караганда, Казахстан..... Ошибка!
Закладка не определена.

Проект стандарта по специальности «Демография и история» для вузов республики Казахстан обоснование и основные положения
.....**Ошибка! Закладка не определена.**

Баженова Е.С., Москва**Ошибка! Закладка не определена.**

Демографическое образование как один из факторов успешного осуществления политики народонаселения в КНР**Ошибка! Закладка не определена.**

Nicholas V. Barkalov, USA**Ошибка! Закладка не определена.**

New Features of demographic data and present problems in teaching demographic analysis to Russian university students**Ошибка! Закладка не определена.**

Nicholas V. Barkalov (Баркалов Н.Б.), США **Ошибка! Закладка не определена.**

Новые качества и новые источники демографических данных**Ошибка! Закладка не определена.**

Alanur Cavlin Vozbeyoglu, Turkey **Ошибка! Закладка не определена.**

36 Years Of Demography At Hacettepe University, Ankara, Turkey**Ошибка! Закладка не определена.**